This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

SlaV
4346
7. 3

ИЗЪ БИБЛ

Harvard Colleg

BOUGHT WITH
RECEIVED FRO
SALE OF DUPL

Digitized by Google

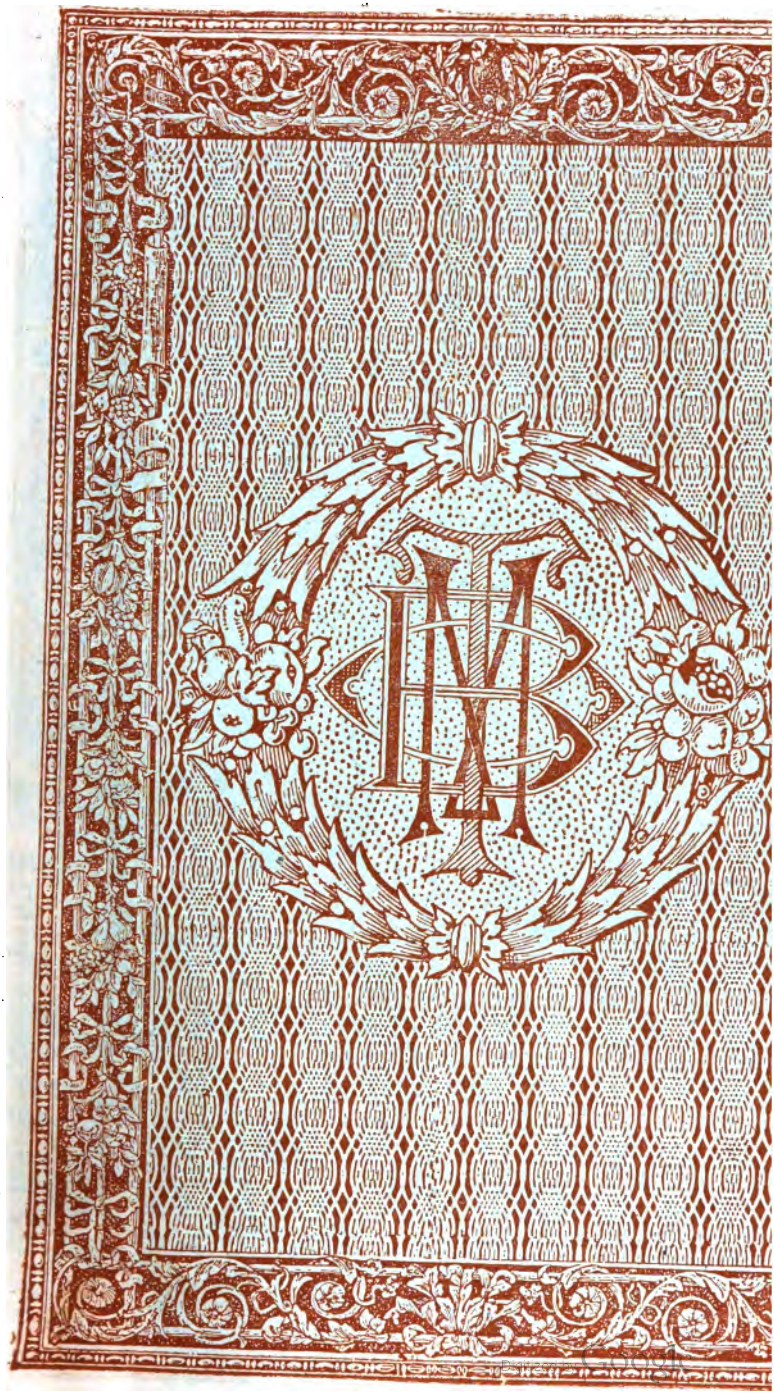
3 2044
Digitized by Google

Slav
4346
7. 3

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES



Printed in Soviet Union

Digitized by Google

БЕЗПЛАТНОЕ
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
* НОВЫЙ МІРЪ *

* БИБЛІОТЕКА *
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
* КНИГА VI * 1899 ГОДЪ. *

Digitized by Google

по.

І. И. Л

Digitized by Google

ВА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

Ь

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1899

Digitized by Google

Slav 4346.7.3

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1938

Дозволено цензурою. Спб. 20-го марта 1890 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕ́РВАЯ

ИСПОВѢДЬ ДРУЖБЫ

И страшенъ день, и ночь страшна,
И тѣни гробовыя...
Онъ всюду слышитъ грозный вой:
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
И сонъ забыли очи...
Жуковскій.

Мы оставили русскихъ на маршѣ отъ пепелища розенгофскаго форпоста къ Сагницу. Нѣмой, какъ мы сказали, служилъ имъ вожатымъ. Горы, по которымъ они шли, были такъ высоки, что лошади, съ тяжестями, взбираясь на нихъ (употреблю простонародное [illegible]енія), вытягивались, какъ прутъ, а спалзывая съ [illegible], едва не свертывались въ клубокъ. Вѣковые [illegible]енскіе лѣса пробудились тысячами отголосковъ; [illegible]авшіе въ нихъ звѣрки, испуганные необыкновен[illegible]евогой, бѣжали, сами не зная куда, и попадали [illegible] толпы солдатъ.

Digitized by Google

Нѣмой, ведя русскихъ,—потому что приказано ему было вести ихъ,—горевалъ при мысли, затѣмъ такое множество людей идетъ на убой себѣ подобныхъ. Но когда передовой отрядъ, при которомъ онъ находился, ворвался въ корчмы, одиноко стоявшія въ Анценскомъ лѣсу и служившія шведамъ отводными караульнями; когда раздались въ нихъ вопли умиравшихъ или просившихъ пощады, онъ плакалъ, стоналъ, бросался въ ноги къ русскимъ начальникамъ, обнималъ ихъ колѣна и разными краснорѣчивыми движеніями молилъ о жизни для несчастныхъ, или грозилъ, въ противномъ случаѣ, бѣжать и оставить войско безъ проводника. Ему возражали, что его самого убьютъ за побѣгъ, а онъ—обнажалъ грудь свою. Такимъ трогательнымъ и смѣлымъ посредничествомъ спасена жизнь нѣсколькимъ шведскимъ солдатамъ, застигнутымъ ночью въ корчмахъ. Немногіе изъ нихъ успѣли выпрыгнуть изъ оконъ и разбѣжаться по лѣсамъ. Страхъ придалъ легкость ногамъ ихъ и предупредилъ русскихъ въ Сагницѣ.

Надо сказать, что эта мыза упирается къ западу въ гору, довольно далеко протягивающуюся, къ сѣверо-востоку смотритъ на ровныя поля, а на югѣ обогнута болотомъ, на которомъ ржавѣла еще въ недавнее время осадка потопныхъ водъ. Нынѣ, когда человѣкъ неутомимо заставляетъ всѣ стихіи служить себѣ, онъ выжалъ эти воды, отвелъ имъ пути, да выйдутъ изъ нихъ, и въ первобытномъ, холодномъ ихъ ложѣ добываетъ огонь для своихъ очаговъ и новые источники богатства. Пирамиды и квадраты земляного угля веселятъ взоры тамъ, гдѣ, бывало, самое легкое животное не смѣло поставить ноги своей. Въ то время, которое описываю, была устроена по болоту [illegible] бревенчатая гать, такая удобная и покойная, что ѣ по ней можно было сравнить развѣ съ рѣчью зи[illegible] По этой-то дорогѣ утромъ, 16-го іюля, въ безпо[illegible]

Digitized by Google

тянулся къ Платору шведскій отрядъ, испуганный вѣстію о приближеніи нечаянныхъ гостей. Отважиться на неравный бой нельзя было и думать. Начальникъ отряда рѣшился, въ ожиданіи извѣстій отъ Шлиппенбаха, перебраться въ добромъ здоровьѣ за Платоръ, разрушить тамъ переправу, потомъ разрубить мостъ на Эмбахѣ и тѣмъ задержать, хотя на нѣсколько часовъ, ужасную лаву, втекающую съ такою быстротой въ Лифляндію. Но едва успѣлъ онъ вывесть на гать огромнѣйшій обозъ съ тяжестями, какъ показались у Сагницкой кирки татарскія шапки. Чтобы спасти отрядъ отъ пораженія, оставалось бросить обозъ и тѣмъ заградить непріятелю единственную за собою дорогу. Такъ и сдѣлано.

Русскій военачальникъ, не видя возможности немедленно начать боевой переговоръ съ непріятелемъ и желая дать отдыхъ войску, утомленному труднымъ переходомъ и приготовить его къ рѣшительному сраженію, развернулъ многочисленныя свои силы по пространству поля, какъ искусный игрокъ колоду картъ по зеленому столу. Между тѣмъ выслалъ значительные отряды, чтобы занять мызу, осмотрѣть около нея всѣ мышьи норки, очистить дорогу черезъ болото и тѣмъ установить сообщеніе съ непріятелемъ.

Крики торжества раздавались при расхищеніи обоза и мызы. Они отдались въ станѣ, и тогда ничто не могло удержать войска, въ немъ оставшагося. Какъ при видѣ жертвы срываются гончіе псы со своихъ своръ, такъ понеслись на добычу разнородныя тысячи, худо знакомыя съ дисциплиною. Въ нѣсколько ъ весь обозъ разбитъ; а тамъ, гдѣ стояла богаыза, возвышались однѣ безобразныя трубы, какъ жарищѣ, хотя она и не горѣла. За то многіе, ивая другъ у друга лучшіе кусочки, иные изъ-за ой вещи, сталкивали и увлекали другъ друга

Digitized by Google

съ тѣсной гати въ трясину, гдѣ усилія вырваться изъ нея еще болѣе въ нее погружали. Добычникъ и добыча, нападавшій и защищавшійся, равно погибали. Видъ торчащихъ изъ болота рукъ, ногъ и головъ, ужасъ и безобразіе смерти на лицахъ утопленниковъ, самая жизнь, бѣснующаяся въ иступленіи страстей, вопли радости, ругательства борющихся, хохотъ побѣды, — все соединилось, чтобы составить изъ этого грабежа адскій пиръ. Съ трудомъ могли высшіе начальники унять его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры сами подали примѣръ безпорядка. Изъ числа попавшихся въ трясину немногіе вытащены изъ нея христіанскимъ состраданіемъ товарищей.

День прошелъ въ отдохновеніи. Въ станѣ молились, пировали, пѣли пѣсни, мѣняли и продавали добычу. Офицеры разбирали по рукамъ плѣнниковъ и плѣнницъ, назначали ихъ въ подарокъ родственникамъ и друзьямъ, въ Россіи находившимся, или тутъ же передавали, подобно ходячей монетѣ, однокорытникамъ, для которыхъ не было ничего завѣтнаго.

Къ вечеру прибылъ въ станъ и Паткуль, безъ носа,—разумѣю, — краснаго, и безъ горба, разбросанныхъ имъ по дорогѣ; но, взамѣнъ, съ планомъ гуммельсгофскихъ окрестностей и съ новыми средствами для мщенія. Съ нимъ прибыло лицо, новое для русскихъ—вѣрный служитель, Фрицъ, а вслѣдъ за тѣмъ прикатила на своей телѣжкѣ маркитантша Ильза. Она отлучалась на цѣлыя сутки изъ войска Шереметева для развоза вѣстей, которыя нужно было Паткулю распустить по Лифляндіи. Многихъ въ это время заставила она горевать по себѣ.

Нынѣшній день она не въ обыкновенномъ своемъ духѣ; она грустна и не можетъ скрыть своей грусти. Ее не утѣшаютъ подарки, отдѣленные для нея изъ военныхъ трофеевъ. Рингенъ и месть—одни въ сердцѣ

Digitized by Google

ея. Она льетъ вино черезъ край мѣрки, забываетъ брать деньги, ей слѣдующія, или требуетъ ужъ заплаченныхъ, отвѣчаетъ несвязно на вопросы, часто вздрагиваетъ, говоритъ сама съ собою вслухъ непонятныя рѣчи и безъ причины хохочетъ. Только Мурзенкѣ старается она особенно угодить: ухаживаетъ за нимъ, какъ нѣжная дочь; готова отдать ему даромъ все, что имѣетъ на своей походной телѣжкѣ. И не мудрено: Мурзенко навѣрно будетъ первый въ Рингенѣ.

Ночь на 17-е—послѣдняя для многихъ въ русскомъ и шведскомъ войскахъ. Какъ тяжелый свинецъ, пали на грудь иныхъ смутныя видѣнія; другіе спали крѣпко и сладко за нѣсколько часовъ до борьбы съ вѣчнымъ сномъ. Умъ, страсти, честь, страхъ царскаго гнѣва, надежда на Государевы милости, повременамъ, любовь къ отечеству работали въ душѣ вождей.

Было гораздо за полночь. Пѣтухи, уцѣлѣвшіе на развалинахъ Сагница, уже въ третій разъ перекликались съ ночными стражами въ русскомъ станѣ. Въ шатрѣ полковника Семена Ивановича Кропотова свѣтился огонекъ. Грустный, измученный душевными страданіями и безсонницею, онъ сидѣлъ, согнувшись, на соломенномъ ложѣ. Черный, пышный парикъ былъ снятъ съ головы, и на обнаженной головѣ вѣтеръ, врывавшійся повременамъ въ палатку, шевелилъ два серебряные локона, какъ изсохшія былія на могильномъ черепѣ. Передъ нимъ на колѣняхъ лежала доска съ листомъ бумаги (недавнимъ указомъ запрещено было употреблять столпцы): это было духовное завѣщаніе. На краю его дописывалъ онъ послѣднія строки. Крупныя капли падали изъ помутившихся глазъ его. Нерѣдко ваемый въ своемъ занятіи вѣтеркомъ, силившимся ить огарокъ, освѣщавшій его трудъ, онъ охра-ожащею рукою огонекъ. Кончивъ свой трудъ, онъ долго смотрѣлъ онъ съ какою-то заботли-

Digitized by Google

востію на Полуектова, спавшаго крѣпкимъ сномъ въ одной съ нимъ палаткѣ. Вдругъ, послѣдній, вздрогнувъ, приподнялся съ своего ложа, осмотрѣлся кругомъ и спросилъ товарища: «онъ-ли его спрашивалъ и что ему надобно?»

— Сердце мое спрашивало тебя, — отвѣчалъ Кропотовъ, творя крестное знаменіе,—но голоса я не давалъ.

— Странно!—сказалъ Полуектовъ, тоже крестясь,— меня кто-то во снѣ толкнулъ подъ бокъ тихонько, въ другой разъ шибче, въ третій еще сильнѣе, у самаго сердца, и проговорилъ довольно внятно: «Встань... друга рѣжутъ шведы... поспѣши къ нему на помощь. Слышишь? Онъ зоветъ тебя». Но какой ты блѣдный, Семенъ Ивановичъ! Опять-таки всю ночь не спалъ и опять что-то писалъ!

— Навѣрно голосъ, тебя звавшій, былъ голосъ моего ангела-хранителя. Да, сонъ твой не ложивъ: рѣжутъ меня только не шведы,—собственные мои грѣхи. Помоги. Время для меня дорого. Скоро забѣлѣетъ утро, можетъ статься, послѣднее въ жизни моей... и нашей бесѣдѣ могутъ помѣшать.

— Что затѣялъ ты новаго, безразсудный? Мученикъ своихъ черныхъ думъ, ты вездѣ видишь смерть или бѣды. Чего добраго, накличешь ихъ.

— И та и другія идутъ безъ зова, Нижита Ивановичъ! Дни наши въ руцѣ Божіей: ни одной іоты не прибавимъ къ нимъ, когда они сочтены. Вѣрь, и моему земному житію предѣлъ близокъ: сердце вѣщунъ, не обманщикъ. Лучше умереть, чѣмъ замирать всечасно. Вчера я исповѣдался отцу духовному и сподобился причаститься Святыхъ Таинъ; нынѣ, если благословитъ Господь, исполню еще этотъ долгъ христіанскій. Теперь хочу открыть тебѣ душу свою. Ты меня давно знаешь, другъ, но знаешь-ли, какой тяжкій грѣхъ лежитъ на ней?

Digitized by Google

Полуектовъ молчалъ.

— Нѣтъ, никакими страданіями, никакими молитвами не искуплю своего преступленія! Какъ тяжелый камень, лежитъ оно на сердцѣ моемъ, давитъ мнѣ грудь, не даетъ на мигъ вздохнуть свободно.

— Искупитель простилъ и разбойника, а ты...

— Хуже его! Вѣдай, я погубилъ свое родное дѣтище.

— Не можетъ статься, Семенъ Ивановичъ! Ты не въ своемъ умѣ; тьг клеплешь на себя напраслину.

— Нѣтъ, другъ, воистину говорю тебѣ, какъ духовнику своему: я погубилъ свое дѣтище, и за это наказалъ меня Богъ. Изъ многочисленнаго семейства не осталось у меня никого на утѣшеніе въ старости и по смерти на поминъ души.

Онъ вынулъ письмо изъ кожаной сумочки, висѣвшей у него на груди вмѣстѣ съ крестомъ, дрожащими руками подалъ письмо Полуектову и произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Этотъ подарокъ пришелъ ко мнѣ третьяго дня вечеромъ отъ старушки жены изъ Москвы; прочти и суди, могъ-ли я вчера утромъ быть половинщикомъ въ вашемъ веселіи?

Полуектовъ читалъ посланіе съ какимъ-то внутреннимъ, судорожнымъ чувствомъ; видно было, что онъ снѣдалъ грусть свою.

— Послѣдняго! — произнесъ Кропотовъ голосомъ отчаянной скорби,—хоть бы одного Господь оставилъ,— не мнѣ,—престарѣлой матери опорою и кормильцемъ. Но... прости мнѣ, Боже мой! Мнѣ-ль роптать на Тебя, ченное Милосердіе? Ты наказываешь меня.

Послѣдняго!—певторилъ Полуектовъ, качая го- Слезы заструились по щекамъ его.—И мой приразумный крестничекъ, Сеня!.. А мы ждали на смѣну отцу!

Digitized by Google

— Онъ служитъ теперь Царю небесному.

— Велико Твое испытаніе, Господи! Наслалъ Ты тяжкія раны на сердце моего добраго Кропотова.

— Вѣдомо тебѣ, что двухъ еще прежде взялъ Онъ самъ, Тотъ, кому владыки земные противиться не могутъ. Но ты не знаешь: у меня былъ четвертый — и того я самъ погубилъ. Я... продалъ его! Ты смотришь на меня съ удивленіемъ и ужасомъ, ты не вѣришь, чтобы христіанинъ могъ продавать свое родное дѣтище? Но это было такъ!.. Передъ тобой торгашъ своими кровными — этотъ вашъ, вчерашній вѣрный слуга царскій, добрый, нѣжный отецъ, православный христіанинъ! Ты все глядишь на меня и сомнѣваешься какъ могла земля до сего времени носить такое чудовище? Да, меня носила она, какъ мать мертваго, гнилого младенца во чревѣ, пока ей не пришло время разрѣшиться отъ мерзостнаго бремени. — За сколько, думаешь, продалъ я его?.. Нѣтъ, не скажу, не смѣю сказать; ты на бумагѣ (онъ указалъ на листъ) лучше все увидишь. О! эти таланты достались мнѣ дорого, какъ Іудѣ предателю! А вѣдаешь-ли, кому я продалъ свое дѣтище? — Коварной Софіи Алексѣевнѣ! Отъ нея перешелъ онъ къ отступнику православной вѣры, князю Мышитскому, а отъ него прямо — къ палачу. Какъ они всѣ пѣстовали его, какъ лелѣяли!

— Успокойся, другъ! Ты съ горя мѣшаешься въ умѣ.

— Нѣтъ, я въ полномъ умѣ, я говорю тебѣ правду. Знавалъ-ли ты послѣдняго Новика?

— Мало, но знавалъ.

— Кто онъ такой былъ?

Полуектовъ молчалъ.

— А! и этого ты не знаешь? Послѣдній Новикъ, воспитанный царевною Софіею, умершій на плахѣ — сынъ мой.

Digitized by Google

— Я это слыхалъ, но не вѣрилъ...

— Знаю, не ты одинъ слышалъ и не вѣрилъ! Такого чудовища на Руси, какъ я, не было и не будетъ. Диво-ли, что вѣру не имѣли къ этимъ слухамъ? Такъ знай же: послѣдній Новикъ былъ сынъ, законный сынъ, русскаго боярина, Семена, Иванова по отцѣ, Кропотова.

Вдругъ мутные глаза Кропотова неподвижно уставились противъ входа въ палатку.

— Видишь? — вскрикнулъ онъ, — голова моего несчастнаго сына и теперь виситъ на перекладинѣ; видишь, какъ съ нея каплетъ кровь преступника!..

Трясясь, закрылъ онъ глаза руками и упалъ на солому.

Ординанцъ [1]) вошелъ въ это время въ палатку и доложилъ Полуектову, что его требуетъ къ себѣ фельдмаршалъ. Получивъ отвѣтъ, онъ вышелъ.

— Горе помутило твой разумъ,—сказалъ Полуектовъ, поднимая своего товарища, — голова *ординанца* показалась тебѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ. Успокойся; отчаніе —величайшій изъ грѣховъ. Кто вѣдаетъ? Можетъ статься, обманъ... тайна...

— Обманъ! тайна!.. Какая тутъ тайна? Не воры же ночью ихъ унесли. Господь, самъ Господь двухъ положилъ передъ глазами матери ихъ: мать не могла же ошибиться съ своихъ дѣтищахъ. Обманъ!.. Ге! что ты мнѣ говоришь, Никита Ивановичъ? Она сама обмывала ихъ тѣла, укладывала въ гробы, опускала въ землю. Правда, четвертый былъ тайна для многихъ; [illegible]ого обезглавленный трупъ мать узнала и сама [illegible]нила.

[illegible]спокойся... хоть ради Христа Спасителя, по[illegible]аго за наши грѣхи.

[illegible]нарецъ, вѣстовой

Digitized by Google

Полуектовъ одѣлся.

— Я совсѣмъ одѣтъ и иду,—сказалъ онъ,—фельдмаршалъ требуетъ меня къ себѣ. Можетъ статься, пошлютъ меня въ передовые. Ты просилъ меня о чемъ-то?

При этихъ словахъ Кропотовъ очнулся: онъ посмотрѣлъ на друга съ сожалѣніемъ, будто хотѣлъ сказать: «зачѣмъ шлютъ тебя?» Потомъ взялъ бумагу, которую писалъ, сложилъ ее бережно, перекрестился и, отдавая ее Полуектову, примолвилъ:

— Возьми это духовное завѣщаніе, и если меня не станетъ, будь хоть ты моей старушкѣ кормильцемъ и сыномъ, будь поминьщикъ по душамъ нашимъ.

Полуектовъ взялъ бумагу, спряталъ ее осторожно въ боковой карманъ мундира, помолился передъ мѣдною иконою, висѣвшею въ углу палатки, прижалъ друга къ сердцу, еще крѣпко прижалъ его, и—оба заплакали. Семенъ Ивановичъ надѣлъ епанчу и проводилъ друга за шатеръ.

Заря уже разыгрывалась по небосклону.

— Посмотри,—сказалъ Полуектовъ,—какъ хорошъ Божій міръ!

— Хорошъ таковъ, какимъ Господь его создалъ, а не таковъ, какимъ сдѣлали его грѣхи наши,—отвѣчалъ Кропотовъ, вздыхая.

Друзья обнялись еще разъ и молча простились. Полуектовъ отправился къ фельдмаршалу, и не возвращался болѣе въ шатеръ свой. Дѣйствительно, онъ былъ назначенъ въ авангардъ. Семенъ Ивановичъ съ какимъ-то предчувствіемъ проводилъ его глазами по дорогѣ въ Платоръ, и послалъ за своимъ духовникомъ.

Черезъ полчаса по всей арміи затрубили побу
барабанный бой прекратился по всѣмъ линіямъ,
50-тысячное русское войско, помолясь Отцу всеобі

Digitized by Google

и вкусивъ насущнаго хлѣба, тронулось и загремѣло по гати. Знамена развѣялись; гобой, трубы, литавры и фаготы зазычали, и пѣсни, съ которыми русскій идетъ на веселье и на горе, на торжество и на смерть, раздались по полкамъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ

БИТВА ПОДЪ ГУММЕЛЬСГОФОМЪ

Кому-то пасть?...
Пушкинъ.

Какъ прекрасно встало солнце 17-го іюля! Будто послѣ сна расправился этотъ небесный великанъ: первый лучъ его, какъ блестящій клинокъ меча, устлался по ровной, широкой лощинѣ, простирающейся на нѣсколько верстъ отъ Эмбаха до Гуммельсгофа, и освѣтилъ поставленные уступами шведскіе полки. Едва насчитывается въ нихъ до 14 тысячъ. Переправу у Эмбаха охраняетъ небольшой отрядъ. Всѣ они съ безстрашною душою готовы встрѣтить непріятеля, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго числомъ. Духъ ихъ окрыляютъ имя воиновъ Карла, вездѣ побѣдителя, народная и личная честь, чувство преимущества выгодной позиціи и воинскаго искусства, мщеніе за смерть братьевъ, зарѣзанныхъ на розенгофскомъ форпостѣ, и видъ родныхъ жилищъ, откуда дѣти, отцы, жены просятъ не выдавать ихъ мечу или плѣну татарскому.

Лощина къ Гуммельсгофу кажется высохшимъ русломъ широкой рѣки: по обѣимъ ея сторонамъ, въ прямомъ направленіи отъ Эмбаха, тянутся возвышенія, какъ берега. Правое возвышеніе круто, ощетинилось

Digitized by Google

мрачнымъ лѣсомъ и оканчивается холмами, на которыхъ ель рѣдко и нехотя растетъ; лѣвое отлого, усѣяно небольшими, пріятными рощами, оканчивается боромъ и примыкаетъ къ горѣ, довольно высокой и, какъ ладонь, обнаженной. На ней стоитъ полуразрушенная мельница. Природа и искусство сильно укрѣпили ее: орудія обглядываютъ съ нея лощину и выжидаютъ оттуда своихъ жертвъ. О нее должны опираться всѣ шведскія силы: это палладіумъ ихъ чести и благоденствія. Потеря ея есть потеря всего войска, гибель цѣлой Лифляндіи.

Къ подошвѣ горы прислонилась мыза Гуммельсгофъ. Все на ней спокойно: экономка выдаетъ по прежнему кормъ для куръ, чухонецъ въ углу двора безпечно долбитъ горбушку хлѣба, начиненную масломъ; по прежнему дымокъ, вѣстникъ человѣческихъ заботъ о жизни, вьется изъ трубъ. Ни одного солдата не видно на мызѣ.

Глубокая, тяжелая тишина царствуетъ въ рядахъ, какъ будто самъ Богъ налегъ на нихъ своимъ таинственнымъ всемогуществомъ. Войско въ томительномъ ожиданіи перваго выстрѣла; и вотъ... онъ раздался за Эмбахомъ! Офицеры и рядовые невольно содрогнулись и сняли шляпы. Въ это время подъѣхалъ къ нимъ Шлиппенбахъ. Онъ кажется, переродился и выросъ: въ немъ нельзя узнать маленькаго, крикливаго хлопотуна и полухитреца праздника баронессы. Духъ геройства говоритъ въ его глазахъ, въ рѣчи и каждомъ движеніи.

— Дѣти!—восклицаетъ онъ, обращаясь къ войску,— товарищи начали побѣду; мы докончимъ ее. Съ чѣмъ имѣемъ нынѣ дѣло? Съ татарами, калмыками и, уй, съ московитами, которые мало чѣмъ поэнѣе ихъ. Много ихъ, говорятъ. Эка бѣда! тѣмъ выроемъ яму для нихъ въ память будущимъ

Digitized by Google

вѣкамъ, чтобы незванные гости не совались въ Лифляндію. Вспомните, какъ мы ощипали эту сволочь подъ Нарвою: тогда еще не было намъ гдѣ развернуться, а теперь лихое раздолье штыку и палашу. Не забывать: по лощинѣ каре и каре—стоять плотно, дружно, какъ ефесъ при клинкѣ, какъ голова при тѣлѣ. Въ рощахъ засѣли наши стрѣлки: по затылку выскочекъ пощелкаютъ орѣшки. Драгуны-молодцы! хе, хе, хе! прошу васъ, битаго мяса изъ московитскихъ быковъ!... Знайте, на васъ смотритъ его величество Карлъ въ слуховое окошко изъ Варшавы, и проситъ васъ потѣшить его геройское сердце. Да здравствуетъ король!

Всѣ отвѣчаютъ генералъ-вахтмейстеру радостнымъ крикомъ:

— Да здравствуетъ король.

— Не худо бы,—сказалъ одинъ полковникъ, — поставить отрядъ на пекгофской дорогѣ для наблюденія за нею.

— Пустяки! Московиты ломятъ всегда прямо и не умѣютъ пользоваться извилинами: я знаю ихъ хорошо!—вскричалъ Шлиппенбахъ, и видя, что другой полковникъ хотѣлъ что-то представить ему, махнулъ съ нетерпѣніемъ рукой и поскакалъ впередъ.

Въ свитѣ генералъ-вахтмейстера находится Вольдемаръ изъ Выборга. Нынѣшній день онъ въ шведскомъ мундирѣ, на конѣ и съ оружіемъ. Генералъ, шутя, называетъ его своимъ *лейбшицомъ* [1]). Вольдемаръ усмѣхается на это привѣтствіе, и въ черныхъ глазахъ его горитъ дикій пламень, какъ у волка на добычу въ темную ночь.

Калмыки, башкирцы и казаки первые прискакали съ ужаснымъ крикомъ на правый берегъ Эмбаха,

---

[1]) Тѣлохранитель, оберегательный стрѣлокъ или деньщикъ (см. *Воинскій Уставъ*).

Digitized by Google

обсѣяли его и первые закусили смертную закуску, посланную имъ съ лѣваго берега. Толпы валятся, какъ муравьи, облитые кипяткомъ. Несмотря на эту встрѣчу, азіятскіе наѣздники бросаются съ конями въ рѣку, десятками гибнутъ въ ней, румяня ея воды, и сотнями переплываютъ ее въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь шведскіе стрѣлки встрѣчаютъ ихъ и ссаживаютъ съ коней мѣткимъ свинцомъ и удалымъ штыкомъ. Но бой, каковъ ни есть, уже завязался на лѣвомъ берегу и этого довольно, чтобы русскимъ укрѣпиться на правомъ. Пушки ихъ на немъ разставлены; драгуны спѣшились и посылаютъ шведамъ свои посылки на разрѣшеніе; знамена вѣютъ по воздуху; литаврщикъ въ своей колясочкѣ бьетъ переправу; плотники съ топорами и кирками стоятъ на зубьяхъ разрушеннаго моста; работа кипитъ подъ тучею пуль и картечи; перекладины утверждены; драгуны перебираются по этому смертному переходу, и — *пассъ* Эмбаха завоеванъ. Честь этого подвига принадлежитъ Мурзенкѣ и Полуектову. Нѣсколько сотенъ казаковъ гарцуютъ уже позади шведскаго полка, оставленнаго на защиту пасса. Шведы, не въ состояніи будучи противиться силамъ непріятеля, безпрестанно возрастающимъ, какъ головы гидры, и сдѣлавъ уже свое дѣло, образуютъ каре и, среди непріятеля, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающаго, отступаютъ медленно, какъ бы на ученьѣ. Это — движущаяся твердыня: усилія тысячей конныхъ татаръ не могутъ поколебать ее. Полуектовъ остается на лѣвомъ берегу, пока не наведенъ мостъ и не пере-
...ы черезъ него регулярная конница, артиллерія
...сти его отряда. Но башкирскія, татарскія и
... толпы, ободренныя отступленіемъ непріятеля,
...дуютъ его, вьются и жужжатъ около него своими
...ми и пулями, какъ рои оводовъ. Уже Гуммель-
... виду. Баталіонъ останавливается, укрѣпляется

Digitized by Google

на одномъ мѣстѣ и на смертномъ разстояніи обдаетъ огнемъ нестройныя толпы. Вмѣстѣ съ этимъ выстрѣломъ текутъ съ обоихъ возвышеній эскадроны шведскіе и опутываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Куда ни обернутся азіатскіе всадники, вездѣ грозитъ имъ погибель. Одно мужество казаковъ поддерживаетъ еще сѣчу; но искусство шведовъ одолѣваетъ. Пораженіе ужасно. Все что можетъ избѣгнуть огня и меча шведскаго, спасается бѣгствомъ. Полуектовъ съ своимъ полкомъ и нѣсколькими орудіями спѣшитъ на помощь; за нимъ вслѣдъ и Кропотовъ; имъ навстрѣчу толпы бѣгущихъ; свои сшиблись со своими, смяли ихъ и внесли между нихъ на плечахъ ужасъ и торжествующаго непріятеля. Всѣ связи между русскими порваны: голоса начальниковъ не слушаются, начальники сражаются, какъ рядовые; пушкари бросаютъ свои пушки, знамена отданы, и тамъ, гдѣ еще вѣютъ по воздуху два изъ нихъ, защищаютъ ихъ лично съ своими лейбшицами Кропотовъ и Полуектовъ. Ни одинъ изъ нихъ не бѣжитъ отъ вѣрной смерти. Первый, кажется, ищетъ ее. Наконецъ, весь израненный, онъ обхватываетъ древко знамени и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ на землю, произнося имя друга, Новика и Бога. Шведы даютъ знакъ Полуектову, чтобы онъ сдался въ плѣнъ.

— Не отдамся живой; не разстанусь съ тобою, Семенъ Ивановичъ! — восклицаетъ онъ, отправляя на тотъ свѣтъ нѣсколькихъ переговорщиковъ о плѣнѣ. Утомленный, истекая кровью, онъ споритъ еще съ двумя палашами, и, наконецъ, разрубленный ими, отдаетъ жизнь Богу.

Фельдмаршалъ устроивалъ тогда переправу въ трехъ мѣстахъ и, по вызову Паткуля, отряжалъ его въ обходъ черезъ мрачныя лѣса Пекгофа (гдѣ черезъ столѣтіе долженъ былъ покоиться прахъ одного изъ великихъ соотечественниковъ его и полководцевъ Рос-

Digitized by Google

сіи [1]). Узнавъ о пораженіи своихъ, Шереметевъ посылаетъ имъ въ помощь конные полки Фонъ-Вердена и Боура. Они силятся нѣсколько времени посчитаться съ непріятелемъ; но, видя, что мѣна невыгодна для нихъ, со стыдомъ *ретируются*. «Тутъ надобно бы горячаго князя Вадбольскаго», говоритъ Фонъ-Верденъ своему товарищу, завернувшись въ епанчу и навастривая лыжи. Вадбольскій легокъ на поминѣ, гдѣ спрашиваютъ его долгъ и честь. Онъ летитъ съ полкомъ на встрѣчу торжествующему непріятелю. Мундиръ и камзолъ его на распашку: по мохнатой груди его мотается серебряный крестъ. Онъ пышетъ отъ досады; слезы готовы брызнуть изъ глазъ. «Стой!» кричитъ онъ львинымъ голосомъ, поровнявшись съ отступающими полками: «кто носитъ крестъ, стой, говорю вамъ! Или я велю душить васъ, какъ басурмановъ». Полки Фонъ-Вердена и Боура, безъ команды своихъ начальниковъ, останавливаются и оборачиваютъ коней. «Съ крестомъ и молитвою за мною, друзья» прибавляетъ Вадбольскій. Всѣ творятъ крестное знаменіе, и какъ будто оживленные благодатію, несутся за вождемъ, которому никто не имѣетъ силы противиться. Вѣра сильна въ душахъ простыхъ. Непріятель сдержанъ и вскорѣ бой возстановленъ. Вадбольскій творитъ чудеса и, какъ богатыри нашихъ сказокъ, «*гдѣ махнетъ рукой, тамъ вырубаетъ улицу, гдѣ повернется съ лошадью, тамъ площадь*». Конница непріятельская опозорена имъ: но то, что онъ выигрываетъ надъ нею, похищаетъ у него славная пѣхота шведская. И ему не устоять, [illegible] не приспѣетъ помощь!...

ъ это самое время пронесся голосъ въ рядахъ «Назадъ! назадъ! главная армія московитская въ обходъ отъ Пекгофа». Какое-то привидѣніе,

---

[illegible]чая-де-Толли.

Digitized by Google

высокое, страшное, окровавленное до ногъ, съ распущенными по плечамъ черными космами, на которыхъ запеклась кровь, пронеслось тогда-жъ по рядамъ на вороной лошади и вдругъ исчезло. Ужасное видѣніе! Слова его передаются отъ одного къ другому, вспоминаютъ, что говорилъ полковникъ генералъ-вахтмейстеру объ охраненіи пекгофской дороги — и страхъ, будто съ неба насланный, ростя ходитъ по полкамъ. Конница шведская колеблется. «Назадъ!» раздаются въ ней сотни голосовъ. — «Впередъ, братцы!» кричитъ Вадбольскій,—«за насъ Господь съ Его небесными силами». Дюмонъ, очутившись подлѣ него, мѣняется съ нимъ дружескимъ взглядомъ. Удары палаша русскаго учащены. Конница шведская показываетъ тылъ и обращена въ совершенное бѣгство. Тщетно стараются оба Траутфеттера [1]) ободрить ихъ: слова не дѣйствуютъ. Нѣсколькимъ солдатамъ, оставшимся около нихъ и сохранившимъ еще присутствіе духа, приказываютъ они стрѣлять по бѣгущимъ: ни что не можетъ остановить бѣгства. Окровавленное привидѣніе будто все еще гонитъ крикомъ: «назадъ!» Сами офицеры собственными лошадьми увлечены за общимъ, постыднымъ стремленіемъ. Между тѣмъ завязался бой у шведской пѣхоты съ тремя русскими пѣхотными полками, приспѣвшими на мѣсто сраженія. Ими предводительствуютъ Лима, Айгустовъ и фонъ-Швединъ. Лима указываетъ солдатамъ на Кропотова и, Полуектова, истоптанныхъ лошадиными копытами. «Врагамъ не ругаться долѣе тѣлами нашихъ полковниковъ!» кричитъ русская пѣхота и творитъ чудеса храбрости. Пѣхота шведская беретъ надъ ней верхъ искусствомъ. Лима убитъ; Айгустовъ тяжело раненъ. Но русская сила растетъ и растетъ, какъ морскія воды, идущія

[1]) По исторіи, это сдѣлалъ храбрый лейтенантъ Пеге.

Digitized by Google

въ приливъ. Дѣйствіями ея управляетъ уже самъ фельдмаршалъ.

Вадбольскій близко Гуммельсгофской горы. Преслѣдованіе непріятеля поручаетъ онъ Дюмону; самъ съ остатками своего полка спѣшивается. Жерла 20 пушекъ уставлены на его отрядъ и сыплютъ на него смерть. Вадбольскій невредимъ.

— Дѣти! — восклицаетъ онъ своимъ, — видите знамена на этой Содомской горѣ? Они наши родныя; на нихъ лики святыхъ заступниковъ нашихъ у престола Божія; имъ молились наши старики, дѣти, жены, отпуская насъ въ походъ. Попустимъ-ли псамъ ругаться надъ ними? Умремъ подъ святыми хоругвями или вырвемъ ихъ изъ поганыхъ рукъ, вынесемъ на святую Русь и поставимъ вмѣсто свѣчи во храмѣ Божіемъ.

Солдаты отвѣчаютъ ему:

— Не владѣть басурманамъ нашими угодниками. Укажи намъ только, батюшка, князь Василій Алексѣевичъ, куда идти.

— За мной, дѣти, со крестомъ и молитвою!—кричитъ Вадбольскій, и вноситъ остатки своего полка на середину горы.

На ней, у разрушенной мельницы, стоитъ Шлиппенбахъ, мрачный и грустный: онъ самъ управляетъ артиллеріею, этою послѣднею нитью, на которой еще держится судьба сраженія. Въ защиту горы осталась рота, не бывшая въ дѣлѣ; вся масса шведскаго войска въ бою или въ бѣгствѣ. Близъ него Вольдемаръ. Перемѣна успѣховъ сражающихся отливается на лицѣ ---- него: то губы его мертвѣютъ, холодный потъ лаетъ на лбу его, и онъ, кажется, коченѣетъ; ки его пышутъ огнемъ, радость блеститъ въ ъ и жизнь говоритъ въ каждомъ членѣ. Градъ и картечи, и вслѣдъ за тѣмъ холодное оружіе ютъ Вадбольскаго: ряды его рѣдѣютъ; онъ не-

Digitized by Google

вредимъ. Голосъ его все еще раздается, какъ труба звончатая.

— Я поклялся Кропотову похоронить его здѣсь, на этомъ мѣстѣ, будетъ его могила и моя, если меня убьютъ. Такъ-ли друзья?

— Пускай всѣхъ насъ положатъ съ тобою, батюшка! а что наше, того не отдадимъ живые! — кричатъ солдаты.

Въ жару рукопашной схватки онъ одинъ отшатнулся отъ своихъ; лейбшицы его убиты или перераненены. Трое шведовъ, одинъ за другимъ, нападаютъ на него. Могучимъ ударомъ валитъ онъ одного, какъ снопъ, другому зарубаетъ вѣчную память на челѣ; но отъ третьяго едва-ли можетъ оборониться. Потъ падаетъ съ лица его градомъ; мохнатая грудь орошена имъ такъ, что тяжелый крестъ липнетъ къ ней.

— Дѣти!—восклицаетъ онъ съ усиліемъ,—кто любитъ свою родную землю, тотъ подастъ мнѣ святое знамя; хоть умереть при немъ.

Слова его долетаютъ до Вольдемара: онъ оглядывается на знамена русскія, дрожитъ отъ изступленія, съ жадностью выхватываетъ изъ ноженъ свой палашъ, и смотритъ на него, какъ бы хочетъ увѣриться, что онъ въ его рукахъ. Глаза его накипѣли кровью! Шлиппенбахъ, пораженный дикими, изступленными взорами, отодвигается назадъ; но Вольдемару не до него. Онъ спрыгиваетъ съ лошади, бросаетъ ее, исторгаетъ изъ земли первое русское знамя, не охраняемое никѣмъ (даже шведскіе артиллеристы съ банниками принимаютъ участіе въ рукопашномъ боѣ), и въ нѣсколько мгновеній ока переносится къ сражающимся. Въ то самое время Вадбольскій падаетъ отъ изнеможенія силъ. Могучая рука шведа уже на него занесена. Рука Вольдемара предупредила ее: шведъ падаетъ

Digitized by Google

мертвый. Русское знамя водружено въ землю и развѣвается надъ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ.

— Друзья, братья мои! — восклицаетъ Вольдемаръ,—со мною! Еще одинъ ударъ, и все *наше!*

Въ голосѣ его, во взорѣ, въ движеніяхъ нельзя ошибиться: во всемъ отзывается его родина.

— Онъ рускій! онъ нашъ! — говоритъ Вадбольскій ослабѣвшимъ голосомъ, силясь приподняться съ земли; смотритъ на знамя со слезами радости, становится на колѣна и молится.

Въ этотъ самый мигъ прибѣгаетъ нѣсколько русскихъ солдатъ. Еще не успѣлъ Вадбольскій ихъ остеречь, какъ одинъ изъ нихъ, видя шведа съ русскимъ знаменемъ и не видя ничего болѣе, на отмахъ ударяетъ Вольдемара прикладомъ въ затылокъ. Вольдемаръ падаетъ; солдатъ хочетъ довершить штыкомъ. Вадбольскій заслоняетъ собою своего спасителя.

— Дѣти мои! нашъ онъ, нашъ, говорю вамъ! Что вы сдѣлали?—кричитъ князь и, замѣтивъ, что въ несчастномъ остались признаки жизни, ищетъ, чѣмъ возбудить ее.

Мигъ этотъ,—мигъ рѣшительной побѣды русскаго войска. На гору входитъ Карповъ съ преображенцами; — бѣгутъ главныя шведскія силы, поражаемыя Шереметевымъ. Съ холмовъ противнаго возвышенія, отъ стороны Пекгофа, Паткуль встрѣчаетъ ихъ, сѣчетъ, загоняетъ въ лѣса, втаптываетъ въ болота и преслѣдуетъ до самаго Гельмета. Шлиппенбахъ, видя уничтоженіе своего корпуса, повѣряетъ свое личное спа- своей лошади и первой попавшейся ему тропинкѣ.

яжаться уже нечѣмъ: пушки, знамена, обозы,— инуто въ добычу непріятеля. Крики торжества ъ раздаются на высотѣ у разрушенной мель- въ долинѣ.

стный Вадбольскій стоялъ надъ безчувствен-

Digitized by Google

нымъ Вольдемаромъ, въ кругу офицеровъ и солдатъ; съ нѣжностію отца старался онъ оказать ему возможную помощь, развязалъ галстухъ, разстегнулъ его камзолъ. При этомъ движеніи открылась у Вольдемара грудь и литый изъ червоннаго золота складень ярко блеснулъ предъ глазами изумленныхъ зрителей. На главной доскѣ складня изображены были Великомученица Софія съ дочерьми своими, а на другой сторонѣ Св. Благовѣрный князь Владиміръ. Вадбольскій спѣшилъ задернуть воротъ рубашки, застегнуть камзолъ на таинственномъ незнакомцѣ, и тѣмъ закрыть богатый залогъ любви и вѣры отъ любопытныхъ глазъ толпы. Вольдемаръ, наконецъ, пришелъ въ себя. Ударомъ приклада отшиблена у него была память. Когда онъ оправился и сталъ различать предметы, не мало встревожился, увидѣвъ себя въ кругу русскихъ! Какимъ образомъ попался къ нимъ, не могъ себѣ растолковать. Наконецъ, мало-по-малу началъ припоминать себѣ происшествія настоящаго дня. Привставъ съ земли, робко осязалъ онъ руку то у того то у другого изъ окружавшихъ его, и потупивъ взоры въ землю, дрожалъ, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Его ободряли, ласкали, спрашивали съ нѣжнымъ участіемъ, кто онъ такой, откуда родомъ, зачѣмъ въ войскѣ шведскомъ. Отъ этихъ вопросовъ, отъ привѣта и ласки простыхъ сердецъ, хотѣлъ бы онъ бѣжать, хотѣлъ бы уйти въ землю.

— Братцы! я русскій... — Едва могъ онъ произнести, скидая съ себя шведскій мундиръ и бросая его подъ ноги,—ради Бога не спрашивайте меня болѣе.

Вадбольскій спѣшитъ его обнять.

— Ты спасъ меня отъ смерти: чѣмъ тебя возблагодарить?—говоритъ онъ ему.

— Вспомнить объ этомъ при случаѣ, — отвѣчаетъ Вольдемаръ.

Digitized by Google

Его хотятъ вести въ торжествѣ къ фельдмаршалу. Онъ отговаривается, проситъ именемъ Господа отпустить его и, наконецъ, объявляетъ имъ, что не можетъ явиться къ Шереметеву.

— Онъ злодѣй!

— Это мой братецъ, ребятушки! — закричалъ кто-то въ толпѣ, и вдругъ передъ изумленными русскими воинами явилась высокая женщина, окровавленная, съ распущенными на плечахъ черными волосами.

— Съ нами крестная сила!—переговаривались солдаты, крестясь.

— Не бойтесь! это сестра Ильза, — прибавляли другіе,—да тебя узнать нельзя!

— Моя также нынѣ дралась за русской. Не забудь Ильзы, когда ея не будетъ, — сказала она печально.

— Мы помолимся за тебя, добрая сестрица! — раздалось нѣсколько голосовъ дружно и съ чувствомъ.

— Молиться! да, много молиться!—прибавила она со вздохомъ, качая головой; но вдругъ взглянувъ на Вольдемара, грозно вскричала:

— Отдай мнѣ братца! — и не дожидаясь отвѣта, раздвинула толпу и увлекла его за собою въ ближайшую рощу.

Долго, задумавшись, слѣдовалъ за ними Вадбольскій глазами; припоминалъ себѣ таинственнаго пѣвца, сителя Лимы и русскаго войска подъ Эррастферомъ; ражалъ все это въ умѣ своемъ, хотѣлъ думать, это одинъ и тотъ же человѣкъ, и что этотъ неновенный человѣкъ, хотя злодѣй, какъ называлъ достоинъ лучшаго сотоварищества, нежели

Digitized by Google

— Злодѣй, злодѣй! — твердилъ про себя добрый Вадбольскій, — а не любить его не могу. Кабы онъ былъ въ такой передрягѣ, какъ я нынѣ, ей-ей вырвалъ бы его изъ бѣды, хотя бы мнѣ стоило жизни.

Солдаты переговаривались также промежъ себя:

— Хорошо, братцы, что мы его скоро отпустили. Пожалуй, разомъ налетѣлъ бы какой мастеръ: цапъ-царапъ подъ военный артикулъ, да и къ ручкѣ Томилы. Не посмотрятъ, что отнялъ русское знамя у шведа и спасъ нашего князя. Ау, братцы!

Ударили сборъ; полки построились въ лощинѣ у самой мызы. Фельдмаршалъ, проѣзжая ихъ, изъявлялъ офицерамъ и рядовымъ благодарность за ихъ усердіе и храбрость, обнадеживалъ всѣхъ милостію и наградою царскаго величества; тѣла же храбрыхъ полковниковъ, убитыхъ въ сраженіи: Никиты Ивановича Полуектова, Семена Ивановича Кропотова и Юрья Степановича Лимы, также офицеровъ и рядовыхъ, велѣлъ въ присутствіи своемъ предать съ достойною честью погребенію [1]).

Въ боковомъ карманѣ мундира у Полуектова нашли завѣщаніе; оно было отнесено къ фельдмаршалу, а этотъ передалъ его князю Вадбольскому, какъ человѣку, ближайшему къ покойному завѣщателю. Когда тайна Кропотова была прочтена, князь сильно упрекалъ себя, что наканунѣ такъ безчеловѣчно смѣялся надъ его предчувствіями. Трудно было исторгнуть слезы у Вадбольскаго; но теперь, прощаясь съ товарищемъ послѣднимъ цѣлованіемъ, горько зарыдалъ.

Тѣла трехъ храбрыхъ полковниковъ, убитыхъ въ гуммельсгофскомъ сраженіи, преданы землѣ на то самомъ мѣстѣ, которое завоевалъ для нихъ герой эт

[1]) Подлинныя слова изъ *Дополн. къ Дѣян. Петра I.* Кн. стр. 13.

Digitized by Google

дня. Оно тогда-жъ обдѣлано дерномъ; на немъ поставлены камень и крестъ. И донынѣ, посреди гуммельсгофской горы зеленѣетъ холмъ, скрывающій благородный прахъ; но камня и креста давно уже нѣтъ на немъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОТЪ-ЖЕ ПОЛДЕНЬ ВЪ ДРУГОМЪ ВИДѢ

....И слабостьми людскими
Не надобно пренебрегать:
Во время, въ пору нужно знать
Лишь пользоваться ими.

Аноним.

Неподалеку отъ Гельмета, за изгибомъ ручья Терваста, въ уклонѣ берега его, лицомъ къ полдню, врыта была закопченая хижина. Будто кротъ изъ норы своей, выглядывала она изъ-подъ дерна, служившаго ей крышею. Вѣтки деревъ, вкравшись корнями въ ея щели, уконопатили ее со всѣхъ сторонъ. Трубы въ ней не было; выходомъ же дыму служили дверь и узкое окно. Большой камень лежалъ у хижины вмѣсто скамейки. Вблизи ея сочился родникъ и спалзывалъ между камешковъ въ ручей Тервастъ.

Съ незапамятныхъ временъ хижина эта была родовымъ имѣніемъ нищеты, передававшей ее въ наслѣдство нищетѣ, безъ судовъ, безъ актовъ и пошлинъ. Нынѣ принадлежала она бабкѣ Ганне, какъ звали въ округѣ по ремеслу ея; не одна сотня людей вош въ міръ черезъ ея руки. Но какъ въ мірѣ этомъ подлежитъ забвенію, еще болѣе человѣкъ, въ которо перестали имѣть нужду, то и Ганне, прежде жив

Digitized by Google

въ достаткѣ и всѣми уважаемая, нынѣ, хилая, была забыта и кое-какъ перебивалась подаяніемъ. Въ обладаніи ея дворцомъ былъ половинщикомъ мальчикъ, внукъ ея. Чтобы скорѣе ознакомить читателя съ этими лицами, скажемъ, что Ганне была одна изъ старухъ, которыя въ роковой для Густава вечеръ поджидали своего посланнаго у вяза съ тремя соснами, — внукъ былъ рыжеволосый Мартышка.

На дворѣ чуть брезжилось, а въ хижинѣ слышался уже говоръ. Дверь, растворенная настежь отъ духоты, пропускала въ нее слабый свѣтъ занимавшагося утра. Въ углу, на кровати изъ нѣсколькихъ досокъ, положенныхъ на четырехъ камняхъ и пересыпанныхъ изслежавшеюся соломой, сидѣла хозяйка. Безобразіе старости выказывалось на ней теперь сильнѣе, потому что шея, сморщенная, какъ подбородокъ индѣйскаго пѣтуха, была открыта. Въ другомъ углу, на соломѣ, постланной просто на землѣ, возился Мартышка: то ложился онъ, то, сидя, дремалъ. Глаза его были мутны отъ безсонницы; на лицѣ изображалось безпокойство. Старуха, заправляя подъ платокъ хлопки сѣдыхъ волосъ, бормотала сквозь зубы утреннюю молитву и между тѣмъ бросала сердитые взгляды на товарища.

— Аль ты меня съѣсть хочешь? — сказалъ злой мальчикъ, передразнивая ее.

— *Avita Jummel!* (Господи, помилуй!)—проворчала старуха,—нелегкое держало тебя нынѣ въ замкѣ; цѣлую ночь на пролетъ шатался.

— Чтобы тебѣ самой нелегкимъ поперхнуться! ...ы не знаешь, что московиты и татары будутъ ...юда?

Татары! Московиты!.. А намъ какая до нихъ ... Чай, и имъ до насъ дѣла не будетъ. Придутъ, ...утъ, какъ льдины въ полую воду. Въ избушкѣ ... поживятся и выѣденнымъ яйцомъ...

Digitized by Google

Злая насмѣшка выползла изъ сердца Мартына и блеснула въ глазахъ его.

— Сказываютъ,—перебилъ онъ съ коварною улыбкою,—что московиты, лакомые до красотокъ, увозятъ ихъ съ собою на свою сторону; берегись и ты, любушка! хе, хе, хе!

— Эхъ, Мартынъ! грѣхъ тебѣ ругаться надъ старостью: Господь не дастъ тебѣ долгаго вѣка. Пришибетъ, ужь пришибетъ тебя и за то, что моришь меня съ голоду по цѣлымъ суткамъ. — (Старуха постучала сухимъ кулакомъ по доскѣ своей кровати).

— Смотри, чтобы твоихъ голубушекъ въ кубышкѣ не отыскали! Перекладывай съ мѣста на мѣсто, а врагу достанутся. (Мальчикъ задумался). Самъ не возьму, не притронусь; а укажу, укажу... чтобъ убилъ меня дѣдушка Перкунъ[1]), коли я лгу!..

У мальчика глаза разгорѣлись и запрыгали. Онъ вскочилъ съ земли, схватилъ лежавшій подлѣ него булыжникъ и, поднявъ руку на старуху, закричалъ.

— Попытайся, попытайся-ка; тутъ тебѣ и духъ вонъ!

— Что ты дѣлаешь, проклятое сѣмя? — вскричала женщина, вошедшая въ избу такъ тихо, какъ тѣнь вечерняя.

Взглянувъ на пришедшую, мальчикъ обомлѣлъ и выпустилъ камень изъ рукъ.

— Ты это, Елисавета Трейманъ? — спросила старушка съ радостнымъ лицомъ. — Голосъ-атъ твой слышу, а глазами плохо тебя смѣкаю.

— Я, бабка Ганне! — отвѣчала Ильза, поцѣловавъ старушку въ лобъ, сѣла возлѣ нея на кровать, развя-

---

[1]) Перкунъ, славянскій богъ — Перунъ, котораго и теперь латыши нерѣдко поминаютъ. «Дѣдушка Перкунъ сердится, Перкунъ стучитъ», говорятъ они, слыша громъ.

Digitized by Google

зала котомку, бывшую у ней за плечами, и вынула кадушечку съ масломъ, мягкій ржаной хлѣбъ и бутылку съ водой. — Вотъ тебѣ и гостинецъ, отвесть душку.

Старушка дрожащими, изсохшими руками схватилась за подарки, не зная, за который прежде приняться; потомъ бросилась было цѣловать руку у маркитантши.

— Ну, что новаго, бабка Ганне? — продолжала Ильза, отнявъ у ней руку.

— Новаго, новаго, мать моя? Дай Господи мнѣ память! — сказала голодная старуха, вынувъ съ трудомъ изъ стѣны заржавленный ножъ и подавъ его маркитантшѣ, чтобы она отрѣзала ей хлѣба.—Да, у скотника въ Небо отелилась корова бычкомъ о двухъ головахъ.

— Э, бабка, это случилось въ запрошломъ лѣтѣ.

— А мнѣ кажись, въ прошломъ мѣсяцѣ. Ахти, мать моя, времячко-то летитъ! Постой же, вотъ тебѣ новинка горяченькая. Знаешь дѣвку Лельку, что на краю деревни живетъ?

— Знаю; ну чтожъ?

Прислонившись къ уху гостьи, старушка шопотомъ проговорила.

— Къ ней летаетъ по ночамъ огненный змѣй...

Ильза махнула рукой въ знакъ нетерпѣнія и обратилась къ мальчику, все еще неподвижно стоявшему на одномъ мѣстѣ, какъ будто онъ пригвожденъ къ нему былъ суровымъ взоромъ матери.

— Къ тебѣ, сынокъ баронскій, чай, вѣсти ползутъ в? Что слышно въ вашихъ краяхъ?

іосанясь, Мартынъ отвѣчалъ:

По крѣпкому наказу твоему подбирать все, что ..чки роняютъ, я наполнилъ тебѣ со вчерашняго ...шочекъ вѣстей. Придумай сама на что онѣ тебѣ

Digitized by Google

— Развязывай, малый, да смотри, ни одной нечистой порошинки!

— Вотъ видишь: вчера, когда бароны съ кучерами высвободили своихъ лошадей изъ путовъ, въ которые мы, съ дядею Фрицомъ, ихъ загнали; когда двуногіе гости баронессы ускакали на четвероногихъ, поднялась въ замкѣ пыль столбомъ. Выкопали изъ кладовыхъ заржавленныя пушки, вычистили ихъ песочкомъ, разставили въ развалинахъ, противъ господскаго дома, противъ дороги въ Гуммель, роздали дворовымъ и крестьянамъ ружья, пистолеты, кинжалы, большія, большія шпаги, которыя только двумъ съ трудомъ поднять. Баронесса говорила имъ, Богъ вѣсть что, о королѣ, о любви къ отечеству, о преданности къ господскому дому, а новобранные, вмѣсто всего этого, требовали вина. Правду сказать, многіе сдѣлали побоище прежде настоящаго сраженія, такъ что вынуждены были отобрать у нихъ оружіе и съ трудомъ могли унять ихъ воинскій жаръ. Воротились въ Гельметъ многіе студенты и дворяне, какъ будто для того, чтобы опорожнить недопитую бутылку, и вызвались защищать его, пока голова будетъ держаться на плечахъ. Съ вечера разставили часовыхъ по всѣмъ дорогамъ; теперь и мышенку не пробѣжать въ замокъ. Слышишь, какъ мяучатъ они, словно чортъ ихъ давитъ? Давай-ка, думалъ я, обманемъ этихъ драбантовъ, какъ обманулъ Красный-носъ маленькаго шведскаго генерала, которому и отъ меня досталась порядочная закуска; посмотримъ, что дѣлается въ крѣпости. Было близко къ часу духовъ: крики становились рѣже. Поползъ я на брюхѣ оврагомъ, кустами, черезъ лазейку подъ ограду, и очутился въ синели, у амтманова окошка. Ни одна бѣшенная собака меня не примѣтила. Вижу, окно раскрыто и огонекъ свѣтитъ. Слышу голосъ амтмана.—«Благодарю,—сказалъ онъ,—за гост[illegible]

Digitized by Google

нецъ: только напрасно, право напрасно убытчились. Впередъ, смотрите, этого не дѣлайте». А я себѣ на усъ: гдѣ заказываютъ да принимаютъ, тамъ примутъ и въ другой разъ.

— Полно орѣхи щелкать; разсказывай дѣло,—сказала сердито Ильза.

Мартынъ, замѣтя, что шуточками не угодитъ матери, продолжалъ просто:

«—Вотъ видите—говорилъ амтманъ,—такихъ добрыхъ госпожъ, какъ наша баронесса, подъ землею искать надо. Она прощаетъ вамъ вашу глупость, принимаетъ васъ къ себѣ въ верховые, по прежнему, и позволяетъ малому жениться на твоей дочери, лишь бы вы ей сослужили теперь службу». Потомъ сталъ онъ говорить что-то шопотомъ, такъ что мнѣ разслушать нельзя было.—«Рады за нее голову положить!»—отвѣчали два голоса. Голоса были знакомые, а чьи—вдругъ разобрать я не могъ. Немного погодя, застучали ключами и вышли изъ дому съ фонаремъ амтманъ, да — кто еще? Какъ бы ты смѣкала? — Сотникъ, бывшій кастеланъ Готлибъ и товарищъ его, пастухъ Арнольдъ.

— Можетъ-ли статься? ихъ-ли ты видѣлъ?

— Ихъ, или людей во плоти и образѣ Готлиба и Арнольда. Я самъ диву дался. Пошли они по дорожкѣ, прямо къ кладовой, что въ саду. Прыгъ, прыгъ и я за ними между кустами. Отперли кладовую и выкатили оттуда нѣсколько боченковъ.—«Поосторожнѣе съ огнемъ!»—говорилъ амтманъ.

— Съ огнемъ? — вскричала Ильза, вдохновенная [illegible]ой. — Это были навѣрно боченки съ порохомъ. [illegible]лка! Она хочетъ подорвать Паткуля, Шере[illegible]ва, русскихъ! Нѣтъ, этому не бывать, не бы[illegible] говорю... пока въ Елисаветѣ Трейманъ есть капля [illegible] для мщенія, пока блаженствуетъ рингенскій [illegible]ей.

Digitized by Google

— Что съ малымъ сдѣлалось—сказала старуха, — не дурману-ли онъ объѣлся, что выпучилъ такъ бѣлки свои?

Въ самомъ дѣлѣ Мартынъ повелъ вокругъ себя дикими глазами и, повторивъ раза два: «подорвать!» бросился вонъ изъ двери.

Съ бѣшенствомъ посмотрѣла маркитантша вслѣдъ сыну; но слѣдъ его уже простылъ. «Негодяй!—думала она,—вѣрно, боится, чтобы вмѣстѣ съ замкомъ не взлетѣли на воздухъ любезныя денежки его. Иначе не можетъ быть! или онъ не сынъ отца своего». Догадываясь также, что Паткулю предстоитъ въ Гельметѣ опасность, если побѣда окажется на сторонѣ русскихъ, и онъ явится къ баронессѣ вслѣдствіе обѣщанія своего, Ильза ощупью хваталась за разные способы помочь этой бѣдѣ. Большая часть средствъ по обстоятельствамъ, не годилась. Думать да гадать,—и, наконецъ, она придумала: не теряя времени, отправляться съ бабкою Ганною въ замокъ, откуда ей кстати надо было выпроводить слѣпца и доставить его къ Вольдемару, и гдѣ она надѣялась подробнѣе развѣдать о замыслахъ баронессы черезъ Аделаиду Горнгаузенъ, которой она нѣкогда предсказывала суженаго. Какъ разсчитано, такъ и сдѣлано.

Гельметскій гарнизонъ былъ врасплохъ застигнутъ нашими посѣтительницами. Начальники и солдаты, вѣроятно, послѣ сильнаго сопротивленія Морфею, заключили съ нимъ перемиріе: пушкари исправно храпѣли у своихъ орудій; стражи въ отводныхъ пикетахъ около замка, зѣвая, перекликались. Караульный у подъемнаго моста, черезъ который надобно было проходить двумъ подругамъ, чухонецъ лѣтъ двадцати, обнявъ крѣпко мушкетъ и испустивъ глубокій вздохъ, вмѣсто оклика, только что хотѣлъ, сидя, прислониться къ периламъ, чтобы въ объятіяхъ сна забыть все мірское, какъ по-

Digitized by Google

чувствовалъ ударъ по рукѣ. Это былъ камешекъ, искусно брошенный Ильзою съ противнаго берега. Чухонецъ встрепенулся, изловилъ падавшій изъ рукъ мушкетъ, привсталъ и готовился взбудоражить весь странный гельметскій гарнизонъ; но Ганне успѣла отвесть тревогу вопросомъ, нѣжно произнесеннымъ:

Іюрри, Іюрри! іокъ ма мулленъ? [1]).

Названный по имени и слыша родныя слова, караульный ободрился, протеръ себѣ глаза и, выглядѣвъ, отъ кого шло воззваніе, протяжно отвѣчалъ, усмѣхаясь:

— *Арри тулле, эллакенне!* (нѣтъ, милочка, не приходи). *Мы* сердиты: голова болитъ съ похмѣлья; еще жъ на караулѣ и за себя не ручаемся, чтобы не прожгли васъ обѣихъ однимъ поцѣлуемъ этого дурачка — онъ показалъ на мушкетъ.—Бултыхъ, бабка, въ воду козьими ногами вверхъ; ступай принимать дѣтокъ у водяныхъ роженицъ.

— Что ты, Юргенъ, душечка, въ умѣ-ли?—сказала старуха нѣжнымъ голосомъ, вынувъ изъ-за пазухи бутылку съ водкою и показавъ ее чухонцу. — Голова болитъ? Полѣчимъ.

— Оно такъ бы; чего лучше?—пробормоталъ караульный, почесывая себѣ голову,—да кто съ тобой?

— Я иду принимать... смѣкаешь? А эта у меня школьница.

Убѣжденный чухонецъ опустилъ мостъ. Разумѣется, что Харону за пропускъ заплачено нѣсколькими добрыми глотками водки и столько жъ обѣщано на возвратномъ пути. Подруги очутились за угломъ господскаго двора, у перваго окошка въ садъ. Оно отворено. Все тихо. Только неугомонный сверчокъ, на зло властолюбивой баронессѣ, тѣшился, распѣвая барски въ

---

[1]) Начало чухонской пѣсни: «Юргенъ, Юргенъ, не пора ли мнѣ къ тебѣ?»

Digitized by Google

ея палатахъ. Старушка легонько постучалась въ раму разъ, два и три: на стукъ этотъ выглянула изъ окна горничная Аделаиды. Переговорщицы были въ связяхъ, и переговоры не длились. Помѣшанная на гаданьяхъ и волшебствѣ, дѣва была внѣ себя, услышавъ, что Ганне привела къ ней ту самую ворожею, которая за годъ тому назадъ обѣщала ей суженаго богатаго, знатнаго, пригожаго, только что не съ крылышками, и теперь, отправляясь за тридевять земель, мимоходомъ принесла ей вѣсти, по приказанію благодѣтельной волшебницы, объ ея суженомъ оберстѣ. Пудрамантъ кое-какъ накинутъ на плеча, и посланница феи съ своею подругою осторожно впущены заднимъ крыльцомъ въ спальню Аделаиды.

Ильза, вошедши въ комнату, подняла сухощавую руку надъ головой Аделаиды, наклонившейся въ глубокомъ смиреніи, и, не зная, какое приличное варварское имя дать волшебницѣ, нашлась, однакожъ, слѣдующимъ образомъ.

— Илья Муромецъ,—сказала она,—моя повелительница, живущая въ Карелiи, прислала меня сюда изъ особенной любви къ тебѣ. Слушай. Русскіе будутъ нынѣ или завтра въ Гельметѣ. Но не бойся и не огорчайся: судьба замка совершается, но вмѣстѣ съ этимъ должно совершиться твоему счастію. Такъ положено въ совѣтѣ высшемъ. Въ русскомъ войскѣ при фельдмаршалѣ Шереметевѣ находится братъ моей повелительницы, столѣтній карла. Какъ скоро онъ явится въ замокъ, улови его, хватай, не выпуская изъ рукъ, щекочи и не давай ему покоя. Знай, онъ во злобѣ своей заперъ твое благополучіе. Измученный тобо онъ долженъ будетъ привесть сюда твоего сужена оберста Балтазара фонъ-Вердена, который нѣсколь лѣтъ тому назадъ видѣлъ тебя во снѣ, умираетъ любви по тебѣ, странствуетъ вездѣ, чтобы тебя о

Digitized by Google

скать; сражается, проливаетъ кровь и бѣдствуетъ, лишь бы получить руку и сердце твое. Полюби его: вы оба созданы другъ для друга. Да будетъ союзъ вашъ счастливъ! Этого желаетъ моя высокая повелительница.

Въ удостовѣреніе своихъ словъ, Ильза взяла изъ рукъ старухи бѣлый посохъ, вынула уголь изъ кармана, положила его къ себѣ на голову и, очертя посохомъ кругъ по воздуху, произнесла таинственнымъ, гробовымъ голосомъ:

— Клянусь въ истинѣ словъ вами, духи невидимые! Если не сбудется, пусть клятва моя поразитъ мое тѣло и душу и родъ мой по девятое колѣно; пускай почернѣетъ и истлѣетъ, какъ уголь, этотъ посохъ, и утроба моя.

Аделаида знала, что въ простонародіи нѣтъ ужаснѣе этой клятвы, внимала ей дрожа, какъ въ лихорадкѣ, вѣрила обѣщанію, но еще болѣе вѣрила своему сердцу.

Въ награду за добрую вѣсть требовала Ильза: во-первыхъ, послать горничную немедленно отыскать путь въ спальню Бира, откуда вызвать слѣпца именемъ волшебницы Ильи Муромца и сказать ему, что сестра Ильза ждетъ его у вяза съ тремя соснами; во-вторыхъ, дать ей перо, чернильницу и бумагу, и въ-третьихъ, прежде свиданія съ карлою вручить по принадлежности письмо, которое напишетъ она генералу Паткулю, начальнику Фонъ-Вердена. Легковѣрная дѣвушка должна была клясться хранить тайну.

Въ исполненіи этого требованія всего труднѣе было выучить имя, конечно халдейское или арабское, Ильи Муромца. Затрудненіе, наконецъ, преодолѣно, и немедленно приступлено къ вызову слѣпца. Между тѣмъ Ильза употребила всю хитрость свою, чтобы вывѣдать, какія были намѣренія баронессы въ случаѣ, если русскіе придутъ въ Гельметъ.

Digitized by Google

— Она хочетъ защищать Гельметъ,—сказала Аделаида, — но въ случаѣ неудачи остается дома, чтобы принять и угостить побѣдителя.

— Но зачѣмъ-же, — спросила Ильза, — рѣшась на послѣднее, назначить ему заранѣе квартиру на висѣлицѣ? Хорошее угощеніе послѣ такого пріема не поможетъ.

— Я ей сдѣлала тоже этотъ вопросъ, и по намекамъ ея догадалась, что висѣлица — дипломатическая ловушка; что по ней увидятъ только глупую месть женщины, и по защитѣ Гельмета духъ геройскій въ тѣлѣ женскомъ; но что всю ее, лифляндку Зегевольдъ, узнаютъ по слѣдствіямъ. «Хитрость за хитрость. Время покажетъ, кто кого побѣдитъ».—Вотъ слова г-жи баронессы, какъ я ихъ слышала; а что они значатъ...

— Все, мнѣ извѣстно до подноготной, — перебила хитрая маркитантша,—я хотѣла только испытать тебя, дочь моя. Еще одинъ вопросъ. За нѣсколько десятковъ миль отсюда слышала я вчера вечеромъ, что дочь кастедана Лота выходитъ замужъ?

— И послѣ того,—вскричала Аделаида, смотря на свою гостью съ особеннымъ уваженіемъ,—послѣ этого придутъ мнѣ сказать, что нѣтъ людей, награжденныхъ чудеснымъ даромъ предвидѣнія? Только вчера вечеромъ объявлена намъ эта неожиданная новость, и ты въ то жъ время провѣдала о ней?

— О! мы знаемъ многое, что еще впереди,—таинственно произнесла Ильза, и принялась писать на лоскуткѣ бумаги нѣмецкими буквами по-русски посланіе такого рода:

«Любезнѣйшій мой каспадинъ Фишерлингъ! зд. недобре твой, бочонокъ порохъ, домъ, и ты умере Велѣть твой поймать молодой, нынче женилъ, и оте дѣвки. Смотрѣть, о! смотрѣть все, боярыня недоб твой. Здѣсь въ замокъ дѣвка Аделаида письмо с

Digitized by Google

отдать: очень хочется замужъ. Послать твой карла Борисъ Петровичъ: Мой сказалъ: сто лѣтъ карла, сыскать ей женихъ богатъ, полковникъ фонъ-Верденъ. Пожалуй, хорошенько женить. — Вѣрная Ильза».

— Отдай эту записку, чтобы никто не видѣлъ,— примолвила она,—и помни, что твое благополучіе зависитъ отъ вѣрнаго и благоразумнаго исполненія моего порученія. Будь счастлива.

Съ послѣднимъ словомъ Ильза важно простерла длинную, сухощавую руку надъ головою правнучки 7-го лифляндскаго гермейстера, махнула Ганне, чтобы она за нею слѣдовала и обернувшись въ хитонъ свой, спѣшила къ мѣсту свиданія, назначенному для слѣпца. Самъ Биръ проводилъ Конрада изъ Торнео, и сдалъ его маркитантшѣ съ рукъ на руки.

Какъ покорное дитя, старецъ шелъ всегда, куда его только звали именемъ друга. Нынѣ путеводимый своею Антигоною, онъ ускорялъ шаги, потому что каждый шагъ приближалъ его къ единственному любимцу его сердца. Сначала все было тихо вокругъ ихъ. Вдругъ шумъ, подобный тому, когда огромная стая птицъ летитъ на ночлегъ, прорѣзалъ воздухъ.

— Что такое?—спросилъ слѣпецъ.

— Вдали къ Гуммелю мчится эскадронъ шведскій,— отвѣчала Ильза.

Опять все утихло, и опять черезъ нѣсколько времени послышался какъ бы подземный громъ, глухо прокатившійся.

Это что такое?—спросилъ слѣпецъ.

Туда жъ несутся пушки шведскія, — отвѣчала

ова нашла тишина, какъ въ храмѣ, гдѣ давно лось богослуженіе — и вдругъ раздался въ отда- ервый ударъ пушки.

Digitized by Google

— Война! битва!—произнесъ Конрадъ съ глубокимъ вздохомъ, торопясь впередъ.

— Война! битва!—повторила его спутница съ дикимъ удовольствіемъ,—пусть дерутся, рѣжутся; пусть сосутъ другъ у друга кровь! И я потѣшусь на этомъ пиру.

Старецъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ; безпокойство надвинуло тѣнь на лицо его.

— Гдѣ-то теперь мой Вольдемаръ?—сказалъ онъ, покачавъ головой. — Дни его начинаютъ быть бурны. Онъ чаще покидаетъ меня.

— Онъ у своего мѣста; мы къ нему идемъ,—отвѣчала Ильза.—Работай, другъ! И я для тебя довольно поработала! Пора и награду!.. Мнѣ Рингецъ, погибель злодѣя, его страданія; Вольдемару...

— Не отравляй устами порочными святой награды моего друга,—перебилъ Конрадъ,—не прикасайся къ чистому вѣнку его рукою, оскверненною злодѣяніями. Ильза, ты не имѣла никогда родины.

Хохотъ былъ отвѣтомъ ея; будто отголоски нечистаго духа, онъ раздробился въ рощѣ, по которой они шли. Сильная стрѣльба покрыла адскій хохотъ.

Вскорѣ поравнялись они съ гуммельсгофскою горою, надъ которой качалось облако порохового дыму. Обойдя ее, путники остановились въ одной изъ ближайшихъ къ ней рощей, откуда можно было видѣть все, что происходило въ лощинѣ.

— Боже! — вскрикнула Ильза голосомъ отчаянія, протянувъ шею,—они бѣгутъ!

— Кто?—спросилъ съ тревожнымъ духомъ слѣпецъ.

— Русскіе бѣгутъ! Нѣтъ спасенія! — продолж
Ильза, ломая себѣ руки. — Злодѣй будетъ торжест
вать! Злодѣй заочно насмѣется надо мной!.. Оставаі
ты, слѣпецъ, одинъ: меня оставило же Провидѣн
Что мнѣ до бѣдствій чужихъ? Я въ няньки не на

Digitized by Google

малась къ тебѣ. Иду—буду сама дѣйствовать! На что мнѣ помощь русскихъ, Паткуля; на что мнѣ умолять безжалостную судьбу? Она потакаетъ злодѣямъ. Да, ей весело, любо!..

Глаза Ильзы ужасно прыгали; отчаяніе перехватывало ея слова. Не слушая моленій старца, она бросилась къ гуммельсгофской горѣ, цѣликомъ, сквозь терновые кусты, по острымъ камнямъ.

— Ильза, Ильза, гдѣ ты? — спрашивалъ жалобно слѣпецъ, ловя въ воздухѣ предметъ, на который могъ бы опереться.—Никто не слышитъ меня: я одинъ въ пустынѣ. Одинъ?. А Господь Богъ мой?.. Онъ со мной и меня не покинетъ! — продолжалъ Конрадъ, и, преклонивъ голову на грудь, погрузился въ моленіе.

Ильза явилась на горѣ, въ изодранной одеждѣ, вся исцарапанная и взраненная шиповникомъ, безъ повязки, съ растрепанными по плечамъ волосами, — прямо у боку Вольдемара. Дорогою бѣшенство ея нѣсколько поутихло.

— Вольдемаръ! — сказала она голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ могилы,—мы погибаемъ!

Вольдемаръ и безъ того былъ блѣденъ, какъ смерть; слова, подлѣ него произнесенныя, заставили его затрепетать. Съ ужасомъ оглянулся онъ, и окаменѣлъ, увидѣвъ маркитантшу.

— Что это за женщина?—спросилъ Шлиппенбахъ, замѣтивъ ее.

— Сумасшедшая чухонская дѣвка. Я съ нею скоро справлюсь, — отвѣчалъ Вольдемаръ, поворотилъ свою лошадь и махнулъ Ильзѣ, чтобъ она за нимъ слѣдовала. Долго думалъ онъ, что предпринять, отведя ее за мельницу, откуда не могли они быть видимы генералъ-вахтмейстеромъ. Счастливая мысль блеснула, наконецъ, въ его головѣ.

Digitized by Google

— Не спрашиваю, откуда ты, въ такомъ видѣ,— сказалъ онъ маркитантшѣ, — довольно; мы погибаемъ; но ты можешь спасти русскихъ, меня и себя.

— Спасти?.. Говори, что нужно сдѣлать. Вели идти прямо въ огонь, и ты меня тамъ увидишь. Мнѣ все равно умирать. Буду убита, ты отмстишь за меня. Клянись всѣмъ, что для тебя дорого, ты отмстишь тогда.

— Клянусь.

— Приказывай.

— Видишь, конь не имѣетъ сѣдока: излови его и лети на немъ прямо въ ряды шведскіе, промчись только мимо ихъ, какъ духъ, и принеси вѣсть, что главная армія русскихъ идетъ въ обходъ отъ Пекгофа.

Ильза на конѣ; она мчится, какъ вихрь, въ пылу самой битвы; она сѣетъ ужасную вѣсть по рядамъ шведскимъ. Мы видѣли, какое дѣйствіе произвела между ними эта вѣсть. Вдали, на противоположномъ возвышеніи Ильза, свидѣтельница пораженія шведовъ. Рингенъ и месть опять въ сердцѣ ея; опять зажглись ея черныя очи адскою радостію. Въ торжествѣ она забываетъ свои раны, но вспоминаетъ о слѣпцѣ, котораго оставила одного. «Лошади бѣгущихъ и поражающихъ могутъ истоптать его!»—думаетъ она; скачетъ обратно на гуммельсгофскую гору, бросаетъ свою лошадь и, какъ мы также видѣли, вырываетъ Вольдемара изъ толпы русскихъ, его обступившей.

Свиданіе послѣдняго со слѣпцомъ было самое радостное. Міръ, опустѣвшій для Конрада, снова наполнился и оживился. Всѣ трое принесли благодар. Вышнему, каждый отъ души, болѣе или менѣе чис Вольдемаръ, то погружался въ сладкія думы, полож. голову на колѣна слѣпца, который въ это время сохшими руками перебиралъ его кудри, то встава съ восторгомъ прислушиваясь къ отголоскамъ то

Digitized by Google

ственныхъ звуковъ русскихъ; то изъяснялъ свою благодарность Ильзѣ. Казалось, онъ въ эти минуты блаженства хотѣлъ бы весь міръ прижать къ своему сердцу, какъ друга.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, музыканты поплелись по направленію къ Менцену; Ильза провожала ихъ до сооргофскаго лѣса, гдѣ она оставила свою походную телѣжку у тамошняго угольника.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОМЕДІЯ И ТРАГЕДІЯ

Скорикина.
Ахъ! я охотница большая до комедій.

Свахина.
А я до жалкихъ драмъ.

Чванова.
А я такъ до трагедій.
Ком. „Гов.“ — *Хмельницкаго.*

Не стану описаніемъ осады Гельмета утомлять читателя. Скажу только, что крестьяне-воины, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, разбѣжались, но баронесса Зегевольдъ и оба Траутфеттера съ нѣсколькими десятками лифляндскихъ офицеровъ, помѣщиковъ и студентовъ и едва-ли съ тысячью солдатъ, привлеченныхъ къ послѣднему оставшемуся знамени, все сдѣлали, что могли сдѣлать только честь, мужество, искусство и, прибавить надо, любовь двухъ братьевъ соперниковъ. Между тѣмъ какъ женщины, собравшись въ одну комнату, наполняли ее стенаніями, или въ нѣмомъ отчаяніи молились, ожидая ежеминутно конца жизни; между тѣмъ какъ Биръ подъ свистомъ пуль переносилъ въ пещеру свой кабинетъ натуральной исторіи, своихъ грековъ и римлянъ, и амтманъ Шнурбаухъ вывозилъ

Digitized by Google

экипажи за садъ къ водяной мельницѣ, баронесса въ амазонскомъ платьѣ старалась всѣмъ распоряжаться, вездѣ присутствовала и всѣхъ ободряла. Наконецъ, видя невозможность сопротивляться отряду Паткуля и страшась не за себя, а за честь и жизнь своей дочери, она рѣшилась отправить Луизу подъ защитою ея жениха. Русскіе съ ужаснымъ крикомъ перелѣзали черезъ палисады, окружавшіе замокъ. Одинъ изъ студентовъ, преданныхъ дому Зегевольдовъ, посланъ былъ въ ряды сражавшихся для вызова Адольфа и вмѣстѣ для переговоровъ съ начальникомъ русскихъ о сдачѣ замка на такихъ условіяхъ, чтобы позволено было дочери баронессы выѣхать изъ него безопасно, сама же владѣтельница замка предавалась великодушно побѣдителю.

Предводитель осаждающихъ на этихъ условіяхъ приказалъ остановить наступательныя дѣйствія и не занимать дороги къ Пернову.

— Иди, спасай Луизу, пока еще время,—кричалъ Густавъ своему брату, сплочивая у главнаго входа въ замокъ крѣпкую ограду изъ оставшихся при немъ солдатъ,—спасай свою невѣсту.

— Пускай бѣгутъ женщины!—возразилъ съ твердостію Адольфъ.

— Мое мѣсто здѣсь, возлѣ тебя, пока смерть не выбила оружія изъ рукъ нашихъ.

— Видишь, что все потеряно.

— Все, милый Густавъ! Что скажетъ объ насъ король?

— Король скажетъ, что лифляндцы сражались за него честно до послѣдней возможности. Но Луиза?... но... твоя невѣста? Дай ей, по крайней мѣрѣ, знать, чтобы она бѣжала.

— Сдѣлай это ты.

— Когда бы могъ! Тебя требуютъ. Слышишь?

Digitized by Google

Крикъ женщины!... Это она. Ради Бога, бѣги, спасай ее. Развѣ ты хочешь, чтобы татары наложили на нее руки?

Въ самомъ дѣлѣ послышался крикъ женщины: нѣсколько русскихъ солдатъ всунули уже головы въ окошки дома и вглядывались, какою добычею выгоднѣе воспользоваться. Адольфъ, забывъ все на свѣтѣ, поспѣшилъ, куда его призывали. Баронессу засталъ онъ на террасѣ, Луизу полумертвую несли на рукахъ служители.

— Спаси дочь мою!—закричала баронесса Адольфу умоляющимъ голосомъ, — поручаю ее тебѣ, сдаю на твои руки, какъ будущую твою супругу. Не оставь ее; можетъ быть, завтра у ней не станетъ матери.

Луиза открыла глаза.

— Вотъ тебѣ мужъ,—продолжала Зегевольдъ, поцѣловавъ съ нѣжностію дочь.—Люби его, и будь счастлива. Благословляю васъ теперь на этомъ мѣстѣ, какъ бы я благословила васъ въ храмѣ Бога живого.

Луиза, пришедъ въ себя, хотѣла говорить, но не могла... Казалась, искала кого-то глазами, рыдая бросилась на грудь матери, потомъ на руки Бира, и, увлеченная имъ и Адольфомъ, отнесена черезъ садъ къ мельничной плотинѣ, гдѣ ожидала ихъ карета, запряженная четырьмя бойкими лошадьми. Кое-какъ посадили въ нее Луизу; Адольфъ и Биръ сѣли по бокамъ ея. Экипажъ помчался по дорогѣ къ Пернову: онъ долженъ былъ, гдѣ окажется возможность, поворотить въ Рингенъ, гдѣ по близости баронесса имѣла мызу.

Между тѣмъ у главнаго входа въ замокъ нач- вновь сраженіе. Несмотря на то, что баронесса хала изъ окна платкомъ, давала знать, чтобы пре тили неровный бой, и приказала выставить надъ момъ флагъ въ знакъ покорности, Густавъ не хо никого слушаться, не сдавался въ плѣнъ съ нич-

Digitized by Google

нымъ отрядомъ своимъ и, казалось, искалъ смерти. Раненый въ плечо и ногу, онъ не чувствовалъ боли. Почти всѣ товарищи его пали или сдались. Наконецъ, онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими, которые, какъ замѣтно было, старались взять его въ плѣнъ, сберегая его жизнь. Командовавшій ими офицеръ пробрался къ нему съ словами любви и мира. Густавъ ничему не внималъ: отчаяннымъ ударомъ палаша выбилъ онъ шпагу изъ рукъ его, худо приготовившагося.

— Густавъ! — закричалъ русскій офицеръ, — именемъ Луизы остановись. (Будто околдованный этими словами, Густавъ опустилъ руку). Видишь, храбрые твои товарищи сдаются въ плѣнъ.

— Именемъ ея бери и меня,—вскричалъ Густавъ, бросивъ свой палашъ. — Не спрашиваю, кто ты: что мнѣ нужды до того! Ты долженъ быть Паткуль; но я не Паткулю сдаюсь! Теперь влеки меня за собою въ Московію, на край свѣта, куда хочешь: я твой плѣнникъ!

Паткуль спѣшилъ его успокоить, сколько позволяли обстоятельства, и, зная, какъ тяжело было бы несчастному Густаву оставаться въ Гельметѣ, велѣлъ отправить его подъ вѣрнымъ прикрытіемъ на мызу г-на Блументроста, гдѣ онъ могъ найти утѣшеніе добрыхъ людей и попеченіе хорошаго медика. Самъ же отправился къ баронессѣ, чтобы по формѣ принять изъ собственныхъ рукъ ея ключи Гельмета.

— Вы приготовили мнѣ квартиру слишкомъ высоко и слишкомъ воздушную; признаюсь вамъ, боюсь [illegible]окруженія, — сказалъ Паткуль дипломаткѣ, вступ[illegible]съ многочисленною свитою въ комнату, гдѣ она [illegible]ла его.—Но я не пришелъ мстить вамъ за вашу [illegible]пку; я пришелъ только выполнить слово русс[illegible] генерала, назначившаго въ вашемъ домѣ свою [illegible] на нынѣшній и завтрашній день, и еще, —

Digitized by Google

прибавилъ онъ съ усмѣшкою, — выполнить обѣщаніе доктора Зибенбюргера, доставить къ вамъ Паткуля живьемъ. Кажется, я точенъ. Слишкомъ постыдно мнѣ было бы мстить женщинѣ; я веду войну съ королемъ вашимъ и съ нимъ только хочу имѣть дѣло.

Баронесса, преклонивъ голову, отвѣчала съ притворнымъ смиреніемъ:

— Ввѣряю свою участь и участь Гельмета великодушію побѣдителя.

— Будьте спокойны, — сказалъ Паткуль; потомъ присовокупилъ по-французски, обратившись къ офицеру, стоявшему въ уважительномъ положеніи недалеко отъ него, и указавъ ему на солдатъ, вломившихся было въ домъ,—г. полковникъ Дюмонъ! разсѣйте эту сволочь, и поставьте у всѣхъ входовъ стражу съ крѣпкимъ наказомъ, что за малѣйшую обиду, кому бы то ни было изъ обитателей Гельмета, мнѣ будутъ отвѣчать головою. Помнить, что почтеннѣйшая баронесса не переставала быть хозяйкою дома и что здѣсь моя квартира! Я увѣренъ, что вы успокоите дамъ съ тѣмъ благородствомъ, которое вашей націи и особенно вамъ такъ сродно.

Дюмонъ поспѣшилъ было исполнить волю своего начальника; но Паткуль, остановивъ его, сказалъ ему по-русски:

— Не забудьте, полковникъ, что мы имѣемъ дѣло не съ женщиною, а съ бѣсомъ. Хозяйка въ необыкновенномъ духѣ смиренія: это худой знакъ! Прикажите, какъ можно, быть осторожнѣе и не дремать!

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, великодушіе Паткуля побѣдило, и вражда забыта. Вскорѣ завязался между ними разговоръ живой и остроумный; слушая ихъ, можно было думать, что они продолжаютъ вчерашнюю бесѣду, такъ нечаянно прерванную. Давъ пищу уму, не заставили и желудокъ голодать; кстати и

Digitized by Google

обѣдъ вчерашній пригодился. Сытно ѣли, хорошо запивали, обѣщались также отдохнуть и пожалѣли, что бѣдный генералъ-вахтмейстеръ, любившій лакомый кусокъ и доброе вино, началъ и кончилъ свои дѣла на тощакъ. Этому замѣчанію всѣхъ болѣе смѣялась баронесса.

— За то вы, генералъ,—говорила она Паткулю,— исполнили обѣтъ нашего пилигрима, захромавшаго на пути къ хорошему столу и къ храму славы: вамъ, конечно, сладко будетъ и уснуть на миртахъ и лаврахъ.

За столомъ, подлѣ Паткуля, сидѣли съ одной стороны хозяйка, съ другой—Аделаида Горнгаузенъ. Послѣдняя видимо искала этого почетнаго мѣста. Побѣдивъ свою сентиментальную робость, она рѣшилась, во что бы ни стало, вручить своему сосѣду роковое посланіе, потому что начинало смеркаться и день ускользалъ, можетъ быть, съ ея счастіемъ. Паткуль замѣтилъ ея особенное къ нему вниманіе, слышалъ даже, что его легонько толкало женское колѣно, что на ногу его наступила ножка.

«Чѣмъ не шутитъ чортъ, превратясь въ амура!— думалъ онъ. — Сосѣдка ведетъ на меня аттаку по формѣ. А, га! да вотъ и цидулка пала ко мнѣ въ руку. Конечно, назначеніе мѣста свиданія!»

— Будетъ прекрасный вечеръ!—сказала баронесса.

— Да,—отвѣчалъ Паткуль, обернувшись къ окну, будто разсматривая небесныя свѣтила, — звѣзда любви восходитъ, отогнавъ отъ себя всѣ облака. Она сулитъ намъ удовольствіе; но признаюсь вамъ, пріятнѣе наслаждаться ея свѣтомъ изъ своей комнаты, нежели подъ открытымъ небомъ, въ нынѣшнія росистыя ночи.

Аделаида покраснѣла. Паткуль началъ особенно любезничать съ ней; но, къ удивленію его, сосѣдка вдругъ обернула листъ.

— Знаете-ли вы Илью Муромца?—спросила она.

Digitized by Google

Это роковое имя, этотъ пароль, извѣстный только преданнѣйшимъ его агентамъ, обдалъ его холодомъ. Куда дѣвалось его остроуміе? До окончанія стола онъ сидѣлъ, какъ на иглахъ. Загадка разрѣшилась послѣ обѣда, когда онъ, удалясь въ другую комнату, развернулъ врученную ему такъ осторожно записку и прочелъ въ ней предостереженіе Ильзы. Какъ обязательно умѣлъ онъ отблагодарить Аделаиду! При ней же тотчасъ послано было за карломъ Шереметева.

— Еще разъ спасенъ я отъ погибели! — говорилъ онъ наединѣ Дюмону.—Этому нельзя иначе быть: часъ мой не приспѣлъ! — Знаете-ли, полковникъ, — продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ, показывая ему ладонь правой руки своей,—знаете-ли, что судьба моя здѣсь давно прочитана мнѣ однимъ астрологомъ такъ ясно, какъ мы читаемъ дороги на ландкартахъ? Вы смѣетесь! Вѣрьте, что я не шутя говорю. Надо только быть посвящену въ астрологическія тайны, чтобъ умѣть различать бредни отъ истины. Вотъ, напримѣръ, какъ не смѣяться было мнѣ предсказанію прусскаго тайнаго совѣтника Ильгена, который по моей ладони пророчилъ мнѣ насильственную смерть!... Знаю, звѣзда моя должна пасть, но не здѣсь, въ Лифляндіи. Видите черточки: одна, двѣ, три, четыре, пять... потомъ сближеніе двухъ вѣнцовъ, и наконецъ... Но что будетъ, то будетъ! По крайней мѣрѣ, я поживу довольно, чтобы отмстить Карлу и не умереть въ исторіи.

Съ трудомъ могъ Дюмонъ повѣрить, чтобы Паткуль, хитрый, благоразумный дипломатъ, храбрый полководецъ, и человѣкъ просвѣщенный, могъ до какой степени запутать свой разсудокъ въ астрологическихъ бредняхъ; но, какъ вѣжливый французъ, согласился съ нимъ, наконецъ, что астрологія есть наука напрасно пренебрегаемая людьми новаго вѣка.

Digitized by Google

Допросили молодого служителя, который за будущія заслуги успѣлъ только сдѣлаться мужемъ пригожей Лотхенъ; грозили увезть его подругу въ Московію, если онъ не откроетъ заговора. Чего не выпытали бы тѣлесныя муки, то высказала любовь. Въ самую полночь, когда всѣ улеглись бы спать, баронесса должна была по веревочной лѣстницѣ спуститься изъ окна, бѣжать черезъ садъ, тамъ переодѣться крестьяниномъ и подъ этимъ видомъ достигнуть ближайшей рощи, гдѣ долженъ былъ ожидать ее проводникъ съ надежнымъ конемъ; между тѣмъ огонь, по проведенной непримѣтно пороховой дорожкѣ, пробѣжавъ сквозь разбитое въ подвалѣ окно, коснулся бы нѣсколькихъ боченковъ съ порохомъ. Изъ рощи баронесса видѣла бы взрывъ дома и свое торжество. Хороши расчеты, но не человѣческіе!

Разумѣется, что счастливымъ соперникомъ ея приняты были всѣ мѣры къ уничтоженію этого замысла; но дипломаткѣ не показывали, что тайна открыта. Русскіе офицеры, собравшіеся въ замкѣ, и хозяйка его, какъ давно знакомые, какъ пріятели, бесѣдовали и шутили по прежнему. Къ умноженію общаго веселія, прибылъ карла Шереметева. Съ приходомъ его, въ глазахъ Аделаиды все закружилось и запрыгало: она сама дрожала отъ страха и чувства близкаго счастія.

— Туда ли я попалъ, братцы? — сказалъ карла, кланяясь умильно и важно на всѣ стороны, — меня звали въ главную квартиру генерала русскаго, а здѣсь, зге! вижу я, одинъ иностранецъ между вами. Не мигай мнѣ, Иванъ Рингальдовичъ, на молодицъ: дескать, забылъ ты нѣмецкое учтивство. Понабрались и мы его, около нѣмцевъ-русскихъ и русскихъ-нѣмцевъ съ утра до ночи! О! мы знаемъ политику: умѣемъ не хуже каспадина обриста фонъ-Верденъ улизнуть на-

Digitized by Google

задъ, когда жарконько бываетъ въ иной часъ; за то на прикладъ въ такихъ хоромцахъ, гдѣ есть фрау фонъ и фрейлейнъ фонъ, постоимъ за себя.

Здѣсь карла охорошился, поправилъ свой парикъ, расшаркался, и, какъ вѣжливый кавалеръ, подошелъ къ рукѣ баронессы и потомъ Аделаиды. Первая отъ души смѣялась, смотря на эту чудную и, какъ видно было по глазамъ его, умную фигуру, и охотно сама его поцѣловала въ лобъ; вторая, вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, задержала его и, краснѣя отъ стыда, который, однакожъ, побѣждало въ ней желаніе счастія, полегоньку начала увлекать его въ другую комнату; онъ — выпутываться изъ рукъ ея; она — еще болѣе его удерживать.

— Что ты дѣлаешь?—спросила съ сердцемъ баронесса.

— Мнѣ нужно сказать ему слово, — отвѣчала рѣшительно Аделаида, боявшаяся упустить въ карлѣ свою судьбу.

— Барышня желаетъ поговорить съ тобою въ другой комнатѣ.—сказалъ Паткуль по-русски,—невѣжливо не исполнить ея желанія.

Со страхомъ пополамъ рѣшился Голіаѳъ отдаться въ плѣнъ своей Цирцеѣ, которая, осторожно притворивъ за собою дверь и не выпуская его изъ рукъ, сѣла на кресла и посадила его къ себѣ на колѣна.

— Покуда не худо!—говорилъ карла, покачиваясь на колѣнахъ Аделаиды,—что-то будетъ далѣе? Жаль, что коню не по зубамъ кормъ.

Сначала все шло хорошо. Аделаида упрашивала, умоляла его жалобнымъ голосомъ, чтобы онъ отпустилъ къ ней ея суженаго, цѣловала его съ нѣжностію, цѣловала даже его руки; но когда увидѣла, что лукавый карла не хотѣлъ понимать этихъ краснорѣчивыхъ выраженій и не думалъ выполнить волю благодѣтель-

Digitized by Google

ной волшебницы, тогда, озлобясь, она рѣшительно стала требовать у него жениха фонъ-Вердена, щекотала, щипала малютку немилосердно. Бѣдный мученикъ защищался, сколько могъ, но потомъ, выбившись изъ силъ, началъ кричить не на шутку, и когда на крикъ его отворили дверь, возопилъ жалобнымъ голосомъ.

— Помогите, родные мои, помогите! Спросите эту русалку, чего она хочетъ? Уфъ! она меня замучила, защекотала, защипала. Батюшки мои! да, видно, въ здѣшнемъ краю нѣтъ вовсе мужчинъ. Пошлите хоть за Верденомъ, котораго она то и дѣло поминаетъ: малый дюжій, ражій, не мнѣ чета!

Всѣ, не выключая баронессы, хохотали до слезъ, смотря на эту сцену. (За тайну было объявлено многимъ изъ присутствовавшихъ, что воспитанница ея, помѣшана на карлахъ, рыцаряхъ и волшебницахъ).

Комедія была искусно приготовлена. Доложили о прибытіи фонъ-Вердена, и сцена перемѣнилась. При этомъ магическомъ словѣ карла былъ выпущенъ изъ плѣна, и Аделаида поспѣшила исправить свой туалетъ, нѣсколько поизмятый упорствомъ Голіаѳа. Между тѣмъ Паткуль вытвердилъ фонъ-Вердену его роль. Но кто бы ожидать могъ? При появленіи отрасли 7-го лифляндскаго гермейстера, у нашего Марса разгорѣлись глаза, какъ у кота на лакомый кусокъ. Онъ признался, что никто не *приходилъ* ему такъ *по нраву* и что онъ непремѣнно завтра же возьметъ ее къ себѣ въ обозъ.

— Помните, господинъ полковникъ!—сказалъ Паткуль,—она хотя и дальняя мнѣ родственница, но все-таки родственница, и вы не иначе получите ее, какъ въ церкви.

— А почему-жъ и не такъ, ваше превосходительство?—говорилъ фонъ-Верденъ, лорнируя глазомъ свою

Digitized by Google

красавицу,—почему-жъ и не такъ? Когда-нибудь мнѣ жениться надо; случай предстоитъ удобный: лучше теперь, чѣмъ позже, и тѣмъ лучше, что я вступаю въ родство вашего превосходительства.

Представили суженаго невѣстѣ. Жениху считали подъ 50; но онъ былъ свѣжъ, румянъ и статенъ, къ тому-жъ оберстеръ, ждалъ съ часу на часъ генеральства, которое едва ли не равнялось съ контурствомъ; страдалъ, рѣзался за нее нѣсколько лѣтъ и, вѣроятно, отъ того и состарѣлся, что слишкомъ подвязался въ трудахъ за нее; вдобавокъ, оставленный съ Аделаидой наединѣ, объяснился ей въ любви съ колѣнопреклоненіемъ, какъ слѣдуетъ благородному рыцарю. Достоинства эти оцѣнены. Рыцарь осчастливленъ вздохомъ и признаніемъ по взаимной любви. Оставалось веселымъ пиркомъ, да и за свадебку; но Аделаида хотѣла еще испытать своего жениха, и не иначе рѣшилась идти съ нимъ въ храмъ Гименея, какъ тогда, когда Марсъ вложитъ мечъ въ ножны свои. Такая отсрочка, несносная, особенно для военнаго, который любитъ все дѣлать на маршѣ, пахнула зимнимъ холодомъ на счастливаго любовника, и съ этого рокового объявленія онъ уже только изъ угожденія своему начальнику игралъ роль страстнаго рыцаря.

— Теперь, — сказалъ Паткуль иронически, — мы отпразднуемъ сговоръ достоинымъ образомъ. Почтеннѣйшая хозяйка была такъ любезна, что приготовила намъ чудесный фейерверкъ. Мы не будемъ дожидаться полуночи, не допустимъ какого-нибудь слугу зажечь его; но, какъ военные, сами исполнимъ эту обязанность. — (Баронесса поблѣднѣла). — О! стоитъ его посмотрѣть; только издали эффектъ будетъ сильнѣе. Программа этой потѣхи: здѣшній замокъ и съ нимъ вашъ покорнѣйшій слуга на воздухъ.

— Господинъ генералъ-кригскомисаръ! я только т

Digitized by Google

перь признаю васъ такимъ,—произнесла баронесса съ видимымъ смиреніемъ,—вы побѣдили меня. Горжусь, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что, имѣвъ дѣло съ могучимъ Царемъ Алексѣевичемъ и умнѣйшимъ министромъ нашего вѣка, едва не разрушила побѣдъ одного и смѣлой политики другого. Надѣюсь, что для изображенія этой борьбы исторія удѣлитъ одну страничку лифляндкѣ Зегевольдъ.

— Покуда скажу вамъ, госпожа баронесса, что сорокѣ не идетъ мѣшаться тамъ, гдѣ дерутся коршуны. Впрочемъ будьте спокойны. Паткулю постыдно мстить женщинѣ. Это самое избавляетъ васъ отъ качель, которыя мнѣ приготовили. Какъ бы то ни было, дѣло кончено. Въ доказательство же искренняго къ вамъ расположенія, предлагаю вамъ немедленно выѣхать изъ Гельмета и взять съ собою кого и что почтете нужнымъ. Охранная стража проводитъ васъ до чѐрты, нами незанятой. Предупреждаю васъ, что завтра утромъ замокъ вашъ будетъ разграбленъ: добыча эта принадлежитъ солдату по праву побѣды.

Можно догадаться, что баронесса воспользовалась такимъ великодушнымъ предложеніемъ, давъ себѣ слово не мѣшаться впредь ни въ какія политическія дѣла.

Черезъ часъ послѣ ея отъѣзда все уже спало въ замкѣ; только одни усталые русскіе стражи перекликались по временамъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя вчера еще охраняли нѣмцы и латыши. Такъ все на свѣтѣ смѣняется: великіе и малые входятъ въ него только на часовой караулъ. Все спало, сказалъ я; свѣтъ мѣ-

пригвожденнаго къ голубому небу, какъ серебй Оссіановъ щитъ, переливался на волнующейся ѣ и зелени луговъ, охрусталенной густою росой; ..скорѣ и мѣсяцъ, казалось, утратилъ свой блескъ. ..ый, красноватый свѣтъ разлился по землѣ и крунебосклона встали огненные столбы: это были

Digitized by Google

зарева пожаровъ. Изъ тишины ночи поднялись вопли жителей, ограбленныхъ, лишенныхъ крова и тысячами забираемыхъ въ плѣнъ. Таковъ былъ еще способъ русскихъ воевать, или, лучше сказать, такова была политика ихъ, дѣлавшая изъ завоеваннаго края степь, чтобы лишить въ немъ непріятеля средствъ содержать себя— жестокая политика, извиняемая только временемъ!

— Подожди еще горѣть ты, Рингенъ! подожди, пока месть Елисаветы Трейманъ не погуляла въ тебѣ! — говорила Ильза, приближаясь вторично въ одинъ и тотъ же день къ Гельмету.

По утру она была пѣшая, теперь катила на своей походной телѣжкѣ, далеко упреждавшей о себѣ стукомъ по битой дорогѣ. Стражи окликнули маркитантшу; но, узнавъ любимицу свою, тотчасъ ее пропустили и доложили ей именемъ Мурзенки, что онъ, взявъ проводника, поскакалъ опустошать окрестные замки и что къ утру ждетъ ее въ Рингенѣ.

Въ виду стояла хижина бабки Ганны. Отправляясь въ походъ противъ злѣйшаго своего врага, не проститься съ нею, можетъ быть, прощаніемъ вѣчнымъ, почитала она за грѣхъ. Вздумано, сдѣлано. Конь привязанъ къ кусту, маркитантша на порогѣ хижины. Дверь была отворена настежъ; зарево пожаровъ вмѣстѣ съ свѣтомъ мѣсяца освѣщало вполнѣ всѣ предметы. Ильза переступила порогъ. Все было тихо гробовою тишиной; хоть бы вздохъ или дыханіе соннаго отозвались жизнію! На кровати лежала Ганне; она смотрѣла въ оба глаза съ кровавыми полосами вмѣсто рѣсницъ, и улыбаясь, какъ будто хотѣла говорить: «Юргенъ, Юргенъ! не пора ли мнѣ къ тебѣ!» На лѣвомъ ея вискѣ было большое, темное пятно. Ильза подумала сначала, что это тѣнь, отбрасываемая съ потолка круглымъ предметомъ. Она подходитъ ближе, будитъ Ганну... но Ганне спитъ сномъ непробуднымъ. Она

Digitized by Google

беретъ ее за руку: рука—ледъ.—«Умереть ей когда-нибудь надо было,—говоритъ сама съ собою Ильза,—но черное пятно на вискѣ не тѣнь Злодѣйская рука ее убила!...» Она смотритъ на полъ—роковой голышъ у кровати; оглядывается—вдоль стѣны виситъ Мартынъ... Посинѣлое лицо, подкатившіеся подъ лобъ глаза, рыжіе волосы, дыбомъ вставшіе,—все говоритъ о насильственной смерти. Крѣпкій сукъ воткнутъ въ стѣну, и къ нему привязана веревка. Нельзя сомнѣваться: онъ убилъ Ганну по какому-нибудь подозрѣнію и послѣ самъ удавился. Русскимъ не за-что губить старушку и мальчика, жившихъ въ нищенской хижинѣ.—«Сынъ разврата!» восклицаетъ ожесточенная Ильза, не проронивъ ни одной слезинки, потому что слезы подавлены были камнемъ, стоявшимъ у сердца ея: «ты умеръ настоящею своею смертью: тебѣ иначе и умереть не должно! Но зачѣмъ погубилъ ты эту несчастную?»

Она бѣжитъ на ближайшій пикетъ, беретъ изъ костра пылающую головню, упрашиваетъ трехъ солдатъ идти за нею. Солдаты ей повинуются; одинъ изъ нихъ беретъ головню въ руки.

— Видите-ли этого злодѣя?—сказала она, приведя ихъ въ хижину,—онъ убилъ свою бабку, и самъ удавился.

Солдаты, привыкшіе къ ужасамъ смерти, съ робостію отступили назадъ при видѣ мертвецовъ; но, вскорѣ ознакомившись съ этимъ зрѣлищемъ, подошли къ нимъ ближе.

Чорту баранъ!—закричалъ одинъ, вглядываясь мальчика.

А, да это знакомецъ! — прибавилъ второй со смѣхомъ, свѣтя головнею въ лицо удавленника и опа- у него волосы, — вѣдашь, рыжій, бойкій маль- котораго Удалый изъ 3-й роты отнялъ подлѣ

Digitized by Google

разломанной башни кувшинъ съ мѣшечкомъ, набитымъ серебряными копѣечками.

— Онъ и есть, — продолжалъ третій. — Диву дались, гдѣ онъ, окаянный, эку пропасть денегъ набралъ. Хоть бы у боярина нѣмецкаго столько поживиться. Этакой добычи Удалому спать было не выспать.

— И то правду сказать, перебилъ второй, — кабы мы съ тобой не пришли на помощь, изъѣлъ бы его мальчишка зубами; вишь и теперь скалитъ ихъ, будто хочетъ укусить. На, ѣшь собака!

Тутъ солдатъ ткнулъ головнею въ зубы мальчику.

Въ какомъ-то безумномъ молчаніи Ильза смотрѣла на старушку; но когда услышала, что солдаты ругаются надъ ея сыномъ, природное чувство не любви, нѣтъ! но крови пробудилось въ ней—и она оттолкнула рукой солдата, вооруженнаго головнею.

— Прочь!—онъ сынъ мой!—вскричала изступленная, вытащила клинъ, на которомъ висѣлъ удавленникъ, положила Мартына на землю, сбѣгала за своей телѣжкой и уложила его на нее.

— Куда-жъ везешь дитятку? — спросили солдаты.

— Къ отцу-сатанѣ въ гости!—отвѣчала она.—Теперь помогите мнѣ похоронить старушку. Пускай же домъ, въ которомъ она жила, будетъ и по смерти ея домомъ. Не доставайся жъ онъ никому въ наслѣдство.

Тутъ она просила солдатъ отнять два столбика, подпиравшіе крышу; желаніе ея было выполнено, и въ одинъ мигъ, вмѣсто хижины, остался только земляной безобразный холмъ, надъ которымъ кружился пыльный столбъ. Солдатамъ послышался запахъ сѣры; имъ чудилось, что кто-то закричалъ и застоналъ подъ з лей—и они, творя молитву, спѣшили безъ оглядки пикетъ.

Ильза, сѣвъ на свою лошадку и погнавъ ее по рогѣ въ Рингенъ, запѣла протяжнымъ похоронн

Digitized by Google

напѣвомъ слѣдующую старинную пѣсню. Къ ней, по временамъ, примѣшивались вопли, разносимые вѣтромъ.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ.
Высылай на встрѣчу ты намъ
Кастеляна съ ключемъ,
Меченосца въ латахъ златыхъ,
Пажа, несъ чтобъ привѣтъ.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ вь гости къ тебѣ.
Ты задай на славу намъ пиръ!
Вотъ какъ, скажутъ, баронъ
Угощаетъ сына, жену,
Столько лѣтъ не видавъ!

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ,
Ты поставь на столъ, у тебя
Что ни лучшаго есть:
Свое сердца въ жолчи, въ крови,
Очи милой своей.

Отворяй, баронъ, ворота:
Ѣдемъ въ гости къ тебѣ.

Двухколесная телѣжка шумѣла по битой дорогѣ; долго горѣло зарево пожаровъ; мѣсяцъ глядѣлъ въ открытыя очи мертвеца, и раздавался въ отдаленіи похоронный напѣвъ Ильзы.

ІЛС

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИГОВОРЪ

То было привидѣнье,
Враждебный духъ, изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру!
Но мнѣ, съ мечомъ владыки моего,
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду, зоветъ побѣда!
Пусть на меня весь адъ вооружится:
Живъ Богъ—моя надежда не смутится!
„Орлеанск. Дѣва"—Перев. *Жуковскаго.*

Черезъ нѣсколько дней послѣ гуммельсгофской битвы, въ глухое ночное время, пробирались къ сторонѣ Менцена (русскими названнаго *Черною Мызою*) слѣпецъ и его товарищъ. Съ самой роковой побѣды русскихъ, избѣгая мести Шлиппенбаха, Вольдемаръ избиралъ это время для своего путешествія. Ночь была темная; но онъ зналъ хорошо мѣстность и не боялся заплутаться. Весело и легко шелъ онъ, ведя одною рукою своего спутника, другою помахивая узловатымъ, дубовымъ кистенемъ. Оставалось имъ до Менцена около полумили; но путь ихъ не туда былъ: за оврагомъ отдѣлялась отъ большой дороги тропинка въ лѣ Тамъ, подъ густою сѣнью ихъ, въ бѣдной хижи лѣсника, ожидало нашихъ странниковъ спокойное репутье. Слѣдующій день долженъ былъ ихъ увид на мызѣ г. Блументроста, близъ «долины мертвецов

Digitized by Google

Слѣпецъ началъ пріостанавливаться.

— Что съ тобою?—заботливо спросилъ его младшій путникъ.

— Чудныя видѣнія обступили меня теперь,—отвѣчалъ Конрадъ. — Я видѣлъ край, доселѣ невѣдомый мнѣ. Каменная, зубчатая стѣна бѣлѣлась на берегу рѣки; за стѣною на горѣ разсыпаны были бѣлокаменныя палаты, съ большими крыльцами, съ теремами, съ башеньками, и множество храмовъ Божіихъ съ золотыми верхами въ видѣ пылающихъ сердецъ; на крестахъ ихъ теплился лучъ восходящаго солнца, а крыши горѣли, подобно латамъ рыцаря; въ храмахъ было зажжено множество свѣчей. Я слышалъ: въ нихъ пѣли что-то радостное; но то были пѣсни неземныя...

— Другъ!—сказалъ Вольдемаръ, пожимая товарищу руку,—ты видѣлъ мою родину.

При этомъ словѣ оба путника поникнули душою, какъ передъ святынею. Молчалъ благоговѣйно слѣпецъ; молчалъ младшій странникъ; слезы омочили его лицо, и сладостныя видѣнія друга перешли въ его сердце вмѣстѣ съ надеждой, залетною гостьею, еще никогда такъ крѣпко не ластившеюся къ нему.

Не замѣтилъ Вольдемаръ, какъ поднялась черная туча, какъ насунулась на нихъ. Сдѣлалась темь, хоть глазъ выколи. И слѣпой и зрячій видѣли почти равно: оба вели другъ друга, ощупывая дорогу ногами и посохомъ. Они подошли къ оврагу и почти сползли въ него. Вправо были кусты, въ нихъ мелькнулъ огонекъ, еще разъ мелькнулъ и скрылся; черныя тѣни ходили, поднимались и упадали.

«Что бы это значило?» — думалъ Вольдемаръ. — «Волкъ не сверкаетъ такъ глазами, ища добычи. Разбойниковъ не слыхалъ въ Лифляндіи. Можетъ быть, нечистые бродятъ въ полуночные часы?...»

Кровь у него потекла быстрѣе. Три раза перекре-

Digitized by Google

стился онъ, три раза прочелъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его!..* и успокоился. Выбравшись изъ оврага, онъ невольно оглянулся. Чтожъ? Таинственный огонекъ показался опять, вышелъ изъ кустовъ въ оврагъ и слѣдилъ его. Вольдемаръ отъ него по тропѣ въ лѣсъ: онъ повернулъ за нимъ, но вдругъ на новомъ поворотѣ исчезъ. Безстрашный въ самыхъ трудныхъ и грозныхъ случаяхъ, когда имѣлъ дѣло съ живыми людьми, гусляръ оробѣлъ передъ духами, которые его преслѣдовали. Ему казалось, что его хватаютъ сзади за плеча, что его кличутъ; увлекая старца, онъ торопилъ свои шаги, нерѣдко спотыкался и читалъ про себя молитву.

Туча сдвинулась съ полнеба, звѣзды заискрились, предметы нѣсколько выступили изъ земли и входъ въ лѣсъ означился. Вольдемаръ съ трудомъ поворотилъ шею, сжатую страхомъ: нигдѣ ужь не видать было огонька. Члены его развязались, грудь освободилась отъ тяжести, на ней лежавшей; вѣтерокъ повѣялъ ему въ лицо прямо съ востока, и сердце его освѣжилось. Смѣло вошелъ онъ въ лѣсъ, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ хижинѣ лѣсничаго.

Дверь въ нее, по обыкновенію латышей, была отворена; лучина горѣла въ свѣтцѣ и тускло освѣщала внутренность дымной избы, зажигая по временамъ на воздухѣ сажу, падавшую съ закоптѣлаго потолка. Сквозь дымъ, разстилавшійся по избѣ, можно было еще различить доску на двухъ пняхъ, замѣнявшую столъ, на ней чашу съ какой-то похлебкою, тутъ же валяную бѣлую шапку и топоръ, по землѣ посуду, корыто для корма свиней, въ углу развалившуюся свинью съ семьей новорожденныхъ, а около стола самого хозяина латыша, вѣроятно только что пришедшаго съ ночного дозора, и жену его. Оба подпарились древностью лѣтъ, распущенными по плечамъ волосами,

Digitized by Google

свѣтлыми, на подобіе льна, и одеждою, столь нечистою, что можно было высѣчь изъ нея огонь, какъ изъ трута. Они прихлебывали изъ чаши и при отдыхахъ вели нехитрую рѣчь. Услышавъ, что вошли въ избу, старуха велѣла мужу *нишкнуть*, сняла лучину со свѣтца, обломала нагаръ, выставила ее впередъ и приложила лѣвую руку надъ глазами, чтобъ лучше видѣть.

— А! это *старшина!* [1]) — сказала она, вложивъ опять лучину въ свѣтецъ, и по прежнему стала вкушать отъ скромной трапезы и приправлять ее бесѣдою.

Хозяинъ едва кивнулъ вошедшимъ и, не заботясь о нихъ, продолжалъ хлопотать около чаши съ похлебкой.

Вольдемаръ усадилъ слѣпца на одной изъ скамей, прислоненной къ углу избы и самъ сѣлъ подлѣ него.

— Не слыхать-ли въ вашемъ краю солдатъ?—спросилъ онъ послѣ краткаго молчанія.

— *Avita Jumal, avita!* (Помилуй Господи, помилуй!)—отвѣчалъ латышъ, не поворачиваясь.—Давича, только-што солнышко пало, налетѣло *синихъ* на мызу и не вѣсть што словно весною рой жуковъ на сосну.

— Не видалъ-ли, откуда шли *синіе?*—съ безпокойствомъ спросилъ опять Вольдемаръ.

— Отколь? да, кажись, изъ *Аллуксне* [2]).

Вольдемаръ задумался. Онъ догадывался, что пришедшіе въ Менценъ шведы принадлежали отряду, вышедшему изъ Маріенбурга вслѣдствіе путешествія цейгмейстера Вульфа; онъ зналъ также, что русскій отрядъ долженъ былъ въ скорости явиться подъ Мен- чтобы не допустить крота возвратиться въ свою , и спросилъ крестьянина: «не слыхать-ли объ *хъ?*»

---

[1]) Такъ называютъ латыши тѣхъ, кого они уважаютъ.
[2]) Латышское названіе Маріенбурга.

Digitized by Google

Долго ждалъ онъ отвѣта. Латышу и разговоръ былъ въ тяжелый трудъ. Выручить его рѣшилась наконецъ, его нѣжная половина и вѣрная помощница.

— Чуть было намнясь,—сказала она, зѣвая и потягиваясь,—катали они съ синими чортовы шары. Съ того денечка ни гугу о нихъ, *братецъ*, будто мухи померли въ бабье лѣто.

— Не заходили-ль къ вамъ еще нечаянные гости?

— Въ потаенность тебѣ сказать,—продолжала хозяйка,—толкнулись къ намъ позавчера...

— Старуха, а старуха!—закричалъ латышъ,—повѣсь языкъ на палку.

— Бѣда не вѣсть какая!—продолжала супруга его, качая головой.—Чай мы отъ старшины не съ эсту-ста дрянь видали. Не потачь, *братецъ*, вотъ видишь позавчера...

Въ стѣну застучали палкой и раздался со двора жалобный голосъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Будто кипяткомъ обдало сердце Вольдемара. Голосъ этотъ объяснилъ ему тотчасъ, кто былъ злой духъ, его недавно преслѣдовавшій; въ этомъ голосѣ прочелъ онъ цѣлую старинную повѣсть, которую несчастный хотѣлъ бы забыть навѣки.

— Ну, завывали, окаянные!—закричала старушка съ неудовольствіемъ; потомъ наклонившись назадъ къ младшему страннику, присовокупила шопотомъ:—Онито и есть, мой родной, все о тебѣ поспрошали; видно, така луна нашла!

Не было зова новымъ гостямъ, не было и отка но безъ того и другого вошли они въ избу. Это бы русскіе раскольники. Впереди брелъ сутуловатый с ричекъ; въ глазахъ его изъ-подъ густыхъ, сѣды бровей просвѣчивала радость. За нимъ слѣдовалъ

Digitized by Google

нецъ съ ужимками смиренія. Трое суровыхъ мужиковъ, при топорахъ и фонарѣ за поясомъ, остановились у двери.

Старичокъ, кряхтя, сѣлъ на пустую скамейку, прочиталъ шопотомъ молитву, потомъ, обшаривъ сверкающими, кровавыми глазами во всѣхъ углахъ, остановилъ ихъ съ ужасомъ на Вольдемарѣ, медленно, три раза перекрестился двуперстнымъ знаменіемъ и воскликнулъ:

— Съ нами крестная сила! Владиміръ! тебя-ли очи мои видятъ?

— Да, князь Андрей Мышитскій! — отвѣчалъ съ твердостію Владиміръ (такъ будемъ звать его съ этого времени),—наконецъ ты нашелъ свою жертву.

Андрей Денисовъ (ибо это онъ былъ) обратился къ своимъ спутникамъ. Въ одномъ изъ нихъ, чернецѣ, легко намъ узнать Авраама. Старикъ приказалъ имъ отойти нѣсколько отъ хижины, одному стать на стражѣ, другимъ отдохнуть, что немедленно и съ подобострастіемъ выполнили они, исключая Авраама, который возвратился прислушивать сквозь стѣну. Самъ хозяинъ, не заботясь о гостяхъ, ушелъ спать на житницу.

Опираясь на посохъ обѣими руками и на нихъ подбородкомъ, осѣненнымъ пушистою бородой, сидѣлъ слѣпецъ. Не зная, кто говорилъ съ его товарищемъ и не понимая языка ихъ, онъ, при звукахъ ихъ разговора, которому степени страстей давали различную силу, ловилъ для себя близкій смыслъ и вѣрные образы. Въ собесѣдникѣ своего друга видѣлъ онъ уродливаго, лукаваго старичишку съ рогами; постигалъ, что этотъ бѣсъ, хранитель тайны, располагавшей судьбою Владиміра, и потому страхъ, грусть и негодованіе попеременно отзывались на лицѣ святого старца, какъ на клавишахъ разнообразные звуки равно

Digitized by Google

печальной пѣсни. Товарищъ его хотѣлъ казаться твердымъ, однакожъ, замѣтно было, что въ прямой дубъ ударилъ громъ; онъ стоялъ еще прямо, но сожженный огнемъ небеснымъ, представлялъ только остовъ прежняго своего величія. Губы несчастнаго помертвѣли; багровыя пятна, подобныя тѣмъ, какія видимъ у чахоточныхъ, выступили на его щекахъ; глаза его горѣли тусклымъ пламенемъ: все въ немъ сказывало, что появленіе нечаяннаго гостя убило его надежды. Прямо противъ него сидѣлъ ересіархъ. По удовольствію, проницавшему въ глазахъ его сквозь оболочку сожалѣнія, видно было, что онъ поймалъ жертву, долгое время отъ него ускользавшую. Она въ сѣтяхъ его; трудно, можетъ быть, невозможно ей вырваться изъ нихъ: но лукавый показывалъ, что она свободна и что отъ нея самой зависитъ быть зарѣзанной, или бѣлымъ свѣтомъ наслаждаться. Не о благѣ Владиміра хлопоталъ онъ, но о томъ, чтобы угодить своимъ страстямъ и отчасти своей покровительницѣ. Между тѣмъ онъ показывалъ, что счастію другихъ жертвуетъ собою. Андрей Денисовъ не простой раскольникъ. Изъ роду князей Мышитскихъ, наученный искусству краснорѣчія въ кіевской академіи и всѣмъ пріемамъ ухищренной политики при дворѣ коварной Софіи, которой былъ онъ достойнымъ любимцемъ, умѣвшій поставить себя на степень патріарха поморскихъ раскольниковъ, онъ зналъ очень хорошо, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому оправлялъ свое лицемѣріе, властолюбіе и вражду къ роду Нарышкиныхъ въ сладкую, витіеватую рѣчь, въ чувства любви, признательности и святости. Присоедините къ этой группѣ лицо хозяйки, на которомъ свѣтъ отъ горящей лучины озарялъ вполнѣ глупость, неудовлетворенное любопытство [illegible] временамъ сожалѣніе о молодомъ странникѣ, повидимому обижаемомъ.

Digitized by Google

Нѣсколько времени съ сожалѣніемъ смотрѣлъ Андрей Денисовъ на Владиміра, наконецъ, покачавъ головой, произнесъ:

— Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ, гадать бы, не разгадать, чтобы моего питомца, того, который былъ нѣкогда золотою маковкою царевнина терема, зѣницу ока ея, отъ кого надрывались завистію боярскія дѣти, стольники, самъ Петръ, кому готовилъ я передать ключи выговскаго вертограда... чтобы его найти мнѣ въ курной латышской избѣ, въ сонмѣ нечестивыхъ, на одной веревочкѣ с слѣпымъ бродягою.

Андрей Денисовъ остановился, опять съ сожалѣніемъ долго осматривалъ Владиміра и продолжалъ;

— Помню еще, какъ ты, статный, гордый, красивый, бѣгалъ по теремамъ Софіи Алексѣевны. Словно теперь вижу, какъ ты стоялъ передъ ней на колѣнахъ, какъ она своей ручкой расчесывала кудри твои. О! какъ вилось тогда около нея вверхъ твое счастіе, будто молодой хмѣль около кіевской тополи! А теперь... худъ, состарѣлся, не доживъ вѣка... въ бусурманской одеждѣ, босъ... Господи! легче было-бъ мнѣ ослѣпнуть до дня сего. (Тутъ Денисовъ утеръ слезы, показавшіяся на его глазахъ).

Владиміръ молчалъ.

— Ты ничего не говоришь, сынъ мой?

— Пожалуй,—сказалъ Владиміръ съ усмѣшкою,— давай перекидываться вопросами. Такъ, въ свою очередь, скажи мнѣ, по какому случаю въ этой самой курной избѣ, въ нищенскомъ видѣ, въ образѣ отступника своего отечества и вѣры, съ какими-то разбойниками, встрѣчаю князя Мышитскаго, украшеніе кіевской академіи, сподвижника князей Хованскихъ и Милославскихъ, задушевнаго друга той же царевны, наконецъ, преподобнаго отца Андрея, свѣтильника поморской церкви и главу ея?

Digitized by Google

— Отступника? Съ разбойниками? Вотъ чѣмъ платятъ нынѣ тому, который на рукахъ своихъ принималъ тебя въ Божій міръ, отказался отъ степеней и чести, чтобы ухаживать за тобою! И я самъ не хуже твоего Бориса Шереметева умѣлъ бы ѣздить съ вершниками, не хуже его управлялъ бы ратнымъ дѣломъ, какъ нынѣ правлю словомъ Божіимъ; но предпочелъ быть пестуномъ сына...

— Что еще? Прибавь.

— Да, сына грѣха, говорю тебѣ, неблагодарный! Хороша за все награда!... Вотъ чему обучили тебя супостаты наши! Оголивъ, изуродовавъ твое обличіе, данное тебѣ по образу и подобію Іисуса Христа и Спасителя нашего, они въ то же время содрали съ души твоей все благолѣпіе, ее украшавшее. Оскорбляй меня, именуй меня чаще княземъ; ибо ты вѣдаешь, что мнѣ давно ненавистны лжеименныя почести міра сего, что я промѣнялъ ихъ на смиренное отшельничество и служеніе моему Господу и единому Владыкѣ. Пожалуй, назови меня княземъ ада! Называй разбойниками братьевъ о Господѣ, за то, что они носятъ орудія, которыя земному отцу Бога и Спаса нашего, Іосифу древодѣлателю, не были въ стыдъ. Ругайся надо мною; мечись, какъ василискъ, на грудь, согрѣвшую тебя отъ смерти тѣлесной и душевной: я открою тебѣ эту грудь. Все тебѣ прощаю. Чтожъ ты видишь меня здѣсь странникомъ, между латышскими псами и погаными нѣмцами, то знай, неблагодарный, для тебя покинулъ я паству, Христомъ мнѣ ввѣренную, этихъ агнцевъ Божіихъ, бѣжавшихъ изъ Россіи отъ кровожаднаго волка, этотъ народъ православный, отдѣлшійся отъ народа развращеннаго. Я, владыка и брахъ, старецъ глядящій въ гробъ, вмѣсто того, что послѣдніе дни моей жизни провести въ молитвѣ изготовиться ко дню предстоящаго намъ всѣмъ стра

Digitized by Google

наго суда, — я таскаюсь по чужимъ землямъ, гдѣ на каждомъ шагу или встрѣчаютъ меня соблазны, укоризны и оскорбленія, или готовится мнѣ насильственная смерть. Чего бъ въ смиренной обители не видѣли очи мои въ полвѣка, на то долженъ я нынѣ взирать безпрестанно. Съ бусурманами, съ содомитянами, новщиками долженъ я нерѣдко вести бесѣду, служить имъ, угождать... и все это для того, чтобы возвратить на путь истины заблудшуюся овцу! Все это для тебя, неблагодарный!

— Неблагодарнымъ я и буду. Напрасны твои труды, твои подвиги и жертвы; я останусь, я хочу остаться при моемъ заблужденіи: оно для меня сладко, составляетъ мое счастіе, и я не промѣняю его ни какія блага, которыя ты мнѣ готовъ посулить и можешь дать. Узналъ я довольно хорошо твою истину. Она вооружила руку мою на злодѣяніе, привела меня подъ плаху, перебросила въ скитъ твой, гнѣздо заблужденія и невѣжества, и заставила двѣнадцать лѣтъ шататься изъ края въ край безроднымъ сиротою. Кто жъ, какъ не твоя истина довела меня до того состоянія, которымъ меня упрекаешь?... Не пришелъ-ли вложить снова въ руку мою ножъ, изъ нея выпавшій? Теперь, думаешь, эта рука, не отроческая, отвердѣла въ несчастіяхъ, искусилась въ дѣлахъ крови — не сдѣлаетъ промаха. На кого направляешь ее теперь? Гдѣ укажешь мнѣ жертву? Не опять-ли у алтаря Бога живого освятить ее? Посули опять плаху! Авось, не увернусь.

Андрей Денисовъ покачалъ головой, всталъ, посмо..ъ у двери, не видать-ли кого; но такъ какъ лука- Авраамъ остереженный его походкою, успѣлъ за- ..уть за уголъ избы, то ересіархъ, успокоившись, никто не услышитъ его бесѣды съ Владиміромъ, ..опять на свое мѣсто и продолжалъ:

Digitized by Google

— Не вмѣни ему, Господи, словесъ его въ прегрѣшеніе,—сказалъ онъ, возведя очи къ небу и перекрестясь, — *суетный* не вѣдаетъ, что говоритъ и что творитъ. До того еретики отуманили его разумъ и опутали душу его, что онъ забылъ все святое на землѣ. Отщепенецъ православной церкви, сообщникъ слугъ антихристовыхъ, онъ и благодарность и кровь топчетъ въ грязи. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» То, что онъ сдѣлалъ, что обязанъ былъ сдѣлать изъ любви и преданности къ своей законной царицѣ, благодѣтельницѣ, однимъ словомъ... второй матери своей, называетъ онъ злодѣйствомъ?

— Да, злодѣйствомъ и все-таки злодѣйствомъ, для кого бы я его ни сдѣлалъ. Неужели ты, князь Андрей Мышитскій, или просто, Андрей Денисовъ, думаешь говорить нынѣ съ отрокомъ и по прежнему медоточивыми устами отравлять его неопытную душу? Вспомни, что прошло много лѣтъ съ того времени, когда ты игралъ моими помыслами и сердцемъ, какъ мячикомъ, когда я слушалъ тебя, какъ безразсудное дитя. Вглядись-ка въ меня хорошенько: ты говоришь съ мужемъ, на головѣ моей проглядываютъ ужь сѣдины, я былъ въ школѣ несчастія, научился узнавать людей, и потому тебѣ просто скажу: я тебя знаю, ты обмануть меня не можешь. Оставь для другихъ свою хитросплетенную рѣчь. Говори просто: чего хочешь отъ меня?

— Спасти тебя, несмысленный, на зло тебѣ же, спасти твое тѣло отъ казни земной, а душу отъ вѣчнаго мученія.

Владиміръ съ горькою усмѣшкою перебилъ рѣ Денисова:

— Благое же начало ты этому спасенію сдѣлал послалъ своего *старца* въ станъ русскій подъ Новь. городокъ, съ подметнымъ письмомъ! Чего лучше? І

Digitized by Google

немъ обѣщалъ предать меня, обманщика, злодѣя, бѣглеца, прямо въ руки палача Томилы. Я копаю русскимъ яму; голову мою Шереметевъ купилъ бы цѣною золота; самъ царь дорого бы заплатилъ за нее! И за эту кровную услугу ты же требовалъ награды: не тревожить твоихъ домочадцевъ зарубежныхъ. То-ли самое писалъ ты тогда?

— То самое, — отвѣчалъ съ наружнымъ спокойствіемъ Андрей Денисовъ.

— Чтожъ ты говоришь теперь?

— То же самое хотѣлъ и сказать и теперь. Но прежде нежели я рѣшился погубить тебя, я послалъ къ тебѣ старца Аѳиногена, этого мученика, положившаго за Христа животъ свой.

— Скажи лучше: за свою бороду

— Что предлагалъ онъ тебѣ?

— То, чего не исполню никогда: возвратиться въ скитъ твой.

— Я и нынѣ пришелъ тебѣ то же предложить: вотъ путь къ твоему спасенію. А буде не послушаешь, я долженъ тебя извести: да, я долженъ тогда самъ, своими руками, предать ослѣпленнаго, *засуетившагося*, достойной казни. Одна строка твоему же Шереметеву—и ты пропалъ.

— А Богъ?...

Это слово, съ твердымъ упованіемъ выговоренное, смутило и пустосвята. Онъ старался освободиться отъ узъ, въ которыя сковало его это великое слово, сотворивъ обычную свою молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!»—молитву, разлающую, по мнѣнію раскольниковъ, всѣ ихъ на-ти. Потомъ, оправившись нѣсколько отъ своего щенія, онъ присовокупилъ: — Прежде нежели вы-лю твой приговоръ, спрошу тебя: кому ты слу-?

Digitized by Google

— Лукавый долженъ бы тебѣ это сказать.

— Неправда. Духъ, вразумляяй и старца и младенца, побораяй по вѣрнымъ своимъ, сказалъ мнѣ, кому ты служишь: вѣстимо, русскому воинству!

— Кому жъ иному можетъ служить русскій? «Изсуши Матерь Божія руку того, кто подниметъ ее на помощь врагамъ отечества! И ты, если любишь святую Русь, долженъ не губить меня, а помогать мнѣ.

Глаза ересіарха примѣтно разгорѣлись; возвыся голосъ, онъ перервалъ рѣчь Владиміра.

— Постой, дитятко мое, не такъ прытко. Служа русскому войску, не Петру-ли Нарышкину ты работаешь?... И мнѣ пособлять тебѣ? Мнѣ, цѣловавшему крестъ законной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; мнѣ, взысканному ея милостями и дружбою, православному христіанину, пойти въ работники къ погубителю царевны, къ матросу, табашнику, еретику?... Легче отсохни и моя правая рука, чтобъ я не могъ ею сотворить крестное знаменіе! Разорви лютымъ зеліемъ утробу мою! Чтобы меня въ смертный часъ, вмѣсто страшныхъ Христовыхъ Таинъ, напутствовалъ хохотъ сатаны!

— Только теперь узнаю въ тебѣ прежняго князя Мышитскаго, врага рода Нарышкиныхъ, друга Милославскихъ. Вотъ рѣчь, которая тебѣ пристала! Она твоя, не заемная. Давно бы такъ!

— Умирая, буду ее говорить. (Андрей отъ гнѣва трясся съ судорожнымъ движеніемъ). Изъ могилы подамъ голосъ, что я былъ врагъ Нарышкинымъ и другъ Милославскимъ не словомъ, а дѣломъ; что я въ царствѣ Петра основалъ свое царство, враждебное ему болѣе свейскаго; что эта вражда къ нему и роду его не умерла со мною и съ моимъ народомъ; что я сѣялъ ее глубоко отъ моря Ледовитаго до Хвалынскаго, отъ Сибири до Литвы, не на одно, на нѣсколь-

Digitized by Google

десятковъ поколѣній. Знай и ты, радушный человѣкъ, жертвующій собою величію Петра Нарышкина, знай... (Денисовъ лукаво шепнулъ Владиміру какое-то слово).

— Нѣтъ, нѣтъ, ты смущаешь меня! — повторилъ Владиміръ, въ недоумѣніи связывая въ умѣ своемъ разныя догадки.—Какимъ образомъ Кропотовъ въ родствѣ съ нимъ?... Я этого никогда не слыхалъ.

— Въ тебѣ Кропотова нѣтъ ни капли крови.

— Для чегожъ мнѣ въ дѣтствѣ сказывали за тайну, что я сынъ какого-то боярина Кропотова? На чтожъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и ты самъ мнѣ объ этомъ нерѣдко напоминали?

— Такъ надо было. Открою тебѣ болѣе: ты родился почти въ одинъ часъ съ сыномъ Кропотова; ловкая бабка подмѣнила его тобою; онъ отвезенъ въ выговскій скитъ, тамъ воспитанъ, и, если хочешь знать, это тотъ самый молодой чернецъ, Владиміръ, по прозванію Дѣвственникъ.

— Этотъ агнецъ, эта непорочная душа, которая ничего не знаетъ, никого не любитъ, кромѣ Бога? Можетъ-ли статься?.. Потомъ что?

— Ты слылъ года два сыномъ Кропотова; потомъ мнимый отецъ уступилъ тебя князю Василію съ тѣмъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ; ты росъ богатырски: тебѣ придали слишкомъ 2 года. Человѣка два тайно провѣдали все это и подъ клятвою разсказали за тайну Нарышкинымъ; ложь пошла за истину. Сами Нарышкины, по любви къ Кропотову, выдавали тебя за сироту, издалека вывезеннаго; а всего этого мы и домогались.

— Для чегожъ вся эта кутерьма?

— Нужно было вывесть тебя въ люди и скрыть ...хъ...

— Поэтому я сынъ?...

— Беззаконія.

Digitized by Google

— Сынъ беззаконія?... Какъ это любо!... Порадовалъ ты меня! Сынъ преступленія?... Эка честь! эка благодать!... Ну, пестунъ мой, скажи же ты мнѣ, какъ я попалъ къ царевнѣ?

— Царевна Софія Алексѣевна, съ малолѣтства подруга твоей матери, взяла тебя на свои руки, когда тебѣ минуло десятокъ лѣтъ. Какъ она тебя любила, ты самъ знаешь.

— Да, стоило царевнѣ заботиться о такомъ поганомъ сѣмени; лучше бы втоптать его въ грязь, откуда оно вышло! И тебѣ пришла же охота повивать грѣхъ, ухаживать за нимъ, чтобы онъ выросъ на погубу чужую, свою, твою собственную! Ты бы...

— Я другъ Милославскихъ, преданный моей благодѣтельницѣ, моей царевнѣ... я болѣе...—присовокупилъ съ притворнымъ участіемъ и любовію Андрей Денисовъ.

— Не говори, не говори мнѣ ничего, старикъ, — вскричалъ Владиміръ, дрожа отъ изступленія. — Не искушай меня!... Или — нѣтъ, благодѣтель мой, утѣшитель, порадуй меня еще отвѣтомъ на одинъ вопросъ, — только одинъ вопросъ: кто родившая меня?

— На этомъ свѣтѣ ты этого не узнаешь.

— По крайней мѣрѣ, жива-ли она еще?

— Жива, и бѣдствуетъ.

— Видно такъ, какъ и я. Несчастная мать несчастнаго сына!... Впрочемъ, такъ и быть должно: грѣхомъ порожденъ грѣхъ, чтожъ можетъ произойти кромѣ зла?—Кто жъ виною ея бѣдствій?

— Петръ Нарышкинъ.

— Царь Петръ?... (Послѣ минуты задумчивости) Такъ онъ погубилъ ее?

— Онъ.

— Правду-ли говоришь?

Digitized by Google

— Покарай меня Всемогущій Богъ и Его небесныя силы, коли я говорю тебѣ ложь!

— Отъ сего часа бросаю все. Иду, слѣдую за тобою. Скажи, что мнѣ надобно дѣлать? Клянусь, что пойду за тобою, какъ ребенокъ за кормилицею своею, какъ струя за потокомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я не клянусь; я не клялся еще... Ты сказалъ мнѣ, что я на этомъ свѣтѣ не узнаю имени матери и никогда ее не увижу?

— Никогда.

— Какъ блестятъ маковицы церквей твоей родины,—произнесъ слѣпецъ по-шведски вдохновеннымъ голосомъ, — въ храмѣ пылаютъ тысячи огней; двери растворяются, и пастырь выходитъ съ крестомъ на встрѣчу молодому страннику.

Владиміръ затрепеталъ.

— Что говоритъ этотъ сумасшедшій? — спросилъ ересіархъ, боявшійся, чтобы жертва, которую онъ загналъ въ свои сѣти, не вырвалась изъ нихъ; ибо онъ догадывался, что слѣпецъ въ чемъ-то остерегалъ Владиміра.

— Что онъ говоритъ?... отвѣчалъ гордо и съ чувствомъ Владиміръ, — тебѣ этого не понять, черствый старикъ! Я не иду за тобою, искуситель; я не слушаю тебя. Что мнѣ въ матери, которая отрекается отъ сына, не хочетъ знать его, не хочетъ его видѣть? Волчица не покидаетъ дѣтей своихъ, а моя?... Нѣтъ у меня матери нынѣ, какъ и вчера; забытый родомъ и племенемъ, я самъ забуду ихъ. И что мнѣ помнить, что мнѣ любить?... Развѣ слова матери, отца — звуки языка непонятнаго, тѣни невиданныхъ вещей? Отступ... отъ меня; оставь меня моей судьбѣ, отецъ Андрей! ...ался надо мною! не загораживай мнѣ пути къ моему ...стію; не отнимай у меня того, чего ты мнѣ не ...ъ, чего не можешь дать — что уже мое! Прошу ...ч. умоляю тебя Пречистою Божьею Матерью, Хри-

Digitized by Google

стомъ, распятымъ на крестѣ — скажи мнѣ, какъ просить тебя — ты знаешь, я ни передъ кѣмъ въ жизнь мою не падалъ въ ноги — пожалуй, я упаду передъ тобою!...

— Я не допущу до того тебя. Чѣмъ могу тебѣ помочь?

— Не препятствуй мнѣ быть на родинѣ.

— На родинѣ? Тебѣ?... Тебѣ не видать родины!

— Не видать!... Кто это сказалъ?—вскричалъ Владиміръ голосомъ, отъ котораго задрожали стѣны, и вскочилъ со скамейки, будто готовился вступить въ бой съ враждебными ему силами.—Кто это говоритъ: не видать? А?... Господь Богъ мой, стань за меня и посрами моихъ враговъ.

— Не призывай имени Господа твоего всуе, не бѣснуйся и прочти лучше вотъ эту грамату: ты увидишь изъ нея, что я долженъ съ тобою сдѣлать.

Андрей Денисовъ вынулъ изъ пазухи кожаную сумочку и изъ нея сложенную бумагу, которую подалъ Владиміру. Дрожащими руками послѣдній схватилъ листокъ и, взглянувъ на подпись его, произнесъ съ восторгомъ и горестію:

— Рука царевны Софіи Алексѣевны!

— Да,—примолвилъ вздохнувъ лукавый старикъ:— бывшей царевны, нынѣ инокини Сусанны!

Глаза Владиміра остановились на подписи. Равнодушный къ имени Софіи въ устахъ коварнаге старца, онъ теперь приложился устами къ этому имени, начертанному ея собственной рукой. Какъ часто эта рука ласкала его!... Тысячи сладкихъ воспоминаній втѣснились въ его душу; долго, очень долго вила цвѣточная цѣпь ихъ, пока, наконецъ, не оборвалась памяти ужаснаго злодѣянія?... Здѣсь онъ, какъ б. опомнившись, повелъ ладонью по горѣвшему лбу произнесъ съ ужасомъ!

Digitized by Google

— Чего она хочетъ отъ меня?

— Твоего спасенія, непокорное, но все еще дорогое ей дитя! — отвѣчалъ ересіархъ, — и меня избрала она твоимъ спасителемъ. Увидишь самъ изъ граматы.

Листокъ бумаги, который держалъ Владиміръ, былъ слѣдующаго содержанія:

«Всемогущаго Бога избраннѣйшему іерею и таинъ Его вѣрному служителю, благочестивому господину, киновіарху Выговской пустыни, пречестному и возлюбленному отцу Андрею кланяюсь: временно и вѣчно ему радоваться и долгоденственно свѣтить міру, съ вѣрными всякаго возраста и званія, не токмо въ Поморіи, но и во всей Россіи пребывающими.

«А про насъ изволите о Христѣ любовно вѣдать, и мы, далъ Богъ, въ добромъ здравіи въ обители пребываемъ.

«Писаніе ваше чрезъ старца Митрофана, Большой носъ, получили вѣрно. И мы, прочитавъ то ваше писаніе, не мало слезъ пролили. О коль печаль внезапная и скорбь великая, что мой возлюбленный, мой Яковъ, появился въ Лифляндахъ, связался съ злодѣями и, подслуживаясь имъ, ищетъ пути въ отечество! Въ какой глубины преисполненный неводъ рыба сія мечется! Мой злобствующій братъ и врагъ можетъ-ли вѣдать прощеніе? Сердце его поворотится-ли на милость къ тому, кого я любила и все люблю такъ много?... Скорѣе обратится солнце вспять. Казнь, отъ коей я его спасла, ожидаетъ его неминуемо. О! кабы я могла сказать Владиміру изустно, что для него нѣту родины, какъ для меня нѣту вѣнца и царства! Злодѣй насъ всего лишилъ. Во что ни стало, молимъ тебя, преподобный отецъ и другъ нашъ, отыщи его, изжени изъ него всякъ лукавый и нечистый духъ, явный и гнѣздящійся въ сердцѣ; повѣдай ему, что для него нѣтъ родины; убѣди его идти въ Выговскую пустынь, сіе

Digitized by Google

спасительное и крѣпкое пристанище, гдѣ онъ можетъ, по смерти равноапостольнаго житіями чина пастыря, пасти на евангельскихъ и отеческихъ пажитяхъ избраннѣйшее Христово стадо. Отъ имени моего накажи ему сіе по любви и по власти; а буде онъ явится противенъ, проклятіе мое надъ его главою. Сами вы тогда судъ пріимите и сотворите съ нимъ, что разсудишь, не жалѣя... (Здѣсь нѣсколько строкъ было зачеркнено).

«Ежели бы сердечнаго сокровища ключи, кромѣ Бога, въ человѣческихъ рукахъ обрѣтались, тогда бы тебѣ, о священная глава, и братіи твоей и совокупно всѣмъ вѣрнымъ, въ отверстыхъ для васъ персяхъ моихъ возможно было прочитать, какую къ вамъ любовь денно и нощно питаю. Во свидѣтельство же сей любви... (здѣсь опять нѣсколько словъ было помарано) понеже благочестіе церковное любить благолѣпіе.

«За симъ будете вы покровенни десницею вышняго Бога отъ всякаго искушенія вражія до конца житія своего. Спасайтеся всѣ о Христе въ любви; бодрствуйте, укрѣпляйтеся, подвизайтеся, и тако тецыте, да постигнете. Сіе оканчивая, пребываю грѣшная о васъ молитвенница, недостойная сестра Сусанна».

Долго, въ угрюмомъ молчаніи, держалъ Владиміръ прочитанное имъ письмо Софіи Алексѣевны. То представлялись ему счастливые дни его отрочества и материнская любовь Софіи; то чудилось ему его преступленіе; то волновало его душу сожалѣніе о слѣпцѣ, или манила къ себѣ родина, къ которой, ему казалось, онъ былъ такъ близокъ. Еслибъ говорила въ письмѣ одна любовь, то онъ, можетъ быть, склонился бы на убѣжденіе ея. Но онъ читалъ въ немъ угрозы, проклятія, — и для нетерпѣливой гордой души его, не обычной носить ярмо, довольно было этого, чтобы раздражить.

— Чтожъ ты намѣренъ дѣлать? — спросилъ Ден

Digitized by Google

совъ.—Рѣшайся: или теперь же за мною, или ступай съ проклятіями своей второй матери подъ плаху палача.

— Я давно рѣшился, — отвѣчалъ съ твердостію Владиміръ.—Прежде чѣмъ проклятія царевны гремѣли надо мною, я поклялся умереть на родной землѣ. Пиши объ этомъ инокинѣ Сусаннѣ. Скажи ей, что милости Софіи Алексѣевны къ сиротѣ для меня незабвенны и дороги; что я лобызаю ея руки, обливаю ихъ горячими слезами; что я ей преданъ по гробъ, но... ее не послушаюсь! Твои жъ угрозы меня не устрашатъ. Ты долженъ бы знать меня лучше. Я самъ явлюсь въ станъ русскій, явлюсь къ Шереметеву, и тогда увидишь, кому Богъ поможетъ. Онъ станетъ за меня, Богъ сильный!

— Такъ ни прошеніе, ни убѣжденія ничего не могли надъ тобою, непреклонная душа?

— Ничего.

— Знай же, я могу тебѣ приказать.

Владиміръ съ презрительною усмѣшкою посмотрѣлъ на Денисова и произнесъ:

— Ты?... Когда не могла ничего просьба самой царевны?... ты, дрянной старичишка?...

Эта усмѣшка, эти слова взорвали все бренное существо властолюбиваго старика; досада завозилась въ груди его, какъ раздраженная змѣя; скулы его подергивало, рѣдкая бородка его ходила изъ стороны въ сторону, злоба захватывала ему дыханіе. Онъ весь разразился въ отвѣтѣ:

— Такъ... знай, бездѣльникъ!... я... твой отецъ.

— Отецъ, отецъ! — вскрикнулъ Владиміръ голосъ, отъ котораго приподняло Конрада; вскочилъ со мьи и дико озирался, хватая себя за горящую го-у.—Скажи еще что-нибудь, старикъ, и я задушу ?а!

Digitized by Google

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Владиміръ долго смотрѣлъ съ ужасомъ и робостью на Денисова взоромъ, который, казалось, обворожилъ его своею неподвижностью и, наконецъ, дрожащими губами вполголоса выговорилъ;

— Нѣтъ... не можетъ быть!... ты не отецъ мнѣ.— Потомъ, въ судорожномъ движеніи схвативъ Конрада за руку и прибавилъ тихо: — Не выдержу! пойдемъ отсюда, Конрадъ!... я продрогъ до костей.

Еще съ ужасомъ и робостію посмотрѣлъ онъ на Денисова и безпрестанно озираясь, вывелъ слѣпца изъ хижины

Проклятія бѣсновавшагося Денисова долго гремѣли вслѣдъ Владиміру.

— Не пощажу, не пощажу крови ея! — кричалъ онъ.

На крикъ этотъ прибѣжали его служители. — Составлено наскоро совѣщаніе, и постановлено: догнать слѣпца и его товарища, разлучить ихъ силою, и, связавъ, увезти послѣдняго съ собою; но адскій совѣтъ былъ разстроенъ послышавшимися издали двумя голосами, разговаривавшими по-русски. Они довольно внятно раздавались по зарѣ, уже занимавшейся. Раскольники стали прислушиваться къ нимъ, завернувъ за избу.

— Эй, братъ, Удалой!—говорилъ голосъ, — послушай меня: брось добычу. Право слово, этотъ рыжій мальчишка былъ самъ сатана. Видѣлъ-ли, какъ онъ всю ночь щерилъ на насъ зубы? То забѣжитъ въ одну сторону, то въ другую. Подшутилъ лихо надъ нами! Легко-ли? Потеряли изъ-подъ носу авангардію и вѣрнякъ попадемъ не на *Черную*, а на чортову мы

— Добытое кровью не отдамъ, хоть бы самъ лѣш вступился за него! — послышался другой голосъ. Отложу долю на мѣстную свѣчу Спасу Милостиво

Digitized by Google

другую раздамъ нищей братіи, а остальными и Богъ велитъ владѣть. Да, вотъ и жилье: смотри въ оба, трусъ! Вижу-ста избушку на курьихъ ножкахъ. Избушка, избушка, встань къ намъ передомъ, а къ лѣсу задомъ! Чуръ, да не баба-ли яга, костяная нога, ворочается тамъ на помелѣ? А что-то возится, съ нами крестная сила!

Авраамъ схватилъ осторожно Денисова за рукавъ кафтана и сказалъ ему вполголоса:

— Отойдемъ отъ зла, отце Андрей, и сотворимъ благо.

Ересіархъ успѣлъ разглядѣть, что приближавшіеся къ избѣ были два русскіе солдата и что одинъ изъ нихъ прихрамывалъ, а у другого перевязана была голова. Не говоря ни слова, онъ пошелъ имъ на встрѣчу.

— Кажись, не латыши и не шведы, — говорили между собою солдаты,—однакожъ, на всякой часъ настроимъ свои балалайки.

Тутъ солдаты остановились, изготовили свои мушкеты къ бою, тронулись опять тихимъ шагомъ и, поровнявшись съ раскольниками, оба разомъ крикнули молодецки:

— Что за люди?

— Пустынножители!—отвѣчалъ Денисовъ.—Миръ вамъ отъ Бога, православные!

— Ай, да это наши, русскіе! — вскрічалъ одинъ солдатъ.—Шли на волковъ, а попали на барановъ. Да вотъ и чернецъ. Благослови, отче!

Солдатъ подошелъ подъ благословеніе Авраама, товарищъ послѣдовалъ его примѣру. Авраамъ съ важностію благословилъ ихъ.

— Куда-же вы путь держите, добрые люди? — спросилъ Денисовъ.

— А вотъ изволишь видѣть,—отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ, — въ славной баталіи подъ Гуммелемъ, гдѣ

Digitized by Google

любимый шведскій генералъ Шлиппенбахъ унесъ отъ насъ только свои косточки — вы, чай, слыхали объ этой баталіи? — вотъ въ ней-то получили мы съ товарищемъ по доброй орѣшинѣ, я въ голову, онъ въ ногу, и выбыли изъ строя. Теперь пробираемся на родимую сторонку заживить раны боевыя.

— Вѣдомо-ли вамъ,—сказалъ ересіархъ,—что за нѣсколько поприщъ отсель, на Черной мызѣ стоитъ отрядъ шведскій?

— Не нее-то мы и маршируемъ, прямо таки на шведскій караулъ; да, хвастать нечего, идемъ-то не одни, за отрядомъ князя Василія Алексѣевича Вадбольскаго.

— Кой лукавый завелъ васъ сюда! Вѣдь, вы съ дороги сбились.

— Вотъ-те на! Удалой, говорилъ я тебѣ, что рыжій сыграетъ штуку...

— Коли хотите, — продолжалъ ересіархъ, — я укажу вамъ путь на мызу, только попрошу за труды.

— Ну, распоясывайся, камрадъ!

— Господи упаси, за услугу своимъ братьямъ православнымъ брать деньги! Нѣтъ, не объ этомъ хочу васъ просить.

— А что-же надо тебѣ, ваше благородіе?

— Экой болванъ!—прервалъ своего товарища солдатъ, дергая его за мундиръ,—говори, преподобный отче!

— Вотъ видите, добрые люди и я былъ нѣкогда князь.

Солдаты сняли съ почтеніемъ шляпы и стали во фрунтъ.

— Надѣвайте-ка своихъ жаворонковъ на голову и выслушайте меня. Мнѣ есть до фельдмаршала Бориса Петровича слово и дѣло; царю оно очень угодно будетъ; узнаетъ о немъ, такъ сердце его взыграетъ, аки солнышко на Свѣтлое Христово Воскресенье.

Digitized by Google

— Говори, бояринъ, что за дѣло, — сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Рады царю нашему батюшкѣ службу сослужить—прибавилъ другой.

Здѣсь Денисовъ отвелъ солдатъ въ сторону и сказалъ имъ вполголоса:

— Въ Лифляндахъ бѣгаетъ одинъ стрѣлецъ, злодѣй, какого міръ не родилъ другого; подкупленъ онъ сестрою царя Софіею Алексѣевною, избыть, во что ни стало, его царское величество. Петра Алексѣевича богатырское сердце не утерпитъ не побывать у своей вѣрной арміи. Тутъ-то бездѣльникъ уловитъ часъ добраться до всепресвѣтлѣйшаго нашего, державнѣйшаго государя. Я посланъ царскою думою съ наказомъ, какъ можно, дать знать о злодѣйскомъ умыслѣ фельдмаршалу; но боюсь съ нимъ разойтиться. Къ тому жъ силы меня покидаютъ: долго-ли смертному часу застигнуть на дорогѣ? И тогда немудрено, что всекраснѣйшее, всероссійское солнце скроется отъ очей нашихъ и покинетъ государство въ сиротствѣ и скорбѣхъ. Коли вы вѣрные слуги царскіе и хотите получить награду, то доставьте грамотку въ собственныя руки Бориса Петровича. Можетъ статься, и я встрѣчу его, все-таки и тогда ваше усердіе не пропадетъ.

— Беремся за это дѣло,—закричали оба солдата.

— Награди ихъ Господи своими милостями! — сказалъ Денисовъ, возведя очи къ небу.

Съ нимъ была чернильница и всѣ принадлежности ...исьма. Изъ хижины вынесена доска и поставлена ...а пня: она служила письменнымъ столомъ. По...іе было наскоро изготовлено, отдано одному изъ ...атъ, который казался болѣе надежнымъ, и привя... ему на крестъ. Служивые выпровожены съ бла...овеніемъ на дорогу къ Менцену, давъ клятву

Digitized by Google

исполнить сдѣланное имъ порученіе. Съ другой стороны, начальникъ раскольниковъ, довольный своими замыслами, отправился съ братьею, куда счелъ надежнѣе.

Хозяева хижины проснулись, когда и слѣды гостей ихъ простыли. Пальба къ сторонѣ Менцена дала имъ знать, что синіе съ зелеными опять катаютъ чортовы шары.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАЖЕТСЯ, МНОГОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ

Ужель загадку разрѣшили?
Ужели слово найдено?
Пушкинъ.

На мызѣ Блументроста, повидимому, не было никакой перемѣны съ того времени, какъ мы ее оставили. Также, какъ и въ началѣ повѣсти нашей, сидѣла въ задумчивости на балконѣ пригожая швейцарка; одинаково расположились въ саду, на скамьѣ, слѣпецъ, товарищъ его, и швейцарецъ; а нѣмой, раскинувшись на травѣ, слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и по временамъ утиралъ слезы. Будто и рѣчь вели собесѣдники все ту же, что и тогда. За то окрестности мызы во многомъ измѣнились. На огромномъ крестѣ, который господствовалъ надъ «*долиной мертвецовъ*» и загораживалъ собою пол-неба, сіялъ мѣдный складень. Вѣроятно, набожные русскіе повѣ- ту святыню, чтобы охранить ею отъ навѣтовъ аго могилу товарища. Къ сторонѣ Менцена ку- дымный столбъ надъ развалинами этой мызы, и лся станъ русскій. По окольной дорогѣ, прежде уединенной, вмѣсто баронской кареты, едва ся изъ Маріенбурга по пескамъ и заключав-

Digitized by Google

шей въ себѣ прекрасную дѣвушку и старика, лютеранскаго пастора; вмѣсто высокаго шведскаго рыцаря, на тощей, высокой лошади ѣхавшаго подлѣ экипажа, какъ тѣнь его, пробирались къ Маріенбургу то азіатскіе всадники на летучихъ коняхъ своихъ, то увалистая артиллерія, то пѣхота русская. По временамъ слышна была пѣсня:

Изъ славнаго изъ города изъ Пскова
Подымался царевъ большой боярин,
.... Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ.
Онъ со конницею и со драгуны,
Съ пѣхотными солдатскими полками,
Не дошедши *„Красной мызы“*, становился....

Еще надо прибавить, что у воротъ мызы, въ рамѣ за проволочной рѣшеткой, прибитъ былъ охранный листъ уже не съ подписью генералъ-вахтмейстера Шлиппенбаха, но съ подписью фельдмаршала Шереметева. Всѣ эти обстоятельства показывали, чья сторона взяла верхъ; такъ побѣдитель все оборачиваетъ на свою сторону и влечетъ за собою.

Едва я не забылъ сказать, что въ окошко нижняго этажа мелькали два новыя лица. Одно изъ нихъ былъ шведскій офицеръ, молодой, привлекательной наружности, но такой блѣдный, что походилъ болѣе на восковое изображеніе, нежели на живое существо. Казалось, онъ смотрѣлъ, ничего не видя, слушалъ, не внимая. Изрѣдка глаза его оживлялись; онъ вздыхалъ и улыбался, какъ умирающій продолжительною болѣзнію, когда ему говорятъ, что онъ скоро выздоровѣетъ. Эти признаки жизни возбуждали въ немъ магическія сл произносимыя человѣкомъ, сидѣвшимъ противъ не У этого человѣка сквозь сладость сѣроголубыхъ глаз рѣчей проницало лукавство бѣса—не того, который шумомъ вооружался, какъ титанъ, противъ своего Т

Digitized by Google

ца, но того, который вкрадчиво соблазнилъ первую женщину. Одинъ былъ Густавъ Траутфеттеръ, потерявшій все, чѣмъ красятся дни человѣка: свободу и надежду, все, кромѣ любви, не покидавшей его на зло обстоятельствамъ. Утѣшитель былъ Никласзонъ, съ осторожностію врача разсказывавшій то, что зналъ о чувствахъ къ нему Луизы. По-временамъ продажный секретарь баронессы Зегевольдъ и подкупленный агентъ Паткуля съ изумленіемъ посматривалъ сквозь стекло окошка на Владиміра, этого мнимаго шпіона генералъ-вахтмейстера. Мирно съ нимъ сойтись подъ кровомъ, равно для нихъ гостепріимнымъ, казалось ему чѣмъ-то чудеснымъ. Одинъ человѣкъ могъ только объяснить эту странность, и его-то поджидалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

Перемежавшаяся по дорогѣ изъ Менцена пыль, которую установили было на ней шедшіе мимо русскіе полки, снова поднялась, и сердце Розы сказало глазамъ ея, что ѣдетъ тотъ, кому предалось оно съ простодушеніемъ, свойственнымъ альпійской пастушки, и страстію, рѣдкою въ ея лѣта. Какъ она любила *его!* Для него швейцарка могла забыть свои горы, отца и свой долгъ.

Роза была уже у воротъ мызы, потому что къ воротамъ подъѣхалъ господинъ Фишерлингъ (имя, которое давалъ себѣ Паткуль въ Швейцаріи, во время своего бѣгства, и удерживалъ на мызѣ друга своего Блументроста, гдѣ укрывался отъ преслѣдованій власти и своихъ враговъ, и откуда дѣйствовалъ противъ нихъ съ своими друзьми и лазутчиками). Блѣднѣя, вспыхивая и дрожа, швейцарка схватила за узду бойкаго коня пріѣзжаго. Животное безъ сопротивленія отдалось.

— Здорова-ли ты, милая Роза, — спросилъ Паткуль, съ нѣжностью остановя на ней взоры.

Digitized by Google

— Теперь здорова!—отвѣчала она, и спѣшила проводить лошадь, чтобы скрыть радость свою отъ проницательныхъ глазъ Фрица, слѣдовавшаго за своимъ господиномъ.

Никласзонъ, чутьемъ узнавшій о пріѣздѣ своего высокаго довѣрителя, и бѣжавшій сломя голову, чтобы его встрѣтить, вдругъ остановился; но видя опять, что онъ не помѣха, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, превратился весь душою и тѣломъ въ поклонъ, и спѣшилъ поздравить его превосходительство съ благополучнымъ прибытіемъ въ свою резиденцію послѣ такихъ трудовъ и одержанія столь знаменитой побѣды надъ Карломъ XII. Генералъ-кригскомисаръ, съ своей стороны, поздравилъ его тѣмъ, что велѣлъ составить счетъ, сколько затрачено имъ собственныхъ денегъ изъ усердія къ пользѣ общаго дѣла, назначилъ ему богатую награду, обезпечивавшую его на всю жизнь, но совѣтовалъ ему скорѣе удалиться въ Саксонію, куда обѣщалъ дать ему рекомендательныя письма.

— Такіе люди, какъ ты, — сказалъ Паткуль, положивъ ему руку на плечо, — нужны мнѣ при тамошнемъ дворѣ. Тамъ можешь продолжать служить мнѣ и Россіи. Здѣсь, въ арміи постъ мой кончился, и съ этимъ измѣняется твоя должность. Доволенъ-ли ты?

Никласзонъ кланялся и показывалъ, что отъ радости не въ состояніи говорить. Дѣйствительно, распоряженіе его патрона не могло быть для него лучше: ибо избавляло его отъ висѣлицы и давало ему способъ начать жизнь *честнаго* и значущаго человѣка. Видно, однакожъ, было, что во все время разговора, исполненнаго милостей, Паткуль избѣгалъ съ нимъ сближеній: червя, на которомъ ловятъ рыбу, брать въ ру гадко. На вопросъ Эліаса, какимъ образомъ главны агентъ Шлиппенбаха находится въ одномъ съ ни обществѣ, ему сдѣлали также вопросъ, какимъ об

Digitized by Google

зомъ вѣрный секретарь дипломатки очутился въ обществѣ ея врага.

— Нынѣ люди такъ хитры, — сказалъ Паткуль,— что трудно узнать, кто какой стороны держится....

Закусивъ языкъ и внутренно негодуя, что имѣли для него тайну, Никласзонъ поспѣшилъ, между тѣмъ, согнать морщины со своего лба, и, униженно согнувшись въ дугу, послѣдовалъ за Паткулемъ къ скамейкѣ, гдѣ сидѣли собесѣдники, о которыхъ мы упомянули.

Владиміръ въ глубокой задумчивости чертилъ палкой по песку слова: *Софьино, Коломенское, Москва*, — слова, непонятныя окружавшимъ его, но милыя ему, какъ узнику привѣтъ родного голоса сквозь тюремную рѣшетку. Никто изъ нихъ не слыхалъ пріѣзда высокаго гостя.

— Богъ помочь! — закричалъ Паткуль, подкравшись сзади и ударивъ Владиміра по плечу. — Такъ-то встрѣчаютъ друзей?

На это привѣтствіе, выговоренное роднымъ языкомъ Владиміра, онъ слегка привсталъ, поклонился и радостно произнесъ:

— Милости просимъ, гость желанный!

Дружеское пожатіе руки было ему отвѣтомъ. Товарищей его привѣтствовалъ также Паткуль ласковыми словами; но замѣтивъ, что швейцарецъ холодно и угрюмо кивнулъ, спросилъ его о причинѣ суровой задумчивости.

— Э! господинъ, чему веселиться? — отозвался этотъ сухо. — Пора старымъ костямъ на покой, а [illegible] некому будетъ и похоронить меня, какъ швейца.

— А дочь? — перебилъ Паткуль.

Не было отвѣта; но спрашивающій прочелъ его [illegible]ревожной своей душѣ. Дипломатъ смѣшался, хо[illegible]казать что-то слѣпцу, все еще сидѣвшему на

Digitized by Google

одномъ мѣстѣ, но, встрѣтивъ также на лицѣ его укоръ своей совѣсти, спѣшилъ, схватя Владиміра за руку, удалиться отъ доказчиковъ преступленія, которое, думалъ онъ, только Богу извѣстно было.

Горестно пожалъ Фрицъ руку благородному сыну Гельвеціи, и этотъ привѣтствовалъ его тѣмъ же.

Когда Паткуль остался въ саду одинъ съ Владиміромъ, онъ вынулъ изъ бокового кармана мундира двѣ бумаги и, отдавая одну своему агенту, сказалъ ему:

— Не думай, другъ, чтобы я не понималъ тебя и не умѣлъ цѣнить. Чувствую, что ты сдѣлалъ для меня, для Россіи, и стараюсь отблагодарить тебя. Не предлагаю тебѣ денегъ: это цѣна заслугъ Никласзона. Вотъ свидѣтельство за подписью Шереметева. Въ этой бумагѣ означено, чѣмъ обязанъ тебѣ царь русскій. Поздравляю тебя съ паспортомъ въ твою родину.

Владиміръ дрожащими руками схватилъ бумагу и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Я оставляю армію и мое отечество, — продолжалъ Паткуль, — и потому спѣшилъ съ тобою расчесться. (Это извѣстіе, казалось, встревожило Владиміра). — Судьбѣ моей нуженъ я въ другомъ мѣстѣ: она сближаетъ меня съ Карломъ къ его или моей погибели. Что дѣлать? Я долженъ съ тобой разстаться. Холодная, математическая политика Шереметева дѣлаетъ изъ моего отечества степь, чтобы шведамъ негдѣ было въ немъ содержать войско и снова дать сраженіе, какъ будто полководецъ русскій не надѣется болѣе на силы русскаго воинства, — воинства, котораго духъ растетъ съ каждой новой битвой. Я не могъ смотрѣть на это обдуманное, цыфирное потворство грабежу и зажигательству. Душу мою взорвало, она передала фельдмаршалу все, что ей противно было. Можетъ статься, я сказалъ слишкомъ много; можетъ статься, я долженъ былъ болѣе уважить въ немъ за-

Digitized by Google

слуги, благоразуміе и духъ истинно геройскій, когда онъ лицомъ къ непріятелю, а не въ палаткѣ своей, но я видѣлъ пожаръ моего родного края — и не видалъ ничего болѣе! Мы поссорились. Давно государь предлагалъ мнѣ командованіе корпусомъ въ Польшѣ, или значительный постъ при дворѣ Августа, извѣстномъ мнѣ болѣе русскаго стана. Тамъ буду представителемъ русскаго царя, а здѣсь я только докладчикъ его генерала; тамъ мы сблизимся съ моимъ пріятелемъ Карломъ! Вотъ тебѣ еще письмо къ самому Царю. Не ищи къ нему доступа черезъ вельможъ его; старайся найдти случай встрѣтить самого Петра. Прямо къ нему — безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и сердца его! Это не Карлъ. Вѣрь мнѣ, царь грозенъ для одного зла; великій умѣетъ цѣнить все великое; онъ забываетъ себя, когда дѣло идетъ о благѣ отечества. Но не думай, чтобы, исполняя твое желаніе и свой долгъ, я хотѣлъ оторвать тебя отъ русскаго войска. Прошу тебя, Вольдемаръ, другъ мой, не покидай его своею помощью. Всѣ, кто ни служилъ общему нашему дѣлу, потеряли свое назначеніе. Фрицъ болѣе не кучеръ у баронессы и не коновалъ въ шведскомъ полку; Никласзонъ кончилъ свою роль при дипломаткѣ; Блументросту некого лѣчить въ землѣ опустошенной; любовь моего племянника не поможетъ намъ болѣе, а развѣ сама потребуетъ нашей помощи; несчастная Ильза все для насъ сдѣлала, что могла, и, вѣроятно, исполняетъ теперь свое предопредѣленіе. Ты одинъ у меня здѣсь остаешься, ты долженъ замѣнить меня въ Лифляндіи. Хотя кора снята съ глазъ Шлиппенбаха и связи съ нимъ расторгнуты твоимъ нетерпѣніемъ, но ты держишься еще волшебною нитью за Маріенбургъ. На дняхъ начнется его осада. Объ измѣнѣ твоей шведскому дѣлу тамъ не узнаютъ: всѣ сношенія съ этою крѣпостью уже пресѣчены. Ретивый

Digitized by Google

выходецъ Брандтъ захваченъ со всѣмъ отрядомъ по милости твоей и бывшаго кучера баронессы. Свидѣтельство, данное тебѣ Шлиппенбахомъ и предъявленное цейгмейстеру въ «долинѣ мертвецовъ», служитъ ключомъ, которымъ можно еще отпереть Маріенбургъ Пользуйся этими обстоятельствами; пользуйся всѣми тонкостями политики, мною преподанной тебѣ, ученикъ, не всегда покорный ей! Старайся войдти въ милость къ пастору Глику, къ воспитанницѣ его, которыхъ Вульфъ, послѣ короля, болѣе всѣхъ любитъ, хотя чувства его не пробиваются наружу сквозь тройную броню солдатчины. Все прочее довершитъ любовь твоя къ родинѣ.

Владиміръ весь горѣлъ благодарностію. Изъясненіемъ ея доставилъ онъ Паткулю чистѣйшее удовольствіе, какого впослѣдствіи этотъ не испытывалъ уже болѣе. Драгоцѣнныя бумаги положилъ Владиміръ за свои штиблеты.

— Какъ легко буду теперь ступать на эту ногу!— сказалъ онъ съ восхищеніемъ, пожимая руку того, кто наградилъ его такимъ сокровищемъ.

— Кстати, — продолжалъ Паткуль, — я долженъ поздравить тебя съ новымъ опекуномъ.

— Я доволенъ и тѣмъ, котораго теперь имѣю, — отвѣчалъ Владиміръ, — не о добромъ-ли Бирѣ говорите вы?

— Нѣтъ, совсѣмъ не объ этомъ благородномъ чудакѣ. Твой новый опекунъ русскій, полковникъ, чудо-богатырь.

— Не отгадаю.

— Это князь Вадбольскій.

— Понимаю, тотъ самый князь, который первый изъ русскихъ взошелъ на гуммельсгофскую гору?

— Онъ въ этотъ день сталъ выше всѣхъ. Только ты, вѣрно, не понимаешь его отношеній къ тебѣ. Я

Digitized by Google

не намѣренъ тебя далѣе томить. Слушай же: тайна твоей жизни разоблачается. Въ сраженіи убитъ полковникъ Полуектовъ. Когда стали хоронить, нашли въ мундирѣ его завѣщаніе, писанное его другомъ Кропотовымъ.

— Кропотовымъ? — произнесъ робко Владиміръ, поблѣднѣвъ.

— Да, и этотъ Кропотовъ, герой, падшій вмѣстѣ съ своимъ другомъ на той полосѣ земли, гдѣ навсегда похороненъ ужасъ шведскаго имени,—наконецъ, этотъ рыцарь христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей... твой отецъ.

— Господи! о, когда бы это такъ было!.. Но нѣтъ, не вѣрю; не можетъ быть; есть важныя доказательства противъ этого. Я не сынъ благороднѣйшаго воина, а беззаконное отродье какого-нибудь преступника, мнѣ подобнаго.

— Какихъ лучше доказательствъ нужно тебѣ, невѣрующій, какъ не признаніе самого отца? Князь Вадбольскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, давалъ мнѣ читать завѣщаніе. Видя, что оно имѣло къ тебѣ несомнѣнныя отношенія, я сдѣлалъ изъ него выписку. Вотъ она,— присовокупилъ Паткуль, вынувъ изъ камзола бумагу и подалъ ее Владиміру,—прочти ее и удостовѣрься, что судьба, лишивъ тебя отечества и отца, возвращаетъ тебѣ первое, благородное имя и мать, которой ты можешь быть еще подпорою и утѣшителемъ.

Выписка изъ завѣщанія Кропотова была читана и перечитана Владиміромъ съ нетерпѣніемъ и вниманіемъ, свойственными его положенію. Вотъ она, почти слово въ слово. Надо помнить, что Паткуль передѣлалъ, большею частью, слогъ завѣщателя на свой ладъ.

«Въ 16.. году..... дня (писалъ Кропотовъ), во время кратковременной отлучки моей изъ дому, жена, послѣ трудныхъ родовъ, произвела на свѣтъ сына, наречен-

Digitized by Google

наго Владиміромъ, по обычаю нашихъ предковъ, именемъ святого, приходящагося въ восьмой день. Жена говорила, что онъ, увидѣвъ свѣтъ въ первый разъ, закричалъ страннымъ голосомъ, какъ будто два ребенка кричали разомъ. Ему было два года, когда пріѣхалъ ко мнѣ Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышитскихъ. Нечаянно увидѣлъ онъ дитя на рукахъ у мамки, долго любовался имъ и сталъ находить въ немъ сходство съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ. Мы этому смѣялись; однакожъ, съ того времени въ самомъ дѣлѣ пріискивали это сходство и не дивились тому, ибо князь Василій былъ мнѣ близкій родственникъ по женѣ. Въ скоромъ времени онъ самъ посѣтилъ насъ изъ любопытства увидѣть дитя, которое было на него такъ похоже. Маленькій Владиміръ за ласки его платилъ тѣмъ же по своему; онъ пошелъ къ нему охотно на руки и неохотно сошелъ съ нихъ. Долго утѣшался [illegible]ъ князь Василій. Чаще и чаще началъ онъ посѣщать насъ, что не мало удивляло всѣхъ и возбудило во многихъ зависть; не мудрено, онъ былъ тогда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ во времени. Наконецъ, онъ такъ полюбилъ нашего Владиміра, что сталъ просить его къ себѣ вмѣсто сына, обѣщаясь вывесть его въ люди, отказать ему по записи свою Красную отчину близъ Рязани и мнѣ на покупку крестьянскихъ дворовъ дать тысячу рублей. Съ своей стороны я долженъ былъ таить нашу сдѣлку не только отъ его жены, которую онъ не любилъ, но и отъ всѣхъ вообще, совершенно разстаться съ сыномъ, и никогда не смѣть называть его своимъ, что обязывался я подтвердить клятвою. Я и жена сначала испугались было такого предложенія, но подумавъ, что у насъ еще два сына, все погодки, одинъ краше другого, надѣясь что наше семейство пріумножится и впередъ, и посовѣтовавшись съ Андреемъ Денисовымъ, рѣшились не мѣшать бла-

Digitized by Google

гополучію нашего Владиміра. Въ это время нужды окружили насъ со всѣхъ сторонъ, и къ мысли о счастіи сына присоединилось проклятое желаніе себѣ добра. Жена моя,—таковъ былъ уговоръ,—поѣхала въ Коломну къ своей родственницѣ; на дорогѣ, именно въ Софьинѣ, оплакавъ Владиміра, котораго въ послѣдній разъ назвала своимъ, сдала его новому отцу его; возвратясь же домой, распустила слухи, что сынъ ея на дорогѣ померъ. Казалось мнѣ, только два человѣка, князь Василій и Денисовъ, знали нашу тайну, но, видно, гдѣ два человѣка замѣшаются, тамъ вмѣшается навѣрно и лукавый. Вскорѣ, къ удивленію нашему, дошли до насъ вѣсти, что слухамъ, нами распущеннымъ, не имѣютъ большой вѣры. Не смѣли говорить, что я уступилъ или продалъ своего сына, ибо временщикъ по власти своей могъ тогда зажать ротъ желѣзною рукой; однакожъ, самые приближенные Нарышкиныхъ намекали мнѣ глазами и усмѣшкою о томъ, что я желалъ скрыть. Къ стыду отъ людей примѣшались угрызенія совѣсти. Вездѣ началъ преслѣдовать меня голосъ: «ты продалъ своего сына!» Утраты послѣдовали за утратами: жена моя хотя и родила еще сына, но въ теченіе пяти лѣтъ померли у насъ два старшіе; дворы, купленные на кровныя деньги, полученныя отъ князя Василія за наше дѣтище, сгорѣли; въ двѣ жатвы собрали мы одну солому; скотъ падалъ; начались стрѣлецкіе мятежи, и я едва не лишился тогда головы за преданность мою дому Нарышкиныхъ; воспитатель и второй отецъ моего сына палъ въ безвременье, и село Красное, назначенное воспитаннику, отдано Гордону. Нѣсколько лѣтъ не видали мы Владиміра; однакожъ, вѣсти о немъ не урѣжали. Пригожъ, не по лѣтамъ, силенъ и разуменъ, онъ одолѣвалъ въ борьбѣ мальчиковъ, старшихъ его нѣсколькими годами, за что прозвали его Ильею Муромцемъ, и въ разсуж-

Digitized by Google

деніяхъ съ стариками заставлялъ ихъ умолкать своими убѣжденіями. Но онъ же былъ вспыльчивъ, не любилъ никому уступать, поднималъ голову выше дѣтей княжескихъ, и говорилъ, что будетъ первымъ русскимъ бояриномъ. Гордостью не въ родъ нашъ, говорили мы съ женою. Наконецъ, мы увидѣли Владиміра: жена въ домѣ княжескомъ, я въ храмѣ Божіемъ. О! никогда не забуду я дня этого! Черныя, живыя очи его устремились разъ на меня и врѣзались въ моей памяти и сердцѣ. Женѣ позволено было видать его потаенно; она цѣловала его, обливала своими слезами, но, клятвы не смѣя нарушить, не называла его сыномъ. Мы мѣшали вмѣстѣ наши слезы и казались счастливѣе. Разъ пришли намъ сказать, что воспитанникъ князя Василія взятъ въ теремъ царевны Софіи Алексѣевны и что онъ сдѣлался ея любимцемъ. Это насъ огорчило тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ былъ нравъ ея, избалованный отцомъ и матерью, и раннія страсти, не знавшія препятствій уже съ 14-лѣтняго возраста. Можно сказать, что душа и тѣло ея и брата ея Петра Алексѣевича рано возмужали, одной на гибель, другому на славу и благо Россіи. Женѣ моей, на прежнихъ условіяхъ, дозволено было изрѣдка видѣть Владиміра. Она подарила ему маленькія гусли, на которыхъ приклеена была картинка съ изображеніемъ Ильи Муромца. Этотъ подарокъ привелъ его въ восторгъ. Съ того времени въ немъ оказался необыкновенный даръ музыки: со слуху разыгрывалъ онъ духовныя пѣсни и пѣсни хороводныя такъ, что его заслушивались. Царевна была отъ него безъ ума; но вскорѣ привязанность ея къ нашему сыну сдѣлалась ревнива. Въ 1683 году вовсе запрещенъ былъ входъ женѣ моей въ теремъ Софіи Алексѣевны».

Здѣсь кончилась выписка изъ завѣщанія Кропотова.

— Остальное я не почелъ нужнымъ пріобрѣсть,—

Digitized by Google

сказалъ Паткуль, увидѣвъ, что Владиміръ кончилъ чтеніе бумаги, — повѣствованіе дальнѣйшаго пребыванія твоего у царевны и твоихъ несчастій не сходно съ описаніемъ, которое ты мнѣ сдѣлалъ. Отецъ твой, какъ и многіе другіе, получилъ о смерти твоей вымышленныя извѣстія. Въ концѣ завѣщанія описываетъ онъ потерю единственнаго, оставшагося у него сына, служившаго въ семеновскомъ полку и посланнаго за рекрутами въ Новгородское воеводство. Этого удара не могъ онъ выдержать и, повидимому, искалъ смерти въ битвѣ. Онъ умолялъ друга своего Полуектова принять на себя попеченія о матери твоей, поставить придѣлъ во имя святого, твоего патрона, въ церкви Троицкаго посада, гдѣ совершилась твоя мнимая казнь, учредить поминовеніе по душѣ твоей и взять на воспитаніе бѣднѣйшаго сироту вмѣсто сына. Что скажешь на это, другъ? Ты и теперь будто сомнѣваешься?

— Справедливо многое, что здѣсь описано,—сказалъ Владиміръ, читавшій доселѣ выписку изъ завѣщанія Кропотова съ жаднымъ и грустнымъ вниманіемъ.— Пригожая, добрая женщина, подарившая мнѣ гусли, и теперь представляется мнѣ, какъ въ сновидѣніи, но и теперь сомнѣваюсь, была ли это моя мать. Выслушайте, что открылъ мнѣ самъ Андрей Денисовъ, встрѣтившійся со мною на дняхъ въ хижинѣ здѣшняго лѣсника.

Тутъ Владиміръ пересказалъ Паткулю разговоръ свой съ коварнымъ старикомъ. Выслушавъ повѣсть, Рейнгольдъ углубился въ размышленія. Не отвѣчая ничего, повелъ онъ Владиміра въ домъ Блументроста.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИСТОРІЯ ЗАВѢЩАНІЯ

Не въ первый разъ мертвецъ дѣла творитъ,
Какіе живымъ ему на мысль не приходили!

Аноним.

Готово все: женихъ приходитъ:
Идутъ во храмъ....
Но, ахъ! отъ сердца то, что мило,
Кто оторветъ?
Что разъ оно здѣсь полюбило,
Съ тѣмъ и умретъ.

Жуковскій.

Свиданіе Густава съ Паткулемъ было трогательно. Племянникъ видѣлъ теперь въ немъ только своего ближайшаго родственника, благодѣтеля, второго отца, единственную надежду, и въ объятіяхъ его спѣшилъ скрыть свои слезы.

— Густавъ! — сказалъ Паткуль, когда они могли бесѣдовать спокойнѣе,—представляю тебѣ моего друга. Не смотри на бѣдную его одежду: подъ нею скрывается возвышенная душа, съ которою я не смѣю своей поравняться; она не знаетъ мести. Еще прибавлю: с русскій!

И Владиміръ и Густавъ измѣрили другъ друга взг домъ; связи русскаго съ Паткулемъ поняты Траутт теромъ, и мысль о нихъ возмутила было душу пос

Digitized by Google

няго; но другая мысль, что новый знакомецъ его сдѣлался шпіономъ изъ любви къ отечеству и благородный взглядъ Владиміра заставили его съ нимъ помириться. Оба поняли другъ друга и единодушно пожали другъ другу руки.

— Теперь, — сказалъ Рейнгольдъ, когда всѣ они сблизились искренностію разговора,—теперь, любезный Густавъ, могу исповѣдаться тебѣ въ своихъ поступкахъ. Тяжба моя съ шведскимъ королемъ оканчивается. Самъ Богъ брани за меня. Жребій моего отечества брошенъ, каковъ ни есть онъ: Лифляндія принадлежитъ уже Россіи. Крѣпости среди опустошеннаго ея края не сплотъ шведамъ. Суди Всевышній! Не я первый затѣялъ эту тяжбу. Соотечественники мои избрали меня своимъ представителемъ у престола неумолимаго Карла XI и ходатаемъ за права ихъ, освященныя временемъ, законами и клятвою государей. Я исполнилъ, что мнѣ поручено было, какъ благородный лифляндецъ: никто не упрекнетъ меня въ противномъ. За это осужденъ я потерять голову и честь. Бѣжавъ отъ жестокаго, незаслуженнаго наказанія, ужели я сдѣлался преступникомъ?.. Сколько разъ молилъ я двухъ вѣнчанныхъ судей моихъ простить мнѣ вину, которой не знаю, и обѣщалъ честнымъ словомъ Паткуля служить имъ вѣрноподданически, но не обѣщалъ измѣнять обѣту, данному отечеству моему, любить его выше всего—и я не былъ прощенъ. Мщеніе молодого короля за оскорбленіе будто бы отца не велитъ и теперь палачу опускать топора, занесеннаго на меня. Лишенный имѣнія, правъ гражданина, отечества, съ одною честію, рой не въ силахъ отнять у меня соединенные приры всѣхъ владыкъ земныхъ, я вынужденъ былъ, ѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанничества среди гостемныхъ, свободныхъ Альповъ, искать себѣ гражкой жизни. Отечества никто не могъ мнѣ замѣнить.

Digitized by Google

Августъ предложилъ мнѣ свое покровительство; я принялъ его. Изъ мирнаго круга пастуховъ Гельвеціи перенесенный въ кипучую, шумную жизнь двора, съ душой пламенной и нетерпѣливой, какова моя, я долженъ былъ дѣйствовать. На политической дорогѣ своей встрѣтилъ я самонадѣянность Карла и ненависть его ко мнѣ. Карлъ пересталъ быть моимъ государемъ; онъ сдѣлался только личнымъ моимъ врагомъ: я не пошелъ назадъ и сталъ ему поперекъ. На это чувствовалъ я въ себѣ довольно силы; успѣхи оправдали мою отвагу. Отечество мое предано было своей несчастной судьбѣ: я хотѣлъ спасти его отъ совершенной гибели. Мѣры спасенія были тяжелы, но вѣрны, я схватился за нихъ. Съ медленнымъ умомъ Августа и холодной, шаткой душой его я не сошелся. Я его называлъ застоемъ прошедшаго вѣка; онъ меня — горячкой вѣка новаго. Надо было намъ разстаться. На сѣверѣ вставалъ исполинъ. Подпирая подъ невѣжество Россіи сильный рычагъ, онъ захватилъ имъ основаніе Швеціи и готовъ уже былъ пытать надъ нею силы свои. Геній Петра плѣнилъ меня: онъ одинъ могъ примкнуть къ себѣ Лифляндію и сдѣлать ее счастливою. Положеніе ея, ея раны, подѣланныя властолюбіемъ Карла XI и растравленныя удальствомъ его сына; силы, средства, обширность Россіи, которая, рано или поздно, должна была поглотить мое отечество своимъ сосѣдствомъ и которая, — повѣрьте мнѣ, — не позже столѣтія будетъ могущественнѣйшею державою въ мірѣ; величіе Петра, ручающееся за благосостояніе странъ, ему ввѣренныхъ: все подвинуло меня оставить Августа и броситься въ объятія царя, для меня открытыя. Я сдѣлался его г
данным, его другомъ. Нѣтъ воли его, нѣтъ желан
которыхъ бы я не почелъ для себя долгомъ. Если
онъ заставилъ меня смолить корабли, я выполнилъ
это, потому что этого желалъ бы Петръ. Помогая

Digitized by Google

видамъ, я созидаю вмѣстѣ благосостояніе Лифляндіи. Вотъ мои вины передъ нею! Суди меня въ нихъ, Густавъ, какъ бы судила Европа, какъ будетъ судить потомство.

— Дядюшка!—отвѣчалъ Густавъ,—трудно рѣшать дѣло, на которое, по чувствамъ нашимъ, мы можемъ смотрѣть съ разныхъ точекъ. Скажу вамъ только: разумъ мой соглашается съ вами, но сердце васъ осуждаетъ. Первымъ будетъ для васъ потомство, вторымъ—современники наши. Не знаю впередъ судьбы своего отечества, можетъ статься, ваша политика доставитъ ему счастіе, котораго истинно ему желаю. Но теперь истоптанныя жатвы, сожженныя села, скитающіеся безъ пристанища жители, тысячами гонимые, какъ стада, въ Московію бичемъ татарина; города, опустошенные на нѣсколько вѣковъ,—неужели всѣ эти бѣдствія не вопіютъ противъ васъ? Какая истина, какія надежды зажмутъ вопли несчастныхъ?

— Противъ этихъ жестокостей я первый возсталъ въ русссомъ станѣ и старался облегчить участь несчастныхъ. Скажу болѣе: за эту безчеловѣчную политику поссорился я съ Шереметевымъ — и, чтобы не быть въ ней невольнымъ соучастникомъ, удаляюсь къ Петру. Вспомни также, Густавъ, что не я присовѣтовалъ войну, не я привелъ войска русскія въ Лифляндію.

— Но всѣ въ этомъ васъ упрекаютъ. Говорятъ вообще, что Рейнгольдъ Паткуль отмщаетъ королю на своихъ соотечественникахъ.

— Неправда! неправда! Война была начата до меня; прежде меня созрѣла въ умѣ царя, желавшаго ...котить свою державу о берегъ Балтійскаго моря. ...оспѣшилъ управлять ходомъ этой войны не для ...ценія моего отечества, но для освобожденія его ...га шведскаго и безумнаго удальства новаго Донъ-

Digitized by Google

Кихота, предавшаго его собственной защитѣ. Не отъ меня всѣ эти пожары, эти переселенія, о которыхъ ты говоришь. Не было бъ нынѣ Паткуля въ Лифляндіи — развѣ она освободилась бы отъ этихъ бѣдствій? Они были бъ еще жесточе, длились бы долѣе. Пускай же упрекаютъ меня теперь, клянутъ тѣ, которые не хотятъ разобрать моихъ дѣйствій. Отечество мое заключается не въ одномъ настоящемъ поколѣніи; оно и въ потомствѣ, а потомство будетъ благословлять имя того, кто устроилъ его благосостояніе. Лифляндія, нынѣ отторженная противъ собственной воли ея, или, лучше сказать, противъ воли нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ бароновъ, связанныхъ узами родства и подкупомъ со Швеціею, будетъ счастлива подъ скипетромъ Россіи. Голова моя въ этомъ порукою.

— Голова! да, голова!.. — сказалъ, глубоко вздохнувъ, слѣпецъ, приведенный нѣмымъ въ комнату, гдѣ находились наши собесѣдники.

Конрада посадили на кресла, нѣмой удалился.

Слова, произнесенныя слѣпцомъ, видимо сдѣлали непріятное впечатлѣніе на духъ Паткуля, хотя онъ не могъ изъяснить себѣ причину этого неудовольствія. Вскорѣ, однакожъ, успокоился онъ и продолжалъ снова оправданіе своей политической жизни. Густавъ не могъ согласиться съ дядею; но, зная пылкій нравъ его и потому не желая ему противорѣчить, замолчалъ.

— Вижу, что ты не соглашаешься со мною, — сказалъ Паткуль съ нетерпѣніемъ.

— Я подданный Карла XII,—отвѣчалъ съ твердостію Густавъ,—а вы непріятель его.

— То же-ли ты скажешь, молодой, неопытн упрямецъ, напитанный героизмомъ скандинавскаго царя, когда узнаешь, что съ судьбой твоего отечес я устроиваю твое собственное счастіе? Спрашив тебя, любишь-ли ты еще Луизу Зегевольдъ?

Digitized by Google

— Вы мой дядя, благодѣтель мой; я въ плѣну, я весь вашъ, и не думаю, чтобы вы насмѣхались надъ несчастіемъ и моими отношеніями къ вамъ.

— Дядя твой,—возразилъ Паткуль съ иронической усмѣшкой,—хотя жестокъ до того, что привелъ русскихъ въ свое отечество, чтобы его жечь, палить, грабить, опустошать; хотя забылъ права государственныя и законы Божіи до того, что не пожертвовалъ собой несправедливости и властолюбію двухъ королей, захотѣвшихъ выпотрошить его физически и нравственно, чтобы сдѣлать изъ него чучелу на позоръ Лифляндіи; хотя онъ таковъ...

— Дядюшка! ради Бога, не оскорбляйтесь моими мнѣніями, моими чувствами. Вы не требовали, чтобы я говорилъ противъ себя.

Паткуль не слушалъ его и продолжалъ:

— Хотя онъ таковъ, но не былъ никогда золъ, до того, чтобы смѣяться надъ несчастіемъ, особенно тѣхъ, кого любитъ больше всѣхъ послѣ своей чести. Что говоритъ Рейнгольдъ Паткуль, то онъ и сдѣлаетъ. Я обязанъ тебя въ этомъ удостовѣрить. Вольдемаръ не лишній въ нашей бесѣдѣ. Слушай же меня и отвѣчай на мои вопросы.

— Слушаю, дядюшка!

— Помнишь-ли утро, когда, одолѣваемый мученіями любви и жаждой узнать о состояніи Луизы, ты шелъ, какъ сумасшедшій, по дорогѣ изъ Оверлака въ Гельметъ?

Вопросъ этотъ поразилъ Густава неожиданностію его. Собравъ разсѣянныя мысли и стараясь успокоить чувства свои, встревоженныя разнообразными воспоминаніями, онъ отвѣчалъ:

— Дорого бы я заплатилъ, чтобы забыть день этотъ!

— Нѣтъ, помни его, запиши его въ своемъ сердцѣ:

Digitized by Google

онъ для тебя день счастія. Тише! не говори ничего и отвѣчай только на мои вопросы. Кто встрѣтилъ тебя тогда?

— Кучеръ баронессы, Фрицъ.

— Фрицъ!—закричалъ Паткуль изъ окна, и вѣрный служитель, который, казалось, дожидался призыва, и потому находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, явился предъ изумленнымъ Густавомъ.

Не зналъ послѣдній, что говорить; слезы заструились по лицу его, глаза старика были также мокры— и Густавъ, бросившись его обнимать, воскликнулъ:

— Онъ, онъ сулилъ мнѣ счастіе!..

— Чьимъ именемъ обѣщалъ онъ тебѣ это счастіе?

— У моего благодѣтеля не было тогда имени; но я узнаю его теперь. Безъименный были вы—мой второй отецъ!

— Теперь отвѣчай ты, Фрицъ! Посредствомъ кого назначилъ ты исполненіе моихъ обѣщаній?

— Черезъ *русскихъ* и *чухонскую дѣвку*, — отвѣчалъ Фрицъ.

— Когда, говорилъ ты, можно будетъ приступить къ этому исполненію?

— Когда русскіе и чухонка побываютъ вмѣстѣ въ Ринненѣ.

— Дней съ пять они должны быть уже тамъ. Съ часу на часъ ожидаю извѣстія, что переломъ твоей судьбы, Густавъ, совершился. За это теперь отвѣчаю; но пока не побывалъ въ Гельметѣ докторъ падуанскаго университета, пока я не увидалъ Адольфа, твой стряпчій могъ еще бояться за успѣхъ своихъ плановъ. Еще одинъ вопросъ: заключаешь-ли ты свое счастіе въ томъ чтобы Луиза не принадлежала никому другому, кромѣ тебя?

— Если она меня еще любитъ, чего мнѣ болѣе?

— Остальное предоставимъ Богу!

Digitized by Google

— Только изо всего этого я ничего не могу понять, дядюшка!

— А вотъ мы сейчасъ все дѣло объяснимъ. Выслушай мой разсказъ.

— Адольфу не было еще шести лѣтъ, — такъ началъ Паткуль свое повѣствованіе,—а тебѣ восьми, когда отцы ваши померли, одинъ вслѣдъ за другимъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Они оставили и дѣтямъ своимъ благородное имя, незапятнанное ни однимъ чернымъ дѣломъ, и довольно большое помѣстье. Первое наслѣдство, благодареніе Богу, вами сохранено въ цѣлости; второе вырвано изъ слабыхъ рукъ женскихъ ревнивою властію Карла XI и редукціонною комиссіею. Изобрѣтательное усердіе этой комиссіи не столько въ поправленіи государственныхъ финансовъ, сколько въ угожденіи власти, превзошло мѣру несправедливости, какую можно только вообразить себѣ. Чтобы обогащать казну, судьи опирались сначала на законы; далѣе, пренебрегая и этой благовидною опорой, стали отнимать только именемъ короля, даже комиссіи, и наконецъ, однимъ именемъ Гастфера. Такъ несправедливость, послабленная свыше, дѣлаетъ быстрые успѣхи! Это государственный антоновъ огонь; онъ заражаетъ все тѣло, если въ началѣ его не примутъ мѣръ сильныхъ и скорыхъ. Мать Адольфа пережила своего мужа двумя годами; послѣ нея сирота перешелъ на мои руки. Въ способахъ воспитанія его помогалъ мнѣ вашъ дѣдъ по матери, баронъ Фридрихъ Фюренгофъ. Я нарочно распространюсь объ этомъ достойномъ человѣкѣ, какъ [illegible] удовольствія говорить о немъ, такъ и для того, бы показать тебѣ прекрасный образецъ частной [illegible]ни. Дѣдъ вашъ былъ честный человѣкъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Не только дѣломъ, ду[illegible], и мыслью онъ ни передъ кѣмъ не солгалъ. Рѣдко [illegible]зохотно, по принятымъ имъ правиламъ, ручался

Digitized by Google

онъ за кого; но когда ручался, тогда не требовали залоговъ. Сколько онъ былъ честенъ, столько и бережливъ: можно было бъ назвать его хозяйственность скупостью, еслибы въ домашнемъ быту не окружало его довольство. Во всю жизнь свою не былъ онъ никому долженъ; ссужалъ деньгами только людей точныхъ и никогда безъ процентовъ, хотя бралъ самые умѣренные; никому особенно не благотворилъ; считалъ своими непріятелями только тѣхъ, кто жилъ не по состоянію и безпорядочно. Для своего стола онъ не былъ скупъ, любилъ угостить хорошимъ кускомъ и старымъ виномъ добраго пріятеля, но званыхъ обѣдовъ не дѣлалъ. Дворовые люди его были хорошо обуты, одѣты, сыты; но каждый изъ нихъ вознаграждалъ эту часть хозяйственныхъ расходовъ своими трудами, потому что каждый былъ обученъ какому-нибудь ремеслу. Все, что для дома было потребно, находилось у него въ помѣстьяхъ и дѣлалось дома, все, отъ фундамента до черепицы, отъ гвоздя до щеголеватаго и прочнаго берлина, отъ берды ткача до затѣйливой шкатулки, въ которой онъ пряталъ свои деньги, и надъ которой незнающій попотѣлъ бы нѣсколько часовъ, чтобы открыть ее. Самъ онъ былъ всегда одѣтъ чисто, хотя нашивалъ свои платья по нѣскольку десятковъ лѣтъ; роскошь зналъ онъ только одну, именно бѣлье, которое во время, черезъ усердныхъ должниковъ своихъ, выписывалъ изъ Голландіи. Старость его была пріятная, потому что онъ опрятность считалъ одною изъ добродѣтелей человѣка. Имѣлъ онъ домъ помѣстительный, но чрезвычайно странный фасадомъ и внутреннимъ расположеніемъ, обдѣлывалъ его постепенно, смотря по надобностямъ своимъ, изъ маленькаго домика. Всѣ пристройки къ нему дѣлались такъ, что хозяинъ не имѣлъ никогда нужды изъ него выходить. Прибавленіе каждой комнаты было памятникомъ какой-либо эпохи въ

Digitized by Google

жизни Фридриха. Собирался ли жениться: выстраивали на дворѣ спальню и дѣвичью, первую только съ тремя стѣнами, придвигали ихъ къ одной сторонѣ дома, подводили подъ нихъ фундаментъ, нахлобучивали ихъ крышею, огромными, желѣзными связями скрѣпляли все съ главнымъ зданіемъ, которое можно было назвать родоначальнымъ; наконецъ вырубали, гдѣ нужно, двери и закладывали окна. Родился сынъ: такимъ же образомъ примыкали для него комнату. Та же исторія для двухъ дочерей, для дядекъ, для прислуги. Можно судить, каковъ былъ этотъ многоугольникъ. Говорятъ, что желѣзо, которое пошло въ него, стоило цѣлаго дома, и потому-то Балдуинъ, получа его въ наслѣдство, спѣшилъ сломать на продажу. Кромѣ плодовитаго сада, приносившаго хорошій доходъ, старикъ Фюренгофъ никакого не имѣлъ; не отягощалъ онъ барщиною крестьянъ для вычищенія дорожекъ, которыя самъ протаптывалъ, гуляя тамъ каждый день аккуратно два раза, поутру и послѣ обѣда, лѣтомъ и зимою, въ ясную погоду и дождь. Кедръ, посаженный имъ еще въ малолѣтствѣ, служилъ ему пріятнѣйшимъ павильономъ. Онъ имѣлъ избранную библіотеку, и все новое въ области литературы и наукъ дѣлалось собственностію его пытливаго ума. Сосѣдей, безъ разбора состоянія, принималъ онъ ласково и умѣлъ каждаго занять такъ, что умный и глупый отъѣзжали отъ него довольные имъ и собою. Самъ же ѣздилъ только по разу въ годъ къ двумъ, тремъ пріятелямъ, особенно имъ уважаемымъ, въ день ихъ рожденія: ни гроза, ни буря не могли помѣшать ему исполнять эту обязанность. Въ городѣ же, именно въ Дерптѣ, былъ онъ только разъ въ 20 лѣтъ, и то по случаю смерти своей сестры. Это путешествіе сдѣлалось эпохою по всему протяженію дороги его; теперь еще въ деревняхъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и въ самомъ Дерптѣ

Digitized by Google

вспоминаютъ о его раззолоченномъ берлинѣ и двухъ долгихъ егеряхъ на запяткахъ, какъ объ восьмомъ чудѣ. Окрестное дворянство, знавшее его умъ, твердость и благородство души, прибѣгало къ нему за совѣтами и помощью; гдѣ нужно было научить, защитить отъ притѣсненій сильнаго, вышколить судей за несправедливость, онъ вызывался охотно на услугу и выполнялъ ее съ пользою для обиженнаго, лишь бы не требовали отъ него никакихъ расходовъ. Но лучшимъ ему панегирикомъ служатъ слезы крестьянъ надъ могилою того, кого прозвали они отцомъ своимъ. Надо замѣтить, что его точность въ образѣ жизни измѣнилась видимо подъ конецъ ея, по причинѣ, которую не замедлю объяснить

Изо всѣхъ дѣтей своихъ, Фридрихъ Фюренгофъ любилъ предпочтительно мать твою: это была его милая дочь, его утѣшеніе въ старости, его Ревекка. Никто, кромѣ ея, не могъ старику угодить, когда онъ бывалъ боленъ; никто не умѣлъ, какъ она, оживить его пустыню. Любовь къ ней старался онъ выказать во всѣхъ случаяхъ. Мать твоя не возгордилась этимъ предпочтеніемъ; мать Адольфа имъ не огорчалась. Послѣдняя скоро умерла. Фридрихъ, точный во всемъ, заранѣе составилъ завѣщаніе, которымъ отказывалъ порядочную часть недвижимаго имѣнія Адольфу, наслѣднику послѣ умершей матери его, а лучшую, главную часть и все движимое имѣніе своей Ревеккѣ. Сыну же своему, Балдуину, котораго онъ къ себѣ на глаза не пускалъ за его распутство, жестокосердое обращеніе съ своими людьми и покражу у него значительной суммы денегъ изъ комода, ничего не давалъ, кромѣ мызы Рингенъ, преданной безпутному на жертву еще при жизни старика. Надо сказать тебѣ, что, нѣсколько времени послѣ того, какъ мать твоя вышла замужъ и покинула родительскій домъ, старикъ, грустя по ней

Digitized by Google

и скучая своимъ одиночествомъ, выпросилъ у моего отца дворовую 10-лѣтнюю дѣвочку Елисавету, изъ семейства Трейманъ, которое такъ прозвано за наслѣдственную вѣрность и преданность къ нашему дому. Одинъ братъ этой Елисаветы—Фрицъ, имѣющій честь быть тебѣ извѣстнымъ; другой братъ — нѣмой, котораго ты, безъ сомнѣнія, здѣсь до меня видѣлъ.

— Онъ первый оказалъ мнѣ самыя краснорѣчивыя услуги,—прервалъ Густавъ.

— Имъ-то,—продолжалъ Паткуль,—обязанъ я много въ нынѣшнюю войну. Но объ этомъ послѣ; теперь слово объ Елисаветѣ. Дѣвочка эта за живую физіономію, умные отвѣты и особенную расторопность чрезвычайно полюбилась твоему дѣду. Взявъ ее, къ себѣ, онъ старался самъ образовать ее, и въ четыре года успѣлъ сдѣлать изъ нея маленькое чудо. Въ такое короткое время выучилась она читать стихотворцевъ бѣгло и съ чувствомъ, писала мастерски, какъ будто жемчугомъ унизывала бумагу, и вела счеты не хуже конторщика. Успѣхи ученицы радовали наставника. Сначала она служила дѣду твоему въ уединенной старости вмѣсто игрушки, потомъ привычка и польза сдѣлали ее для него необходимою. Другого чтеца, счетчика и секретаря не имѣлъ онъ. Наконецъ, по сродной преклоннымъ лѣтамъ слабости, онъ началъ и баловать ее. Между тѣмъ въ Елисаветѣ, упредившей возрастъ необыкновенными успѣхами въ умственномъ образованіи, развивались также скоро и страсти. Въ душу ея стоило только забросить искру, чтобы она воспламенилась. Маленькій деспотъ въ домѣ, дѣвченка [illegible]ногу подбирала къ себѣ владычество и надъ хо[illegible]лъ его, замѣтивъ, что необходима для старика, [illegible]савета каждый день дѣлала новыя требованія, ста[illegible] каждый день уступалъ что-нибудь изъ правъ [illegible]. Впрочемъ, она пользовалась властью не для

Digitized by Google

отягощенія окружавшихъ ее служителей, а, напротивъ, для послабленія ихъ обязанностей. Въ послѣднемъ находила она свое торжество. Домашніе любили ее, потому что она всѣхъ ихъ баловала. Шестнадцати лѣтъ Елисавета узнала скуку, а куда заглянетъ эта гостья, туда навѣрно приходитъ съ нею подруга ея, желаніе. Балдуинъ воспользовался этимъ душевнымъ состояніемъ ея, и бросилъ на нее свои хитрые виды. Приступъ сдѣланъ со всѣми утонченностями любовной науки. Балдуинъ, хотя имѣлъ около 40 лѣтъ, былъ недуренъ собою, краснорѣчивъ на искушеніе, казался страстнымъ, и дѣвченка, склонная къ пороку, предалась обольстителю. Въ это время дѣдъ твой сдѣлался боленъ; онъ гасъ медленно и съ каждымъ днемъ приближался къ гробу, — обстоятельство, поторопившее Балдуина къ исполненію его замысловъ. Увѣренный, что обладаетъ совершенно любимицею отца, искуситель открылъ ей свое положеніе, свои муки; разсказалъ, что обязанъ несчастіемъ своими единственно происканъ сестры, которая поссорила сына съ отцомъ и готовилась будто бы выгнать постыднымъ образомъ изъ Фюренгофа новую владычицу его; просилъ Елисавету помочь ему въ этихъ несчастныхъ обстоятелъствахъ и обѣщалъ на ней жениться, какъ скоро только отецъ его умретъ. Чего-бъ не обѣщалъ онъ тогда, лишь бы получить желаемое! Елисавета любила обольстителя со всею силою первой и послѣдней страсти; она носила уже подъ сердцемъ залогъ этой преступной любви, и потому не было жертвы, которую бы не принесла ей. Все, что только могъ бы онъ придумать къ своему благополучію, обѣщано ею выполнить.
ставленъ былъ адскій совѣтъ, въ которомъ главн
роль игралъ Никласзонъ, водочный заводчикъ въ одн
изъ помѣстьевъ Фюренгофа, молодой ловкій еврей, и
нявшій христіанство и готовый каждый день пер

Digitized by Google

нять вѣру, лишь бы эта перемѣна приносила ему деньги, тотъ самый Никласзонъ, котораго видѣлъ ты секретаремъ у дипломатки Зегевольдъ и нынѣ видишь моимъ агентомъ.

— И этотъ злодѣй, — прервалъ съ жаромъ Густавъ, — осмѣливается сквернить своими устами имя ангела земного!... И онъ хвалится вашей дружбой, дядюшка?

— Моей дружбой?... Негодяй! онъ только мой наемщикъ, мой слуга. Я могу плюнуть ему въ лицо, утереть ногой, бросить ему послѣ того кошелекъ съ деньгами — и онъ низехонько поклонится мнѣ! Моей дружбой?... Я проучу его!...

Никто изъ собесѣдниковъ не подозрѣвалъ, что Никласзонъ стоитъ въ сосѣдней комнатѣ и слышитъ все, что въ ней говорили.—«Теперь *выдержу!*—разсуждалъ самъ съ собой Эліасъ—но когда-нибудь и ты, гордецъ, попадешься на мой ноготокъ!»

— Какъ-же вы сами, дядюшка, — продолжалъ Густавъ,—могли избрать это гнусное орудіе для выполненія своихъ политическихъ видовъ?

— О! это дѣло иное, другъ мой! Политика неразборчива на средства, лишь-бы они вели къ предположенной цѣли. Часто ласкаетъ она существа, которыя и задавить гадко. Но мы не философствовать, а просто разсказывать намѣрены: возвратимся же къ нашему разсказу. Составленъ былъ адскій совѣтъ, говорилъ я, и въ немъ положено было, во-первыхъ, Балдуину явиться къ отцу своему, броситься къ нему въ ноги, умолять его о прощеніи и между тѣмъ подвинуть къ посредничеству духовника барона Фридриха. Этотъ приступъ удался. Старикъ, чувствуя приближеніе смерти и убѣжденный христіанскими доводами пастора, вымолвилъ прощеніе, но въ сердцѣ его, не только на устахъ, не было помину о перемѣнѣ духовнаго завѣ-

Digitized by Google

щанія. Съ того времени Балдуинъ, казалось, переродился: нѣжнѣйшія попеченія о больномъ отцѣ, милости окружавшимъ его служителямъ, заботы о бѣдныхъ въ округѣ, — все это могло ослѣпить чернь, но не обмануло умнаго старика на счетъ цѣли, съ какой это дѣлалось. Впрочемъ дѣдъ твой, желая перейти за порогъ жизни, не отягощенный ненавистью къ сыну, показывалъ при всѣхъ если не нѣжность къ нему, по крайней мѣрѣ, милостивое съ нимъ обращеніе. Это обстоятельство впослѣдствіи времени не мало служило къ оправданію злодѣя.—Старикъ ожидалъ со дня на день пріѣзда милой дочери своей, жившей съ твоимъ отцомъ подъ Ревелемъ. Она не ѣхала—и не мудрено: письма къ ней и отъ нея были перехватываемы. Мнимое равнодушіе ея подтачивало послѣдній корень, которымъ дѣдъ твой держался еще на землѣ. Какъ будто нарочно, для лучшаго успѣха злодѣйскаго плана, пришло отъ дочери письмо, которымъ увѣдомляли старика о безнадежности состоянія твоего отца. Убійственная посылка была на время задержана. Между тѣмъ завѣщаніе искусно украдено Елисаветой, знавшей всѣ мышьи норки въ домѣ, и какъ оно было писано ея рукой, то и составлено этой же рукой новое. Этимъ завѣщаніемъ баронъ Фридрихъ, будучи въ полномъ умѣ и памяти, совершенно уничтожалъ старое, и въ уваженіе раскаянія и исправленія сына, также чтобы благопріобрѣтенное имѣніе Фюренгофовъ не могло перейти въ другой родъ, дѣлалъ Балдуина главнымъ наслѣдникомъ всего своего богатства, движимаго и недвижимаго, за исключеніемъ небольшой части, назначаемой дочери, оставшейся въ живыхъ, и сына умершей дочери. А чтобы вновь ставленный актъ имѣлъ болѣе благовидности, завѣщат обязывалъ въ немъ Балдуина избрать себѣ въ наслѣ ники, по своему благоусмотрѣнію, одного изъ свои племянниковъ, къ которому уже все имѣніе должно бы

Digitized by Google

перейти съ фамиліей Фюренгофа. Эліасъ, умѣвшій мастерски подписывать подъ разныя руки, подмахнулъ подъ руку барона Фридриха такъ искусно, что лучшіе пріятели его не могли въ подписи усомниться. Когда же это было улажено, предъявили больному письмо твоей матери и новое, вслѣдъ за тѣмъ пришедшее, которымъ увѣдомляли о смерти отца твоего. Убійственная посылка имѣла дѣйствіе, предугаданное злодѣями, безъ всякихъ другихъ насильственныхъ средствъ, хотя Никласзонъ и увѣрялъ своего довѣрителя, что химія его въ этомъ случаѣ много помогла. Какъ извѣстно сдѣлалось мнѣ впослѣдствіи, это была выдумка, чрезъ которую хитрый повѣренный думалъ взять болѣе власти надъ душою злодѣя. Водяная, мучившая дѣда твоего, поднялась въ грудь, и онъ лишился языка. Призваны были въ комнату умирающаго духовникъ его, нѣсколько служителей, стариковъ, и одинъ изъ сосѣдей, только именемъ дворянинъ, должникъ Балдуина. Послано и за самимъ Балдуиномъ, нарочно уѣхавшимъ дня за два въ свой притонъ. Твой дѣдъ держалъ въ костенѣвшей рукѣ завѣщаніе; изъ другой только-что выпало перо. Будучи еще въ памяти, онъ съ горестнымъ видомъ кивнулъ на роковую бумагу. Пасторъ, простодушный и торопливый, вынулъ ее изъ руки и, увидѣвъ, что это было духовное завѣщаніе, прочелъ его при всѣхъ. Знаки нетерпѣнія, которое умирающій силился показать при этомъ чтеніи, перетолкованы духовнику за желаніе, что актъ былъ имъ скорѣе подписанъ, пока сохранялась въ завѣщателѣ жизнь. Дѣдъ твой навѣкѣ смыкалъ глаза, а духовникъ скрѣпилъ подложный актъ; за [illegible] подписалъ и дворянинъ, о которомъ я говорилъ. [illegible]тъ между тѣмъ предостерегъ пастора, что для [illegible]жанія всякаго сомнѣнія со стороны наслѣдницы, [illegible]удо бъ заставить старыхъ служителей присягнуть [illegible]и всѣ видѣли и *слышали* волю покойнаго на за-

Digitized by Google

свидѣтельствованіе духовной, и это выполнено въ точности простодушнымъ пасторомъ. Актъ, сдѣланный по формѣ, представленъ въ судъ. Судьи знали хорошо подпись барона Фридриха, и удостовѣрили законность акта. Вскорѣ родились, однакожъ, подозрѣнія: мать твоя протествовала противъ него; но деньги, сильное ходатайство баронессы Зегевольдъ, съ которой въ то время сдѣлано было извѣстное условіе и, наконецъ, присяга духовника и служителей выиграли спорное дѣло въ пользу преступленія, которое владѣетъ имѣніемъ твоимъ и донынѣ. Но Богъ рано или поздно, караетъ злодѣевъ. Часъ твоего дяди пробилъ.

«Мы бранили Эліаса Никласзона: теперь разскажу тебѣ объ одной чертѣ его дальновиднаго ума, за которую онъ годился бы въ дипломаты. Онъ утаилъ у себя, на всякій случай, истинное духовное завѣщаніе, а своему покровителю объявилъ, что сжегъ его и развѣялъ даже его прахъ. Это догадка была не лишняя. Балдуинъ въ первый годъ обладанія своими сокровищами былъ признателенъ къ тѣмъ, которые помогли ему достать ихъ: Никласзонъ возведенъ въ степень повѣреннаго по дѣламъ; жалованье, по условію, ему исправно выдано. Во второй годъ оказалась маленькая неустойка, въ третій большая, и такъ постепенно съ каждымъ годомъ, до того, что повѣренный, въ одинъ срокъ платежа, отпущенъ съ руками, полными однихъ извиненій и жалобъ на неурожай, худыя обстоятельства и тому подобное. Эліаса, однакожъ, боялись еще и, въ вознагражденіе за денежныя недоимки, удовольствовали его самолюбіе, опредѣливъ его секретаремъ къ баронессѣ Зегевольдъ. Онъ казался довольнымъ, осадка мести лежала на днѣ его сердца, и сто[ит] только дать ему сильный толчекъ, чтобы возмут[ить] ядовитый настой. Съ Елизаветой обходились кажд[ый] годъ хуже. Причинъ много къ тому было: надлеж[ащее]

Digitized by Google

отклонить подозрѣніе, что она участвовала въ подложномъ завѣщаніи; великодушіемъ своимъ къ дворовымъ людямъ, щедростію и желаніемъ владычествовать въ замкѣ безпрестанно сталкивалась она съ низкой душой, скупостію и тиранствомъ Балдуина; наконецъ, нужно было замѣнить старую любимицу новой. Мальчикъ, котораго Елизавета родила, давно сосланъ былъ на прокормленіе къ родственницѣ ея, бабкѣ Ганнѣ, живущей подъ Гельметомъ. Это пріятель твой, Мартышка, напугавшій тебя такъ много въ роковой вечеръ у *трехъ сосенъ*.

— Недалеко же упало сѣмя отъ злой крапивы, — сказалъ Густавъ.

— Никласзонъ, соболѣзнуя объ участницѣ его преступленія, открылъ ей, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ обладаетъ. Свобода не столько бы обрадовала заключеннаго, какъ Елизавету эта вѣсть. Въ душѣ ея, измученной раскаяніемъ, ревностію къ соперницѣ, неблагодарностію ея обольстителя, жестокимъ обхожденіемъ съ ней, встала месть во всемъ страшномъ своемъ вооруженіи, со всѣми орудіями казни. Бывшая любимица твоего дѣда, прежде столь гордая, пала къ ногамъ Никласзона, обнимала ихъ, умоляла осчастливить ее уступкой рокового завѣщанія, и давала клятву, самую ужасную, употребить его въ дѣло тогда только, когда онъ ей это дозволитъ и найдетъ удобнымъ, не жертвуя своею безопасностію. Никласзонъ сжалился надъ ней, или, лучше сказать, разсчелъ выгоды и невыгоды этой уступки, и — завѣщаніе было въ рукахъ Елизаветы. Этому прошло лѣтъ пять. Могу тебѣ сказать теперь, что къ этому времени двое изъ моихъ друзей, подавая мнѣ изъ Лифляндіи въ Лозань руку помощи, вербовали мнѣ приверженцевъ и лазутчиковъ въ моемъ отечествѣ. Они бросили виды свои на Эліаса. Потомокъ Іуды былъ скрытенъ, уменъ, лукавъ; золото

Digitized by Google

ослѣпило его, и онъ сдѣлался моимъ. Съ того времени, исправно получая условленныя деньги и поощряемый наградами не взачетъ, онъ вѣрно служилъ мнѣ. Въ этомъ долженъ я отдать ему справедливость. Перемѣна службы не мало побудила его въ уступкѣ завѣщанія Елизаветѣ, которой оно принадлежало по праву злополучія. Несчастная, угадывая злодѣйскіе надъ собою замыслы Фюренгофа, рѣшилась въ одну ночь бѣжать, но, успѣвъ только сползти изъ окна по стѣнѣ, услышала за собой погоню. Увернуться отъ нея было невозможно. Она спряталась въ саду. Уже мелькали исполнители злодѣя. Что дѣлать? Оставалось только спасти орудіе своей мести. Роковая бумага завернута въ платокъ, въ другой, потомъ въ башмакъ, и сунута въ глубокое дупло дерева, растущаго подъ окномъ кабинета рингенскаго властелина.

— Можетъ быть,—произнесъ Густавъ съ какимъ-то страхомъ,—дерево это давно срублено или сгнило?

— Провидѣніе хранитъ его для наказанія злодѣйства. По крайней мѣрѣ, мы не теряемъ въ этомъ надежды. Пойманная Елизавета заключена въ особенную комнату подъ жесточайшій присмотръ. Объ ея несчастной участи узналъ Никласзонъ и спѣшилъ къ ней на помощь. Онъ уговорилъ Фюренгофа, только для вида, сжалиться надъ своею плѣнницею, простить ее и отпустить съ нимъ, будто для свиданія съ ея сыномъ, откуда обѣщалъ, черезъ нѣсколько дней, отправить въ Елисейскія поля этого опаснаго для нихъ обоихъ свидѣтеля. Рингенскій баронъ не зналъ скорѣйшаго средства избавиться отъ нея, и согласился. Черезъ нѣсколько дней получено имъ въ самомъ дѣлѣ извѣс что Елизаветы не существуетъ. Онъ такъ обрадова этому извѣстію, что сшилъ своей новой любим Мартѣ тонкій чепчикъ, себѣ сдѣлалъ модный пари и рѣшился было выдать Никласзону одинъ годъ

Digitized by Google

домки, но, подумавъ, что этотъ повѣренный не смѣетъ измѣнить ему собственно для себя, отсчиталъ ему только кучу благодарностей. Впослѣдствіи секретарь баронессы, продолжавшій называться преданнѣйшимъ человѣкомъ Фюренгофа, дѣйствовалъ за одно съ Елизаветою; даже еще въ недавномъ времени диктовалъ ей краснорѣчивое письмо, которымъ грозилъ ему и вмѣстѣ себѣ роковымъ завѣщаніемъ. Елизавета укрылась здѣсь, на мызѣ моего добраго пріятеля, доктора Блументроста. Когда жъ я самъ явился инкогнито въ Лифляндію, когда мой вѣрный Фрицъ опредѣлился кучеромъ къ баронессѣ Зегевольдъ, чтобы надглядывать надъ Никласзономъ и получать по возможности своихъ средствъ свѣдѣнія о томъ, что происходило кругомъ Гельмета...

— Извините, дядюшка, прерываю васъ. Какимъ же образомъ баронесса и другіе непріятели ваши не отгадали вашего лазутчика въ Фрицѣ, котораго они должны были по васъ прежде знать?

— Нѣтъ, другъ мой, они его вовсе не знали. Отецъ мой въ разныя времена своей жизни имѣлъ пребываніе въ Стокгольмѣ и умеръ тамъ. Семейство Треймана было съ нимъ неразлучно. Тамъ отдалъ онъ Фрица, еще мальчикомъ, въ берейторы и ветеринары. Кончивъ курсъ ученія, Фрицъ оставался всегда въ резиденціи для надзора за лошадьми, которыми отецъ мой особенно любилъ щеголять и славился во всемъ королевствѣ. Неоднократно служитель умѣлъ оказывать своему господину опыты рѣдкой преданности и вѣрности. Господинъ умѣлъ ихъ чувствовать и цѣнить: со смертнаго одра своего благороднѣйшій изъ людей и нѣжнѣйшій изъ отцовъ поручалъ меня съ братомъ этому служителю, какъ родственнику, какъ другу. Я путешествовалъ тогда. По пріѣздѣ моемъ въ Лифляндію, Фрицъ жилъ у моего брата, стоявшаго съ полкомъ въ одной

Digitized by Google

изъ отдаленныхъ провинцій Швеціи; поступилъ же ко мнѣ, когда начались мои несчастія. «Теперь моя помощь вамъ нужнѣе», говорилъ онъ, и оправдалъ свои слова на дѣлѣ. Всѣмъ былъ онъ для меня въ черные дни мои: спасителемъ отъ позорной казни, меня ожидавшей, потому что онъ болѣе всѣхъ способствовалъ къ моему бѣгству изъ Стокгольма. Онъ питалъ меня во дни голода, утѣшалъ въ изгнаніи; теперь помощникъ мой въ освобожденіи Лифляндіи отъ шведскаго ига. Но я замѣчаю, что тронулъ твою слабую струну...

— Не то читаете вы, дядюшка, на лицѣ моемъ: я хотѣлъ спросить, почему знаетъ меня Фрицъ?

— Онъ видѣлъ тебя въ Стокгольмѣ, у меня въ домѣ, передъ вступленіемъ твоимъ въ университетъ. И такъ, когда построены были всѣ мои политическіе виды въ Лифляндіи, куда тайно пріѣзжалъ я нерѣдко, когда русскія войска вступили въ здѣшный край, въ душѣ Елизаветы зажглись темныя надежды мщенія. Войско русское могло быть въ Рингенѣ!.. Почему-жъ и ей не быть тамъ вмѣстѣ?.. Съ этою мыслью и разными видами, которые мнѣ сообщила, она поступила маркитанткою въ корпусъ Шереметева, подъ именемъ чухонской дѣвки Ильзы. Чего не испытала она тамъ въ два года между солдатчины!.. Но близокъ часъ ея торжества; можетъ быть, онъ уже наступилъ. Сѣкира, лежавшая у корня, должна быть поднята, и древу нечестія пришло время пасть... (Паткуль въ благоговѣніи прочиталъ про себя молитву). Молись Богу, добрый мой Густавъ, и Луизу не отнимутъ у тебя.

— Дядюшка! благодѣтель мой! еслибъ это такъ было!...

— Обѣщался-ли бъ ты тогда оставить шведск службу и вступить въ русскую?

— Никогда, никогда, хотя бъ это стоило р Луизы! Я умру вѣрнымъ моему законному госуд

Digitized by Google

— Даже и тогда, когда отечество твое признаетъ своимъ государемъ Петра Великаго и присягнетъ ему на вѣрность?

— Тогда... Это не можетъ быть!..

— Но если бы это случилось.

— Тогда-бъ и я служилъ Петру, государю Лифляндіи. (Паткуль молча пожалъ ему руку). Но что я говорю? До какого слова довели вы меня, дядюшка! Я себя не узнаю. Когда мое отечество гибнетъ въ пожарахъ и неволѣ; когда мои ближніе, мои друзья, идутъ тысячами населять степи сибирскія, въ то время имя Петра, виновника этихъ бѣдствій, на устахъ моихъ и, можетъ быть, въ моемъ сердцѣ замѣнило имя законнаго моего государя. Луиза! — вскричалъ Густавъ, закрывъ глаза руками,—ты все это дѣлаешь!...

Потомъ, немного подумавъ, сказалъ онъ Паткулю:

— Воля ваша, дядюшка, я не понимаю, какія надежды могу имѣть. Полученіе имѣнія?... На что мнѣ оно въ неволѣ, безъ нея? Счастливѣе былъ бы я въ тысячу разъ, если бы вмѣсто богатства пришла она безъ придачи, въ мою бѣдную мызу, наслѣдство бѣднаго отца; я принялъ бы ее тогда, какъ божество, которое однимъ словомъ можетъ дать мнѣ всѣ сокровища міра.

— Я не всемогущъ. Могу тебѣ только сказать: будь покоенъ. Если Ильза не умерла до прибытія русскихъ въ Рингенъ, такъ братъ твой не женатъ на Луизѣ. Все прочее предоставимъ Богу; а покуда будемъ ожидать благопріятнаго посланія отъ нашей Феи, [illegible]адающей талисманомъ всемогущимъ.

Такъ кончился разговоръ, открывшій много Густаву. [illegible]ъзя выразить мучительное положеніе, въ которомъ [illegible] провелъ цѣлый день между мечтами о счастіи, [illegible]ду нетерпѣніемъ и страхомъ. Иногда представля[illegible] ему Луиза въ тотъ самый мигъ, когда она, сходя

Digitized by Google

съ Гельметскаго замка, съ нѣжностью опиралась на его руку, и смотря на него глазами, исполненными любви, говорила ими: «Густавъ, я вся твоя!» То гремѣло ему вслухъ имя Адольфа, произнесенное въ пещерѣ, или видѣлось брачное шествіе брата его съ Луизой...

Утромъ слѣдующаго дня Паткуль пришелъ къ нему съ бумагою, только что полученною отъ Ильзы на имя г. Блументроста. Принесшій ее былъ чухонскій крестьянинъ, которому заплачены были за эту услугу большія деньги, съ обѣщаніемъ такой же награды при доставленіи.

— Другъ мой!—сказалъ Паткуль племяннику своему, — и не развертывалъ до тебя рокового посланія. Возложимъ упованіе наше на Бога и съ твердостію, сродною нашему полу, приступимъ къ чтенію.

Здѣсь поднялъ онъ глаза къ небу и съ трепетомъ сердечнымъ, какъ бы его собственная судьба заключалась въ бумагѣ, развернулъ ее. Онъ обѣщалъ много... и горе ему, если онъ питалъ напрасно любовь и надежды Густава! Горе послѣднему, если дядины слова не сбудутся!

— Постойте, дядюшка!—вскричалъ Густавъ,—подождите читать; не убивайте меня вдругъ; дайте мнѣ однажды перевести духъ.

— Малодушный! помни: Луиза смотритъ на тебя. Человѣкъ, неумѣющій управлять собою, недостоинъ ея.

Это волшебное имя придало силы несчастному, и онъ готовъ былъ спокойнѣе выслушать свой приговоръ.

— Письмо это на имя Блументроста,—продолжалъ Паткуль, пробѣгая глазами бумаги и перевертывая листы. — Понимаю; предосторожность не лишняя! рука незнакомая, и подписи не видно! Боже мой сколько лоскутовъ, и что за чепуха!... Постараемся пройти черезъ этотъ дедалъ. Но вотъ письмецо,

Digitized by Google

роятно, писанное женскою рукою. Оно къ тебѣ адресовано, милый другъ, и запечатлѣно именемъ, для тебя драгоцѣннымъ.

Записка была уже въ дрожащихъ рукахъ Густава. Онъ пожиралъ на ней глазами и сердцемъ слѣдующія строки:

«Густавъ! женщина, посланная отъ тебя, сказала мнѣ, что ты раненъ, боленъ, и умрешь, если на вѣчное прощаніе не скажу тебѣ слова утѣшенія. Какое утѣшеніе можетъ дать та, которая сама болѣе имѣетъ въ немъ нужду, нежели кто-нибудь? Сказать-ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это знаешь; и на что тебѣ теперь это слово?... Что сдѣлаешь изъ него?... Повторяя его тебѣ, я уже преступница: черезъ нѣсколько часовъ я жена твоего брата. Велятъ, и я повинуюсь. Прости, будь счастливъ: мысль объ этомъ усладитъ немногіе дни, которые осталось жить Луизѣ З.»

— Свершилось все, дядюшка! — воскликнулъ Густавъ, цѣлуя записку и рыдя надъ нею,—по крайней мѣрѣ, съ этимъ залогомъ умереть не тяжело. Она меня любитъ!... Чего-жъ мнѣ болѣе?... Луиза моя!... Самъ Богъ мнѣ ее далъ.. Она придетъ къ тебѣ въ домъ, Адольфъ, но не будетъ твоя. Ты не знаешь, что она сердцемъ сочеталась со мною прежде!...

Въ глазахъ Густава было что-то дикое; съ ядовитою усмѣшкою онъ обращалъ ихъ на все окружавшее его; онъ весь дрожалъ. Записка упала изъ рукъ. Патькуль поднялъ ее.

— Успокойся, другъ мой! — сказалъ этотъ, пробѣжавъ ее, и потомъ, ласково взявъ руку своего плѣнника, прибавилъ: — ты прочелъ не всю записку. Гляни: вотъ отмѣтка, сдѣланная рукою твоего благодѣтельнаго брата. Всмотрись хорошенько. Успокойся, прошу тебя именемъ Луизы.

При этомъ имени Густавъ вздрогнулъ, потеръ себѣ

Digitized by Google

лобъ рукою, озирался, какъ бы не зналъ, гдѣ онъ находится и что съ нимъ дѣлается. Паткуль повторилъ ему свое замѣчаніе, и онъ схватилъ опять записку Луизы. Дѣствительно, была на ней слѣдующая отмѣтка:

«Я читалъ это письмо, и возвращаю его по принадлежности. Будь счастливъ, Густавъ, повторяю вмѣстѣ съ Луизою. Благодарю Бога, что еще время. Давно бы открыться тебѣ брату и другу твоему Адольфу Т.»

За этой припиской слѣдовала другая:

«Я отмщена. Въ дни счастія своего не забудьте злополучной Ильзы.»

Густавъ не вѣрилъ глазамъ своимъ; читалъ, смотрѣлъ радостно на дядю, углубился въ думы, еще перечитывалъ. Глаза его просвѣтлѣли; сладкія слезы полились изъ нихъ и облегчили его сердце, сдавленное горестію.

— Я еще ничего не понимаю,—сказалъ онъ, наконецъ, бросаясь обнимать Паткуля,—но уже счастливъ.

— Поищемъ объясненія въ этой бумагѣ; но клянись мнѣ прежде не дурачиться болѣе и помнить одно: тебя любятъ, и твоя любовь извѣстна брату, какихъ мало на свѣтѣ. Съ тебя пока довольно.

— Клянусь быть спокойнымъ, чтобы ни было написано въ бумагахъ, еще не прочтенныхъ послѣ той, которая у меня, я ничего не страшусь. Добрый, благородный, милый Адольфъ! я тебя постигаю.

Взглянувъ на Густава съ усмѣшкою, какъ бы не довѣряя ему, Паткуль началъ читать вслухъ по порядку листы, бывшіе у него въ рукахъ:

«Вы удивитесь, почтеннѣйшій господинъ докторъ, получивъ отъ меня письмо изъ Дерпта, и такъ небрежно написанное на нѣсколькихъ лоскуткахъ. Причиною тому чудесныя происшествія, случившіяся в семействѣ Зегевольдъ, и поспѣшность, съ которою извѣщаю васъ о нихъ: они перевернули весь дом

Digitized by Google

вверхъ дномъ, вскружили мнѣ голову до того, что я не въ состояніи нынѣ классифицировать порядочно ни одно растеніе, и такъ деспотически мною управляютъ, что я, не имѣя бумаги, принужденъ выдирать на письмо къ вамъ листы изъ Флоры, которую составилъ было во время моего путешествія отъ Гельмета до Дерпта. Ахъ, почтеннѣйшій господинъ докторъ! какую собралъ я коллекцію драгоцѣнныхъ растеній, по которымъ нерѣдко вздыхали мы такъ тяжело! Еслибы вы могли видѣть чудесный ranunculus septentrionalis, который отыскалъ я—и гдѣ-жъ, какъ бы вы думали? не далеку отъ salix acutifolia fœmina. А вы знаете, мой любезнѣйшій другъ, что женскій полъ этого рода, бывшій доселѣ у насъ неизвѣстнымъ, почитали только дикорастущимъ на берегахъ Каспійскаго моря...»

Тутъ Паткуль, потерявъ терпѣніе, пожалъ плечами и сказалъ:

— Спѣшитъ же чудакъ увѣдомить о дѣлахъ фамиліи Зегевольдъ!

Потомъ пробѣжалъ глазами нѣсколько строкъ, бормоча про себя, и вдругъ началъ читать опять вслухъ:

«Вы только можете повѣрить, съ какою любовью обнялъ я эту прелестную Дафну, доселѣ убѣгавшую отъ моихъ поисковъ, — вы только, потому что ваше сердце бьется, какъ и мое, при видѣ этихъ прекрасныхъ твореній... И чтожъ? Злодѣи, служители баронессы, выбросили...»

— Тфу, пропасть! да это цѣлая исторія ивы. Сколько началивъ онъ на словахъ, столько болтливъ на бумагѣ. ке мой, пошли мнѣ терпѣніе! Брръ, брръ... Наконецъ берегъ, берегъ!

«Я, кажется, сказалъ вамъ въ началѣ письма, что писалъ бы къ вамъ такъ скоро послѣ свиданія нашего, еслибы не просила меня объ этомъ убѣдительно

Digitized by Google

одна несчастная женщина, которой имя узнаете изъ содержанія этого письма, и въ судьбѣ которой, какъ она мнѣ изъяснила, вы принимаете такое же искреннее, живое участіе, какъ и въ судьбѣ моей воспитанницы. Повидимому, звѣзда одной имѣетъ сильное вліяніе на путь другой. Вы должны во-первыхъ, знать, мой почтеннѣйшій, что мы съ Адольфомъ Траутфеттеромъ едва довезли больную Луизу до Гальсдорфа, помѣстья г-жи баронессы, неподалеку отъ Рингена, — помѣстья, которое обладательница его около десяти лѣтъ не видала и откуда мы выпугнули сотни летучихъ мышей. Одну изъ нихъ, весьма замѣчательную по устройству головы, берегу въ банкѣ. Она,—то есть баронесса, хотѣлъ я сказать,—до сего времени не любила Гальсдорфа; но въ бѣдѣ пригодится иногда и то, на что мы прежде и смотрѣть не хотѣли. Всѣ нѣжнѣйшія попеченія влюбленнаго жениха были истощены, чтобы успокоить страждущую или, лучше сказать, умирающую невѣсту. Кажется, для спасенія ея онъ пожертвовалъ бы жизнію. Жаль мнѣ было добраго, благороднаго Адольфа! Луиза принимала его услуги съ признательностію, казалась внимательною къ его попеченіямъ; между тѣмъ душевный огонь видимо пожиралъ остатки ея жизни. Адольфъ приписывалъ это состояніе разлукѣ съ матерью, неизвѣстности о ней въ такое злополучное для Лифляндіи и особенно для Гельмета время, и тому подобному. Но я видѣлъ, что болѣзнь ея имѣла одинакій источникъ, какъ и та, отъ которой вы излѣчили мою воспитанницу нынѣшней весной. День ото дня нѣжнѣй становился Адольф— день ото дня—Луиза грустнѣе. — Худое выйдетъ и этого!—думалъ я; но этому худу помочь было нечѣм Пріѣхала черезъ двое сутокъ баронесса, скучная, мо чаливая, кажется, изъ доброй школы, потому что о ложила въ сторону всѣ дипломатическія заботы. О

Digitized by Google

помышляла, говорила только объ одномъ: устроить скорѣе счастіе своей Луизы. А я такъ думалъ: этимъ счастіемъ ты довершишь ее! Адольфа умѣла въ это время дипломатка ослѣпить до того, что онъ бредилъ только о своемъ будущемъ благополучіи. Тогда же получено нами извѣстіе, что въ Рингенъ приходили татары съ ужаснымъ своимъ предводителемъ, и приходили, какъ антикваріи, взглянуть на развалины замка. Къ удивленію общему, они были смирны тамъ, какъ ягнята: никого не тронули на волосъ; ни у кого не взято даже нитки. Можно сказать, Фюренгофъ вышелъ сухъ изъ воды. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ прошла въ околодкѣ нашемъ молва, что съ войскомъ азіятскимъ въ Рингенѣ была какая-то колдунья, бросила мертваго, золото-волосаго мальчика передъ окнами Бира, вынула изъ дупла какого-то дерева гнѣздо въ видѣ башмака, съ ужасными угрозами показала его издали Фюренгофу, говорила о какой-то бумагѣ и ускакала на черномъ конѣ вмѣстѣ съ татарскимъ начальникомъ. Съ того времени баронъ слегъ въ постель и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ своей вѣрной Марты. Простой народъ говоритъ, что колдунья утащила гнѣздо, въ которомъ лукавый несъ барону золотыя яйца; съ тогоде и тяжело ему стало. Между тѣмъ у насъ въ Гальсдорфѣ рѣшено было отпраздновать свадьбу и вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ новобрачными, ѣхать въ Дерптъ, куда комендантъ тамошній приглашалъ Адольфа укрыться отъ непріятеля и вступить на службу. Послали къ Фюренгофу съ испрошеніемъ на все это его утвержденія, согласно извѣстному условію. Вмѣсто отвѣта пріѣхалъ онъ самъ и, что насъ не мало изумило, требовалъ, чтобы свадьба была отправлена какъ можно поспѣшнѣе. Этого только и хотѣла баронесса. Передъ роковой церемоніей пришла ко мнѣ моя воспитанница. Она была блѣдна, какъ мертвецъ; глаза ея помутились. Она

Digitized by Google

схватила мою руку своею ледяною рукою, и холодъ смерти сообщился мнѣ. Я не могъ удержать слезъ своихъ. «Другъ мой! мнѣ и плакать не велятъ»—сказала Луиза, сжимая мою руку,—«я пришла съ тобой проститься и... (Тутъ легкій румянецъ означился на щекахъ ея; глаза ея сверкнули погасающимъ пламенемъ; она сняла съ груди крошечную шелковую подушечку и подала мнѣ ее). Этотъ даръ прислалъ мнѣ *онъ* въ послѣдній день моего рожденія, никто мнѣ этого не сказывалъ; но я знаю, это прислалъ *онъ*. У сердца моего хранился милый даръ донынѣ: никто, кромѣ сердца моего, не знаетъ объ этомъ. Я хотѣла, чтобы его вмѣстѣ со мной положили въ гробъ... Сдѣлавшись женою другого, я не могу его имѣть при себѣ. Когда меня не будетъ на свѣтѣ—а этого ждать не долго — возвратите его Густаву. Обѣщаете-ли?...» Слова ея раздирали мнѣ душу; я хотѣлъ ее успокоить, но только могъ плакать. Мы плакали вмѣстѣ. Я ей все обѣщалъ. Луиза хотѣла еще что-то сказать, но послышались шаги баронессы, преслѣдовавшей свою жертву. Вошедши въ мою комнату, она сурово взглянула на насъ и повлекла несчастную къ алтарю. Въ эти роковыя минуты я не могъ покинуть свою Луизу: я присоединился къ ней у входа въ церковь. Она едва могла съ моею помощію и жениха взойти на лѣстницу. Адольфъ замѣтилъ ея состояніе и спросилъ ее съ нѣжнымъ участіемъ, не больна-ли она. «Немножко!»—отвѣчала Луиза, и едва не упала на мои руки; но грозный взоръ матери оживилъ ее. Въ храмѣ находились только баронесса, Фюренгофъ, я — и домашніе. Баронесса была угрюма; милліонеръ все першилъ, будто страдалъ хоткою; Адольфъ былъ невеселъ; служители плакали такъ, что нѣкоторыя принуждены были выйдти на [illegible] перть. Церемонія походила на погребальную п[illegible] цессію...»

Digitized by Google

— Поэтому она... — вскричалъ Густавъ задыхающимся голосомъ.

— Безумный!—перебилъ съ сердцемъ Паткуль, — что обѣщалъ ты мнѣ? Развѣ не имѣешь въ собственныхъ рукахъ залога своего спокойствія? Начинаю сомнѣваться, достоинъ-ли ты его. Не прерывай меня или я самъ замолчу.

— Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога, продолжайте.

Паткуль началъ снова чтеніе:

«Церемонія походила на погребальную процессію. Казалось, сама природа хотѣла сдѣлать ее еще пасмурнѣе. День ужь вечерѣлъ; черныя тучи собрались со всѣхъ сторонъ и повисли надъ храмомъ; бушевалъ вѣтеръ, и оторванный листъ желѣза на кровлѣ, стоная, раздиралъ душу. Пасторъ готовъ былъ произнести слово судьбы, какъ вдругъ отворилась съ шумомъ дверь церкви и передъ нами явилась высокая женщина, съ лицомъ мѣднаго цвѣта, съ черными длинными волосами, по плечамъ, въ нищенской одеждѣ. Глаза ея ужасно прыгали, и казалось, издавали отъ себя пламень. Мы всѣ съ трепетомъ отступили отъ этого привидѣнія; но всѣхъ болѣе видимо перепугался Фюренгофъ, лицо его начало подергивать ужасными конвульсіями. «Стой!» закричала женщина страшнымъ голосомъ, какого я не слыхивалъ въ жизнь мою, и... (Паткуль съ нетерпѣніемъ схватилъ послѣдній листъ, чтобы читать продолженіе) «и... Sphagnum obtusifolium настоящая поглощающая...»

— Что это значитъ? — вскричалъ чтецъ съ неудовольствіемъ,—нашъ мудрецъ не обернулъ-ли въ забывчивости вверхъ ногами листъ, на которомъ начато было травяное разсужденіе? Нѣтъ, это не такъ; и это то, — продолжалъ онъ, оборачивая листъ на разныя стороны.—Посмотримъ опять:

Sphagnum obtusifolium настоящая губка, погло-

Digitized by Google

щающая необыкновенно много воды и имѣющая свойство расширять свои сосудцы до величины изумительной...»

— Чтобы чортъ меня побралъ, если я тутъ что понимаю! Весь послѣдній листъ исписанъ разсужденіемъ объ одномъ и томъ же растеніи; а окончанія настоящаго разсказа объ Луизѣ не видно.

— Что онъ со мною сдѣлалъ? — воскликнулъ Густавъ, который доселѣ едва смѣлъ дышать.

— Бездѣлицу! Отъ проклятаго разсѣянія, второпяхъ, онъ навѣрно смѣшалъ листы, и вмѣсто того, который намъ нуженъ, всучилъ свою Sphagnum obtusifolium—чтобъ ему самому превратиться въ Sphagnum!.. О! если бы онъ попался мнѣ теперь, я выжалъ бы изъ этой негодной губки все, что онъ утаилъ отъ насъ! Негодяй, болванъ, годный только вмѣсто бюста Сократа на запыленный шкапъ деревенской библіотеки!..

Паткуль ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами, пыхтѣлъ отъ досады, и, наконецъ, засмѣялся.

— И мы,—сказалъ онъ,—мы настоящія дѣти сердимся на чудака, благороднѣйшаго изъ людей, за слабость, которой сами причастны. Не всѣ-ли мы имѣемъ своего конька? Не всѣ-ли поклоняемся своему идолу, я—чести, ты—любви, Фюренгофъ — золоту, Адамъ — своей флорѣ? О чемъ ни думаетъ, что ни дѣлаетъ, флора въ головѣ его, въ его сердцѣ. И чтожъ? Когда мы впадаемъ въ безуміе отъ того, что не можетъ удовлетворять своей страсти, неужели не извинимъ въ другомъ припадка безумія отъ любви, болѣе безкорыстной, болѣе невинной и чистой?

— Дядюшка, но онъ на волосъ повѣсилъ мечъ на головой моей!

— Неблагодарный, прочти еще разъ записку Луи и брата своего,—отвѣчалъ спокойно Паткуль,—и б

Digitized by Google

годари судьбу за милости, которыя она такъ явно тебѣ посылаетъ. Съ своей стороны возсылаю Тебѣ, о Боже всемогущій, благодареніе за то, что не постыдилъ меня и совершилъ мои обѣты.

Густавъ прочелъ еще разъ письмо Луизы.

— Да! я виноватъ передъ Тобою, Господи! — сказалъ онъ и, павъ на колѣна, пролилъ слезы благодарности передъ Творцомъ своимъ за любовь къ нему Луизы и ниспосланіе залога, примиряющаго его съ жизнію и надеждами, хотя темными, но все-таки драгоцѣнными.

Слѣдующій день былъ днемъ горестной разлуки. Густавъ отправлялся въ Россію съ другими офицерами, взятыми въ плѣнъ въ разныхъ сраженіяхъ. При прощаніи съ дядею ему дано слово заботиться и въ отдаленіи объ его благополучіи. Что сталось съ нимъ, когда онъ, сидя на двухколесной латышской телѣжкѣ, подъѣхалъ къ повороту въ землю непріятельскую и взглянулъ назадъ на дорогу, которая вела въ мѣста, для него столь драгоцѣнныя? Едва закрывшіяся раны его сердца вновь растворились... Кто терялъ свое отечество и оставлялъ въ немъ любимую женщину, можетъ судить, что онъ чувствовалъ. Когда-то онъ увидитъ ихъ? Какія перемѣны могутъ въ это время случиться! Теперь Луиза свободна: въ этомъ увѣряетъ письмо ея, засвидѣтельствованное Адольфомъ; но Луиза еще не его. Кто поручится, что ее не принудятъ выйти за другого? Гдѣ она? Что съ нею? Какая судьба постигнетъ его отечество? Какія собственныя его надежды?.. Запросы эти пропадали въ мрачной неизвѣстности. Онъ посмотрѣлъ впередъ на дорогу въ Россію: въ эту бездну долженъ былъ онъ броситься—и сердце его замерло... Онъ оборотился еще разъ на дорогу въ Лифляндію: глаза его наполнились слезами. Телѣжка двигалась; съ каждымъ шагомъ лошади, цѣна его по-

Digitized by Google

теръ дѣлалась для него чувствительнѣе: онъ ничего не взвидѣлъ и бросился на солому.

Паткуль уѣхалъ ко двору Петра. Проводивъ мнимаго господина Фишерлинга, швейцарка шла, рыдая, въ свое отечество за угрюмымъ отцомъ своимъ и, казалось, готова была выплакать свое сердце. Ей назначено тайное свиданіе въ Германіи, любовь или жалость его назначили, мы не знаемъ; но извѣстно только намъ, что безъ того бы Роза осталась умереть на мызѣ, гдѣ похоронила свое спокойствіе и счастіе.

Владиміра и слѣпца давно не было на мызѣ. Опередивъ ночью русское войско, они отдыхали на послѣдней высотѣ къ Маріенбургу. Сзади оглядывался на нихъ золотой пѣтухъ оппекаленской кирки; впереди показывались имъ блестящимъ полумѣсяцемъ воды озера, врѣзаннаго въ темныя рамы береговъ; чернѣлся въ воздухѣ высокій шпицъ Маріенбургской колокольни, и за ней, какъ искры, мелькали по временамъ въ амбразурахъ крѣпости пушки, освѣщаемыя лучами восходящаго солнца. Уже былъ слышенъ перекатный бой барабана, возвѣщающій *побудокъ*...

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЧТО ДѢЛАЛОСЬ ВЪ МАРІЕНБУРГѢ?

Деревни, города пылаютъ, тихо
Еще у насъ въ долинахъ.... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья!
„Орлеанск. Дѣва".—Перев. *Жуковскаго.*

Мы такъ привязаны къ одной изъ героинь нашего романа, что не будемъ скупиться на описаніе мѣстечка, оживленнаго ея пребываніемъ. Думаю, что *со временемъ* читатели за это не посѣтуютъ на насъ.

Замокъ маріенбургскій [1]) основанъ въ 1341 г. орденмейстеромъ Бурхардомъ Дрейлевеномъ для защиты границъ Ливоніи отъ русскихъ. Первый комтуръ замка былъ Арнольдъ фонъ-Фитингофъ, по странному стеченію случаевъ, предокъ и однофамилецъ нынѣшняго владѣтеля Маріенбурга. Какъ и прочіе замки въ Лифляндіи, переходилъ онъ изъ рукъ въ руки то къ русскимъ, то къ полякамъ или къ шведамъ: всѣ они точили объ его бойницы желѣзо своихъ мечей и стрѣлъ. Въ 1658 г.

---

[1]) По-латышски *Аллукене,* по-русски *Алисть,* находящійся въ [illegible], бывшемъ *Розула,* нынѣ Венденскомъ, близъ угла, гдѣ сходятся границы Псковской и Витебской губерній, въ 45 верстахъ отъ *Нейгаузена,* или *Новгородка-Ливонскаго,* въ 60-ти верст. отъ [illegible].

Digitized by Google

Маріенбургъ осажденъ и взятъ русскими подъ предводительствомъ Аѳанасія Насакина. Черезъ четыре года сданъ онъ шведамъ вслѣдствіе кардисскаго договора— прибавить надо — неохотно. При исполненіи его обѣ стороны посчитались довольно жарко, къ невыгодѣ нашихъ предковъ. Въ началѣ борьбы Петра съ Карломъ XII, военачальникъ послѣдняго, Шлиппенбахъ, исправилъ укрѣпленія замка. Только съ 1702 года Маріенбургъ становится для насъ особенно занимательнымъ.

Воображеніе, увлекаемое историческими воспоминаніями этого времени, окидываетъ его волшебною сѣтью. Еще не видавъ Маріенбурга, представляешь его себѣ какимъ-то армидинымъ садомъ; увидѣвъ — не разочаруешься. Все въ немъ соотвѣтствуетъ той, которая нѣкогда украшала его своимъ присутствіемъ и украшала потомъ... Но рѣчь теперь о Маріенбургѣ. Живописнѣе мѣстъ я мало видывалъ. Для сравненія съ пріятнѣйшими мѣстами Германіи недостаетъ ему только европейской населенности.

Хотите-ли имѣть лучшую точку зрѣнія на окрестности? Ступайте на высоту, гдѣ стоитъ храмикъ, съ большимъ вкусомъ сооруженный нынѣшнимъ владѣтелемъ Маріенбурга. Высоты этой не было до 1702 г. Чтобы скорѣе овладѣть замкомъ, Шереметевъ, также, какъ и при осадѣ Азова, рычагомъ тысячей рукъ передвинулъ издалека земляной валъ, за которымъ укрывались осаждавшіе; взгромоздилъ бугры на бугры, засыпалъ ими берегъ въ уровень замка и, съ высоты, громя твердыни, требовалъ покорности. Насыпи, исключая подъ храмикомъ, обросли густыми рощицами. Между ними проведена дорога, по которой моя... добраться до него въ экипажѣ. Думалъ-ли полководецъ русскій, что онъ своими батареями украситъ владѣнія лифляндскаго барона и устроитъ посѣтителямъ Маріенбурга самое выгодное и пріятное мѣсто для обозр...

Digitized by Google

его окрестностей? — Отсюда попросимъ читателя нашего смотрѣть на нихъ.

Развалины замка, образующія неправильный шестиугольникъ, стоятъ на небольшомъ островѣ овальной фигуры, въ южномъ заливѣ маріенбургскаго озера. Онѣ, кажется, выплыли изъ водъ, оставивъ окрайницы земли и мыски, едва замѣтные. Война будто нарочно взорвала крѣпость, чтобы сдѣлать еще живописнѣе маріенбургскую окрестность: развалинъ красивѣе не могъ бы создать искуснѣйшій архитекторъ. Природа-зодчій, соперничая съ человѣкомъ въ украшеніи острова, съ большимъ вкусомъ помѣстила кое-гдѣ на берегахъ его кудрявыя деревья, которымъ дали жизнь сѣмена, заброшенныя съ материка. Остатки замка, выступая изъ водъ и погружаясь въ воды, двоятъ красоты этой картины. За островомъ, прямо на противномъ берегу, возвышается кирка. Она построена въ новѣйшія времена и славится въ Лифляндіи своею огромностью и изяществомъ архитектуры. Нѣсколько правѣе, на берегу же озера, изъ купы деревъ, раздѣленныхъ цвѣтникомъ, выглядываетъ простой, но красивый домикъ пастора [1]). На этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ домъ, гдѣ жили Гликъ и его воспитанница. Посѣщая жилище пастора, забываешь, что ихъ не найдешь болѣе. При каждомъ стукѣ двери думаешь, не взойдетъ-ли прекрасная Кете? Такъ очаровательно воспоминаніе о ней! Правѣе отъ пасторскаго домика, на холмѣ, у загиба озера, красуется березовая чистая рощица. Время ее засадило. На этомъ возвышеніи стояла кирка, въ ко-

---

1) Г-нъ Рюль, пасторъ, умный, любезный, достойно уважаемый своею паствою. Гостепріимство его буду всегда помнить съ особеннымъ удовольствіемъ. Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ онъ мнѣ о тѣхъ, которые слишкомъ за 100 лѣтъ украшали его обитель! Ему-то я особенно обязанъ за драгоцѣнныя о нихъ свѣдѣнія.

Digitized by Google

торой патріархъ маріенбургскій напутствовалъ свою паству къ добру, и Катерина Рабе пѣвала въ хорѣ смиренныхъ прихожанъ пѣснь хвалы и благодаренія Богу, для нея столь щедрому. Здѣсь владѣтель Маріенбурга, баронъ фонъ Фитингофъ, пламенно любя все изящное и высокое, предполагалъ поставить памятникъ. Вмѣсто двухъ одинокихъ корчмъ, нынѣ раздѣленныхъ цѣлою верстою, мѣстечко занимало берегъ. Лѣвѣе отъ нынѣшней кирки стоитъ господскій домикъ съ принадлежностями; отъ него по берегу тянется садъ, расположенный со всѣми затѣями вкуса и богатства. Берегъ озера, съ многочисленными заливами на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, то убранъ рощицами и холмами, какъ грудь красавицы пышною оборкою, то усѣянъ рыбачьими хижинами, деревнями и красивыми мызами, которыя глядятся въ воды и въ нихъ умываются. Кое-гдѣ, посреди водъ этихъ выступаютъ зеленые букеты деревъ, или волнуются по нимъ полосы раззолоченной осоки. Въ разныхъ направленіяхъ по временамъ летятъ большія лодки, взмахнувъ крыльями своихъ парусовъ, и скользятъ челноки, едва замѣтные, какъ водяныя букашки. Иногда всплываютъ на озерѣ снѣжные острова, образуемые стадами лебедей, или надъ нимъ тянутся они, воздушные пилигримы, длинною вереницей.

Схватывая опять нить происшествій, которую мы было покинули для описанія Маріенбурга, просимъ вмѣстѣ съ этимъ читателя помнить, что въ послѣднихъ числахъ іюля 1702 года замокъ существовалъ во всей красѣ и силѣ своей, и вмѣщалъ въ своей оградѣ гарнизонную кирку, домъ коменданта и казематы; против острова по дугѣ берега пестрѣло множес. домиковъ съ кровлями изъ черепицы. Изъ нихъ выс пало грудцой жилище пастора Глика и на холмѣ в вышалась кирка, довольно древняя, а вправо, гдѣ во

Digitized by Google

озера наиболѣе суживаются, островъ сообщался съ материкомъ деревяннымъ мостомъ, котораго сваи и теперь еще уцѣлѣли.

Стемнѣло на дворѣ, когда цейгмейстеръ Вульфъ возвращался въ свои казармы. Онъ только-что отрапортовалъ, послѣ вечерней зари, своему старому коменданту Тилофонъ-Тилавъ о благополучномъ состояніи крѣпости и выслушалъ отъ него грустное сознаніе, ежедневно повторяемое и ежедневно приправляемое вздохами, что бойницы, въ случаѣ нападенія непріятеля, не въ состояніи будутъ долго держаться. Скучный и грустный, Вульфъ взошелъ на крѣпостной валъ. Голубой сводъ неба надъ его головою, испещренный міріадами звѣздъ, и другой сводъ, въ такой же блестящей красѣ, опрокинутый подъ его ногами, образовали дивный шаръ, котораго онъ составлялъ средоточіе. «Какъ малъ человѣкъ въ этомъ нерукотворенномъ храмѣ!» думалъ Вульфъ, «но какъ возвышается онъ, умѣя постигать Тебя, мой Боже, и къ Тебѣ духомъ приближаться!» Цейгмейстеръ скинулъ шляпу, преклонилъ колѣно и съ горячими слезами на глазахъ молился. Никогда еще молитвы его не были такъ усердны. Вставъ, невольно взглянулъ онъ на противолежащій берегъ, гдѣ стоялъ домъ пастора. Жилище Глика потонуло во мракѣ, ни одинъ огонекъ не мелькалъ въ немъ, потому что хозяинъ его еще не пріѣзжалъ. Цейгмейстеръ и не ожидалъ его такъ скоро. Вздохнувъ, онъ собирался сойти съ вала, какъ вдругъ въ домѣ пастора блеснулъ огонекъ, другой; огоньки на[illegible]ли ходить, вышли на крыльцо и освѣтили его. [illegible]жно было различить фигуры старика и молодой [illegible]щины. Сердце артиллериста не на мѣстѣ. Это [illegible], это Кете, нельзя сомнѣваться. Онъ хотѣлъ бы [illegible]рескочить къ нимъ черезъ воды, но барабанъ про[illegible]ъ роковой часъ, и, заключенный въ стѣнахъ крѣ-

Digitized by Google

пости, онъ долженъ провести мучительную ночь прежде, чѣмъ ихъ увидитъ.

Наступило утро слѣдующаго дня. Высокій цейгмейстеръ съ сердечнымъ трепетомъ стоялъ уже у кабинета пастора, осторожно стукнулъ въ дверь пальцами и на ласковое воззваніе: «Милости просимъ!» вошелъ въ кабинетъ. Гликъ сидѣлъ, обложенный книгами всякаго размѣра, какъ будто окруженный своими дѣтьми разнаго возраста. Не успѣлъ онъ еще оглянуться, кто пришелъ, какъ пріятель сжималъ уже его такъ усердно въ своихъ объятіяхъ, что сплющилъ уступы рыжекаштановаго парика, прибранные съ необыкновеннымъ тщаніемъ.

— Кетхенъ! — закричалъ пасторъ звонкимъ голосомъ, поправляя свою прическу и разводя кости, — и на этотъ зовъ прибѣжала воспитанница его, въ домашнемъ, простомъ платьицѣ, съ чернымъ передникомъ, нарумяненная огнемъ очага, у котораго готовила похлебку для своего воспитателя. Маленькій, проворный *книксенъ*—и полная, бѣленькая ручка ея протянута на пожираніе неуклюжаго цейгмейстера.

— Какая бомба принесла васъ такъ неожиданно къ намъ?—вскричалъ послѣдній съ необыкновеннымъ удовольствіемъ.

— А! господинъ будущій комендантъ нашъ!—отвѣчалъ пасторъ, — благодарите за это русскихъ, которыхъ вы на свою шею намъ накликали.

— Русскихъ?

— Да, они не дали намъ и понюхать супу госпожи баронессы. Право, такой діэты не запомню. За то, вѣроятно, теперь стряпаютъ у нея исправно, по своем Едва, едва не попали мы сами подъ Сооргофомъ ветчину къ татарамъ, какъ вы обѣщали намъ въ «д линѣ мертвецовъ».

Вульфъ, полагая, что надъ нимъ подшучиваютъ

Digitized by Google

вздумалъ было сердиться; но разсказъ его невѣсты, переданный со всѣмъ убѣжденіемъ истины, открылъ ему глаза. Онъ бѣсился, что генералъ-фельдвахтмейстеръ короля шведскаго допустилъ себя обмануть варварамъ.

— Но это еще не бѣда!—воскликнулъ Вульфъ, потирая себѣ руки. — Наши проучатъ ихъ за дерзкую попытку; наши ощиплютъ это воронье стадо.

Пасторъ, вмѣсто отвѣта, вздохнулъ.

— Мы ихъ встрѣтимъ, доннерветтеръ, — продолжалъ цейгмейстеръ, все болѣе и болѣе горячась.

— Для этой встрѣчи и я готовлю свои орудія. Во-первыхъ, господинъ цейгмейстеръ, во-первыхъ, какъ говаривалъ добрый нашъ Фрицъ, возьму я подъ мышку славянскую Библію моего перевода... Слово Божіе есть лучшее орудіе для убѣжденія побѣдителя.

— Побѣдителя?—вскричалъ съ сердцемъ Вульфъ,— о кой чортъ шепнулъ вамъ, что слава непобѣдимаго войска нашего Карла скинетъ шапку передъ вашими московитами? Развѣ сердце ваше? Развѣ вашъ пономарь московитскій написалъ вамъ о томъ?

— Господи! пошли мнѣ духъ терпѣнія и смиренія съ этимъ бѣшенымъ. Вотъ вы видите, господинъ цейгмейстеръ: я возьму подъ одну мышку славянскую Библію, «Institutio rei militaris» и «Ars navigandi» подъ другую...

— Вы измѣнникъ! Вы предатель страны, давшей вамъ гостепріимство! Вы...

Кете бросила на цейгмейстера умоляющій взглядъ, схватила его за руку—и слово ужасное, готовое выр ться изъ устъ его, не было произнесено.

— Говорите, говорите, господинъ пасторъ! — прожалъ уже Вульфъ утихающимъ голосомъ, — я го ъ слушать васъ съ терпѣніемъ, къ которому мнѣ а бы привыкнуть.

Digitized by Google

— Мы, измѣнники, въ дѣла ваши, въ дѣла вѣрныхъ, нелицемѣрныхъ сыновъ отечества, не мѣшаемся! — сказалъ пасторъ, стараясь удерживать свой гнѣвъ при видѣ уступаемой ему спорной земли.—Мы, вотъ изволите знать, бредимъ иногда отъ старости; нами, прости Господи! обладаетъ иногда нечистый духъ. (Тутъ пасторъ плюнулъ). Несмотря на это, мы думаемъ о дѣлахъ своихъ заранѣе. Грете! Грете!

Служанка лѣтъ подъ пятьдесятъ, маленькаго роста, круглая, свѣжая, будто вспрыснутая росою Аврора, прибавить надобно, вечерняя и осенняя, съ улыбкою на устахъ прикатила предъ своего господина.

— Гретхенъ, — сказалъ Гликъ ласковымъ голосомъ,—намъ надо отсюда убираться.

Служанка, открывъ заплывшіе отъ полноты глаза и стиснувъ передникъ въ рукахъ своихъ, осталась въ этомъ положеніи: отъ ужаса она не могла набрать голосу на отвѣтъ.

— Да, да, говорю тебѣ, убираться, и со всѣми пожитками. Пуще всего надобно осторожно убрать вотъ эти славянскія книги.

— Кто-жъ насъ гонитъ отсюда?—могла, наконецъ, выговорить Грете дрожащимъ голосомъ.

— Московиты заполонили нашу Лифляндію, если позволятъ намъ еще такъ называть ее, заполонили, говорю тебѣ, по милости нашего всемилостивѣйшаго государя и отца, который для своей славы ловитъ мухъ въ Польшѣ, между тѣмъ какъ мы бѣдствуемъ, преданные невѣжеству, презрѣнію, безпечности *синихъ* нашихъ друзей или владыкъ. Я говорилъ тебѣ давно. помяни мое слово, Алексѣевичъ великій монархъ. даромъ проѣзжалъ онъ черезъ Нейгаузенъ 25-го мар 1697 года; не даромъ изволилъ гнѣваться, что е дали худой форшпаннъ, что его неловко встрѣти господа высокоименитые: маіоръ Казиміръ Глазенаг

Digitized by Google

капитанъ Дорнфельдъ и еще какой-то дворянинъ безыменный, назначенный въ переводчики къ его величеству; а переводчикъ этотъ говорилъ по-русски, какъ я по-китайски (пасторъ осклаблилъ свои румяныя губки и поправилъ на себѣ парикъ). Вообрази, Грете, онъ сказалъ царю, «ваше московитское государство», то-есть «Ihre Moskowitische Kaiserthum», вмѣсто того, чтобы сказать: «ваше царское величество», то-есть «Ihre Zarische Majestät». Понимаешь-ли?

— Понимаю, господинъ пасторъ!—отвѣчала грустная слушательница, у которой тогда въ воображеніи плясали кастрюли, столовая посуда, боченки и прочая домашняя утварь, потревоженная съ своей осѣдлости въ безвѣстное путешествіе.

— Я улыбнулся. Великій Алексѣевичъ усмѣхнулся также, и человѣкъ черезъ десятокъ, которыхъ онъ былъ всѣхъ выше цѣлою головою—ты меня понимаешь, Грете! метафора и не метафора, какъ хочешь—не одною головою на плечахъ, хотѣлъ я сказать, но головою Юпитера, изъ которой выступила Минерва. Однакожъ, дѣло не въ томъ, черезъ десять человѣкъ Великій Алексѣевичъ посмотрѣлъ на меня своими быстрыми черными глазами, врѣзавшимся въ моемъ сердцѣ, какъ будто хотѣлъ сказать: «вотъ этотъ человѣкъ зналъ бы, какъ меня привѣтствовать!» Съ этого времени (здѣсь пасторъ гордо посмотрѣлъ вокругъ себя) мы познакомились, мы поняли другъ друга.

— Вы говорили, — возразила служанка съ подобострастіемъ, утирая передникомъ слезу, выкатившуюся изъ глазъ ея, — вамъ угодно было сказать, что намъ нужно отсюда...

Далѣе не могла она говорить и закрыла глаза передникомъ.

— Экая ты дурочка! Хныканьемъ не поможешь. Что намъ дѣлать? Московиты, того и гляди, будутъ

Digitized by Google

сюда; подѣлаютъ изъ насъ чучелъ или изжарятъ насъ на вертелѣ, какъ говорилъ нѣкогда одинъ давнишній мой пріятель...

— Да когда вамъ такъ знакомъ московитскій царь,— прервала Грете съ нѣкоторою досадою, — почему-жъ не напишите къ нему адреса?

— Адреса! адреса!—вскричалъ пасторъ и началъ съ нетерпѣніемъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, двигая и передвигая безпрестанно свой парикъ. Вскорѣ онъ весь горѣлъ въ огнѣ энтузіазма.—Правда, это не худо-бъ! Написать не диво, но съ кѣмъ пошлемъ? Гдѣ мы его найдемъ?.. Творецъ своего государства, онъ вездѣсущъ. Гмъ! пошлемъ, найдемъ... Адресъ! богатая мысль! прекрасное дѣло!... Ты вразумляешь меня, Грете! Кабы пришли на поминѣ странствующіе музыканты... тогда-бъ — и дѣло въ шляпѣ. Грете! ты спасительница Маріенбурга. Да, сяду; сяду, буду писать.

Пасторъ придвинулъ къ себѣ стулъ, взглянулъ сухо и сурово на Вульфа и хотѣлъ съ нимъ раскланяться, но этотъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, дружески пожалъ ее, еще разъ, и сказалъ:

— Русскіе еще не пришли, господинъ пасторъ; а хотя бы и такъ, развѣ у васъ нѣтъ друга ближе Алексѣевича? Замокъ, мнѣ ввѣренный, крѣпокъ; клянусь Богомъ силъ, его возьмутъ развѣ, когда въ преданномъ вамъ Вульфѣ не останется искры жизни. Но и тогда вы и фрейлинъ Рабе безопасны, — прибавилъ онъ въ первый разъ съ особеннымъ чувствомъ, посмотря на нее.—Предлагаю вамъ квартиру бывшаго коменданта, которую нынѣшній не хотѣлъ занять.

Такое дружеское предложеніе и мысль, что [illegible] поставилъ на своемъ, обезоружили Глика.. Опредѣле[illegible] по полученіи неблагопріятныхъ для шведовъ извѣст[illegible] перебраться въ крѣпость, туда же переправить [illegible]

Digitized by Google

новъ богадѣльни и значительныхъ гражданъ мѣстечка. Грете отпущена изъ аудіенціи, не совсѣмъ успокоенная. Хотя и знала она, что весь придворный штатъ ея перевезется безъ тревоги чрезъ воды маріенбургскаго Ахерона, но кто могъ поручиться, чтобы какая сумасшедшая бомба не чокнулась въ крѣпости съ членами ея кухни и погреба, столько сердцу ея близкими?

Когда миръ и любовь воцарились въ семействѣ Глика, цейгмейстеръ, казавшійся спокойнымъ, между тѣмъ какъ неизвѣстность о судьбѣ шведскаго войска щемила его сердце, вызвался разсказать свои похожденія съ того времени, какъ они разстались,—похожденія, говорилъ онъ, весьма занимательныя. Прежде нежели онъ началъ разсказывать ихъ, сходилъ онъ пошептаться о чемъ-то съ Грете.

— Мое повѣствованіе,—такъ началъ цейгмейстеръ, возвратясь въ кабинетъ пастора, — будетъ продолженіемъ того, которымъ пугалъ васъ Фрицъ, когда мы подъѣзжали къ «долинѣ мертвецовъ». Вы помните, что я далъ слово, на возвратномъ пути свесть знакомство съ тамошними духами. Я и исполнилъ его. Да, господинъ пасторъ, побывалъ и я въ когтяхъ у сатаны. Вы смѣетесь и, можетъ быть, думаете, что я подвожу мины подъ мужество моей безстрашной сестрицы. Право, нѣтъ. Если хоть одно красное словцо скажу, такъ я не артиллеристъ, не шведъ! Довольны-ли вы?

— Вѣримъ, вѣримъ! — вскричали пасторъ и воспитанница его,—просимъ къ дѣлу,

— Жай! пли! вотъ вамъ вмѣсто предисловія. Слуте! Снабженный нужными приказаніями отъ генеь-фельдвахтмейстера, котораго нашелъ я на пути Перновъ, и сопутствуемый штыкъ-юнкеромъ и ля пушкарями, выбранными мнѣ въ подмогу его ходительствомъ изъ искуснѣйшихъ и опытнѣй-

Digitized by Google

шихъ въ защитѣ крѣпостей, я спѣшилъ въ Маріенбургъ тѣмъ болѣе, что хотѣлъ еще васъ перенять на дорогѣ. Черезъ Валки проѣхалъ я въ полночь, видѣлся тайно съ Фрицомъ, который сказалъ мнѣ, что починка экипажа задержитъ васъ еще тамъ на цѣлые полдня. Дорожа вашимъ спокойствіемъ, я не смѣлъ васъ разбудить.

Пасторъ пожалъ руку цейгмейстеру; Кете бросила на него такой взглядъ, который, вторгаясь въ сердце, бьетъ въ немъ радостную тревогу. Вульфъ, ободренный этимъ вниманіемъ, продолжалъ живѣе свое повѣствованіе:

— Весь изломанный путевою жизнію на конѣ и, сострадая къ моему буцефалу, на котораго и жало шпоръ уже не дѣйствовало, я пріостановился въ Менценѣ. Тамъ отдохнулъ я крѣпкимъ сномъ, и проснулся, когда уже ночь порядочно разгуливала надъ страною. Мѣсяцъ, какъ говорятъ, заставляющій духовъ плясать на лучахъ своихъ, прямо глядѣлъ мнѣ въ лицо своимъ волшебнымъ ликомъ. Я вспомнилъ о «долинѣ мертвецовъ». Дай-ка, перемигаемся съ длиннымъ, ночнымъ барономъ ея! сказалъ я самъ себѣ, и разбудилъ своихъ спутниковъ. Храбрые у лафета и въ амбразурѣ, они не любили возиться съ духами, и потому, наслышавшись объ ужасной долинѣ, неохотно собрались въ походъ. «Скоро полночь!» сказалъ тоскливо одинъ изъ пушкарей. «Это мнѣ и нужно!» отвѣчалъ я, и скомандовалъ къ маршу. Только-что въѣхали мы въ рощу, изъ которой по косогору идетъ дорога въ «долину мертвецовъ», наши кони стали упираться и, наконецъ, ни съ мѣста, какъ пушки безъ колесъ. Я разсердина своего буцефала, и прочелъ ему палашомъ поряный урокъ, но животное мотало головой, прядало ворочало назадъ. Это меня взбѣсило. Кидаю лошштыкъ-юнкеръ бросаетъ свою, схватываю писто-

Digitized by Google

и за мною; пушкари остаются полумертвые при лошадяхъ. Выходимъ изъ чащи, и чтожъ? Въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, исполински шагаетъ по долинѣ высокое привидѣніе, выше меня двумя головами, — въ саванѣ и съ мертвецомъ за плечами. И теперь еще, кажется, вижу, какъ моталась безобразная мохнатая голова. Невольно охватилъ меня ужасъ. Товарищъ стоялъ окаменѣлый на одномъ мѣстѣ, творя молитву. «Это шашни!» сказалъ мнѣ разсудокъ. Ободрившись немного, толкаю своего штыкъ-юнкера и приказываю ему слѣдовать за мной. Спѣшу за привидѣніемъ по долинѣ, въ ущелье; оно отъ меня. Шаги его не человѣческіе. Казалось мнѣ, мертвецъ обернулъ ко мнѣ голову и страшно кивалъ ею, какъ будто звалъ за собою. Чтобы себя ободрить, я крикнулъ по лѣсу, и нѣсколько голосовъ отвѣчаютъ мнѣ на разныя манеры: тутъ было и вытье собаки, и мяуканье кошки, и крикъ совы, однимъ словомъ, весь сатанинскій хоръ. Вдругъ забѣгали огоньки и деревья начали ходить. Оглядываюсь назадъ, ищу товарища, его уже не было. Признаюсь, волосы встали у меня дыбомъ; но я зажмурилъ глаза, подумалъ, что иду на сраженіе, и открывъ ихъ, уже смѣлѣе шелъ за мертвецомъ. Пытаю силу руки своей надъ деревомъ, и при взмахѣ палаша оно съ трескомъ валится въ сторону. Это меня еще болѣе ободрило. Иду все за своимъ вожатаемъ. Въ сторонѣ мелькнуло косматое чудовище, обставленное уродливыми каменьями. Привидѣніе съ мертвецомъ отъ него въ сторону; я все за нимъ черезъ кочки, пни и кусты: то настигаю его, то отъ него отстаю. Уже я съ нимъ свыкся; но усталость готова подкосить мнѣ ноги. Впереди, шаговъ за пятьдесятъ, вижу избушку,—въ ней огонекъ. Высокое привидѣніе въ нее, я за нимъ, ужь тамъ, и — брякъ, передо мною на полу ужасный мертвецъ. Привидѣніе

Digitized by Google

исчезло. Земля подо мною заколебалась, и все закружилось. Съ трепетомъ оглядываюсь, махая безъ цѣли палашомъ; — кругомъ стѣны нѣсколько скелетовъ человѣческихъ въ разныхъ положеніяхъ: иные держали какіе-то значки, другіе — большія зажженныя свѣчи; всѣ грозили мнѣ костянками своими. Я слышалъ, какъ они переговаривались между собою на языкѣ мертвыхъ; смрадные пары окутали меня; адскій хохотъ надо мною посыпался. Тутъ холодный потъ меня прошибъ; я обмеръ, спотыкнулся, запутался въ ногахъ мертвеца и упалъ прямо на ледяную грудь его... и вдругъ, слышу, схватили меня когтями и потащили...

Въ эту минуту разсказчикъ громко кашлянулъ, хлопнули съ ужаснымъ стукомъ ставни, и въ кабинетѣ, гдѣ были собесѣдники, сдѣлалась темь. Кете вскрикнула и прижалась къ своему воспитателю, который и самъ порядочно вздрогнулъ. Но ставни тотчасъ отворились и при свѣтѣ дня испуганные слушатель и слушательница увидѣли смѣющееся лицо Вульфа, и вслѣдъ за тѣмъ раздался торжественный хохотъ его. Онъ поздравлялъ себя съ побѣдою надъ безстрашною Рабе и признался, что внезапное закрытіе съ громомъ ставней была стратагема, устроенная имъ съ Грете, которой за содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ обѣщано безопаснѣйшее мѣсто въ замкѣ для ея посуды.

— Поэтому и разсказъ вашъ выдумка? — сказала прекрасная слушательница, стыдясь минутнаго своего испуга.

— А гдѣ слово шведа? — прибавилъ пасторъ.

— Я и теперь честію шведа завѣряю, что ни одного слова не солгалъ — отвѣчалъ цейгмейстеръ.

— Удивительно! — сказалъ Гликъ.

— Удивительно! — повторила воспитанница.

И тотъ и другая просили развязки, какимъ способомъ удалось ему выпутаться изъ сатанинскихъ ко[illegible]

Digitized by Google

— Къ ней-то и приступаю со стыдомъ пополамъ,— произнесъ цейгмейстеръ, вздыхая и понизивъ голосъ.— Съ кѣмъ на вѣку не бываетъ осѣчки? И лучшій конь спотыкается. Иные, прошу замѣтить, вскрикиваютъ отъ одного разсказа о мертвецахъ, а я оробѣлъ передъ сонмищемъ ихъ. И такъ къ развязкѣ. «Что васъ несло сюда, господинъ офицеръ, да еще въ полночь?» раздался надо мною человѣческій голосъ, прерываемый смѣхомъ. Я осмѣлился открыть глаза: страшныя видѣнія исчезли; я лежалъ на канапе въ чистой комнатѣ, хорошо освѣщенной; подлѣ меня сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, пріятной и умной физіономіи, хорошо одѣтый. «Мнѣ кажется, я былъ въ лѣсу...» сказалъ я ему, робко осматриваясь, «и видѣлъ много ужаснаго. Не въ сновидѣніи-ли мнѣ это все представилось? Но какимъ образомъ я здѣсь? Гдѣ я? Съ кѣмъ имѣю честь говорить?»—«Вы, милостивый государь,—сказалъ незнакомецъ, — не ошибаюсь, господинъ цейгмейстеръ Вульфъ—находитесь, дѣйствительно, въ лѣсу и въ анатомическомъ театрѣ вашего покорнѣйшаго слуги, доктора медицины Блументроста. А что это за театръ анатомическій, я вамъ сейчасъ объясню, если вы, господинъ офицеръ, оправились отъ испуга вашего»— прибавилъ онъ съ коварною улыбкой.—«Чортъ побери, думалъ я,—лучше попасть въ цѣпныя объятія кителей, чѣмъ подъ ноготокъ насмѣшливаго доктора». Дѣлать было нечего; я поручилъ себя знакомству господина доктора медицины и, краснѣя, просилъ его растолковать мнѣ свою загадку. Онъ взялъ меня за руку, отво-
ъ одну изъ дверей той комнаты, въ которой мы
одились, и—какъ бы вы думали? — мы очутились
той самой проклятой избушкѣ, гдѣ грозили мнѣ
леты. Полъ изъ гибкихъ досокъ, дѣйствительно,
о мною заколебался, и грозные остовы замахали
ами и значками своими. Мертвеца уже не было.

Digitized by Google

Я взглянулъ на г. Блументроста: онъ смѣялся отъ души.—«Не бойтесь, господинъ цейгмейстеръ, подойдемте ближе» сказалъ онъ иронически. «Могу похвастаться, что въ Европѣ никто искуснѣе меня не бѣлитъ человѣческихъ костей, изъ которыхъ дѣлаются скелеты. Съ небольшимъ 20 лѣтъ, какъ открыто это искусство Симономъ Паули, изъ Ростока. Не малыхъ трудовъ и издержекъ стоило мнѣ дойдти до такого совершенства, въ какомъ вы видите мои произведенія. Вотъ этотъ скелетъ, напримѣръ,—прибавилъ онъ, указывая мнѣ на самаго большого—отличается глянцевитостію своихъ костей. Въ свое время онъ водилъ шайку разбойниковъ на границахъ псковскихъ, а нынѣ по смерти пугаетъ шведскихъ воиновъ. Онъ назначенъ для дерптскаго университета. Вотъ и значекъ съ нумеромъ и надписью, куда ему слѣдуетъ отправиться. Проволока, пущенная въ его руки, даетъ имъ необыкновенную гибкость. Отъ этого-то проводника мои куколки такъ забавно умѣютъ помахивать руками. Замѣтьте, этотъ особенно изященъ бѣлизною костей. Онъ съ ума сошелъ отъ честолюбія: ему хотѣлось попасть въ старосты, чтобы имѣть волю бить въ селѣ своемъ палкою всѣхъ кого ни разсудитъ; а какъ жезлъ сельскаго всемогущества обращался не отъ него, а на него, то онъ удавился. Теперь вы видите, что чудакъ добился своего: онъ играетъ на моемъ театрѣ едва ли не первую роль. Если бы вы не скучали подробностями, я съ особеннымъ удовольствіемъ объяснилъ бы вамъ достоинства каждаго изъ членовъ этого общества. Вотъ и привиллегія — продолжалъ Блументростъ, указавъ мнѣ на бумагу въ золотой рамѣ, — данная мнѣ господиномъ генералъ-фельдвахтмейстеромъ: она охраняетъ мое заведеніе отъ нападеній невѣжества. А вотъ собренія разныхъ академій, которымъ я доставилъ у нѣсколько такихъ молодцовъ».—Дѣйствительно, я п

Digitized by Google

челъ привилегію моего начальника, написанную по формѣ и аттестаты г-на доктора.—«Но позвольте мнѣ сдѣлать еще два вопроса,—сказалъ я,—куда дѣвалось высокое привидѣніе, за которымъ я бѣжалъ, и мертвецъ, запутавшій меня въ сѣтяхъ своихъ?»—«Нѣмой!»—закричалъ докторъ, хлопнувъ въ ладоши. На этотъ зовъ явился молодой латышъ, необыкновенной величины и такъ богатырски сложенный, что могъ бы смять добраго медвѣдя «Нѣмой этотъ, мой помощникъ, не въ первый разъ разыгрываетъ роль привидѣнія», присовокупилъ докторъ, «но, признаюсь, нынѣ превзошелъ себя. Не мудрено! онъ имѣлъ передъ собою или, лучше сказать, за собою образованнаго зрителя. Другіе довольствуются только увидѣть его въ долинѣ; но вы преслѣдовали его въ самое святилище его искусства. Для чего все это дѣлается, я вамъ сейчасъ объясню. Всякое высшее знаніе, непостижимое для невѣжественнаго класса людей, имѣетъ нужду прикрыться отъ близорукихъ очей своею таинственностію. Мудрость была бы побита каменьями, если бы показалась черни въ своей наготѣ. Необходимы и въ наше время елевзинскія таинства; и въ наше время науки имѣютъ свои жертвы, когда не облечены чудесностью».

— Правда, правда!—сказалъ, вздохнувъ, Гликъ,—давно ли пострадалъ было, какъ еретикъ и колдунъ, Георгъ Стернгіельмъ за то, что показалъ сквозь стекло высокоименитому дерптскому профессору Виргиніусу муху съ быка, а другимъ стекломъ зажегъ чухонцу бороду? Едва спасся бѣдняга отъ петли, и то по ми[illegible]ти королевы Христины: вѣчная ей за то слава. Охъ, [illegible], всѣ времена имѣли и будутъ имѣть своихъ Вир[illegible]усовъ.

— Не мое дѣло углубляться въ разсужденія, а [illegible]ко передать вамъ, что я слышалъ отъ доктора, [illegible]ду сказать, зѣвая. На моемъ мѣстѣ, я выставилъ

Digitized by Google

бы пушку противъ всей этой чертовщины; жай! пли! — и, доннеръ-веттеръ, пересталъ бы у меня цырюльникъ пугать народъ... Но вы ждете конца моего разсказа. Оканчиваю. «Искусство мое», сказалъ докторъ, «имѣетъ нужду въ чудесности болѣе, нежели какое другое. Для этого воспользовался я старинною народною сказкою о здѣшней долинѣ. Въ матеріалахъ для своего дѣла не нуждаюсь. Высота креста назначена окружными жителями кладбищемъ для умершихъ насильственною смертью. Мое привидѣніе подбираетъ трупы и доставляетъ мнѣ ими средства пріобрѣтать богатство и европейскую славу. Я показалъ бы вамъ теперь свою лабораторію, если бы не зналъ, что вы болѣе храбры противъ живыхъ, нежели противъ мертвыхъ. Слышите-ли, какъ бурлитъ въ адскомъ котлѣ бѣднякъ, такъ умильно кивавшій вамъ своею косматою головой?» Въ самомъ дѣлѣ, я слышалъ, какъ вода клокотала въ ближней комнатѣ, и со стыдомъ догадался, что этотъ шумъ почтенъ мною говоромъ страшныхъ скелетовъ. Тутъ же объяснился и паръ, охватившій меня. Мнѣ хотѣлось узнать, почему, актеры анатомическаго театра встрѣтили меня такъ торжественно со свѣчами. «Признаться вамъ», отвѣчалъ скелетчикъ, «мы васъ поджидали. Одинъ человѣкъ (имени его не скажу) далъ мнѣ знать о вашемъ намѣреніи познакомиться съ духомъ долины, и мы поспѣшили исполнить ваше желаніе. Кажется, все приготовлено съ нашей стороны, чтобы сдѣлать вамъ приличную встрѣчу. Впрочемъ, хотя эти господа дѣйствующія лица были тѣмъ же, чѣмъ мы теперь, а будемъ еще тѣмъ, чѣмъ нынѣ они, могу догадаться, что общество ихъ васъ не совсѣмъ пріятно. Пойдемъ успокоить ваш спутниковъ, дожидающихся васъ на мызѣ съ нет пѣніемъ». Охотно послѣдовалъ я за своимъ хозяин изъ анатомическаго театра сквозь лѣсъ и на мы

Digitized by Google

Нѣмой и какая-то пригожая дѣвушка, живая, какъ порохъ, освѣщали намъ путь изъ царства смерти въ область жизни. Обласканный и угощенный гостепріимнымъ хозяиномъ, забывъ въ обществѣ его, и еще болѣе на добромъ матрасѣ, ужасы ночи и, наконецъ, убѣжденный, что не надо никогда хвастаться своимъ безстрашіемъ, выѣхалъ я уже на слѣдующее утро изъ мызы г-на Блументроста. Совѣтую и вамъ, любезная сестрица, воспользоваться даннымъ мнѣ урокомъ.

Гликъ и воспитанница его смѣялись много разсказу проученаго храбреца.

Недолго смѣялась Кете, недолго была она беззаботна: будущій комендантъ Маріенбурга заговорилъ о женитьбѣ и просилъ вычеркнуть три мучительныя недѣли изъ назначеннаго до нея срока. Пасторъ призадумался. На бѣду Кете, пришелъ въ минуту этого раздумья маріенбургскій бургомистръ и, узнавъ, о чемъ шло дѣло, совѣтовалъ отложить брачное торжество до окончанія войны.

— По крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ, — это общее мнѣніе вашихъ прихожанъ.

Самолюбивый, упрямый Гликъ не любилъ совѣтовъ; пословицу: «*умъ хорошо, а два лучше*», считалъ онъ сужденіемъ робкихъ голосовъ; для него то было лучшее, что онъ въ кризисы упрямаго самолюбія задумалъ и опредѣлилъ.

— Вотъ въ первый разъ приходъ хочетъ быть умнѣе своего пастора! Я не глупѣе другихъ; знаю, что дѣлаю, — сказалъ онъ съ сердцемъ и, сидя на своемъ [illegible]нѣ, рѣшилъ, — быть брачному торжеству непре[illegible] черезъ 20 дней.

[illegible]какія обстоятельства не должны были этому [illegible]пать.

Только съ тѣмъ уговоромъ,—прибавилъ онъ,— цейгмейстеръ вступилъ въ службу къ вели-

Digitized by Google

кому Алексѣевичу, въ случаѣ осады русскими маріенбургскаго замка и, паче чаянія, сдачи онаго непріятелю.

Обѣщано...

Жаль намъ Кете Рабе. Чтожъ дѣлать? Исторія велитъ намъ вести ее къ брачному алтарю. Скоро, скоро придется намъ легкое имячко ея замѣнить полновѣснымъ именемъ госпожи Вульфъ.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОСАДА

Ужъ много бомбъ упало въ городъ...
Весь Орлеанъ стоитъ надъ бездной
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, развергнется и вспыхнетъ...
«Орлеанск. Дѣва»—Перев. *Жуковскаго.*

Вечеромъ того же дня пришло въ мѣстечко извѣстіе, что отрядъ Брандта, вышедшій изъ Маріенбурга, не нашелъ на розенгофскомъ форпостѣ ничего, кромѣ развалинъ, и ни одного живого существа, кромѣ двухъ, трехъ израненныхъ лошадей; что Брандтъ для добычи вѣстей посылалъ мили за три впередъ надежныхъ людей, которые и донесли о слышанной ими къ сторонѣ Эмбаха перестрѣлкѣ, и что, вслѣдствіе этихъ слуховъ, отрядъ вынужденъ былъ возвратиться въ Менценъ и тамъ окопаться. Дней черезъ пять послышалась и въ Маріенбургѣ пальба къ сторонѣ Менцена; она продол[illegible]сь нѣсколько сутокъ; но извѣстій ни откуда не [illegible] какъ будто смерть оцѣпила страну. Наконецъ, [illegible]динъ вечеръ показалось необыкновенное зарево, [illegible]ба утихла, и вскорѣ прибѣжалъ шведскій солдатъ [illegible]стью объ осадѣ Менцена, разореніи мызы и взя[illegible] плѣнъ отряда.

Digitized by Google

Вздрогнули сердца у жителей мѣстечка; гарнизонъ приготовился къ оборонѣ. Ночь проведена въ ужасномъ безпокойствѣ. На слѣдующей зарѣ весь Маріенбургъ тронулся съ мѣста. Почетные жители начали перебираться въ замокъ; надежда на милость коменданта заставила и средній классъ туда-жъ обратиться; многіе изъ жителей разбѣжались по горамъ, а другіе, которымъ нечего было терять, кромѣ невѣрной свободы, остались въ своихъ лачугахъ.

На главной улицѣ, и особенно къ мосту, была необыкновенная суматоха. Выбрасывали, выносили и перетаскивали изъ домовъ имущества; кричали, бѣгали, толпились, толкали другъ друга, разсказывали, что непріятель уже за милю отъ города; иные едва не сажали его на носъ каждому встрѣчному и поперечному, и всѣ старались быть первыми у моста, чтобы попасть въ замокъ, въ которомъ, казалось имъ, заключалось общее спасеніе. Мостъ трещалъ подъ тяжестью возовъ и людей; озеро было усыпано лодками, нагруженными такъ, что едва не зачерпывали воду. Всѣ простирали руки свои къ стражамъ замка; всѣ молили на разные голоса о пропускѣ.

— Отворите! это я!—говорилъ хриплымъ голосомъ толстый человѣчекъ съ важною физіономіею и еще болѣе важнымъ, чопорнымъ парикомъ, постукивая въ ворота натуральною тростью съ золотымъ набалдашникомъ и перемѣшивая свои требованія къ стражамъ замка утѣшеніями народу: — Что дѣлать, дѣти мои! Это жребій войны! Надо поручить себя милосердію Бога. Не помѣститься же всѣмъ въ крѣпостцѣ; я со[вѣ]товалъ бы вамъ воротиться. Видите, и я, вашъ б[ур]гемейстеръ, съ трудомъ туда пробиваюсь.

— А! это вы, господинъ достопочтенный бу[р]мейстеръ? — спросилъ кто-то изъ-за воротъ, и, не жидаясь отвѣта, впустилъ важнаго человѣка с[ъ]

Digitized by Google

семействомъ, челядинцами и толпою кліентовъ разнаго возраста и роста, потянувшимися за нимъ, какъ многочисленныя дѣти Ѳедула.

Надо знать, что въ свѣтѣ каждый, немного значительный человѣкъ, составляетъ средоточіе своего круга и ведетъ его всюду съ собою; другимъ уже въ этомъ кругу и мѣста нѣтъ.

— Посмотримъ, какъ меня не впустятъ!—кричала вытянутая, сухощавая женщина, въ шелковой кофтѣ радужнаго цвѣта, въ чепчикѣ, смятомъ на одинъ бокъ,— жену перваго торговца въ Лифляндіи! меня, Сусанну Сальпетеръ!

При этомъ грозномъ имени ворота отворились. Сусанна Сальпетеръ съ высоты своего величія гордо посмотрѣла на толпу, покачала головой, помахала себѣ въ лицо вѣеромъ, на которомъ рѣзвились «Игры и Смѣхи», и, толкнувъ немилосердно впередъ несчастную нахохлившуюся фигуру своего мужа съ привѣтствіемъ: «voraus, mein Kätzchen!», вступила важно въ крѣпость.

— Акредитованный погребщикъ его высокородія, господина коменданта, — кричалъ господинъ, поднимая вверхъ бутылку.

И этотъ проскользнулъ въ замокъ. Однакожъ, не подумай, читатель мой, чтобы въ этотъ роковой день торжествовали только значительность сана, богатство, заслуги или успѣхи; нѣтъ! и дружба, безкорыстная, высокая дружба явила себя также во всемъ своемъ блескѣ.

— Генрихъ!—сказалъ жалобнымъ голосомъ какой-олякъ съ фіалковымъ носомъ и небритой боро-, — вспомни, какъ мы на Ивановъ день, подъ вы-ою лебедя, чокнули наши чары; что обѣщалъ ты тогда?

Этотъ вопіющій голосъ не былъ голосомъ въ

Digitized by Google

пустынѣ: усастый Орестъ протащилъ своего Пилада сквозь щель едва отворенныхъ воротъ.

Тутъ началась толкотня, пискъ, крикъ; нѣкоторые съ моста попадали въ воду.

— Machen Sie keinen Spektakel!—закричалъ штыкъюнкеръ, вышедши изъ замка съ отрядомъ.

Народъ былъ прогнанъ на твердую землю, мостъ сломанъ и перенесенъ на дрова въ крѣпость. Загремѣли цѣпи, упалъ затворъ и двери спасенія замкнулись безвозвратно.

На эту тревогу насунулись Владиміръ и слѣпецъ.

— Гдѣ домъ пастора? — спросилъ первый у женщины, бѣжавшей, разиня ротъ.

— Домъ? кто имѣетъ нынѣ дома! — отвѣчала она съ сердцемъ.

Другой прохожій былъ милостивѣе къ нашимъ путникамъ: указалъ имъ на жилище Глика и въ придачу объяснилъ, что они не найдутъ тамъ хозяина, потому что онъ перебрался еще прежде всѣхъ въ замокъ подъ крылышко своего будущаго зятя.

Владиміръ сѣлъ съ товарищемъ на берегу озера. Раздумье овладѣло имъ. Онъ зналъ, что пасторъ и цейгмейстеръ не откажутъ ему въ гостепріимствѣ. Но запереться въ крѣпости для цѣли невѣрной? Заточить въ ней съ собою старца? Выдерживать осаду? Кто знаетъ, какой конецъ ея? Подвергнуть Конрада ея жестокостямъ, можетъ быть, насильственной смерти! И такъ уже старику жить не долго; онъ видимо день ото дня гаснетъ. Владиміръ боялся также и за себя. Пожертвовать, можетъ статься, собою, когда готовился увидѣть родину, потерять плоды столькихъ т довъ и лѣтъ — эта мысль убивала его. Ни одного кровителя — всѣ исчезли: и Паткуль, и маркитант Ильза, и Фрицъ. Съ другой стороны, какое-то пр чувствіе побуждало его отправиться въ замокъ

Digitized by Google

этомъ просилъ его и самъ Паткуль. Паткуль знаетъ цейгмейстера; Владиміръ самъ имѣлъ случай въ «долинѣ мертвецовъ» распознать его свойства, провидѣть его геройскій духъ. Онъ встанетъ, этотъ духъ, во всей силѣ и величіи своемъ, когда преданность къ отечеству и королю потребуютъ отъ него подвига. Врагу, опасному для русскихъ, надо противопоставить себя. Кто знаетъ? Можетъ быть, и отъ него самого отечество ждетъ послѣдней, очистительной жертвы.

Рѣшиться на что-нибудь надо скорѣе. Русскіе въ тотъ же день, или, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующій должны подойти къ Маріенбургу, и тогда будетъ отнята всякая возможность попасть въ замокъ.

— Другъ!—сказалъ, наконецъ, Владиміръ своему товарищу, пожимая ему руку,—намъ надо перебраться въ замокъ.

— Чтожъ мѣшаетъ?—спросилъ Конрадъ.

— Замокъ будетъ осажденъ.

— Иди, куда зоветъ тебя Провидѣніе. Мнѣ-ль, старцу, тонкою нитью привязанному къ землѣ, задерживать тебя на пути твоемъ? Разрѣшу, и полечу. Пора и мнѣ поставить въ уголокъ хрупкій посохъ. Готово сердце мое, о Боже! готово!

— Для кого достанется тебѣ, можетъ быть, пожертвовать собой! Знаешь ли, кто я?

— Другъ мой.

— Знаешь ли, что я величайшій злодѣй?

— Ты, другъ мой.

— Я русскій.

— Давно это мнѣ извѣстно.

— Я всегда скрывалъ это отъ тебя.

— Неужели ты думаешь, что слѣпцы ничего не ъ? Сердце служитъ имъ очами. Мое собрало , разсѣяннаго въ словахъ и намекахъ, въ пути и перепутьяхъ нашего десятилѣтняго странствія; оно

Digitized by Google

составило себѣ изъ человѣка, который со мною ходитъ, котораго люди называютъ Вольдемаромъ, существо особенное, отличное отъ другихъ, но знакомое мнѣ до послѣдней нити его бытія. И люблю его: я привязанъ къ нему всѣми способностями души моей; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ему имени; онъ заключаетъ для меня весь міръ, все человѣчество. Говори мнѣ, что ты преступникъ; я не вѣрю тебѣ. Преступникомъ могъ быть Вольдемаръ; но ты, существо, мною созданное, чистъ, какъ ангелы. Мнѣ-ль послѣ того не разумѣть тебя?.. Сколько разъ ловилъ я сердцемъ твои болѣзненные вздохи и читалъ въ нихъ повѣсть твоихъ страданій! Ты разсказывалъ мнѣ о Россіи, какъ о землѣ тебѣ чуждой, но родина отзывалась въ словахъ твоихъ. И ты самъ сколько разъ передавалъ мнѣ въ таинственныхъ отрывкахъ повѣсть твоей жизни! Вольдемаръ самъ не зналъ этого; Вольдемаръ спалъ тогда, но ты мнѣ все повѣдалъ. Москва, Софія, князь Василій, родина, все тебѣ драгоцѣнное, заключенное въ груди твоей во время бдѣнія, вырывалось у тебя во снѣ и обличало тебя. Нерѣдко, при опасныхъ для тебя свидѣтеляхъ, страшась, чтобы ты не измѣнилъ самому себѣ, я подстерегалъ роковыя имена на твоихъ устахъ, толкалъ тебя и прерывалъ тревожныя твои сновидѣнія. Тайну твою хранилъ я, какъ будто ты самъ мнѣ ее повѣрилъ. О! какимъ благомъ почелъ бы я принесть себя въ жертву, тебѣ полезную!

Замолчалъ слѣпецъ. Владиміръ палъ на его грудь, и слезы неподкупнаго счастія оросили ее. Слѣпой старецъ ничего не говорилъ; но вмѣсто отвѣта на ч[illegible] его просіяла радость. Молча поднялись они и побр[illegible] къ озеру

Всѣ лодки, по приказанію коменданта, были по[illegible] плены или сведены на берегъ острова. Только застали они утлый чолнъ и въ немъ переѣхали

Digitized by Google

замку. Еще издали замѣтилъ ихъ цейгмейстеръ и приказалъ спустить имъ веревочную лѣстницу, по которой и перебрались они въ замокъ. Неизвѣстно, что открыли Вульфу наши странники; но видно было по движенію въ крѣпостцѣ, что защитники ея приготовлялись къ немедленной оборонѣ.

4-го августа подошли русскіе къ Маріенбургу. Въ слѣдующіе дни прорыты апроши съ трехъ сторонъ залива, въ которомъ стоялъ островъ съ замкомъ; на берегу зашевелилась земля; поднялись сопки; выше и выше, устроены батареи, и началась осада; 20 дней продолжалась она. Искусная оборона цейгмейстера (онъ распоряжался ею за старостью коменданта) долго разстроивала усилія русскихъ вомоститься на высоты, которыя могли бы господствовать надъ замкомъ. Убійственный огонь, высылаемый Вульфомъ, снималъ людей съ батарей, какъ проворный игрокъ—шашки съ доски, подрѣзывая лафеты у мортиръ, разсыпалъ амбразуры и въ нѣсколько часовъ уничтожалъ труды нѣсколькихъ дней. Многихъ русскихъ не досчитывали въ рядахъ: и теперь еще бугры свидѣтельствуютъ, что удары заржавленныхъ маріенбургскихъ пушчонокъ были мѣтки. Несмотря на это, хладнокровіе Шереметева, принявшаго на себя управленіе осадою, не измѣнялось: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Наконецъ, онъ внесъ главную батарею на высоту, съ которой, окинувъ окрестность, могъ сказать: «*Замокъ нашъ!*» Съ этого времени островъ былъ осыпаемъ бомбами; одна сторона стѣны очень повредилась, но осаждаемые сдавались. Самое ожесточенное мужество поколе-о и хладнокровіе Шереметева; — велѣно устроить ты и быть готовыми къ штурму.

Въ заточеніи своемъ пасторъ и его воспитанница итали приходъ гусляра и слѣпца особеннымъ для благодѣяніемъ неба. Владиміръ, мало-по-малу, не-

Digitized by Google

замѣтно, подстрекалъ самолюбіе Глика, представляя ему, сколько бы онъ полезенъ былъ преобразователю Россіи знаніемъ языка русскаго и другихъ, какую важную роль могъ бы онъ играть въ этой странѣ и какое великое имя пріобрѣлъ бы въ потомствѣ своими ей заслугами. Что дѣлаетъ онъ въ темномъ, тѣсномъ уголкѣ Лифляндіи? Оцѣнены ли его познанія шведскимъ правительствомъ? Адресъ, надъ которымъ онъ столько трудился, могъ ли, будетъ ли имѣть ходъ? Все это говорилось тайкомъ отъ цейгмейстера, въ минуты задушевной довѣренности, и такъ осторожно, что выговаривалъ эти жалобы не Владиміръ, а оскорбленное самолюбіе пастора. Надо прибавить, что цейгмейстеръ, какъ бы передъ ужаснымъ переломомъ жизни, во всѣхъ спорахъ, затѣваемыхъ Гликомъ, сталъ терпѣливъ, какъ писчая бумага, и оказывалъ ему нѣжную, уступчивую почтительность сына, даже и тогда, когда дѣло шло о переходѣ въ русскую службу. Воображеніе Глика, вмѣстѣ съ успѣхами осаждавшихъ, такъ возгоралось, что онъ, наконецъ, не сталъ сходить уже съ своего конька и написалъ, сидя на немъ, Царю адресъ, которымъ просилъ о принятіи пастыря и паствы маріенбургской, особенно будущаго зятя своего, подъ особенное покровительство его величества. Адресъ обѣщано передать по принадлежности, когда потребуютъ обстоятельства.

Катерина Рабе цвѣла и подъ бурею. Заключенная непріятелемъ въ тѣсной засадѣ и готовясь надѣть новыя цѣпи, она безпечно утѣшалась вкрадчивыми разсказами Владиміра о Россіи и шутила попрежнему. «Настоящая жена храбраго коменданта!» говарива пасторъ.

Нерѣдко подъ громомъ пушекъ составлялось в хитительное тріо изъ Кете, слѣпца и гусляра.

Въ какомъ отношеніи былъ цейгмейстеръ къ Р-

Digitized by Google

диміру? О! его полюбилъ онъ, какъ брата, слушался даже его совѣтовъ, нерѣдко полезныхъ. Съ какимъ негодованіемъ внималъ онъ разсказу его о простодушіи и безпечности Шлиппенбаха, котораго, будто, Владиміръ заранѣе увѣдомилъ о выходѣ русскихъ изъ Нейгаузена! Съ какимъ удовольствіемъ далъ онъ убѣжище въ своей пристани этому обломку великаго корабля, разбитаго бурею!

— Скитаюсь теперь безъ куска хлѣба, безъ надежды! Вотъ чѣмъ заплатили за мои услуги! Ими не умѣли пользоваться, а я терплю.

Попеченіями своими о доставленіи всѣхъ возможныхъ выгодъ нашему страннику хотѣлъ Вульфъ вознаградить неблагодарность къ нему своего главнаго начальника, не умѣвшаго во-время обезпечить благосостояніе человѣка, столько для него сдѣлавшаго. Однимъ словомъ, Владиміръ сталъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ цейгмейстеру, въ какихъ прежде находился къ Шлиппенбаху.

Никогда еще молодой странникъ не тосковалъ такъ сильно по отечеству. Часто среди утѣшительныхъ надеждъ слышался ему приговоръ мнимаго отца его. «Отца моего?—спрашивалъ онъ себя,—нѣтъ, не можетъ быть! Андрей Денисовъ не отецъ мнѣ. Слово это не говоритъ моему сердцу; онъ только испугалъ меня неожиданностію. Ничто во мнѣ не двигалось къ нему; во мнѣ нѣтъ ничего съ нимъ сходнаго! Когда-бъ онъ былъ мнѣ отецъ, давно бы въ Москвѣ, въ Поморскомъ скитѣ, гдѣ-нибудь, проглянуло ко мнѣ чувство роди-
..ское, хотя-бъ изъ-подъ веригъ пустосвятства.
эцъ не велъ бы на казнь сына, не оставилъ бы
ери моей. Мать моя, кто бы она ни была, не могла
любить это чудовище. Послѣ этого придется мнѣ
ого лукаваго признать своимъ отцомъ! Нѣтъ! нѣтъ!
..» Такъ отражалъ Владиміръ мыслями и серд-

Digitized by Google

цемъ ужасное объявленіе ересіарха. Молчаніе Паткуля при повѣркѣ завѣщанія Кропотова и отвѣты ясновидящаго слѣпца, для котораго несчастный не таилъ долѣе исторіи своей жизни, утвердили его въ мысляхъ, что Андрей Денисовъ не отецъ его.

Между тѣмъ въ лагерѣ осаждавшихъ случилось происшествіе, весьма близкое къ нашему Владиміру. Въ одинъ день, когда русскій военачальникъ съ высоты, имъ осиленной, вперилъ орлиные взоры на башни Маріенбурга, уже не такъ бойко поговаривавшія, пришли доложить ему, что «одинъ раненый рядовой имѣетъ объявить ему *слово* и *дѣло*». Фельдмаршалъ вошелъ въ свою ставку, туда-жъ призванъ и солдатъ: это былъ тотъ самый, которому Андрей Денисовъ поручилъ отдать свое посланіе. Оно вручено фельдмаршалу съ обыкновенными солдатскими темпами уваженія и подчиненности. Величаво и проницательно взглянулъ Борисъ Петровичъ на служиваго и, прочтя на открытомъ его лицѣ одно смѣлое добродушіе, ласково спросилъ его: «что это значитъ?» Тутъ подробно разсказалъ ему рядовой о встрѣчѣ своей съ Денисовымъ, котораго называлъ переодѣвшимся бояриномъ. Горестная дума осѣнила лицо военачальника въ то время, какъ онъ читалъ письмо. Въ этомъ письмѣ давали знать, кто такой Владиміръ: довольно было этого объясненія, чтобы погубить его. Къ тому-жъ Андрей Денисовъ присовокуплялъ, что въ то же время, какъ писалъ фельдмаршалу, онъ увѣдомляетъ о злодѣѣ и преображенскій приказъ. По прочтеніи посланія, Борисъ Петровичъ обратился къ солдату, примѣтно удерживаясь отъ гнѣва.

— Хвалю твое усердіе, — сказалъ онъ суров отдавая служивому нѣсколько серебряныхъ монетъ, но поспѣшай въ Россію, куда ты отпущенъ. Чтоб черезъ часъ духу твоего здѣсь не пахло! и... гор

Digitized by Google

тебѣ будетъ, если когда проговоришься объ этомъ письмѣ! Слышишь?...

Смущенный солдатъ спѣшилъ убраться изъ палатки фельдмаршальской и тѣми же стопами изъ лагеря.

Долго, задумавшись, ходилъ Борисъ Петровичъ взадъ и впередъ по палаткѣ. «Это онъ! нельзя ошибиться!... Поймать!... казнить!... заплатить за важныя услуги отечеству!... надо его спасти!...» были слова, вырывавшіяся у него по временамъ. Скука, грусть видимо означились на важномъ его лицѣ. Онъ приказалъ позвать къ себѣ князя Вадбольскаго. Ему-то повѣрилъ онъ, какъ другу, тайну письма, свои опасенія насчетъ несчастливца, служившаго такъ вѣрно русскому войску, и желаніе свое спасти его отъ гибели, которая его ожидаетъ, если злодѣйскіе происки Денисова найдутъ себѣ путь въ Москвѣ. Только настоящее время дорого; впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, самъ онъ, фельдмаршалъ, можетъ быть ходатаемъ за несчастливца. Гонимый находится въ Маріенбургѣ: объ этомъ предупрежденъ Борисъ Петровичъ. Замокъ едва держится; онъ долженъ скоро сдаться. Надо непремѣнно спасти Владиміра. Примѣты его описаны въ письмѣ: нельзя ошибиться. Вадбольскій тѣмъ охотнѣе берется за дѣло, что угадываетъ въ немъ и своего избавителя. Средства спасенія придуманы такъ, что никто объ исполненіи ихъ не будетъ знать, кромѣ третьяго лица, именно Мурзенки, много обязаннаго несчастному (что Паткуль имѣлъ случай объяснить фельдмаршалу и что мы узнаемъ современемъ). Душа татарскаго наѣздника скрытна какъ дно морское.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СВАДЬБА И ПОГРЕБЕНІЕ

Уже я думалъ — вотъ причалъ!
Какъ вдругъ мой внутренній конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

Ночь на 24-е августа была мрачная. По временамъ только прорѣзывался этотъ мракъ огнемъ, вылетавшимъ клубомъ съ трехъ русскихъ батарей. Замокъ на островѣ извергалъ также съ трехъ сторонъ огни: воды озера повторяли ихъ. Въ эти мгновенія рисовался и замокъ, опрокинутый въ водѣ, будто стеклянный дворецъ феи, освѣщенный факелами летающихъ духовъ. Огоньки, унизавшіе высоты, занятыя русскими, казались висящими на воздухѣ. Громъ орудій прокатывался по озеру и отдавался по нѣскольку разъ берегами. Наконецъ, къ полуночи все померкло и стало тихо, такъ тихо, что съ главнаго раската можно было слышать, какъ бѣжала волна и ропотомъ издыхала на берегѣ. Часа два продолжалась тишина. Вдругъ берега что-то свистнуло и загремѣло: два огненны хвостика очертили по воздуху полукругъ, и вслѣ затѣмъ въ замкѣ что-то съ ужаснымъ шумомъ р нуло: поднялись крики и стенанія.

Digitized by Google

Разсвѣтъ дня объяснилъ причину ихъ: главная стѣна и одинъ болверкъ съ пушками пали. Фельдмаршалъ съ высоты любовался разрушеніемъ крѣпости.

— Чиста работа! благодарствую!—сказалъ онъ, положивъ руку на плечо бомбардира, стоявшаго подлѣ него съ улыбкой самодовольствія.

Въ замкѣ все пріуныло. У коменданта составленъ былъ совѣтъ. Проломъ стѣны, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, изготовленія русскихъ къ штурму, замѣченныя въ замкѣ,—все утверждало въ общемъ мнѣніи, что гарнизонъ не можетъ долѣе держаться, но что, въ случаѣ добровольной покорности, можно ожидать отъ непріятеля милостивыхъ условій для войска и жителей. Рѣшено, черезъ нѣсколько часовъ, послать въ русскій станъ переговорщиковъ о сдачѣ. Самъ цейгмейстеръ, убѣжденный необходимостію, не противился этому рѣшенію.

Съ веселымъ лицомъ явился онъ на квартиру пастора. Послѣдній одѣтъ былъ по праздничному; все въ комнатѣ глядѣло также торжественно. Подавъ дружески руку Вульфу, Гликъ спросилъ его о необыкновенномъ шумѣ, слышанномъ ночью. (За домами не видать было сдѣланнаго въ стѣнѣ пролома). Шутя отвѣчалъ цейгмейстеръ:

— Московиты не такіе варвары, какими я ихъ воображалъ: они знали, что нынѣ день моей свадьбы, и хотѣли еще заранѣе, съ полуночи, поздравить меня съ батарей своихъ. Доннеръ-веттеръ! нынѣ-жъ послѣдуетъ сдача нашей крѣпостцы, и тогда мы расквитаемся съ ними.

Сдача? слава Богу! — воскликнулъ пасторъ, и благоговѣніи сложивъ руки на грудь, прочиталъ себя молитву.

Не отложить-ли намъ свадьбу до заключенія

Digitized by Google

— Ваше слово, господинъ пасторъ, ваше слово должно быть свято. Я хочу, чтобы Катерина Рабе вошла съ моимъ именемъ въ станъ русскій. Гдѣ-жъ моя невѣста?

На зовъ Глика явилась его воспитанница. Щеки ея пылали; грусть въ очахъ ея походила болѣе на тоску любви; черные локоны падали на алебастровыя, округленныя плечи; шея была опоясана золотымъ ожерельемъ съ бирюзою; бѣлоатласное платье, подаренное ей Луизой и сберегаемое ею на важный случай, ластилось около ея роскошныхъ формъ и придавало ей какое-то величіе; станъ ея обнималъ золотошвейный поясъ; одинокая, пышная роза колебалась на бѣлоснѣжной, дѣвственной груди. Только одну и могли найдти въ цвѣтникѣ комендантскаго сада: казалось, она запоздала въ немъ для того только чтобы кончить жизнь такъ счастливо. За невѣстою шелъ Владиміръ. Смуглое лицо, черныя кудри, небрежно раскиданныя, пасмурный взоръ, бѣдная одежда, рѣзко отдѣлялись отъ блестящей, роскошной фигуры невѣсты.

Невѣста и женихъ стали на свои мѣста. Пасторъ съ благоговѣніемъ совершилъ священный обрядъ. Слезы полились изъ глазъ его, когда онъ давалъ четѣ брачное благословеніе. Съ послѣднимъ движеніемъ руки отдали въ станѣ русскомъ кому-то честь барабаннымъ боемъ... и вслѣдъ за тѣмъ въ комнатѣ, гдѣ совершалась церемонія, загремѣлъ таинственный, пророческій голосъ, какъ торжественный звонъ колокола: «*и се на главѣ ея лежитъ корона!*» Всѣ невольно вздрогнули и оглянулись. На порогѣ двери стоялъ слѣпецъ. Онъ казался необыкновенно высокъ; грудь его колебал незрящія очи горѣли, какъ въ то время, когда разсказывалъ свои видѣнія въ «долинѣ мертвецовъ». кимъ образомъ пришелъ въ комнату, гдѣ совершал таинство, слѣпецъ, одинъ, безъ проводника, без

Digitized by Google

соха? Кто былъ его путеводитель?... Три дня уже онъ сильно перемогался. Съ изумленіемъ, молча, смотрѣли на него, какъ на пришлеца съ того свѣта. Вдругъ онъ началъ колебаться, искалъ кого-то руками и, произнеся слово: «*позванъ!*» — грянулся на полъ. Владиміръ подбѣжалъ къ нему; онъ чувствовалъ еще пожатіе его руки; но черезъ мигъ улыбка смерти порхала уже на лицѣ старца. Владиміръ цѣловалъ его руку и орошалъ ее слезами.

Ужасъ объялъ всѣхъ. Новобрачные спѣшили въ другую комнату, а на встрѣчу имъ — штыкъ-юнкеръ Готтлигъ, особенно преданный цейгмейстеру, съ извѣстіемъ, что комендантъ съ нѣсколькими офицерами перебрался уже на ту сторону и прислалъ сказать, что у него идутъ переговоры о сдачѣ замка на выгоднѣйшихъ условіяхъ: гарнизону и жителямъ мѣстечка предоставленъ свободный выходъ; имущество и честь ихъ обезопасены; только солдаты должны сдать оружіе побѣдителямъ и выходить изъ замка съ пулями во рту. Румянецъ вспыхнулъ на лицѣ Вульфа; видно было на лицѣ его, что онъ удерживался отъ негодованія.

— Скажи коменданту,—отвѣчалъ онъ довольно спокойно, — что я даю свое согласіе, но требую шести часовъ, чтобы выпроводить отсюда жителей Маріенбурга. Залогомъ въ выполненіи условій можетъ остаться господинъ комендантъ съ товарищами! — прибавилъ Вульфъ, коварно усмѣхаясь.

Потомъ, переговоривъ что-то съ штыкъ-юнкеромъ Готтлигомъ, крѣпко пожалъ ему руку, отпустилъ его и, увлекая съ собою новобрачную, пошелъ съ нею искивать Глика.

Пастора нашли они въ цвѣтникѣ. Дрожащею рукою бросилъ онъ горсть земли на свѣжую могилу и произнесъ:

— Миръ тебѣ въ селеніи праведныхъ!

Digitized by Google

Въ глубокой горести, опершись на заступъ и качая головой, стоялъ подлѣ него Владиміръ: слезы струились по его щекамъ; взоры его какъ будто выражали:

— Одинъ онъ только въ мірѣ не покидалъ меня, и его у меня отняли!

Новобрачные также посыпали землею на его могилу—и скоро земляной бугоръ скрылъ навѣки останки вдохновеннаго старца.

Свадьба и похороны были такъ смежны, неизвѣстность, окружавшая нашихъ друзей, такъ страшна, что нельзя было имъ не задуматься надъ бѣдностью здѣшняго міра. Штыкъ-юнкеръ Готтлигъ вывелъ ихъ изъ этой задумчивости, донеся цейгмейстеру, что волю его обѣщали исполнить, но, что противъ одну и могли онъ, Готтлигъ, причалилъ лодку [illegible]ского салѣгу острова, войска русскія начали становиться на плоты, вѣроятно, для штурмованія замка.

— Мы встрѣтимъ ихъ! — сказалъ Вульфъ, простился съ Гликомъ и своею супругою и отправился принять гостей, не впору пожаловавшимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, русскіе на нѣсколькихъ плотахъ подъѣхали съ разныхъ сторонъ къ острову. Встрѣча была ужасная. Блеснули ружья въ бойницахъ, и осаждавшіе дорого заплатили за свою неосторожность. Сотни ихъ пали. Плоты со множествомъ убитыхъ и раненыхъ немедленно возвратились къ берегу. Изъ стана посланъ былъ офицеръ шведскій переговорить съ Вульфомъ, что русскіе не на штурмъ шли, а только ошибкою, ранѣе назначеннаго часа, готовились принять въ свое завѣдываніе островъ.

— Въ другой разъ не будутъ ошибаться! — сказалъ хладнокровно цейгмейстеръ. — Я требую, чтоб изъ этихъ самыхъ плотовъ сдѣлали мостъ для перехода маріенбургскихъ жителей, которыхъ я взялъ подъ свою защиту!

Digitized by Google

Съ торжественнымъ лицомъ явился Вульфъ къ Глику и застадъ его въ большихъ трудахъ. Онъ вы сиживалъ рѣчь, которую хотѣлъ произнесть передъ русскимъ военачальникомъ, когда послѣдуетъ сдача замка. Госпожа Вульфъ въ глубокой задумчивости сидѣла неподалеку отъ него.

— Друзья мои! — сказалъ цейгмейстеръ, — я хлопочу о вашемъ благополучіи. Бездѣльники вздумали было не исполнить своего слова; но кто побывалъ въ моей школѣ, научится держать его. Московитскіе плоты къ вашимъ услугамъ, и я заставлю побѣдителей переправить васъ на ту сторону.

— Э..э любезный! гдѣ-жъ у васъ, позвольте скаребрался уже и— говорилъ пасторъ, заглядывая безпрестанно въ перегов передъ нимъ лежавшую, перемѣшивая суетливо свой разговоръ на нѣмецкомъ обрывками русской рѣчи и ударяя рукою по столу:—«*Высокоповелительный вождь россійскихъ побѣдоносныхъ....*» «Да, да, мой любезнѣйшій другъ берегитесь, чтобы не... «*Пали подъ стопы ваши грозныя твердыни крѣпкаго града Маріенбурга, какъ нѣкогда Троя...*» чтобы не отплатили вамъ, говорю я! Брръ, брръ!... Не забудьте своего слова.... «*Минерва несла передъ вами эгиду свою...*»

— О ней-то хотѣлъ я съ вами переговорить, — перебилъ Вульфъ, пожавъ плечами, и почти насильно отвелъ Глика въ другую комнату. Здѣсь, подъ клятвой, открылъ онъ великую тайну.—Только вамъ, Вольдемару и штыкъ-юнкеру,—прибавилъ цейгмейстеръ,— повѣрилъ я тайну. Спасите себя, *мою* Кете и тѣхъ, кто захочетъ за вами слѣдовать.

— Вы такъ жестоко обманули меня? вы оставляете вдовой ту, съ которой только-что сочеталъ васъ Богъ? — произнесъ горестно пасторъ, — зачѣмъ же, не любяее...

Digitized by Google

— другому, кто бы мнѣ это сказалъ, я раскроилъ бы черепъ, — перебилъ Вульфъ. — Нѣтъ, мой добрый отецъ, я любилъ ее слишкомъ много: эту слабость могу только теперь исповѣдать. Но моя любовь была чиста и возвышенна, какъ любовь древняго рыцаря: таковою и останется. Я хотѣлъ только, чтобы бѣдная, незначущая сирота носила мое имя — кажется благородное! въ этомъ, доннеръ-веттеръ, порукою нынѣшній день. Въ шкатулкѣ, которую ввѣрилъ я вамъ вчера, найдетъ вдова цейгмейстера Вульфа, чѣмъ обезпечить будущность. Исполнивъ обязанности дружбы и любви, я имѣю еще высшія обязанности: пришло время заплатить долгъ мой королю и отечеству.

Гликъ убѣждалъ, умолялъ его именемъ дружбы, любви, Бога — оставить свое намѣреніе; но цейгмейстеръ былъ неумолимъ.

— Мое слово неизмѣнно, какъ самъ Богъ! — сказалъ послѣдній — въ этомъ клянусь Его святымъ именемъ!

Оставалось уступить ему не безъ большого неудовольствія.

Отъ новобрачной скрыли ужасную тайну. Только при разставаніи съ мужемъ она замѣтила въ словахъ его и во всѣхъ движеніяхъ что-то необыкновенное. Разлука ихъ должна быть часовая, какъ ей сказали, а между тѣмъ глаза его были мокры, когда онъ прощался съ нею и ея воспитателемъ. Этого никогда съ нимъ не бывало; это не даромъ! Еще сильнѣе возродились ея подозрѣнія, когда Вульфъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, сказалъ съ особеннымъ чувствомъ: «будь счастлива!» Невольно содрогнулась она отъ этихъ сло. заплакала и бросилась къ нему на грудь. Она не чу ствовала къ нему особенной любви, но привыкла нему, уважала его, какъ покровителя, брата, дру знала, что онъ къ ней привязанъ; носила его имя —

Digitized by Google

потерять его было для нея тяжело. Разными обманами старались ее успокоить. Друзья разстались.

Началось шествіе маріенбургскихъ жителей изъ замка по мосту, составленному изъ сдвинутыхъ плотовъ русскихъ. Впереди всѣхъ медленно и важно выступалъ пасторъ въ праздничномъ одѣяніи. Подъ лѣвою мышкою несъ онъ славянскую библію, нерѣдко покашливалъ и бормоталъ про себя, затверживая привѣтственную рѣчь. За нимъ слѣдовала, опустивъ печально голову, воспитанница его, въ брачномъ одѣяніи, котораго не успѣла скинуть. Занятая мыслями о своемъ хозяйствѣ, Грете шла за нею не въ меньшей горести. Она несла узелъ, въ которомъ заключены были, едва выглядывая на бѣлый свѣтъ, Квинтъ-Курцій, Юлій Кесарь, Езопъ и прочіе великіе мужи древности, удостоенные, по милости пастора, преобразиться изъ римской и греческой тоги въ русскую одежду. Полный тревоги и нетерпѣнія, поспѣшалъ за ними Владиміръ. Медленность шествія досаждала ему; еслибъ можно, онъ перебросился бы въ станъ русскій. Клятва, которую онъ далъ Вульфу, хранить роковую тайну, можетъ и должна быть нарушена для блага его соотечественниковъ. Допуститъ-ли онъ своихъ братьевъ быть обманутыми шведами и погибнуть нечаянною смертью?

Вслѣдъ за нашими друзьями высыпали изъ воротъ замка граждане маріенбургскіе, какъ овцы, выпущенныя въ красный день изъ овчарни. Часть гарнизона выступила также, малая часть осталась въ замкѣ, по условію, до сдачи его и всѣхъ военныхъ снарядовъ русскимъ.

Долго стоялъ Вульфъ на берегу острова, пока не ...рялъ изъ глазъ пастора и ту, которую онъ назы... такъ долго сестрою своей и такъ мало своей же... Близъ моста, на авансценѣ русскаго стана стоялъ ...городный представитель своихъ соотечественниковъ.

Digitized by Google

князь Вадбольскій. Ему поручено было распорядиться о пріемѣ дорогихъ гостей, выступавшихъ изъ [illegible]. Неподвижный, закованный въ одну думу, въ одно чувство, онъ устремилъ свои взоры на подходившую къ нему толпу. Позади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, находился, верхомъ знаменитый Мурзенко, близъ него два конныхъ татарина, изъ которыхъ одинъ держалъ осѣдланную лошадь, и четверо спѣшенныхъ драгунъ. Всѣ они внимательно сторожили движенія Вадбольскаго; самыя лошади ихъ, навостривъ уши, поднявъ головы, казалось, одинаково что-то выжидали. Лишь только Владиміръ вслѣдъ за пасторомъ и его домочадцами спустилъ ногу съ моста на берегъ и взглядъ его сошелся съ наблюдательнымъ взглядомъ князя Вадбольскаго, какъ почувствовалъ, что его схватили за руку могучею рукою.

— Тебя ищутъ!—торопливо сказалъ ему князь, — спасайся отъ бѣды неминучей.

— Я самъ иду! пора къ концу!—отвѣчалъ Владиміръ, хотѣлъ еще говорить, но Вадбольскій гаркнулъ: «сюда»!—налетѣли татары и драгуны, окружили ихъ; поднялось около нихъ облако пыли, сквозь которое ничего нельзя было видѣть изъ русскаго стана и маріенбургскому кортежу. Сильныя руки схватили Владиміра, не давъ ему образумиться; посадили кое-какъ на лошадь и туго привязали къ ней. Мурзенко свистнулъ, и былъ таковъ; за нимъ помчались два татарина и лошадь, къ которой прикрѣпленъ былъ узникъ. Горы, лѣса, мелькали мимо ихъ. Наконецъ они остановились. Разбитый ѣздою, истерзанный крѣпкою перевязью, изнуренный душевными страданіями, Владиміръ по живой оглянулся. Все вокругъ его ходило. Что нимъ сдѣлалось, гдѣ онъ былъ, гдѣ теперь,—не по малъ онъ. Его развязали, сняли съ лошади, посадили на мураву и дали ему выпить воды. Онъ очнулся

Digitized by Google

увидѣлъ себя у калитки мызы Блументроста; передъ нимъ стоялъ Мурзенко; два татарина ухаживали за нѣсколькими лошадьми.

Мурзенко, замѣтивъ, что онъ пришелъ въ себя, подалъ ему бумагу. Владиміръ взялъ ее и прочелъ на ней слѣдующія строки, рукою фельдмаршала написанныя:

«Спасайся; бѣги въ Чудь, въ Польшу, куда хочешь; только въ Россіи не показывайся. Не снесешь тамъ головы своей. Злодѣй Денисовъ ищетъ твоей погибели и пишетъ о тебѣ въ Москву, въ царскую думу. Спасти тебя теперь не могу: ты — *Послѣдній Новикъ!* Молимъ Бога и всѣхъ Святыхъ Его подать намъ случай оказать тебѣ нашу благодарность. Будемъ узнавать о тебѣ на извѣстной мызѣ. Нашъ посланный вручитъ тебѣ знакъ нашей признательности, какой можетъ тебѣ по времени пригодиться».

— Итакъ, Господи, Ты судилъ мнѣ родины не видать!...—сказалъ Владиміръ, прочитавъ записку, и зарыдалъ такъ горько, что привелъ въ жалость татарскаго наѣздника.

Мурзенко, не понимая причины его горести, старался, однакожъ, по своему утѣшить его и подалъ ему кошелекъ, туго набитый золотомъ.

— Отдай этотъ даръ назадъ тому, кто прислалъ его!—сказалъ съ негодованіемъ Владиміръ, оттолкнувъ руку татарина,—объяви ему, что я не наемщикъ. За деньги не дѣлаютъ того, что я сдѣлалъ. Господи! о, Господи! за что лишилъ меня товарища, родителей, отечества? За что отвергаешь и смиреніе мое, и мое раскаяніе?... Не лиши меня хоть послѣдней милости, молю Тебя: сдѣлай, чтобы, когда узнаютъ о смерти Послѣдняго Новика, русскіе братья его, совершили по немъ поминовеніе и помолились о спасеніи души того, кто любилъ такъ много ихъ и свою родину!

Digitized by Google

Тутъ Владиміръ, закрывъ глаза руками, опять горько заплакалъ; но, немного погодя, встрепенулся и сказалъ Мурзенкѣ:

— Можетъ быть, еще не поздно!... Скачи назадъ, иди прямо къ Шереметеву, и скажи ему, чтобы русскіе не входили въ замокъ. Тамъ офицеръ шведскій зажжетъ пороховой погребъ; взорветъ!...

— Пуфъ! — вскричалъ Мурзенко, показывая движеніями, что онъ понялъ Владиміра. — Бездѣльника! Собака шведъ, понимай моя... Добре, добре! — прибавилъ онъ, обнявъ Владиміра и утеревъ кулакомъ слезу, навернувшуюся на щели одного глаза. Моя твоя не забудетъ. По твоя милости моя пулковникъ. Авось, моя твоя добрѣ сдѣлаетъ.

Съ послѣднимъ словомъ кликнулъ онъ своихъ татаръ, сѣлъ на коня и, какъ вихрь, взвился по дорогѣ къ Маріенбургу.

Проводивъ на мызу г. Блументроста Владиміра, съ которымъ судьба такъ жестоко поступила въ минуты его величайшихъ надеждъ, мы возвратимся къ мосту маріенбургскому. Внезапное похищеніе Владиміра нѣсколько разстроило церемоніальное шествіе, предводимое Гликомъ. Послѣдній едва не перемѣшалъ въ головѣ частей рѣчи, составленной по масштабу порядочной хріи, отъ которой отступить считалъ онъ уголовнымъ преступленіемъ. Князь Вадбольскій, управившись съ Владиміромъ, поспѣшилъ къ пастору и, узнавъ, что онъ говоритъ по-русски, обласкалъ его; на принесенныя же имъ жалобы, что такъ неожиданно и противъ условій схваченъ человѣкъ, ему близкій, данъ ему утѣшительный отвѣтъ, что это сдѣлано по волѣ фельдмаршала, именно для блага человѣка, въ которомъ онъ принимаетъ такое живое участіе; и потому пасторъ убѣжденъ молчать объ этомъ происшествіи, какъ важной тайнѣ.

Digitized by Google

Гликъ съ своими прихожанами и обезоруженными шведскими офицерами, вышедшими изъ замка съ частью гарнизона, отведенъ былъ въ русскій станъ. Тамъ, въ богатой ставкѣ, которую мы уже прежде описали, ожидалъ ихъ фельдмаршалъ, окруженный многочисленнымъ штатомъ. Почетные жители Маріенбурга были введены въ нее, и взоры русскихъ воиновъ обратились на прекрасную воспитанницу. Несмотря на присутствіе главнаго начальника, многіе единодушно вскричали: «вотъ пригожая дѣвушка!» «Das ist ein schönes Mädchen!» Самъ фельдмаршалъ невольно охорошился, призвалъ улыбку на важное лицо свое и не разъ взглянулъ на нее глазами, выражавшими то, что уста другихъ произнесли. Госпожа Вульфъ, краснѣя отъ общаго вниманія, на нее обращеннаго, и отъ похвалъ, которыми была осыпана, казалась отъ того еще прелестнѣе. Это вниманіе, не ускользнувшее отъ глазъ пастора, и ласковый пріемъ, сдѣланный ему фельдмаршаломъ, придали ему бодрости. Кашлянувъ и поправивъ на себѣ парикъ, онъ спѣшилъ изумить своихъ слушателей рѣчью, произнесенною на русскомъ языкѣ. Въ ней собрана была вся ученость его, подпертая столбами краснорѣчія и любовію его къ славѣ Петра I-го—любовію, зажженною взглядомъ на него великаго монарха подъ Нейгаузеномъ, питаемою русскими переводами, которые намѣревался посвятить ему, и надеждою основать въ Москвѣ первую знаменитую академію: «Scholam illustrem». Въ заключеніе ораторъ просилъ повергнуть къ стопамъ его величества адресъ, имъ заготовленный, о принятіи ужъ не Маріенбурга—цѣлой Ливляндіи подъ свое покровительство. По окончаніи рѣчи, Гликъ подалъ фельдмаршалу славянскую библію огромномъ форматѣ, которую держалъ доселѣ подъ мышкою и, которая мѣшала ему порядочно размахнуться. Ободренный лестнымъ вниманіемъ и призна-

Digitized by Google

тельностію высокаго русскаго сановника, обѣщавшаго ему свое покровительство и денежное пособіе на учрежденіе въ Москвѣ училища, и завѣрившаго его въ милостяхъ царя, который умѣлъ цѣнить истинную ученость, пасторъ почиталъ себя счастливѣе увѣнчанныхъ въ Капитоліѣ. Всѣ мечты, всѣ грезы его самолюбія сбывались!... Вслѣдъ за библіею представлены великіе члены его семейства, исторгаемые одинъ за другимъ изъ смиреннаго убѣжища, въ которомъ держала ихъ Грете, а за ними его воспитанница, шведскіе офицеры и почетные жители Маріенбурга, принятые, волею ихъ или неволею, подъ покровительство восторженнаго оратора. Всѣхъ отрекомендованныхъ Гликомъ фельдмаршалъ оставилъ у себя обѣдать. За столомъ радушный хозяинъ такъ ободрилъ ихъ, что они забыли свое горе и казались дорогими гостями на веселомъ пиршествѣ. Говорили и о Вульфѣ, несмотря на желаніе Глика отстранить отъ себя печальную мысль объ немъ. Когда узнали, что онъ мужъ и только-что нѣсколько часовъ мужъ прелестной воспитанницы, фельдмаршалъ сказалъ по-нѣмецки:

— Вашъ зять порядочно *натрубилъ* намъ въ уши: три недѣли не далъ онъ намъ покоя своею музыкою и недавно еще задалъ намъ порядочный концертъ. Надо бы отплатить ему нынѣ тѣмъ же, — прибавилъ онъ, смотря значительно на г-жу Вульфъ,—но мы не злопамятны. Пусть увѣнчаютъ его въ одинъ день и лавры и митры, столько завидные!

Г-жа Вульфъ покраснѣла и—прибавляетъ хроника—вздохнула... Коментаріи не объясняютъ этого вздоха. Извѣстно намъ только, что съ того времени называ ее прекрасною супругою несноснаго *трубача*...

Послѣ обѣда гости были отпущены по домамъ. Г стору обѣщано доставить его съ честію и со всѣ путевыми удобствами въ Москву, какъ скоро онъ и

Digitized by Google

явитъ желаніе туда отправиться. Всѣ разошлись довольны и веселы.

Насталъ условный часъ пріема замка. Сначала послачъ былъ къ цейгмейстеру шведскій офицеръ съ предувѣдомленіемъ, что русскіе идутъ немедленно занять островъ.

— Все готово къ пріему ихъ! — отвѣчалъ хладнокровно Вульфъ. Нѣсколько батальоновъ русскихъ тронулось изъ стана съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Голова колонны торжественно входила въ замокъ, хвостъ тянулся по мосту. Гарнизонъ шведскій отдалъ честь побѣдителямъ, сложилъ оружіе, взялъ пули въ ротъ и готовъ былъ выступить изъ замка... Дѣло стало за цейгмейстеромъ, котораго не могли сыскать. Поднялась пыль за мѣстечкомъ по дорогѣ изъ Менцена, быстро вилась клубомъ, исчезла въ мѣстечкѣ; уже на берегу видѣнъ татарскій всадникъ — это Мурзенко. Онъ махалъ рукою и кричалъ что-то изо всей силы; слова его заглушены музыкою и барабаннымъ боемъ...

Въ эту самую минуту среди замка вспыхнулъ огненный языкъ, который, казалось, хотѣлъ слизать ходившія надъ нимъ тучи; дробный, сухой трескъ разорвалъ воздухъ, повторился въ окрестности тысячными перекатами и, наконецъ, превратился въ глухой, продолжительный стонъ, подобный тому, когда ураганъ гулитъ океанъ, качая его въ своихъ объятьяхъ; островъ обхватило облако густого дыма, испещреннаго черными пятнами, представлявшими неясные образы ей, оружія, камней; земля задрожала; воды, закиъ, отхлынули отъ береговъ острова и, показавъ мигъ дно свое, обрисовали около него вспѣненную айницу; по озеру начали ходить бѣлыя косы; мостъ летѣлся — и вскорѣ, когда этотъ адъ закрылся, на гдѣ стояли замокъ, кирка, домъ коменданта и

Digitized by Google

прочія зданіи, курились только груды щебня, разорванныя стѣны и надломанныя башни. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній. Послѣдовала такая же кратковременная тишина, и за нею послышались раздирающіе душу стоны раненыхъ и утопавшихъ, молившихъ о спасеніи или смерти. Немногіе изъ шведовъ и русскихъ въ замкѣ чудесно уцѣлѣли. Не скоро также были посланы люди съ берега, чтобы дать имъ помощь; опасались еще какого-либо адскаго дѣйствія изъ уцѣлѣвшей башни. Испуганное русское войско высыпало изъ стана на высоты и приготовилось въ бой съ непріятелемъ, котораго не видѣли и не знали, откуда ждать.

Вульфъ сдержалъ свое слово: и мертвеца съ этимъ именемъ не нашли непріятели для поруганія его. Его могилою былъ порохъ — стихія, которою онъ жилъ. Память тебѣ славная, благородный шведъ, и отъ своихъ, и отъ чужихъ!...

Исторія не позволяетъ мнѣ скрыть, что месть русскаго военачальника за погубленіе батальона пала на бѣдныхъ жителей и на шведовъ, находившихся по договору въ русскомъ станѣ, не какъ плѣнныхъ, но какъ гостей. Всѣ они задержаны и сосланы въ Россію. Не избѣгли плѣна Гликъ и его воспитанница, можетъ статься, къ удовольствію перваго. Шереметевъ отправилъ ихъ въ Москву въ собственный свой домъ. Мѣстечко Маріенбургъ разорено такъ, что его слѣдовъ не осталось.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У РАСКОЛЬНИКОВЪ

Усталъ я; тьма кругомъ густая,
Запалъ въ глуши мой слѣдъ.
Безбрежнѣй, мнится, степь пустая,
Чѣмъ далѣ я впередъ.
Жуковскій.

«*Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндахъ изрядно*»— писалъ Петръ I къ одному изъ своихъ вельможъ, 10-го сентября 1702 года. А каково было гощеніе, можно видѣть изъ писемъ Шереметева къ самому государю. Особенно два письма, знакомя насъ съ тогдашнимъ образомъ войны русскихъ и жалкимъ состояніемъ Лифляндіи, такъ любопытны, что мы рѣшаемся держать на выпискѣ изъ нихъ вниманіе нашихъ читателей.

«Посылалъ я (доносилъ фельдмаршалъ) во всѣ стороны полонить и жечь; не осталось цѣлаго ничего: все разорено и пожжено; и взяли твои, государевы,

Digitized by Google

ратные люди, въ полонъ мужеска и женска пола и ребятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, и скота съ 20,000 или больше, кромѣ того, что ѣли и пили всѣми полками, а чего не могли поднять, покололи и порубили...»

Въ другомъ письмѣ доноситъ онъ же:

«Указалъ ты, государь, купя прислать чухны и и латышей, а твоимъ государевымъ счастіемъ и некупленныхъ пришлю. Можно-бы и не одну тысячу послать, только трудно было везти, и тому радъ, что ратные люди взяли ихъ по себѣ; а къ Москвѣ посылка не дешева станетъ, кромѣ подводъ».

Къ этому описанію прибавлять нечего; каждое слово есть драгоцѣнный фактъ исторіи, жемчужина ея.

Осень подоспѣла, чтобы своими непогодами прибавить къ мрачному состоянію этой страны. Главная русская армія давно ужь покинула опустошенный ею юго-восточный край Лифляндіи, и перешла на сѣверъ, къ Финскому заливу; развѣ мелкіе наѣзды понавѣдывались изрѣдка, не осмѣлился-ли латышъ вновь пріютиться на родной землѣ, какъ злой ястребъ налетомъ сторожитъ бѣдную пташку на гнѣздѣ, откуда похитилъ ея птенцовъ. Вслѣдъ за военными дозорщиками рыскали стада волковъ, почуявшихъ себѣ добычу. Въ это время Владиміръ покинулъ мызу г. Блументроста.

Сдѣлаемъ перечень его несчастій.

Онъ лишился единственнаго своего товарища, слѣпца, восемь лѣтъ ходившаго съ нимъ рука объ руку, восемь лѣтъ бывшаго единственнымъ его утѣшеніемъ; онъ разлученъ съ Паткулемъ, который одинъ могъ бы помочь ему и не зналъ безвременья для слова правды добра передъ царями; обманутъ онъ въ минуты лу шихъ, сладчайшихъ своихъ надеждъ — у порога р дины и немилосердно оттолкнутъ отъ нея на разст ніе безмѣрное. Русскіе, соотечественники, гонятъ е

Digitized by Google

шведамъ, призрѣвшимъ его новымъ отечествомъ и братствомъ, онъ измѣнилъ. Все высокое, прекрасное, имъ воздвигнутое, разбито въ прахъ; все злодѣйское, имъ сдѣланное, воскресло новою жизнью и растетъ передъ его совѣстью. Прошедшее — широкій путь крови, скитанія, нуждъ; будущее — тѣсное, жесткое домовище, откуда онъ живой, съ печатью грѣха и отчужденія, вставая, пугаетъ живыхъ, откуда онъ не можетъ выдти, не встрѣтивъ топора палача или заступа старообрядческаго могильщика. Что осталось ему? Плакать? Онъ уже выплакалъ свои слезы... Прочь все прекрасное, все доброе! Адъ его достояніе: адъ легко отыскать съ такимъ проводникомъ, какъ мщеніе! Отнынѣ злобно смотритъ онъ на жизнь и на человѣчество; но между послѣднимъ сердце его отмѣтило одного человѣка мѣтою кровавою. Его-то радостно опутаетъ онъ своими объятьями, сшибетъ со скудельныхъ ногъ и съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ въ бездну вѣчнаго плача и скрежета зубовъ. Этотъ человѣкъ поднимаетъ его по утру съ ложа, ходитъ съ нимъ неразлучно, сидитъ постоянно съ нимъ за столомъ, у изголовья его постели, будитъ его во снѣ; этотъ человѣкъ — Андрей Денисовъ.

— Мщеніе! — вскричалъ Владиміръ, разбивъ свои гусли.—На что вы мнѣ теперь? Вы не выразите того, что я чувствую.—Мщеніе!—сказалъ онъ нѣмому, разставаясь съ нимъ и пожавъ ему руку пожатіемъ, въ которомъ теплилась послѣдняя искра любви къ ближнему.

Добрый нѣмой, не понимая его, съ жалостію смо..лъ на него, какъ на больного, котораго онъ не ..лъ средствъ излѣчить, крѣпко его обнялъ и про..илъ со слезами. Послѣ него и нѣмой остался на ..зѣ круглымъ сиротою!..

Наружность Владиміра была мрачна не менѣе души

Digitized by Google

его. Дикій, угрюмый взоръ, повременамъ сверкающій, какъ блескъ кинжала, отпущеннаго на убійство; повременамъ коварная, злая усмѣшка, въ которой выражались презрѣніе ко всему земному и ожесточеніе противъ человѣчества; всклокоченная голова, покрытая уродливою шапкою; худо отрощенная борода; бѣдный охабень, стянутый ремнемъ, на ногахъ коты, кистень въ рукахъ, топоръ и четки за поясомъ, сума за плечами, — вотъ въ какомъ видѣ вышелъ Владиміръ съ мызы г-на Блументроста и прошелъ пустыню юго-восточной части Лифляндіи. Онъ приближался къ Дерпту и поворотилъ вправо. Глаза его разыгрались дикимъ восторгомъ.

— Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ. Иду къ нему, гость не на радость! Сяду на большое мѣсто подъ образами, насыщусь его хлѣбомъ-солью, напьюсь медовъ сладкихъ и — отблагодарю за гостепріимство. Долго не забудетъ званаго посѣтителя!

Такъ говорилъ Владиміръ, подходя къ *Носу*, одной изъ деревень, которыми *старовѣры* обсѣли Чудское озеро. Мертвая, осенняя природа; тяжелыя, подобно оледенѣлымъ валамъ, тучи, едва движущіяся съ сѣвера; песчаная степь, сердито всчесанная непогодами; по ней рѣдкія ели, недоростки и уроды изъ царства растеній; временемъ необозримыя, сѣдыя воды Чудского озера, бьющіяся непрерывно съ однообразнымъ стономъ о мертвые берега свои, какъ узникъ о рѣшетку своей темницы; изсохшій листъ, хрустящій подъ ногами путника нашего: все вторило состоянію души Владиміра.

Вотъ онъ ужь и въ деревнѣ.

Латыши, чухны проводятъ обыкновенно унылую, тихую жизнь въ дикой глуши, между горъ и лѣсахъ; въ разрозненныхъ далеко одна отъ другой хижинахъ, вдали отъ большихъ дорогъ и мызъ, буд

Digitized by Google

и теперь грозится на нихъ привидѣніе феодализма съ развалинъ своихъ замковъ. Не видно у нихъ, какъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ, длинныхъ деревень, гдѣ тысячи любятъ жаться другъ къ другу, гдѣ житье привольно, подобно широкимъ рѣкамъ, и шумно, нерѣдко буйно, какъ большія дороги, около которыхъ русскіе любятъ селиться; гдѣ встрѣчаетъ и провожаетъ зори голосистое веселье. По первому взгляду на деревню, въ которую вошелъ Владиміръ, можно было сейчасъ узнать, что ея обитатели русскіе. Ее образовали вдоль узкой улицы два ряда высокихъ избъ, расположенныхъ уступами такъ тѣсно, что казались онѣ взгроможденными одна на другую. Всѣ онѣ были съ однимъ краснымъ окномъ и двумя волоковыми, съ трубами и высокими *коньками*, на которыхъ или вѣялись флаги или вертѣлись суда и круги, искусно вырѣзанные. Ворота, убитыя крупными жестяными гвоздями, прикрывались длиннымъ навѣсомъ, подъ которымъ вдѣланъ былъ мѣдный *восьмиконечный* крестъ. Наружность домовъ содержалась въ необыкновенной чистотѣ; особенно вокругъ оконъ бревна были не только вымыты, но и поскоблены. Тишина, царствовавшая въ селеніи, не удивила бы Владиміра, знавшаго, что въ жилищахъ раскольниковъ наблюдается всегда строгое благочиніе, если бы эта тишина не походила на какую-то мертвенность. Никого не было видно на улицѣ и въ огородахъ. У двухъ-трехъ домовъ брякнулъ онъ по нѣсколько разъ, съ разстановкою, большимъ желѣзнымъ кольцомъ о бляху такого же ...да; нѣсколько разъ постучался довольно к...пко ...нъ палочкою и прочиталъ жалостнымъ го...осомъ ...іе: «*Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*». Хоть бы голосъ женщины откликнулся ему! Гдѣ могли быть жители *Носа* въ гулевую пору, въ ...чные часы?

Digitized by Google

Не мало удивился онъ, когда ворота у одного дома безъ труда отворились, лишь только онъ осмѣлился приподнять щеколду и толкнуть слегка полотно ихъ. На дворѣ тощій скотъ пожиралъ навозъ; собака, такая худая, что лопатки ея выставлялись острыми углами и можно было перечесть всѣ ея ребра, шатаясь выползла изъ конуры и встрѣтила пришельца сиповатымъ, болѣзненнымъ лаемъ. Въ сѣняхъ никого, въ избѣ тоже. Посуда, обыкновенно содержимая у раскольниковъ въ большой чистотѣ, была разбросана въ безпорядкѣ по столу и залавкамъ. Печь, въ изразцахъ которой наверчено было множество дыръ, чтобы, во время молитвъ, благодать удобнѣе проходила въ горшки и очищала кушанье, покупаемое на торгахъ, была не топлена. Иконы въ избѣ ни одной. Безъ труда вошелъ Владиміръ на сосѣдній дворъ: въ немъ также пустота; въ третьемъ, въ четвертомъ тоже. Далѣе нашелъ онъ умирающаго младенца.

— Счастливъ, что кончаешь жизнь, не понимая ея! — сказалъ Владиміръ, и отвернулся отъ ранняго страдальца.

Наконецъ, у *звонницы* [1]) представилось ему что-то похожее на живое существо. Это была молодая женщина, лежавшая на голой, сырой землѣ, и почти недвижимая. Съ трудомъ могла она, однакожъ, объяснить нашему страннику, что она дочь тутошняго *уставщика* [2]), удостоена была въ *грамотницы* [3]), замѣняла нерѣдко *батьку* (отца духовнаго) въ часовенномъ служеніи, но что съ недавняго времени лукавый попу-

---

[1]) Колокольни.

[2]) Уставщикъ, надзиратель за порядкомъ во время богослуженія.

[3]) Грамотница читаетъ апостолъ, поетъ на женской полов. духовныя пѣсни и пишетъ книги, нерѣдко съ большимъ ис ствомъ по уставному.

Digitized by Google

талъ ее: полюбила молодого, пригожаго *псалмопѣвца* и *чтеца*. Это бы еще не бѣда. Грѣхъ этотъ можно-бъ искупить нѣсколькими стами *началъ*[1]); но вотъ что ее погубило. Отецъ ея любезнаго, побывавъ въ другомъ *согласіи*, вывезъ оттуда ересь и смутилъ ею нѣкоторыхъ изъ жителей деревни Носа, а именно: онъ сталъ принимать отъ Ѳеодосеянъ титлу, Пилатомъ на крестѣ написанную: «*ІС Назарянинъ, Царь Іудейскій*». Носовцы же (поморскаго согласія) писали титлу: «*Царь славы, ІС Сынъ Божій*», и потому, предавъ анаемѣ *новщиковъ*[2]), выгнали ихъ изъ деревни. Псалмопѣвецъ, прежде вѣчной разлуки съ любезною грамотницею, захотѣлъ съ ней проститься. Роковое свиданіе назначено въ ближнемъ бору. Сердце у раскольницы такое же мягкое, какъ и у женщинъ мірскихъ; она исполнила волю милаго. *Надсмотрщица*[3]) подглядѣла за ними, и поспѣшила избавить несчастную изъ сатанинскихъ когтей Ѳедосеевщика, разсказавъ обо всемъ отцу ея. Озлобленный родитель самъ, своими руками, выдалъ ее *согласію*. Тысячи земныхъ поклоновъ, ужасный постъ, побои, истязанія разнаго рода, освободили грѣшную отъ мученій ада. Ноги у ней были отбиты; одною рукой она не владѣла; земля подернула губы ея.

— Теперь, — прибавила она, — очищенная, жду страшнаго суда.

— Гдѣ-жъ православные?—спросилъ Владиміръ.

— Въ бору, — отвѣчала *грамотница*. — Поспѣшай и ты туда-жъ, чтобы страшный часъ не засталъ тебя въ *суетѣ*.

---

1) Началомъ называютъ раскольники тѣ семь поклоновъ, безъ орыхъ они ничего не начинаютъ. Ежели кто въ семъ случаѣ пе ложитъ поклона или переложитъ его, то молитва не въ молитву.

2) Вводящіе перемѣну, новизну въ расколѣ.

3) Надсмотрщикъ наблюдаетъ за нравственностію мужчинъ, надзирщица за поведеніемъ женщинъ.

Digitized by Google

Не понималъ Владиміръ, о какомъ часѣ говорила несчастная. Онъ сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ, но ослабѣвшая отъ усилій, которыя употребила, чтобы разсказать о своей судьбѣ, она могла только указать на боръ, видимый изъ деревни, и погрузилась въ моленіе.

«Пойду искать слѣдовъ жизни, болѣе здоровой и сильной», думалъ Владиміръ, обратившись, куда ему указано было: «авось заражу ее страданіями или потѣшусь надъ глупымъ человѣчествомъ».

Еще издали представилось ему странное зрѣлище. Поприща [1]) за два отъ деревни, въ мелкорослomъ, тщедушномъ бору, на песчаныхъ буграхъ, то смѣло вдающихся языкомъ въ воды Чудского озера, то уступающихъ этимъ водамъ и образующихъ для нихъ заливъ, а для рыбачьихъ лодокъ безопасную пристань, стояло сотни двѣ гробовъ, новенькихъ, только-что изъ-подъ топора. Несмотря на отвращеніе, какое человѣкъ чувствуетъ къ трупамъ себѣ подобныхъ, особенно чужихъ людей, Владиміръ рѣшился подойти къ этому погосту. «Какая язва», думалъ онъ, «уклала въ домовища всѣмъ здѣшнихъ жителей? Смерть, когда она не послана гнѣвомъ Божіимъ, утомилась бы въ годъ засѣять такое поле; а нынѣ, видно, наполнила она ихъ такъ скоро, какъ проворный жнецъ укладываетъ снопами свою полосу, какъ ловкій песъ загоняетъ стадо въ овчарню. Однако, почему гробы не опущены въ могилы? Исчезнувшій съ земли долженъ и истлѣть въ ней, чтобы не оставить послѣ себя ничего, кромѣ имени человѣка. Кто-жъ и когда успѣлъ построить эти домовища? Поэтому жители Носа заранѣе готовились умереть. Не перешли-ли они въ морельщики, и м жетъ быть, желая пріобрѣсть мученическій вѣнец

[1]) Тогда считали разстояніе поприщами, полагая въ кажд 120 шаговъ.

Digitized by Google

сами себя умертвили?» Размышленія эти были прерваны ужаснымъ воемъ, плачемъ и визгомъ, поднявшимися вдругъ изъ гробовъ, какъ скоро Владиміръ подошелъ къ нимъ. «Грядетъ, грядетъ!» вопили многіе.— «Господи, Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» раздалось вокругъ его на разные жалобные голоса. Иные читали сами себѣ отходную; другіе молили о помилованіи; нѣкоторые, закрывъ глаза, скрежетали отъ страха зубами. Сначала испугался и самъ Владиміръ, обхваченный такимъ хоромъ, но, взглядѣвшись пристально въ фигуры, укладенныя, какъ муміи, въ ящики, изъ которыхъ большая часть была не закрыта, онъ едва не захохоталъ, несмотря на состояніе, въ которомъ находился. Въ домовищахъ лежали жители Носа, разнаго пола и возраста, окутанные въ саваны и спеленутые—молодые розовыми покромками, а старшіе голубыми, такъ что изъ перевязки составлялись три креста: одинъ на колѣнахъ, другой на брюхѣ, а третій на груди. Бумажный, блестящій вѣнецъ, съ восьмиконечными крестами, обвивалъ ихъ чело; въ головахъ стояли мѣдные литые образа. У нѣкоторыхъ женщинъ покоились младенцы на груди, у другихъ съ крикомъ вырывались. Дѣти требовали хлѣба, обступая отцовъ и матерей, которые съ жестокостью ихъ отталкивали. Владиміръ понялъ тотчасъ, въ чемъ состояло дѣло; съ важностью обошелъ вокругъ живописнаго кладбища, сталъ потомъ на срединѣ и воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Почто вы здѣсь?

На это воззваніе закричали многіе:

— Это антихристъ: онъ смущаетъ насъ. Укрѣпись, о братія, въ страшный часъ молитвою.

Владиміръ поднялъ вверхъ правую руку, изъ которой составилъ двуперстное крестное знаменіе, и ...ть воскликнулъ:

Digitized by Google

— О имени Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа вопрошаю васъ: почто вы здѣсь?

— Яковъ Ковачъ! — сказалъ тутъ одинъ съ выпятившимся изъ гроба брюхомъ, дрожа отъ холода, а можетъ быть, и проголодавшійся, — онъ речетъ именемъ Господа,

— Воистину такъ!—отвѣчалъ тотъ, къ кому обращена была рѣчь.

— Повѣдаемъ ему, почто мы здѣсь вкупѣ.

— Пора бы,—примолвилъ третій, выпутываясь изъ пеленъ и потихоньку выползая изъ гроба, — пора бы ужь давно, по вычисленію уставщика Антипа, совершиться пророчеству.

— Посмотримъ, такъ-ли солнце течетъ? Нѣтъ-ли замѣшательства въ мѣрѣ часовъ? — присоединилъ свой голосъ четвертый, слѣдуя примѣру своихъ братій и, посматривая на небо, на которомъ въ это время изъ-за свинцовыхъ тучъ проглянуло солнышко.

— Кажись, все по-старому.

— Антипка обморочилъ насъ!—закричало нѣсколько голосовъ.

— Подайте Антипку! побьемте его каменьями. Бросимте его въ воду!—вопили многіе.

Среди этого смятенія выпрыгнулъ изъ гроба одинъ высокій мужикъ, разорвалъ на себѣ смертныя оковы, побѣжалъ въ противную отъ селенія сторону и, пока разоблачились братья его, спеленутые, подобно куклamъ, онъ успѣлъ скрыться изъ виду.

— Еретикъ! лжеучитель!—вскричали многіе вслѣдъ ему, — не хотѣлъ искупить своего прегрѣшенія мученическою смертію. Достоинъ есть отлученія отъ церкви и общежительства!

— Почто смущаетесь, братія мои о Господѣ,—сказалъ Владиміръ, принявъ на себя постный видъ. — странствовалъ много по святымъ мѣстамъ, иду теп-

Digitized by Google

отъ гроба Господня къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, и несу вамъ, по пути, оружія, каковыми подобаетъ подвизаться противъ сатаны, дышущаго зельною яростію на христоименитое достояніе.

Слова эти, какъ талисманъ, подѣйствовали на живыхъ мертвецовъ. Толпы собирались около благовѣстителя. (Надобно здѣсь замѣтить, что раскольники имѣютъ слѣпую вѣру къ пришельцамъ греко-россійскаго исповѣданія изъ дальнихъ странъ, и потому часто бываютъ обмануты бродягами). Иные, не успѣвъ еще разрѣшить ноги свои отъ смертныхъ узъ, но желая скорѣе поклониться святому мужу (котораго за нѣсколько минутъ готовы были побить каменьями, какъ Антипку), бросались впередъ, запутывались по землѣ. Другіе едва переступали съ ноги на ногу, имѣя руки связанныя, и представляли, такимъ образомъ, движущіеся чурбаны. Нѣкоторые, крѣпче прочихъ стянутые, лежали въ ящикахъ своихъ, будто чающіе движенія воды, и жалостно молили о помощи. Прибавьте къ этому очерку бороды разнаго покроя и цвѣта, высунувшіяся изъ пеленъ; бумажные, пестрые вѣнцы, украшавшіе маститые лбы, отрывки савановъ, которые тащились по пятамъ и на которые наступали ревностные братья, — и можете докончить смѣшную картину возстанія носовцевъ изъ мертвыхъ. Замѣтно было, однакожъ, что человѣка два, три вовсе не показывали знаковъ жизни и, вѣроятно, отъ холода, голода и страха успокоились на вѣчныя времена. Обступившіе Владиміра носовцы разсказали ему, наконецъ, что нѣсколько дней прошелъ черезъ ихъ общежитель- киновіархъ Выговскаго скита и чиноначальникъ горянъ, Андрей Діонисіевъ. Онъ повѣдалъ имъ, что Христъ народился уже 30 лѣтъ, 3 мѣсяца и 3 дня, что Іисусъ Христосъ пріидетъ вскорѣ на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Digitized by Google

— Мы просили уставщика Антипа, — прибавляли разсказчики, — вычислить намъ, въ кой именно часъ подобаетъ быти страшному суду. Притаился было вначалѣ собачій сынъ, будто боится насъ перепугать, и ну отговариваться, а мы—плотнѣе къ нему: скажи-де намъ, не моги утаить, всю правду-истину. Взялся еще разъ воръ Антипка за книги; три дня, три ночи рылся въ нихъ; отыскалъ яко бы ключъ къ таинствамъ и повѣдалъ намъ въ третій день, что нынѣ-де въ пятницу, въ полудни, неминуемо быти пришествію Господню. Побросали мы все житейское, подѣлали гробы и полегли въ нихъ вчера, изготовясь молитвою и постомъ къ страшному часу. Но знать....

— Обманулъ васъ, о братія, Андрей Діонисіевъ изъ собственной корысти,—перебилъ Владиміръ,—обманулъ васъ и уставщикъ, подкупленный имъ. Разойдется по христіанству поморскому сѣть, въ кою вы попали, и лукавый возвеселится.

— Ахъ онъ такой-сякой! — вскричала толпа, — приди-ка онъ къ намъ!...

— Вонмите мнѣ,—перебилъ опять Владиміръ, возвысивъ голосъ,—вы всѣ, кои здѣсь предстоите и коихъ имена вписаны въ книзѣ животнѣй! Аѳонскій монахъ, сто лѣтъ находящійся при гробѣ Господнемъ, прислалъ вамъ со мною миръ отъ Бога и свое благословеніе. Въ бесѣдѣ о временахъ и лѣтахъ онъ повѣдалъ мнѣ, опираясь на сію трость...

При этомъ словѣ слушатели бросились на посохъ, который держалъ Владиміръ, и въ одинъ мигъ съ жадностію раздѣлили его по себѣ на мелкія части. Владиміръ не смутился и продолжалъ:

— Святой отецъ повѣдалъ мнѣ, что антихристъ уже 60 лѣтъ народился....

— Смотри-ка,—кричали многіе,—скрадено три десятка головъ. Три десятка! легко молвить! Ну, сча

Digitized by Google

ливъ, что по добру, по здорову уплелся, а то бы похлебалъ свѣжей ушицы!

— Святой отецъ повѣдалъ еще, что искуситель приметъ на себя образъ киновіарха, что смуты его только въ нынѣшнихъ лѣтѣхъ зачались, а страшный судъ настанетъ не прежде 49 лѣтъ, по вычисленію на семи седмицахъ.

Многое еще толковалъ имъ Владиміръ объ антихристѣ, въ котораго ересіархъ Денисовъ могъ бы смотрѣться, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жители Носа, разинувъ рты, благодарили его за добрую вѣсть, упрашивали его къ себѣ въ уставщики и обѣщали современемъ произвести въ чиноначальники. Чувство мести заставило его согласиться на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе вѣчнымъ сномъ и, слѣдственно, кончившіе свою роль на этой сценѣ человѣческихъ заблужденій, преданы по обычаю, при всей братіи, достойному погребенію; послѣ чего гробы живыхъ брошены въ озеро. Флотилія эта, оттолкнутая отъ береговъ благопріятнымъ вѣтромъ, поплыла по необозримымъ водамъ и вскорѣ исчезла изъ виду. Владиміръ былъ отнесенъ въ мірской домъ, торжественно сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, съ пѣніемъ: «*Вечере водворится плачь, и за утра радость*».

— Смотря теперь на мое торжество, — думалъ онъ, — кто не сказалъ бы, какъ легко управлять народомъ суевѣрнымъ, невѣжественнымъ! — Но что жетъ тотъ, кто видѣлъ бѣгство уставщика Ана?...

Можно было заранѣе предвидѣть, что Владиміръ одго погоститъ у носовцевъ. Причину этого можно дать.

Digitized by Google

Пылкая душа его не терпѣла принужденія. Созданная непокорною, вольнолюбивою, умѣвшая, какъ мы имѣли случай высмотрѣть, съ помощью Бира порвать на себѣ свивальники невѣжества, она не могла подчинить себя стѣсненной жизни раскольниковъ. И какъ иначе? У нихъ любовь къ Богу, исчисленная на лѣстовкахъ и земныхъ поклонахъ; вѣра, заключенная въ двухперстномъ знаменіи, въ восьмиконечномъ крестѣ, въ поклоненіи старымъ иконамъ; добродѣтель въ ужасномъ постѣ, въ ожесточеніи противъ всякой новизны, какъ бы она ни была полезна, въ унизительномъ презрѣніи къ ближнему, несогласному съ ихъ мнѣніями,— вотъ духъ и ученіе, которымъ водились общества раскольниковъ! Такія правила не могли не возмутить души Владиміра. Онъ устыдился своего притворства и, обозначивъ себя передъ носовцами, успѣлъ заслужить ихъ неудовольствіе. Часто не выполнялъ онъ *началъ*, былъ разсѣянъ въ моленной, забывалъ во время кажденія ладономъ вынимать изъ пазухи крестъ и подносить его съ поклономъ къ кадильницѣ, или читать молитву надъ сосудомъ съ пищею, чтобы нечистый въ него не наплевалъ. За такое нарушеніе правилъ своего требника носовцы косились на него, потомъ выговаривали, что онъ *суетится*, и, когда онъ имъ объявилъ, что отправляется къ Соловецкимъ Чудотворцамъ для выполненія даннаго обѣта, очень довольны были, что безъ дальнихъ хлопотъ могутъ отъ него освободиться. Гнать его не смѣли, потому что онъ умѣлъ пріобрѣсть надъ ними нѣкоторую власть своимъ краснорѣчіемъ, привлекавшимъ съ нему с— шателей даже изъ дальнихъ мѣстъ, и особенно тому, что денежными вкладами способствовалъ къ строенію *часовни* и *столовой*. Со стороны-жъ Владиміра цѣль его была достигнута. Не довольства жи пришелъ онъ искать у раскольниковъ, а только мес

Digitized by Google

Месть его на берегахъ Чудского озера выполнена. Онъ успѣлъ не только носовцевъ, но и сосѣднія деревни возбудить противъ ученія и владычества Андрея Денисова до такого ожесточенія, что въ одинъ день деревни эти, выбравъ отъ себя представителей, послали ихъ въ Носъ и на общемъ сходбищѣ положили: «съ заонеги раздѣленіе имѣть; съ ними ни ѣсть, ни на моленіи стоять; поморскихъ учителей не слушать». Къ этому раздѣленію много способствовала вѣсть, что съ Денисовымъ ходитъ жидъ подъ личиною чернеца поморскаго, обращающій православныхъ въ жидовскую вѣру.

Итакъ Владиміръ, сдѣлавъ свое дѣло между чудскими раскольниками, разстался съ ними. Вся зима проведена имъ въ странствіяхъ по слѣдамъ ересіарха, мнимымъ или настоящимъ, смотря по извѣстіямъ, какія получались. Чѣмъ далѣе пробирался онъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе находилъ ожесточеннаго суевѣрія.

Въ одномъ мѣстѣ *запащиванцы*, утомленные поклонами, которыхъ клали въ день по 300 земныхъ и 700 поясныхъ, изнуренные сорокадневнымъ постомъ въ запертомъ сараѣ, умирали съ голода или пожирали другъ друга.

Въ иномъ мѣстѣ закупывали десятками *перекрещенцевъ* разнаго возраста и пола. Это называлось обновленіе водою. Обновленіе огнемъ было не менѣе ужасно. Желая очиститься отъ грѣховъ и стяжать мученическій вѣнецъ, они толпою входили въ одну избу, обкладывали ее хворостомъ, который зажигали со всѣхъ сторонъ, и, такимъ образомъ, погибали въ пламени, воспѣвая каноны и расточая проклятія на никоніанъ.

Зима по послѣднему санному пути убралась вояси. Безъ нея то-то пиръ начался у природы! Ночи жаворонка, шумъ выпущенныхъ изъ плѣна

Digitized by Google

водъ, зеленые ковры, разостланные на проталинахъ, все заговорило о веснѣ. Владиміръ попрежнему былъ пасмуренъ и въ прежнемъ ожесточеніи шелъ на сѣверъ, чтобы найдти своего гонителя. За Ямбургомъ встрѣтили его слухи, что русскіе уже прошедшею осенью появились у Ладожскаго озера, осадили и взяли Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), что въ Корелахъ *олонецкій попъ* (Иванъ Окуловъ) съ охотниками разбилъ шведовъ, что царь своею могучею волею цѣликомъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ лѣса, болота и воды отъ Ледовитаго моря до Финскаго. Въ проѣздъ Петра мимо Повѣнца пустынножители Выговскаго скита изготовили было въ часовни бочки съ смолою, рѣшась пострадать за свою вѣру, а другіе разбѣжались по лѣсамъ и болотамъ. Царь успокоилъ ихъ словами: «пускай живутъ!» а когда они собрались на прежнее житье, послалъ ихъ въ заводы работать. Наконецъ, Владиміръ услышалъ, что государь обглядываетъ берега Финскаго залива. «Гдѣ только звѣрь ходитъ и рыба плаваетъ, тамъ идутъ у него войска», говорили вѣстовщики, «лѣса рѣжетъ, какъ траву косецъ, переносится черезъ трясины будто на коврѣ самолетѣ, а коли воды сердитыхъ озеръ заблажатъ, сѣчетъ ихъ немилосердно—и затихаютъ!»

При такихъ рѣчахъ Владиміръ задумывался; грудь его сильно волновалась; тяжело вздыхалъ онъ. Мысль, что онъ еще не испыталъ одного, послѣдняго, средства для свиданія съ милымъ, незабвеннымъ отечествомъ, цѣли всѣхъ его желаній, бродила въ его головѣ. Сердцу его отозвались слова Паткуля: «Прямо — нему, безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и е великодушія!» Прямо къ нему! твердилъ онъ, ка человѣкъ, которому указали слѣды къ отысканію др гоцѣнной для него потери. Душа его снова вспыхну любовью къ родинѣ и надеждою. Все опять забыто

Digitized by Google

угрозы ересіарха, и моленія Софіи, и месть, возобладавшая имъ такъ сильно, и казнь, ему назначенная. Онъ видитъ только Петра Великаго, а за нимъ золотыя главы церквей московскихъ; онъ стоитъ у порога знакомаго терема...

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВСТРѢЧА

Къ демону обѣты!
Во глубь геены совѣсть, добродѣтель!
Будь воля Неба! мести я хочу,
Кровавой мести!—
„Гамлетъ". — Перев. *М. В.*

Первое мая 1703 года подарило Петра первою морскою пристанью на Балтійскомъ морѣ, а русскихъ открытымъ листомъ въ Европу: — крѣпостца Ніеншанцъ, съ гаванью на берегу Невы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья этой рѣки (тамъ, гдѣ нынѣ Большая и Малая Охта), сдалась, послѣ пятидневной осады, капитану отъ бомбардиръ *Петру Михайлову* (въ этомъ званіи находился тогда государь).

Немногими днями позже, утромъ, Владиміръ, пройдя *Саарамойзу* [1]), къ удивленію его не опустошенную, остановился на высотѣ, ближайшей къ Невѣ, гдѣ сходились дороги изъ Ямбурга и Новгорода, недавно проложенныя. Передъ нимъ на великомъ пространствѣ разстилалось болото—мшистое ложе, съ котораго когда сбѣжало море! Мрачная зелень сосновыхъ лѣсо изрѣдка перемежаемая серебристымъ березнякомъ, в

[1]) Нынѣ Царское Село.

Digitized by Google

новалась по тощей равнинѣ этой, отдѣляла черной каймой ижорскій берегъ отъ голубыхъ водъ Невы и моря, и обрисовывала купу острововъ и суровый карельскій берегъ. Нева одна роскошничала жизнью въ этой мертвой пустынѣ. Обнимая острова *Койвосари* [1]), *Кирфви-сари* [2]), *Лустъ-Эландъ* [3]) и многіе другіе, она то пряталась за ними, то выставлялась изъ-за нихъ разбитымъ кускомъ зеркала, то блистала въ широкой рамѣ своихъ береговъ. Множество рѣчекъ продиралось сквозь мхи болотъ и спѣшило въ Неву, чтобы вмѣстѣ съ нею убѣжать въ раздолье моря. Кое-гдѣ по островамъ выглядывали рыбачьи хижины. Вдали, передъ устьемъ рѣки, поднимались изъ моря темныя глыбы, обвитыя утренними туманами. Волны Бельта сердито бѣжали на нихъ, какъ бы желая стереть ихъ съ его лица. Неволя или расчеты одни могли загнать человѣка въ эти мѣста: такъ непривлекательны онѣ казались!

Отъ подошвы горы, на которой остановился Владиміръ, шла торная дорога въ Ніеншанцъ: множество тропъ, разыгрывавшихся влѣво и вправо, вело черезъ болота и лѣса къ берегу моря и Невы. Подумавъ нѣсколько, по которой ему идти, онъ назначилъ себѣ тропу, поворачивавшую тотчасъ съ битой дороги влѣво.

Лишь только спустился онъ съ горы и, взявъ нѣсколько въ бокъ отъ нея по большой дорогѣ, готовился повернуть на тропу, какъ послышалъ за собою колокольчикъ. Съ трепетомъ сердечнымъ оборотился онъ, и увидѣлъ красивую колымагу, запряженную въ [illegible]скую упряжь тремя бойкими лошадьми, за колы[illegible]гою тянулось нѣсколько кибитокъ. Сидѣвшіе въ

---

1) Березовый, нынѣ Петербургскій островъ.
2) Каменный.
3) Островъ съ Петропавловскою крѣпостью.

Digitized by Google

нихъ, судя по одеждѣ, были русскіе и, вѣроятно, составляли *поѣздъ* знатнаго боярина. Передній ямщикъ такъ искусно владѣлъ лошадьми, что спуская повозку съ горы, однимъ магическимъ словомъ, для котораго русскій языкъ не имѣетъ знаковъ, останавливалъ лошадей на самыхъ крутизнахъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе къ Владиміру, можно было различить въ немъ, красиваго, статнаго малаго. Румянецъ здоровья вспрыснулъ его щеки; въ карихъ глазахъ, обведенныхъ черными дугами бровей, замѣтенъ былъ умъ и беззаботное довольство; движенія его были размашисты. Онъ былъ обстриженъ гладко въ кружокъ, на головѣ была надѣта на бекрень поярковая шляпа съ павлиньимъ перомъ, воткнутымъ за черную бархатную ленту. Солнышко играло на золотомъ галунѣ его кумачной рубашки; за пестрымъ кушакомъ, туго опоясывавшимъ его станъ, заткнуты были черныя рукавицы и коротенькій кнутикъ. Пристяжныя завивались и съ нетерпѣнія грызли землю; коренная спалзывала на заднихъ ногахъ и, досадуя, что ей не давали воли, потряхивала головой изъ-подъ огромной дуги, съ азіятскимъ вкусомъ раскрашенной яркими цвѣтами. Выѣхавъ на большую дорогу, молодой ямщикъ приподнялъ шляпу съ павлиньимъ перомъ, стряхнулъ на себѣ волосы, надѣлъ шляпу на одинъ бокъ, приложилъ къ уху правую руку, и голосъ его залился унылою пѣснью:

Ты, дуброва моя, дубровушка,
Ты, дубровушка моя зеленая,
Ты къ чему рано зашумѣла?

Пѣсня его повременамъ прерывалась обращеніе къ лошадямъ и народными поговорками. Колокольчи *даръ Валдая*, билъ мѣру заунывнымъ звономъ,

Digitized by Google

Въ колымагѣ сидѣла женщина. Отъ того ли, что она плакала или старалась не быть признанною, полная, бѣлая ручка ея прижимала платокъ къ глазамъ. Владиміръ едва замѣтилъ ее, когда повозка начала съ нимъ равняться; онъ былъ весь погруженъ въ слухъ, онъ боялся проронить одинъ родной звукъ.

— Вольдемаръ! — закричалъ женскій пріятный голосъ.

Онъ встрепенулся, хотѣлъ заглянуть въ повозку, но удалый ямщикъ махнулъ рукой, гаркнулъ:

— По всѣмъ тремъ, коренной «не тронь! батюшки, родимые, вырвались!..»

Кони помчали; зарябили круги колесъ, и скоро колымага исчезла изъ виду изумленнаго Владиміра, не имѣвшаго времени разглядѣть, кто сидѣлъ въ ней.— Голосъ знакомый, думалъ онъ, но чей—не могъ себѣ объяснить.—Спросить было некого; заднія повозки полетѣли вслѣдъ за переднею. Ломая себѣ голову надъ этой загадкой и, между тѣмъ, утѣшенный отечественными звуками, онъ повернулъ на тропу, имъ избранную. «Можетъ быть, думалъ онъ, встрѣча эта послѣдній мнѣ привѣтъ отечества, послѣдняя моя радость на землѣ!» Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Невѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему подвигъ, на который онъ рѣшался; чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ встрѣчею съ русскимъ, не потерявшимъ своей чистой коренной народности, тѣмъ болѣе ужасала его мысль, что онъ скоро, можетъ быть, навсегда разстанется, вмѣстѣ съ жизнію, съ тѣмъ, что ему дороже жизни. Тоска безвѣстности надломила сердце его вдвое. Не чувствуя усталости, онъ, однакожъ, нѣсколько разъ принимался отдыхать по дорогѣ. Между тѣмъ къ вечеру онъ уже былъ на ижорскомъ берегу Невы, у опушки густого лѣса, омываемаго ея водами, противъ острова Лустъ-Эланда.

Digitized by Google

Робко осмотрѣлся онъ сквозь деревья по сторонамъ: — никого не видать и не слыхать! Однѣ воды шумно неслись въ море. На возморьѣ стояла эскадра, какъ стая лебедей, упираясь грудью противъ ярости волнъ. За ближайшимъ къ морю угломъ другого острова (названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ) два судна прибоченились къ сосновому лѣсу, его покрывавшему; флагъ на нихъ былъ шведскій. Временемъ съ судовъ этихъ палили по два раза; тѣмъ же сигналомъ отвѣчали изъ Ніеншанца.—Слѣдственно,—полагалъ Владиміръ,—устье Невы и крѣпостца заняты шведами. Ужели царь, никогда не начинавшій того, чего не могъ исполнить, снялъ осаду?..—Не зная, что придумать, нашъ странникъ рѣшился переночевать на твердой землѣ, а между тѣмъ, до заката солнца, пріискать себѣ челнокъ или старый пень дерева, на которомъ могъ бы утромъ переправиться на *Койво-сари* къ чухонскимъ рыбакамъ, чтобы провѣдать у нихъ о томъ, что происходило въ окрестности. Для исполненія своего намѣренія пошелъ онъ вдоль берега.

Вечеръ становился пасмуренъ. Тучи вились и развивались черными клубами; наконецъ, онѣ слились въ темную массу, оболочившую небо, начали спускаться на землю грядами — и воды Невы отразили ихъ, превратясь въ мутный потокъ. Вскорѣ послышался и дождикъ: то капалъ онъ по листамъ мелкою дробью, то лилъ ведромъ. Владиміръ хотѣлъ было отъ непогоды пріютиться въ лѣсу, но, увидѣвъ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, челнокъ, погрязшій въ тинѣ, рѣшился подвергнуться еще непріятностямъ дождя, чтобы -- воевать челнъ, и тѣмъ обезпечить себѣ переѣздъ *Койво-сари*. Немного труда стоило ему вытащить св добычу изъ тины. Но какъ дождь усиливался, то с собирался было, пообчистивъ челнокъ, положить вверхъ дномъ на кустъ, который, нѣсколько наги

Digitized by Google

шись отъ этой тяжести, образовалъ бы, такимъ образомъ, кровъ для нашего странника; но вдругъ остановленъ былъ прикрикомъ на него:

— Не тронь, окаянный!

Онъ оглянулся, и чтожъ?—за нимъ, съ поднятымъ на него весломъ, чернецъ Авраамъ, спутникъ и переводчикъ Андрея Денисова.

То была судьба Владимірова!..

Они узнали другъ друга, хотя мало видались.

Владиміръ забылъ свои надежды, родину все на свѣтѣ; онъ весь не свой! Ужаснымъ, изступленнымъ взоромъ окинулъ онъ чернеца. Взора этого не могъ выдержать Авраамъ, задрожалъ, преклонилъ весло въ знакъ покорности и опустилъ въ землю свои глаза. Но для ученика вельзевулова довольно одной минуты, чтобы обдумать все, что ему надо дѣлать и говорить.

— А!.. видно, рокъ ищетъ моей и вашей головы!— вскричалъ Владиміръ,—гдѣ твой?..

Онъ не договорилъ; месть захватила ему дыханіе.

Чернецъ скоро оправился, принялъ на себя видъ доброжелательства, сдѣлалъ Владиміру знакъ рукою, чтобы онъ молчалъ, и, возведя глаза къ небу, сказалъ потихоньку:

— Благодареніе Господу Богу, что Онъ послалъ меня къ тебѣ! Помнишь-ли ночь въ домѣ лѣсника?

— Да, помню слишкомъ хорошо!.. Чтожъ тебѣ изъ этого, еврей поганый?

— А вотъ что, честный бояринъ! я хочу спасти тебя отъ конецной гибели.

— Хороши спасители, съ петлей въ рукахъ!.. Пошаемъ, однакожъ!

— Станемъ мы подъ это деревцо; здѣсь доздицекъ такъ моцитъ. Вотъ этакъ, хорошо. Все, все тебѣ скажу до подноготной; только прошу, ради Созда-

Digitized by Google

теля, потише, а то разбудишь пса нецистаго (цтобъ его бѣсы сзарили на сковородѣ!)

— Ну, слушаемъ, ваше преподобіе!

— Изволь припомнить себѣ крупныя словецки, которыя говорилъ тебѣ въ домѣ лѣсника сѣдой плутъ. Я подслушалъ все тогда сквозь стѣнку: цто дѣлать? таковъ нашъ обыцай! По цести, хотѣлось мнѣ тогда шепнуть тебѣ, цтобъ ты пришибъ ему языкъ одназды навѣки вѣковъ, аминь! Но Богъ Іакова и Авраама свидѣтель, цто мнѣ не было никакого на то способа. Какъ скоро ты ушелъ, нашъ сѣдой плутъ давай проклинать тебя. «О! лихо тебѣ будетъ,—сказалъ я ему,— цто ты обизаешь этого праведника».

— Некогда мнѣ слушать твоихъ каноновъ... Чу! какъ гудить небо!.. Знаешь-ли, чего оно проситъ?

— Сейцасъ, сейцасъ! не посмотрю я, крицалъ разбойникъ, цто онъ сынъ князя...

— А, этимъ хоть легче!.. Бездѣльникъ, какъ онъ обманывалъ меня!.. Чтожъ далѣе?

— Не посмотрю, крицалъ онъ, цто онъ сынъ...

— Ни полслова болѣе!.. Такъ, я понялъ твою тайну, воспитатель мой! Понялъ я твое молчаніе, благородный Паткуль!.. Вижу, не мои проступки лежатъ между мною и отечествомъ.

— Это еще не все. На бѣду твою въ ту зе ноць наткнулись на насъ два солдата. Проклятый Андрей назвался бояриномъ, посланнымъ изъ Москвы отъ царской думы для поимки бѣглаго стрѣльца, злодѣя, подкупленнаго будто бы царевною Софіею Алексѣевною, цтобы убить дерзавнаго, Великаго Государя нашего. Андрюшка сказалъ имъ, цто онъ узе не въ сила тащить ноги свои и проситъ добрыхъ солдатушек сослузить царю слузбу, отдать Шереметеву письме отъ него, посланника ясновельмозной думы. Солдат вызвались вруцить письмо прямо въ руцки фельдма

Digitized by Google

шала и—какъ думать надо—они это вѣрно исполнили. Мы въ скоромъ времени узнали черезъ шпіоновъ нашихъ въ русской арміи, цто подъ Маріенбургомъ какого-то вазнаго плѣнника схватили и увезли, куда воронъ костей не заноситъ.—«Это онъ! сказалъ, смѣясь, сынъ люциферовъ: наша взяла!»—Вотъ отслузилъ онъ за упокой твоей душки панихиду и весело побрелъ съ нами въ скитъ свой; но душа его не долго была на пирушкѣ; за Цудью узналъ онъ, цто въ деревнѣ Носѣ появился странникъ, который цитаетъ проповѣдь, будто онъ, Андрей Денисовъ, лзеуцитель, обмансцикъ, самъ антихристъ... Этотъ странникъ — разсказывали намъ—обратилъ всѣхъ на свою сторону, ввелъ многія новизны въ расколѣ, такъ цто и царя Петра Алексѣевича стали поминать на моленіи, и успѣлъ совершенно отдѣлить отъ заонезскаго притона всѣ *согласія*, посѣвшія около Цудского озера.—«Это онъ опять!—вскрицалъ, трясясь отъ злости, Андрюшка. — Даетъ мнѣ работу, видно зе послѣднюю!..»

— Такъ, послѣднюю!.. отгадалъ!.. Потомъ очередь придетъ наша!

— «Кто кого перемозетъ!»—прибавилъ онъ, и потащилъ насъ за собою на востокъ къ Новгороду. Тамъ посылалъ онъ деньги по властямъ, объявилъ намѣстнику слово и дѣло, и показалъ ему какія-то письма Софіи Алексѣевны. Вотъ, поскакали гонцы къ царю въ Архангельскъ и вотъ полученъ указъ царскаго велицества отыскать твою милость хоть подъ землею и казнить безъ оправданій. Видишь, бояринъ, къ цему они тебя ·утъ: о вей! о вей! прямо подъ топоръ. Сѣдого ута за этотъ доносъ похвалили, брата его и многихъ :кольниковъ, содерзавшихся въ новгородской тюрьмѣ, пустили на волю и обѣщали милости Выговскому ту. Теперь бѣзимъ мы безъ оглядки во свояси на :ой.

Digitized by Google

— И все правда? — спросилъ Владиміръ, трясясь отъ гнѣва.

— Не вѣришь, взгляни на *противень* съ указа, который я имѣлъ благополуціе списать слово въ слово.

Тутъ съ подобострастіемъ вынулъ Авраамъ бумагу изъ пазухи и подалъ двумя пальчиками Владиміру. Дѣйствительно, въ спискѣ съ указа сказано было, между прочимъ, что «воспитанникъ и любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, по имени *Володька*, по прозванію Послѣдній Новикъ (примѣтами такой-то и такой-то), во время одного изъ стрѣлецкихъ бунтовъ вкрался между прислуги въ Троицкій монастырь, гдѣ царскій домъ нашелъ тогда убѣжище отъ разъяренныхъ стрѣльцовъ. Сей-то Новикъ умышлялъ на жизнь царевича Петра Алексѣевича въ соборѣ Св. Троицы, у самаго алтаря; но что изволеніемъ Господнимъ и покровительствомъ Св. Сергія Чудотворца напущенъ необычайный страхъ на убійцу, и царевичъ спасенъ. Злодѣй вмѣстѣ съ другими стрѣльцами осужденъ былъ къ смертной казни, посаженіемъ на колъ и отсѣченіемъ головы; но ухищренными стараніями Софіи Алексѣевны выпущенъ изъ-подъ стражи; вмѣсто жъ его безвинно казненъ другой».

— Святой мученикъ!—горестно воскликнулъ Владиміръ при чтеніи этого мѣста,—кровь твоя на мнѣ и злодѣяхъ, проливших ее!..

Конецъ бумаги заключалъ въ себѣ объявленіе, что «Послѣдній Новикъ бѣжалъ и съ того времени скитался по разнымъ землямъ, нынѣ же оказался въ Чу"" у раскольниковъ, похваляется милостями царевны С фіи Алексѣевны и возжигаетъ противъ законной влас новые мятежи народные. Въ указѣ назначалась бол шая награда тому, кто поймаетъ его и представи первому мѣстному начальству, которое обязано бы

Digitized by Google

сличивъ пойманнаго съ означенными примѣтами, немедленно казнить отсѣченіемъ головы».

Бумага произвела свое дѣйствіе; ядъ мщенія разлился по всему составу Послѣдняго Новика (такъ будемъ звать Владиміра, въ которомъ узнали мы это несчастное, гонимое судьбою, существо). Разсудокъ его помрачился; всякое чувство добра заглушено въ его душѣ. Отъ пятъ до конца волосъ онъ весь—мщеніе; онъ ничего не видитъ, кромѣ своего гонителя.

— Гдѣ *онъ?*.. — спрашиваетъ изступленный чернеца.

Авраамъ молча беретъ его за руку, ведетъ въ чащу лѣса, останавливается, указываетъ на огненное пятно, видимое вдали въ лѣсу же, и, пользуясь безумнымъ положеніемъ, въ которое ввергнулъ несчастнаго, скрывается за деревьями.

Послѣдній Новикъ не спрашиваетъ о числѣ спутниковъ и защитниковъ Андрея Денисова, не крадется; онъ идетъ прямо на огонь; шаги его, какъ стопы медвѣдя, когда онъ, разъяренный, бѣжитъ на свою добычу.

Андрей Денисовъ былъ одинъ. Служители его, находившіеся съ нимъ изъ числа чудскихъ раскольниковъ, давно возвратились въ свои *согласія*. Послѣдній товарищъ, при немъ оставшійся, *жидовинъ* Авраамъ, ожидалъ только удобнѣйшаго случая ограбить его и бѣжать подъ Тулу, гдѣ возвращенъ былъ нѣкіимъ *Селезневымъ* расколъ, основанный на чистомъ законѣ Моисеевомъ. Въ пустынныхъ лѣсахъ невскихъ назначилъ Авраамъ исполнить свои злодѣйскіе замыслы.

Старикъ сидѣлъ подъ деревомъ, котораго густыя [illegible]ви, сплетшись дружно съ вѣтвями сосѣднихъ деревъ, образовали кровъ, надежный отъ дождя. Противъ него былъ разложенъ огонь; груда сучьевъ лежала въ сторонѣ. Ересіархъ дремалъ, и въ самой дре-

Digitized by Google

мотѣ лицо его подергивало, рѣдкая бородка ходила изъ стороны въ стороны. Услышавъ необыкновенный трескъ сучьевъ, онъ встрепенулся. Передъ нимъ лицомъ къ лицу Послѣдній Новикъ, грозный, страшный, какъ смертный часъ злодѣя.

— Узналъ-ли ты меня?—спросилъ Владиміръ ужаснымъ голосомъ, смотря на него изумленными глазами.—Въ этомъ голосѣ, въ этихъ глазахъ Андрей прочелъ свой приговоръ. Дрожа, запинаясь, смиренно отвѣчалъ онъ:

— Узналъ!

— Ты-ли звалъ меня къ себѣ?

— Да... я звалъ... во время...

— Въ свое время я пришелъ! Былъ и на твоей улицѣ праздникъ, названный отецъ! теперь пора на другой пиръ...

Владиміръ вынулъ топоръ изъ-за пояса.

Холодный потъ закапалъ со лба старика.

— Подумай! — простоналъ онъ, и бросился на колѣна передъ ужаснымъ судьею своимъ.

— Поздно!... Ты отнялъ у меня все... все, что только для меня дорого было въ жизни, что я доставалъ тринадцатью годами униженія и кровавыхъ трудовъ... все!... Расплачивайся! часъ насталъ!

Старикъ бормоталъ молитву.

— Не дамъ тебѣ и помолиться... Пускай въ адъ напутствуетъ тебя хохотъ сатаны! Слышишь?... — вскричалъ ужасный судья—блеснулъ топоръ... и убійство совершено.

Дождь лилъ ливмя; погода бушевала.

— Бушуй! шуми!... Любо-ли тебѣ!... Ты этого х тѣло!...—кричалъ Владиміръ, глядя въ изступленіи небо.

Земля горѣла подъ нимъ; огненныя пятна запр гали въ его глазахъ. Когда дождь хлесталъ по ли

Digitized by Google

ему казалось, что сатана бросалъ въ него пригоршни крови. Шатаясь побрелъ онъ, самъ не зная куда. Образъ на груди давилъ его; онъ его сорвалъ и бросилъ въ кусты.

Во время ужаснаго разговора убійцы и жертвы Авраамъ стоялъ за кустами. Когда-жъ совершилось злодѣяніе и Послѣдній Новикъ скрылся, чернецъ вышелъ изъ своей засады и подкрался къ убитому, истекавшему кровью изъ плеча, въ которомъ сдѣлана была глубокая рана. Скорою усердною помощью можно было бъ еще возвратить его къ жизни. — «А! старый пасъ подурачился довольно на своемъ вѣку»,—сказалъ чернецъ, припавъ къ нему, и только-что началъ обшаривать его, когда услышалъ глухой стонъ.—«О! живучъ, какъ долгоногій паукъ!»—проговорилъ Авраамъ, и принялся облегчать Андрея отъ лишней тяжести при переходѣ изъ этой жизни въ другую, то есть вынулъ изъ-за пазухи его порядочную кису, туго набитую деньгами, и, обобралъ на немъ все, что имѣло дорогую цѣнность: за тряпьемъ онъ не гнался. Потомъ?... потомъ онъ хладнокровно положилъ своего благодѣтеля на огонь, въ который имѣлъ догадку набросать порядочный костеръ сучьевъ; когда-жъ увидѣлъ, что умирающій дрягаетъ ногами, началъ приговаривать усмѣхаясь: «Коси сѣно! коси сѣно!...» подобралъ свою рясу выше колѣнъ и, обремененный богатою добычею, пустился бѣжать, куда зналъ вѣрнѣе.

Долго бродилъ Послѣдній Новикъ по лѣсу, по берегу рѣки, и, наконецъ, палъ въ изнеможеніи силъ Только въ глубокую полночь онъ очнулся, когда не ало на немъ сухой нитки. Всѣ члены его окоченѣли, ыто скрученные желѣзными связьми; въ головѣ его ыъ хаосъ, въ ушахъ страшно гудѣло; ему казалось, били въ набатъ. Онъ старался припомнить себѣ, онъ, что съ нимъ сдѣлалось, — и ужасное злодѣя-

Digitized by Google

ніе первое пришло ему на память. Онъ приподнялся и осмотрѣлся кругомъ. Передъ нимъ роковой челнокъ; кто-то стоялъ въ немъ... манилъ его къ себѣ на другую сторону.. Шатаясь пошелъ онъ на зовъ незнакомца; вошелъ въ челнокъ... въ немъ никого!... Волосы встали у него дыбомъ. Рукою злодѣйскою не смѣлъ онъ сотворить крестнаго знаменія. Вдругъ слышитъ онъ плескъ веселъ... плыветъ множество лодокъ... поровнялись съ нимъ... остановились... Это ужь не видѣніе... Слышны голоса, одинъ внятнѣе прочихъ. — «Алексаша!» говорилъ кто-то, «развѣдай, что за человѣкъ!» Вслѣдъ за этими словами одна лодка отдѣлилась отъ другихъ и понеслась прямо на челнъ, въ которомъ стоялъ Послѣдній Новикъ. Его окружаетъ толпа людей. «Что за человѣкъ?» спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, повидимому, офицеръ.

— Я изъ тебя выколочу отвѣтъ!—говоритъ опять прежній голосъ— и удары сыплются на несчастнаго.

Молчитъ тотъ, кто, за нѣсколько часовъ назадъ, свободный отъ преступленія, горько отплатилъ бы за малѣйшую обиду!

— Нечего съ нимъ долго толковать! — вскричалъ опять офицеръ. — Привяжите его челнъ къ нашей лодкѣ, а его самого хорошенько скрутите и бросьте въ его конуру.

Приказаніе это выполнено немедленно и въ точности. Лодка и къ ней причаленный челнокъ отправились и вскорѣ присоединились къ цѣлой флотиліи шлюпокъ, на которыхъ въ темнотѣ чернѣлось множество головъ

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

— Ну, Алексаша, ѣздилъ ты *за московскимъ тотчасомъ?*—нетерпѣливо сказалъ сидѣвшій у кормила передовой лодки.

Офицеръ, привезшій Послѣдняго Новика, вошелъ въ эту лодку и объяснилъ говорившему съ нимъ капитану (ибо онъ его такъ называлъ), что «нашелъ какого-то подозрительнаго человѣка, который, сколько могъ различить въ темнотѣ, долженъ быть раскольникъ, и что онъ, для всякой предосторожности, почелъ нужнымъ связать его и привезти съ собою».

— Доброе дѣло! — сказалъ капитанъ, — причальте его челнъ къ нашей шлюпкѣ, и съ Богомъ!

Повелительно-грозный голосъ его раздался по водамъ, и маленькая флотилія поплыла къ устью Невы, держась острова, названнаго впослѣдствіи Васильевскимъ. Дождь, на нѣсколько минутъ утихшій, опять хлынулъ; темнота была необыкновенная.

«*Аще Богъ съ нами, никто на ны*»,—сказалъ капитанъ съ благоговѣніемъ,—дождь всегда къ благополучію; а нашей экспедиціи темнота и подавно благопріятствуетъ.

Digitized by Google

Солдаты скинули шляпы и перекрестились. Съ двухъ шведскихъ судовъ, стоявшихъ на устьѣ Невы, послышался лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушекъ; черезъ нѣсколько минутъ отозвались два удара со стороны Ніеншанца.

— «*Сія игрушка ихъ не минетъ!*»—воскликнулъ капитанъ съ удовольствіемъ, которое ясно отзывалось въ голосѣ.—«Mein Herr Lieutenant!»—сказалъ онъ, немного погодя, обратясь къ офицеру, подлѣ него стоявшему,—кажись, къ дѣлу подцѣпили мы раскольника. Не мудрено, что онъ стоялъ караульщикомъ отъ шведовъ. Этотъ родъ, закоснѣлый въ невѣжествѣ, не желаетъ намъ добра; я увѣренъ, что они мои начинанія задержать весьма стараются, не говорю уже о томъ, что они меня персонально не жалуютъ.

— Да, великій государь! они царей и на моленіи не поминаютъ,—отвѣчалъ на нѣмецкомъ лейтенантъ, повидимому хитрый придворный.

Въ капитанѣ, сидѣвшемъ у руля, мы сейчасъ имѣли случай узнать самого Петра I; въ лейтенантѣ, по отечеству его и дружбѣ, оказываемой ему монархомъ, узнаемъ Меньшикова. Кстати замѣтимъ, что разговоръ ихъ продолжался, смотря по предметамъ его, то на нѣмецкомъ, то на русскомъ.

— *Ты забылъ уговоръ, Данилычъ! пожалуй, безъ великаго!*—сказалъ Петръ, — народу и потомству, а не персонѣ дозволено такъ чествовать государей. Мрави-*статься, нѣкогда и наше имя воскреситъ славу свою, но теперь вѣруй, не довольно къ тому нашихъ дѣлъ, все еще початки!*

— Государь, — продолжалъ лейтенантъ, — наст щая война вводитъ уже тебя въ храмъ безсмертія.

— *Нѣтъ, мало еще отмстили мы укоризну ш дамъ; больше требуетъ слава, народу нашему слав скому достойная, и обида, нанесенная отечеству с*

Digitized by Google

ятіемъ земель. Видишь Лифляндію; это членъ Россіи отсѣченный. Если его не возвратимъ, такъ напрасны и початки наши. Только великую надежду имѣемъ на правосудіе Божіе, которое неоднократно насъ викторіями благословлять изволило.

— Принося Божія Богови, повелитель русскаго царства не откажетъ своимъ подданнымъ принесть цесарю цесарева.

— *Что къ моему лицу надлежитъ, я повелитель ихъ, но по моей любви къ нимъ и къ отечеству — другъ ихъ и товарищъ во всемъ!* Легко, Данилычъ, властителю народа заставить величать себя; придворные и стиходѣи чадомъ похвалъ и безъ указу задушить готовы: только дѣлами утѣшно величіе заслужить. Впрочемъ, не о себѣ хлопочу, «mien Herzenskind», а о благополучіи ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа.

— Государь! ты для благополучія Россіи ни здоровья, ни живота своего не щадишь, и нынѣ...

— *Затѣмъ и царь я,*—перебилъ Петръ,—*что долженъ самъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ являть. Законъ я чту наравнѣ съ послѣднимъ изъ моихъ подданныхъ;* въ строю я только солдатъ фланговой—по мнѣ вся линія выстраивается; въ баталіи я долженъ быть на переди. *Слыхалъ ты самъ, сколько подъ Нарвою прикладъ начальствующихъ бѣды причинилъ. Да и нынѣ еще наши господа надмѣру себя берегутъ, и не многимъ ближе ста-*

По*я отъ крѣпости, какъ нашъ обозъ; но я намѣренъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріевъ кругъ подвинуть.* У меня Катенька боится, право, менѣе ...ого полковника.

Я говорилъ вамъ, что твердость ея души равняется ея красотою. Она, кажется, прибыла нынѣ въ вашъ ...зъ, господинъ капитанъ...

— Какъ похорошѣла моя голубушка... Въ конфиціи объявить, безъ ней весьма скучать нынѣ начи-

Digitized by Google

наю. Да кстати, Алексаша, я не разсказывалъ тебѣ нынѣшней исторіи?

— Не удосужился слушать.

— Засталъ я ее давича, при разборкѣ ея богажа, въ страшномъ испугѣ. Спрашиваю, что за притча? Развернула она передо мною узелки свои, показала мнѣ складни, серьги дорогія, жемчугъ, и объявила мнѣ, сердечная, что не знаетъ, какъ они тутъ очутились; ибо-де у ней такихъ вещей отъ роду не бывало, да и въ домѣ Шереметева и твоемъ никто ее не даривалъ ими. Я разсмѣялся, и сказалъ ей: «*Не бойся, Катенька! это все твое; Данилычъ догадливъ*... А, min Нег, твое дѣльце!..

— Виноватъ, государь.

— Изъ твоей вины можно богатую шубу сшить, и спасибо притачать. *На такую потребу, правду молвить, у меня теперь и денегъ не нашлось бы. Вотъ, какъ получу по чину капитана отъ бомбардиръ и капитана корабельнаго жалованья изъ воинской казны, то воленъ въ нихъ ко всякому употребленію, потому что я службою для государства, какъ и прочіе офицеры, тѣ деньги заслужилъ; а народныя деньги оставляются для государственной пользы, и я обязанъ въ нихъ никогда отдать отчетъ Богу.* Но слово было о Катенькѣ: что у кого болитъ вѣдаешь, тотъ о томъ и говоритъ. Проситъ она меня, отдыху не даетъ, развѣдать отъ Вадбольскаго Семена, какого шведскаго плѣннаго Вольдемара схватилъ онъ ни за что, ни про что подъ Маріенбургомъ и угналъ куда-то съ татарами. Мнѣ объ этомъ и Борисъ Петровичъ не говорилъ. Пожалуй, узнай повѣрнѣе и утѣшь меня и ее вѣсточкой о немъ: можетъ статься, и родной ей какой!

— Воля твоя будетъ выполнена, государь!

Несчастный, лежавшій въ челнокѣ тяжело вздохнулъ.

Digitized by Google

Меньшиковъ сталъ на колѣно, нагнулся черезъ край шлюпки и, ощупавъ Послѣдняго Новика, отвѣчалъ:

— Онъ мокрехонекъ, какъ мышь, купавшаяся въ водѣ, и дрожитъ такъ, что рука на немъ не удержится...

— Теперь онъ намъ не опасенъ. Развяжи его; да на, возьми, Алексаша, мою епанчу и накрой многострадальца; можетъ статься, онъ и безъ вины виноватъ.

— Государь!... ты самъ... въ такой дождь...

— Возьми, говорю! — сказалъ съ твердостію человѣколюбивый государь, скинувъ съ себя епанчу и подавая ее Меньшикову. — Что до насъ, мы скоро, съ Божьею помощью, обсушимся и отогрѣемся.

Воля Петра была выполнена: развязали плѣнника и покрыли его царскою епанчею. Слезы благодарности и вмѣстѣ горькаго раскаянія полились изъ глазъ несчастнаго: слова монарха удерживали въ немъ послѣднюю искру жизни, готовую погаснуть...

Лодки плыли самою тихою греблею; нѣсколько разъ приказано было имъ останавливаться. Въ это время предметы разговора государя съ его любимцемъ безпрестанно мѣнялись. Гдѣ не побывалъ тогда его геній? Куда въ это время, между заботами простого семьянина, не заброшены были сѣмена его безсмертныхъ дѣлъ, которыми Россія донынѣ могуча и велика? Подъ сѣнью Кавказа садилъ онъ виноградъ; въ степяхъ полуденной Россіи — сосновые и дубовые лѣса, открывъ портъ на Бельтѣ, заботился о привозѣ пива для его погреба, строилъ флотъ, заводилъ ассамблеи училища, рубилъ длинныя полы у кафтановъ, комектовалъ полки, *потому что*, какъ онъ говорилъ, *при ной школѣ много учениковъ умираетъ, а не добро го- чесать, когда зубья выломаны изъ гребня;* шутилъ,

Digitized by Google

разсказывалъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, и часто, очень часто упоминалъ о какой-то таинственной Катенькѣ; — все это говорилъ Петръ подъ сильнымъ дождемъ, готовясь на штурмъ непріятельскихъ кораблей, какъ будто на пирушку!

— Herr Kapitain! — сказалъ вругъ Меншиковъ, — двѣ огненныя точки свѣтятся неподалеку отъ насъ; это должны быть фонари на корабляхъ непріятельскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сквозь сѣтку дождя показались два огненныя пятна и вскорѣ зарябили двѣ темныя массы, изъ коихъ одна носомъ двинута была въ устье рѣчки, вытекавшей изъ острова. Петръ немедленно приказалъ всѣмъ лодкамъ, числомъ до 30, построиться на два отдѣленія; одному, подъ командою Меншикова, пристать у берега острова къ лѣсу съ тѣмъ, чтобы это отдѣленіе, по первому условленному сигналу, напало на ближайшее непріятельское судно; а самъ, по обыкновенію своему, предоставя себѣ труднѣйшій подвигъ, съ остальными лодками отправился далѣе на взморье, въ обходъ непріятеля. Челнокъ, въ которомъ находился Послѣдній Новикъ, отвязанъ отъ шлюпки; несчастному брошено весло; но онъ не воспользовался этимъ даромъ, и ладья поплыла по теченью рѣки прямо на взморье.

Пока эти распоряженія приводились въ исполненіе тучи разбрелись, и къ сторонѣ Ніеншанцевъ, на небосклонѣ заструилась палевая полоса. Съ непріятельскихъ судовъ (изъ которыхъ одно было 14-пушечная шнява «Астрель», а другое—10-пушечный адмиральскій ботъ «Геданъ») замѣтили русскія лодки, съ двух сторонъ по волнамъ скачущія прямо на нихъ, друж правильно, какъ ряды искусной конницы. Тревога судахъ: слышны свистки начальниковъ, команд слова, крики матросовъ; снимаются съ якоря, по

Digitized by Google

маютъ паруса; эскадрѣ, стоящей близъ острова *Ретусари* [1]), даютъ сигналъ, что находятся въ опасности. Съ просонья и съ испуга дѣйствія исполняются торопливо. Кажется, самыя стихіи въ заговорѣ съ непріятелемъ; мокрыя вѣтрила едва шевелятся. Экипажъ смотритъ на нихъ, какъ на звѣзду своего спасенія: состоя только изъ 77 человѣкъ, онъ понимаетъ опасность вступить въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ не на открытомъ морѣ. Еслибъ можно было пробраться къ эскадрѣ, тогда спасена честь шведскаго флага, и русскіе осмѣяны! Каждый изъ экипажа хотѣлъ бы надуть паруса своими желаніями, — криками хотѣлъ бы подвинуть суда. Суда трогаются; но уже поздно. Семеновцы и преображенцы, эти *потѣшники* царя въ играхъ и бояхъ, одушевленные примѣромъ своего державнаго капитана, настигаютъ, обхватываютъ ихъ, впиваются въ бока ихъ крючьями, баграми, бросаютъ на палубу гранады, мѣткими выстрѣлами изъ мушкетовъ снимаютъ матросовъ съ борта, рѣшетятъ паруса. Пушки ничего не могутъ сдѣлать нападающимъ: ядра летаютъ черезъ головы русскихъ и только тѣшатъ ихъ, срѣзывая или роя волны. Собственныя бока судовъ служатъ защитою непріятелю. Шнява болѣе всего стѣснена русскими лодками; медленно тащитъ она ихъ за собою, не имѣя силъ оторвать отъ себя. Такъ, огромный звѣрь, со всѣхъ сторонъ окруженный маленькими, разъяренными животными и выбившійся изъ силъ, въ бѣгствѣ влечетъ ихъ съ собою до тѣхъ поръ, пока самъ падетъ или ихъ ...митъ. Усиленная ложная аттака, сдѣланная съ ...ой стороны шнявы, отвлекаетъ на эту сторону ...ти весь экипажъ; между тѣмъ къ другому борту

[1]) Котлинъ островъ, на которомъ построенъ Кронштадтъ.

Digitized by Google

прикрѣплены веревочныя лѣстницы. По нимъ, какъ векши, цѣпляются русскіе — и первый на палубѣ Петръ. «Ура! силенъ Богъ русскихъ!» — восклицаетъ царь громовымъ голосомъ, и на встрѣчу бѣгущихъ шведовъ посылаетъ горящую въ его рукѣ гранату. Мѣтко пошла роковая посылка, разодралась на части, и каждому, кому дошла, шепнула смертное слово; каждый кровью или жизнью расписался въ полученіи ея. Со всѣхъ сторонъ шведы съ бѣшенымъ отчаяніемъ заступаютъ мѣста падшихъ; но передъ Петромъ, этимъ исполиномъ тѣломъ и душою, все, что на пути его, ложится въ лоскъ, пораженное имъ или его окружающими.

Шведы дерутся отчаянно; ни одинъ не прячется въ убѣжища корабля. Палуба — открытое поле сраженія; отнято желѣзо — ноготь и зубъ служатъ имъ орудіями; раненые замираютъ, вцѣпившись руками въ своихъ враговъ или заплетаясь около ногъ ихъ

Эскадра шведская замѣтила несчастное положеніе двухъ судовъ своихъ. Уже трепещутъ въ виду крылья ея парусовъ. Вотъ друзья, братья, готовы исторгнуть бѣдныя жертвы изъ непріятельскихъ рукъ!... Надежда беретъ верхъ надъ отчаяніемъ. Но одно мощное движеніе державнаго кормчаго, взявшагося за руль, нѣсколько распоряженій капитана русскаго — и шнявѣ нѣтъ спасенія!

Въ самую суматоху боя Петръ не теряетъ головы, все наблюдаетъ, вездѣ отдаетъ приказанія, убираетъ самъ паруса, отправляетъ шведскаго кормчаго въ м... ловить рыбъ, останавливаетъ на бѣгу судно, правит къ эскадрѣ, и оборачиваетъ его назадъ. Онъ въ о время капитанъ, матросъ и кормчій. Во всѣхъ эт маневрахъ видны необыкновенное присутствіе ду быстрое соображеніе ума и наука, которой онъ

Digitized by Google

такимъ смиреніемъ и страстью посвятилъ себя въ Голландіи. Старый морякъ не постыдился бы признать его дѣйствія своими. — Русскіе солдаты, спущенные въ лодки, уводятъ шняву назадъ въ устье Невы, а шведская эскадра не допущена мелководіемъ. Самъ Богъ за Петра. Почти весь экипажъ шнявы перебитъ и перерѣзанъ; рѣдкій изъ составляющихъ его рѣшается купить жизнь цѣною плѣна. — Командиръ шведскій тотчасъ узналъ, съ кѣмъ мѣрялся. — «Петръ одинъ могъ сдѣлать такое дѣло!»—говоритъ онъ, и въ отвѣтъ на мирное предложеніе отъ имени царя, схвативъ переговорщика за грудь, стаскиваетъ его съ собою въ море.

Лишь только побѣда очистила русскимъ палубу шнявы, Меншиковъ прибылъ къ своему капитану съ донесеніемъ о взятіи адмиральскаго бота «Гедена». Побѣда надъ этимъ судномъ легче была куплена.

По сказкѣ плѣнныхъ, оба судна отправлены были къ Ніеншанцамъ съ письмами отъ начальника шведской эскадры, и потому такъ безпечно остановились у острова, что обмануты были дружескими сигнальными отвѣтами изъ крѣпостцы.

— Я сказалъ, что эта игрушка ихъ не минетъ! — восклицалъ Петръ внѣ себя отъ радости; благодарилъ Бога за первую побѣду русскихъ на Балтійскомъ морѣ, обнималъ офицеровъ, изъявлялъ свою признательность солдатамъ, называя ихъ вѣрными товарищами, друзьями.

Съ того времени, какъ Послѣдній Новикъ былъ освобожденъ изъ плѣна, челнокъ его несся по произволу рѣчного теченія; попавъ на взморье, встрѣченъ противными волнами и, наконецъ, прибитъ ими къ копорскому берегу, за нѣсколько верстъ отъ устья Невы. Тамъ чухонскіе рыбаки замѣтили челнокъ, и, остановивъ его, нашли въ немъ умирающаго человѣка.

Digitized by Google

Они принесли несчастнаго къ себѣ въ хижину; попеченія добрыхъ людей и травы колдуна, котораго они постарались отыскать въ окрестности, привели къ жизни того, кто въ ней ничего отраднаго не имѣлъ, для кого она уже была въ тягость.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИ ОСНОВАНІИ ГОРОДА

На что въ Россіи ни взглянн, все его началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

Что прошло — невозвратимо,
Жуковскій.

Что собралось 7-го мая такъ много народа на островѣ Лустъ-Эландъ, прежде столь пустомъ? Бывало, одни чухонскіе рыбаки кое-гдѣ копошились на берегу его, растилая свои сѣти, или развѣ однажды въ годъ егери графа Оксенштирна, которому этотъ островъ съ другими окружными принадлежалъ, заходили въ хижину, единственную на островѣ, для складки убитыхъ звѣрей и для отдыха. По зеленымъ мундирамъ узнаю въ нихъ русскихъ и—гвардейцевъ по золотымъ галунамъ, въ которыхъ солнце горитъ ярко.

Привѣтствую васъ, преображенцы и семеновцы, ‹стителями Бельта! Земля, на которой стоитъ Пе›бургъ, взята вами съ боя и нынѣ крѣпка за вами.

Въ одномъ мѣстѣ составился изъ офицеровъ блещій полукругъ. Впереди, на барабанѣ, сидитъ че‹ѣкъ исполинскаго роста, въ колетѣ изъ толстой

Digitized by Google

лосиной кожи, сшитомъ наподобіе иностраннаго купеческаго камзола, только безъ пуговицъ, клапановъ и кармановъ. Этотъ нарядъ отороченъ ровною, полосатою тесьмою и завязанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ нитяными шнурками. Смоляныя пятна испестрили его; почетный рубецъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ въ боевой передѣлкѣ. Одежда простого моряка, но видъ носящаго ее исторгаетъ уваженіе. Черты его смуглаго лица отлиты грознымъ величіемъ; темнокаріе глаза, прикованные къ одному предмету, горятъ восторгомъ: такъ могъ только смотрѣть богъ на море, усмиренное его державнымъ трезубцемъ! Черный, тонкій усъ придаетъ его физіономіи особенную привлекательность. Голова его открыта, темными кудрями его бережно играетъ вѣтерокъ. Треугольная шляпа у ногъ. Англійской породы собака рыжей шерсти съ бархатнымъ, зеленаго цвѣта, ошейникомъ, на которомъ вышиты слова: «*за вѣрность не умру!*» стережетъ шляпу и повременамъ смотритъ въ глаза своему господину Отъ устья Невы ведутъ ботъ и шняву, взятые у шведовъ. Нѣсколько десятковъ лодокъ, раздѣленныхъ на двѣ линіи, плывутъ впереди и провожаютъ ихъ съ пѣснями и музыкою. Это первый флотъ, входящій торжественно въ русскіе предѣлы. Вотъ что, повидимому, занимаетъ высокаго моряка, сидящаго на барабанѣ.

По лѣвую сторону его, немного подавшись назадъ, стоятъ не изгибаясь два офицера. Въ одномъ мы узнали сейчасъ Бориса Петровича Шереметева, въ другомъ— храбрѣйшаго изъ воиновъ и благороднѣйшаго изъ вельможъ Петра I, князя Михайла Михайловича Голицы— которому Россія обязана за доставленіе ей ключа Бельту. Семь словъ, переданныхъ имъ посланно царя, когда этотъ, въ пылу осады Шлиссельбур приказывамъ отступить; семь словъ: «*скажи ему, я принадлежу теперь Богу!*» могли бы увѣковѣчит

Digitized by Google

имя, а цѣлая жизнь его была возвышенна, какъ эти слова!.. По другую сторону моряка, нѣсколько наклонившись впередъ, какъ будто хочетъ поймать на лету думу его, стоитъ молодой гвердеецъ пріятной наружности, съ открытыми сѣроголубыми глазами, статный, величавый, облитый золотомъ. По улыбкѣ самодовольствія на устахъ его видно, что это любимецъ счастія. Спрашиваю: кто такой? и мнѣ сказываютъ, что это лейтенантъ отъ бомбардиръ, тотъ самый, съ которымъ мы имѣли случай ознакомиться въ послѣднюю ночную экспедицію Это Меншиковъ, фортуною схваченный съ улицы ко двору и умѣвшій возвыситься умомъ, отвагою и вѣрностью до степени перваго любимца государя. За ними съ удовольствіемъ отличаемъ въ первыхъ рядахъ старинныхъ нашихъ знакомцевъ: князя Вадбольскаго, Мурзенку, Дюмона, Карпова и Глѣбовскаго. И ты, мишурный генералъ, Голіаѳъ Самсоновичъ, играешь не послѣднюю роль на этой сценѣ съ какимъ-то франтомъ средняго роста въ малиновомъ бархатномъ кафтанѣ, въ пышномъ, напудренномъ парикѣ, съ умильною рожицею и глазами, плутоватыми, какъ у лисицы! Ты называешь своего товарища Балакиревымъ, а это имя принадлежало любимому шуту Петра I. За вами неотлучно ходитъ великанъ Буржуа, и образуетъ съ вами лѣстницу о трехъ ступеняхъ, изъ которыхъ на верхней выказывается одутловатая, румяная, глупосмѣющаяся образина. Все необыкновенное составляетъ свиту необыкновеннаго человѣка. Карла и Балакиревъ расхаживаютъ по берегу и бросаютъ ешки поперекъ рѣки, стараясь, чтобы они, дѣлая водѣ рикошеты, долетали какъ можно далѣе. Если ики были скорые и высокіе, то говорили, что это шиковскіе прыжки. Когда пущенный камень дѣлалъ ленный переходъ и оставлялъ большой кругъ на тогда называли это шереметевскимъ шагомъ.

Digitized by Google

Пузыри, болтуны, верхогляды, недолеты, перелеты— имѣли также свои приноровленія. Наконецъ, два друга и соперника усѣлись...

— Растолкуй мнѣ, пожалуйста,—сказалъ Голіаѳъ своему товарищу,—что значитъ надпись на ошейникѣ Лизеты: «*за вѣрность не умру?*» Вѣдь когда-нибудь и она протянется. Чтожъ тогда изъ нея сдѣлаютъ?

— Безсмертную чучелу!—отвѣчалъ Балакиревъ.— По словамъ нашего *батюшки* Петра Алексѣевича, такую же сдѣлаютъ и изъ *великаго* Буржуа.

— Видно за то, что вѣренъ своей глупости!

— Ступай къ намъ во дворъ, Самсонычъ, у насъ недостаетъ карлы.

— Пошелъ бы, еслибъ ты былъ глупецъ: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся.

Такъ и многое подобное говорили шутъ и карла; но обратимся къ кругу офицерскому.

Кто, какъ не самъ Петръ, можетъ быть высокій морякъ, сидящій на барабанѣ. Около него съ уваженіемъ стоятъ почетные сыны Русскаго царства. Отчего-жъ восторъ горитъ въ его глазахъ?.. Онъ забылъ все, его окружающее; геній его творитъ около себя другую страну. Островъ, на которомъ онъ находится, превращается въ крѣпость; верфь, адмиралтейство, таможня, академія, казармы, конторы, дома вельможъ и послѣ всего дворецъ возникаютъ изъ болотъ; на берегахъ Невы, по островамъ, расположенъ городъ, стройностью, богатствомъ и величіемъ спорящій съ первыми портами и столицами европейскими; торговля кипитъ на пристаняхъ и рынкахъ; народы всѣхъ странъ волнуются по немъ; науки въ немъ процвѣтаютъ. Черезъ ворота Бельта входитъ многочисленный флотъ, обошедшій старую и новую гемисферу. Островъ Рету-сари на взморьѣ служитъ городу шлагбаумомъ.

Digitized by Google

Великій мыслитъ — и бысть!.. Что для другихъ игра воображенія, то для него подвигъ.

Петръ всталъ. Онъ схватилъ съ жаромъ руку Шереметева и говоритъ:

— *Здѣсь будетъ Санктъ-Петербургъ!*

Всѣ смотрятъ на него съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая его, что такое С.-Петербургъ. И тутъ съ краснорѣчіемъ генія творческаго, всемогущаго, повѣдаетъ онъ окружающимъ его свои исполинскіе планы. Холодный, разсчетливый Шереметевъ представляетъ неудобства: онъ указываетъ на маститое дерево, служившее туземцамъ для отмѣтки высоты, по которую въ разныя времена невскія воды выходили изъ береговъ своихъ.

— Лѣса срубятся на дома,—говоритъ Петръ,—руками шведскими осушимъ шведскія болота, а дерево...

Онъ махнулъ рукою Меншикову; этотъ понялъ его—и памятникъ, враждующій генію, уже не существуетъ! Желѣзо блещетъ по кустарникамъ и рощѣ; со стономъ падаютъ столѣтнія деревья, будто не хотятъ разставаться съ землею, столько лѣтъ ихъ питавшею, — и черезъ нѣсколько часовъ весь Лустъ-Эландъ обнаженъ. На ближнемъ островѣ Койво-сари возникаетъ скромное жилище строителя, *Петра Михайлова:*

....Ковчегъ воспоминаній славныхъ:
Свидѣтель онъ надеждъ и замысловъ державныхъ:
Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ; Россія! здѣсь твой храмъ [1]).

Между тѣмъ флотилія привѣтствована нѣсколькими ..лами изъ ружей и артиллеріи;—изъ пушекъ шнявы бота поздравили царя съ первой морской побѣдой.

---

[1]) Князь Вяземскій.

Digitized by Google

Отпраздновавъ побѣду, государь немедленно принялся за созиданіе С.-Петербурга въ виду непріятеля, на землѣ, которую, можетъ быть, завтра надлежало отстаивать. Не устрашила его и грозная схватка со стихіями, ему предстоявшая въ этомъ дѣлѣ. Воля Петра не подчинялась ничему земному, кромѣ его собственной творческой мысли; волѣ же этой покорялось все. Мудрено-ли, что онъ съ такимъ даромъ Неба не загадывалъ ни одного исполинскаго подвига, который не былъ бы ему по плечу, котораго не могъ бы онъ одолѣть?

Для исполненія своего намѣренія, первымъ его дѣломъ было въ тотъ же день разбить планъ новой крѣпости. Ходя съ саженью въ рукахъ по берегу Лустъ-Эланда и сопровождаемый въ своихъ занятіяхъ Шереметевымъ и княземъ Голицынымъ, онъ сошелся въ одномъ мѣстѣ съ Вадбольскимъ.

— А, дорогой куманекъ!—закричалъ онъ этому,—я до тебя давно добираюсь.

— Меншиковъ сказалъ мнѣ только сейчасъ, зачѣмъ я тебѣ нуженъ, государь!—отвѣчалъ Вадбольскій,—я самъ искалъ тебя.

— Такъ мы кстати столкнулись: авось высѣчемъ огонь. Вотъ въ чемъ дѣло. Дошли до меня вѣсточки въ нѣкоей конфиденціи... а съ какой стороны вѣтеръ дулъ, не могу тебѣ повѣдать—въ другое время, ты знаешь, я съ своихъ плечъ снялъ бы для тебя рубашку—вотъ изволишь видѣть, кумъ, дошли до меня вѣсточки, что ты подъ Маріенбургомъ спровадилъ какого-то голяка, шведскаго плѣннаго, куда, на каку потребу, Богъ вѣсть!..

— Коли тайна эта дошла до тебя, государь, т солгать передъ тобою не могу. Приношу тебѣ повин ную голову. Этотъ человѣкъ былъ не шведъ, а рус скій, изгнанникъ, именно Послѣдній Новикъ.

Digitized by Google

При этомъ словѣ Петръ вспыхнулъ.

— Послѣдній Новикъ! мой убійца!.. и ты, видно, такой же злодѣй!.. — закричалъ онъ и, не помня себя отъ гнѣва, замахнулся на Вадбольскаго саженью, чтобы его ударить.

— Остановись!..—воскликнулъ Шереметевъ,—онъ исполнилъ только мое приказаніе.

— Открою тебѣ болѣе, — продолжалъ этотъ, — но выслушай, а потомъ буди твой судъ надъ нами. Во время осады Маріенбурга злой раскольникъ далъ мнѣ знать письмомъ, что въ крѣпости скрывается Послѣдній Новикъ по личиною шведа Вольдемара изъ Выборга. Всѣ примѣты Новика были списаны; злодѣйство его было мнѣ вѣдомо; злодѣй былъ въ моихъ рукахъ, и я самъ далъ ему свободу.

— Всеконечно, ты имѣлъ на то важную причину, или ты съ ума сошелъ, Борисъ Петровичъ!

— А вотъ сейчасъ объяснимъ тебѣ, надежда-государь!—Князь Василій Алексѣевичъ! подайте его величеству бумаги, которыя вамъ поручено отдать отъ бывшаго генералъ-кригскомисара.

Мы не имѣли еще случая сказать, что Вадбольскій, въ глубокую осень 1702 года, объѣзжая дозоромъ покоренный край Лифлядіи, заглядывалъ на мызу г-на Блументроста и разспрашивалъ нѣмого о Владимірѣ. Вмѣсто извѣстій, получилъ онъ бумаги, которыя поручено было Новикомъ отдать первому, кто придетъ о немъ навѣдаться: бумаги эти, какъ онъ выразился тогда, изгнаннику болѣе не нужны. Изъ числа ихъ

ьмо Паткуля къ русскому монарху и свидѣтельство ереметева о заслугахъ, оказанныхъ Владиміромъ въ панію 1702 года, поданы теперь государю Вадьскимъ. Видно было въ этомъ случаѣ, что избран-е ходатаи за несчастнаго дѣйствовали согласно овію, между ними заранѣе сдѣланному

Digitized by Google

— Отъ злодѣя черезъ вѣрнолюбезнаго намъ министра? часъ отъ часу мудренѣе!—сказалъ Петръ I, взявши бумаги.

Во время чтенія лицо его то свѣтлѣло, то помрачалось. Прочтя ихъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Шереметева, сталъ ходить взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи чувствъ, выражавшемъ ихъ борьбу, и потомъ спросилъ фельдмаршала:

— Такъ вы дали это свидѣтельство, господинъ фельдмаршалъ?

— Государь,—отвѣчалъ Борисъ Петровичъ,—все, что въ этомъ свидѣтельствѣ, мною данномъ, заключается, есть только слабое изображеніе заслугъ Послѣдняго Новика тебѣ и отечеству. Въ лѣта безразсудной молодости онъ могъ быть преступникомъ, но современемъ позналъ свою вину и искалъ загладить ее великими жертвами. Если я въ прошедшую кампанію сдѣлалъ что-нибудь достойное аттенціи царскаго величества, то этимъ обязанъ ему.

Петръ, не отвѣчая, стоялъ въ глубокой задумчивости.

— Милость краситъ вѣнецъ царскій! — произнесъ съ жаромъ князь Михайла Михайловичъ Голицынъ.— Государь! Ты прощалъ многихъ злодѣевъ, посягавшихъ на твою жизнь; а чѣмъ заслужили они это прощеніе? Однимъ раскаяніемъ!.. Послѣдній Новикъ же, какъ мнѣ извѣстно нынѣ стало, сдѣлалъ то, чѣмъ могъ бы гордиться первый русскій боярин. Мы всѣ, сколько насъ ни есть въ войскѣ твоемъ, ему одолжены нашею доброю славой, и умоляемъ тебя за него.

— Когда бы только память злодѣянія!.. — сказ. Петръ,—нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! вы не знаете... не можете знать...

Мурзенко, невидимо подкравшись къ царю, уп къ ногамъ и жалобно завопилъ:

Digitized by Google

— Прикажи, Петръ Алексѣевичъ, твоя моя разжаловать: безъ Новика моя не була-бъ пулковникъ! Борисъ Петровичъ твоя все разсказать. Куда ея голова, и моя туда.

— И, ты, Мурза?... Всѣ, всѣ за него!... Коли-бъ знали, чье отродье онъ непотребное!... — повторялъ государь.

— Отродье? неправда, — возразилъ съ благороднымъ гнѣвомъ Вадбольскій, —полковникъ Семенъ Ивановичъ Кропотовъ былъ его отецъ. Кропотовъ служилъ тебѣ вѣрою и правдою и честно положилъ за тебя животъ свой подъ Гуммелемъ. Какого тебѣ благородства болѣе надобно?.

— Не постыдился бы я назвать его своимъ братомъ, Семенъ Алексѣевичъ! но чѣмъ докажешь, что Послѣдній Новикъ сынъ его?

— Его завѣщаніемъ, котораго сдѣлали меня исполнителемъ воля фельдмаршала и самъ Богъ! Пусть очи твои удостовѣрятъ тебя въ истинѣ словъ моихъ. Вотъ завѣщаніе, писанное рукою Семена Ивановича: она должна быть тебѣ извѣстна.

Тутъ Вадбольскій вынулъ изъ бокового кармана мундира бумагу и подалъ ее царю. Петръ взялъ ее, жадно пробѣжалъ глазами и потомъ задумался. Вадбольскій продолжалъ:

— Съ того свѣта указываетъ онъ тебѣ на кровь, пролитую за тебя и отечество, на старушку вдову, оставленную безъ подпоры и утѣшенія, и требуетъ, чтобы ты даровалъ жизнь ея сыну и матери отдалъ милльца и утѣшителя. Не только какъ опекунъ Поднаго Новика, но какъ человѣкъ, обязанный ему сеніемъ своей жизни, умоляю тебя за него: умилодись, отецъ отечества! прости его, или вели меня нить вмѣстѣ съ нимъ.

Могу-ли васъ наказывать,—воскликнулъ растро-

Digitized by Google

ганный государь, — васъ, вѣрные мои слуги и товарищи?... для васъ забываю собственную персону... забываю все—и прощаю Послѣдняго Новика.

Радостный возгласъ: «да здравствуетъ государь, отецъ нашъ, многія лѣта!» вырвался изъ груди участниковъ этой сцены и обошелъ весь островъ, по которому офицеры и солдаты были разсыпаны. Признательность народная скоро сообщается и любитъ выражаться въ громкихъ восклицаніяхъ; одна ненависть скрытна и молчалива. Петръ продолжалъ, обратясь къ Шереметеву:

— Письмомъ отъ имени моего попросите его величество кесаря [1]) обнародовать указъ о прощеніи Послѣдняго Новика ради его заслугъ намъ и отечеству; пошлите пріятеля Мурзу отыскать его по Чуди — кстати не удастся-ли гдѣ прихлопнуть нагайкою шведскаго комара — и дайте знать въ дворцовый приказъ, чтобы отписали Владиміру, сыну Кропотова, десять дворовъ въ Софьинѣ; но горе ему, если онъ... захочетъ отыскивать другой родъ, кромѣ Кропотова!...

Защитники Послѣдняго Новика благодарили государя, каждый по своему; хвала Петру переходила изъ устъ въ уста. Всѣ поздравляли другъ друга, какъ съ необыкновеннымъ торжествомъ; разсказывали, кто такой Новикъ, что онъ сдѣлалъ преступнаго и какія великія услуги оказалъ отечеству. Онъ-то спасъ подъ Еррастферомъ артиллерію русскую, давалъ фельдмаршалу черезъ Паткуля извѣстія не только о движеніяхъ шведской арміи, но и о намѣреніяхъ ея предводителя, навелъ русскихъ на розенгофскій форпостъ и такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ подъ Гуммельсгофо Какъ изумились Дюмонъ, Карповъ и Глѣбовск

---

[1]) Извѣстно, что въ отсутствіе государя Ромодановскій уполномоченъ былъ правами царскими и носилъ титло кесаря.

Digitized by Google

узнавъ, что Послѣдній Новикъ, неумышленно составлявшій въ нейгаузенскомъ станѣ предметъ ихъ разговоровъ и вину горькихъ слезъ Кропотова, былъ именно сынъ его и то самое таинственное лицо, игравшее столь важную роль въ войнѣ со шведами и такъ часто служившее загадкою для всего войска! Помнили еще пѣвца-невидимку подъ Розенгофомъ, докончившаго пѣсню, начатую Глѣбовскимъ; каждый повторялъ куплетъ, столь трогательно выражавшій любовь къ родинѣ. Сблизиться съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, услышать повѣсть его жизни — было общимъ сильнымъ желаніемъ офицеровъ.

Не однихъ явныхъ, но и тайныхъ пріятелей имѣлъ Послѣдній Новикъ. Мы это сейчасъ увидимъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Лифляндію Мурзенко позванъ былъ въ домикъ Петра I-го, выстроенный на островѣ Березовомъ, такъ переименованномъ изъ финскаго Койво-сари. У крыльца встрѣтилъ татарина карла Голіафъ и вручилъ ему записку и богатый перстень, сдѣланный въ видѣ короны, подъ которой на оправѣ были вырѣзано: *5 апрѣля*. Все это, отъ имени неизвѣстной, но близкой къ царю особы, просилъ ловкій маленькій агентъ передать Владиміру, какъ скоро его отыщетъ. Отъ кого шелъ даръ, мы не смѣемъ до времени сказать, но можемъ догадаться, прочтя записку, писанную по-нѣмецки.

«Радуюсь твоему благополучію, Вольдемаръ!» такъ сказано было въ ней. «Чужестранка въ Россіи, я уже люблю ее, какъ мое отечество; люблю всѣхъ, кто оказываетъ ему истинныя услуги; а сколько мнѣ извѣстно, ѣе тебя сдѣлалъ и дѣлаетъ ей добро только *одинъ* овѣкъ, *мой* и *твой* повелитель... мой кумиръ съ ыхъ лѣтъ!... Въ знакъ удовольствія, какое достамнѣ вѣсть о перемѣнѣ твоей судьбы, и на панашей дружбы, посылаю тебѣ бездѣлку. Ты

Digitized by Google

оскорбишь свою давнишнюю знакомую и новую соотечественницу, отвергнувъ этотъ даръ. Напротивъ, принявъ его, обрадуешь ту, которая и въ униженіи тебя любила и на высотѣ не забудетъ».

Мурзенкѣ приказывали еще черезъ карлу сказать, что Владиміра искать далеко не надо; еще недавно видѣли, какъ онъ шелъ отъ Саарамойзы къ Невѣ. И потому операціонная линія татарскаго наѣздника должна была покуда ограничиться обоими берегами этой рѣки.

Ахъ! когда бы знали благодѣтели, друзья Послѣдняго Новика, что тотъ, кто былъ предметомъ ихъ жаркаго участія, не могъ уже пользоваться ни дружбою, ни благодѣяніями ихъ! Ходатайство, прощеніе, залоги дружбы—опоздали!...

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОВѢСТЬ ПОСЛѢДНЯГО НОВИКА

О, милой родины страна!
Какою тайною прелестной
Съ душою ты сопряжена!
Нечаевъ.

Между тѣмъ какъ работы кипѣли на островѣ Лустъ-Эландъ, нѣсколько ротъ преображенскаго полка подъ начальствомъ Карпова и драгунскіе полки князя Вадбольскаго и Дюмона поставлены были на ижорскомъ берегу Невы, близъ устья ея, для наблюденія, не сдѣлаетъ ли непріятель высадки съ эскадры. Какъ скоро обязанности службы выполнены были начальниками, они собрались вмѣстѣ у хлѣбосола Вадбольскаго на чару анисовой водки, на пирогъ и кусъ, еще болѣе лакомый, — на чтеніе исторіи Послѣдняго Новика, отданной опекуну его вмѣстѣ съ другими бумагами. Нѣсколько дней уже обѣщалъ Вадбольскій передать своимъ пріятелямъ исповѣдь его жизни. Въ этомъ грѣха теперь не было. Глѣбовскому, распѣвавшему такъ хорошо пѣсни Новика, поручено читать его повѣсть въ слышаніе всей честной бесѣды.

Старину у русскихъ крестъ былъ приступомъ ко всему. Слѣдуя этому святому обычаю, Глѣбовской перекрестился и началъ чтеніе:

Digitized by Google

«Судьба видимо гонитъ меня. Ни мое раскаяніе, ни жертвы и заслуги мои отечеству не могли ее удовлетворить. Чувствую: или грѣхи моихъ родителей, или кровь, за меня безвинно пролитая, запечатлѣли меня клеймомъ отчужденія отъ родины. Большого наказанія нельзя придумать. Конецъ моимъ страданіямъ близокъ. Горькая смерть на чужбинѣ, трупъ, не орошенный слезою друга или соотечественника, не отпѣтый священникомъ, оспариваемый дикими звѣрями,—вотъ очистительная жертва, отъ меня ожидаемая! Русскій придетъ нѣкогда въ эту страну; во имя Христа и, можетъ быть, дружбы захочетъ отыскать мои кости и поставить надъ ними крестъ; но не найдетъ онъ и мѣста, гдѣ лежалъ прахъ несчастнаго изгнанника... Крестомъ будутъ мнѣ четыре страны свѣта. Развѣ одинъ голосъ Всемогущаго соберетъ прахъ мой и сплотитъ кости мои въ день судный!

«По крайней мѣрѣ, часть себя хочу оставить на родинѣ. Пусть частью этой будетъ повѣсть моей жизни, начертанная въ слѣдующихъ строкахъ. Разсказъ мой будетъ кратокъ; не утомлю никого изображеніемъ своихъ страданій. Описывая ихъ, желаю, чтобы мои соотечественники не проклинали хоть моей памяти. Я трудился для нихъ много, такъ много самъ любилъ ихъ! Друзья! помяните меня въ своихъ молитвахъ...

«Не знаю, гдѣ я родился. Помню только, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, высокій берегъ Москвы-рѣки, свѣтлыя излучины ея, обширные луга съ высокою травою, въ которой запутывались мои дѣтскія ноги, озера съ небомъ своимъ, оправленныя въ зелень э[illegible] луговъ, на возвышеніи старинныя хоромы съ те[illegible] ками, поросшими мохомъ, плодовитый садъ и въ [illegible] ключъ. Журчаніе его и теперь отзывается моему с[illegible] вмѣстѣ съ пѣніемъ коростеля, раздававшимся по з[illegible] Для другихъ непріятенъ крикъ этой птицы, н[illegible]

Digitized by Google

какихъ странахъ ни слышалъ ея голосъ, всегда чувствовалъ въ груди сладостное томленіе, задумывался о родинѣ, о райскихъ, невозвратныхъ дняхъ дѣтства, и слезами кропилъ эти воспоминанія. Помню, что по обѣимъ сторонамъ нашего жилища тянулась деревня, раздѣленная оврагомъ, черезъ который весною сѣдые потоки съ шумомъ бросались въ рѣку; позади деревни, вдали, чернѣлись лѣса, дремучіе лѣса, населенные будто лѣшими, вѣдьмами и разбойниками; а впереди, черезъ рѣку, на высокомъ берегу ея, стояла деревянная церковь и кругомъ ея кладбище. Не забылъ я даже, что глава церкви была насквозь разодрана временемъ или молніею, и что мѣсяцъ, багровый отъ предвѣстій непогоды, поднимаясь отъ земли, повременамъ входилъ въ эту главу въ видѣ пылающаго сердца.

«— Прогнѣвали мы, родной, Господа!—говорила мнѣ мамка моя, указывая на это явленіе,—настанутъ смуты, побоища, и много крови будетъ пролито! Боюсь за твою головушку, дитя мое! Кровь у тебя кипучая, глаза твои разгораются, когда разсказываю тебѣ о похожденіяхъ богатырей и могучихъ витязей; все у тебя стрѣльцы да стрѣльцы на разумѣ; мальчикъ крестьянскій не стань передъ тобою въ шапкѣ—сейчасъ готовъ ты сорвать ее и съ макушкой. Смири, дитя мое дорогое, свое сердце; ходи стопами тихими по пути Господнему; не гордись, не превозносися; не то — не сносить тебѣ своей головушки. Охъ, охъ! вѣщунъ недобрый кровавый мѣсяцъ: и все въ день твоего ангела! Молись усерднѣе Богу, клади поболѣе земныхъ поклоновъ, не лѣнись творить кресты, и Онъ помилуетъ своею благодатью!

Худо слушался я наставленій мамки, и слова ея [illegible]чись...

Деревню, въ которой провелъ я первые годы моего [illegible] и которую описываю, называли *Красное сельцо*.

Digitized by Google

Часто говаривали въ ней о Коломнѣ, и потому заключаю, что она была неподалеку отъ этого города. Не знаю, тамъ ли я родился; но тамъ, или близко этихъ мѣстъ, хотѣлъ бы я умереть.

«Семи лѣтъ перевезли меня въ Софьино, что подъ Москвою, на берегу же Москвы-рѣки. Съ того времени данъ мнѣ былъ въ воспитатели Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышитскихъ. Говорили много объ учености, пріобрѣтенной имъ въ кіевской академіи, объ его умѣ и необыкновенныхъ качествахъ душевныхъ. Но мнѣ легче было бы остаться на рукахъ доброй, простодушной моей мамки, которой память столько же для меня драгоцѣнна, сколько ненавистно воспоминаніе о Денисовѣ, виновникѣ всѣхъ моихъ бѣдствій.

«Пылкія страсти мои росли съ моимъ тѣломъ, такъ сказать, не по годамъ, а по днямъ. Имъ старались дать опасный блескъ, а не хорошее направленіе, не усмирять ихъ. Воспитатель мой баловалъ меня, льстилъ моимъ прихотямъ, усердно раздувалъ въ сердцѣ моемъ огонь честолюбія и самонадѣянности. Я былъ бѣшенъ, гордъ, властолюбивъ: всѣ проступки мои извинялись; всѣмъ моимъ порокамъ находили благовидный источникъ или возвышенную цѣль. Несмотря на это потворство, я не чувствовалъ привязанности къ своему развратителю: какая-то невидимая сила всегда отталкивала его отъ моего сердца. Не говорю уже о покорности; я не зналъ ея никогда. Я находилъ удовольствіе управлять тѣмъ, который, впослѣдствіи времени, раскрылъ въ себѣ душу необузданную, жаждущую однѣхъ честей и власти. Никогда, въ самыя мгновенія величайш
на меня гнѣва, когда я подставилъ ему ногу, чт
онъ упалъ, или когда изорвалъ въ клочки переложен
имъ съ латинскаго книгу о *риторической силѣ*,—ник
не осмѣлился онъ поднять на меня руки своей

Digitized by Google

жется, я вцѣпился бы въ коварныя очи его и вырвалъ бы ихъ, если бы онъ дерзнулъ сдѣлать эту попытку. Прибавить надо, что Денисовъ всячески старался питать во мнѣ ненависть къ роду Нарышкиныхъ, котораго онъ былъ заклятый врагъ по связямъ своимъ съ Милославскимъ. Наталью Кирилловну, умную, добродѣтельную, описали мнѣ ненавистною мачихою, чарами и происками изводящею пасынковъ и падчерицъ своихъ, чтобы родному сыну доставить право на вѣнецъ. Говорили, что Петръ... но языкъ нѣмѣетъ, перо не повинуется, чтобы передать всѣ гнусныя выдумки, которыми ухищрялись сдѣлать изъ меня съ малолѣтства заклятаго врага царицѣ и сыну ея. Еще не видавъ ихъ, я питалъ къ нимъ неодолимую ненависть.

«Подчинивъ себѣ всѣхъ мальчишекъ въ деревнѣ, я составилъ изъ нихъ стрѣлецкое войско, роздалъ имъ луки и стрѣлы, изъ овина сдѣлалъ дворецъ, вырѣзалъ и намалевалъ, съ помощью моего воспитателя, царицу Наталью Кирилловну съ сыномъ на рукахъ и сдѣлалъ ихъ цѣлью нашихъ воинскихъ подвиговъ. Староста разорилъ было всѣ наши затѣи, называя меня беззаконникомъ, висѣльникомъ: я пошелъ съ своею ватагою на старосту, взялъ его въ плѣнъ и казнилъ его сотнею горячихъ ударовъ.

«Стрѣльцы мои называли меня своимъ атаманомъ: это имя льстило мнѣ нѣкоторое время. Наслышась о золотыхъ главахъ московскихъ церквей, о бѣлокаменныхъ палатахъ престольнаго города, я требовалъ, чтобы меня свезли туда, а когда мнѣ въ этомъ отказали, сказалъ: «дайте мнѣ вырости; я заполоню Москву и сяду въ ней набольшимъ; тогда велю казнить всѣхъ васъ!...» Такъ-то своевольная душа моя съ раннихъ лѣтъ просилась на бѣды!

«Только одного человѣка слушался я и любилъ: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ; имени его и

Digitized by Google

донынѣ не могу произносить безъ благоговѣнія. Въ первые годы моего пребыванія въ Софьинѣ рѣдко навѣщалъ онъ меня, но каждый разъ оставлялъ въ дѣтскомъ сердцѣ рѣзкіе слѣды своего посѣщенія. Онъ ласкалъ меня такими отеческими ласками, такъ искренно училъ меня добру, что я не могъ не почувствовать всей цѣны его любви и наставленій. Одно слово его дѣйствовало на меня сильнѣе многоплодныхъ, витіеватыхъ рѣчей Денисова. Разъ, пробывъ нѣсколько дней въ Софьинѣ, онъ успѣлъ высмотрѣть дикое состояніе, въ которомъ я находился, и ужаснулся его. Съ того времени онъ чаще сталъ извѣщать меня и старался понемногу обрѣзывать побѣги страстей, готовые заглушить мою душу. Онъ убѣждалъ меня слушаться, уважать, какъ отца, моего воспитателя, который, вѣроятно, желая скрыть настоящую причину худого воспитанія моего, жаловался, что я выбился изъ рукъ.

«Мнѣ минуло десять лѣтъ: помню, черемуха и сирень тогда расцвѣли. Въ одинъ изъ красныхъ дней весны пріѣхала къ намъ гостья молодая, какъ она, привлекательная, какъ Божья радость. Ничего прекраснѣе не видывалъ я ни прежде, ни послѣ, во всю жизнь свою. Когда она вошла неожиданно съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ мою свѣтелку, мнѣ показалось, что вошелъ херувимъ, скрывшій сіянье своей головы подъ *убрусомъ* и спрятавшій крылья подъ парчевымъ *фереземъ* и *опашнемъ*, чтобы не ослѣпить смертнаго своимъ явленіемъ. Кто могъ бы ожидать, чтобъ это была... царевна Софія, хитрая, властолюбивая? Нѣтъ, нѣтъ! пускай ни одинъ упрекъ, ни одинъ ропотъ не отравляютъ сладостнаго воспоминанія о первой встрѣчѣ съ нею! Хочу воображать ее теперь со всѣ очарованіемъ ея красоты, сбросившей съ себя то, ... она имѣла земного, пускай хоть теперь воспомина... о ней горитъ одною любовію!... О! какимъ пер...

Digitized by Google

описать впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ взоромъ ея, встрѣтившимся съ моимъ? Куда дѣвалась тогда моя самонадѣянность? Я не могъ выдержать этого взора; я потупилъ глаза въ землю; сердце мое шибко билось въ груди.

«— Владиміръ! да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!—сказала она дрожащимъ голосомъ, обняла меня, закрыла концами своего шелковаго покрывала, крѣпко прижала къ своей груди, цѣловала.

«Ласки ея меня ободрили; я самъ сталъ ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, со всею искренностью дѣтской, но пылкой души. Вскорѣ послышался стукъ тяжелой повозки, и царевна, приказавъ мнѣ не выходить изъ моей свѣтлицы, бросилась изъ нея вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Я слышалъ, какъ замкнулась за ними дверь; но не роптalъ на свое заключеніе, потому что посаженъ въ нее былъ по волѣ моей новой владычицы. Осторожно взглянувъ изъ окна, увидѣлъ я на дворѣ двѣ раззолоченныя колымаги; понялъ, что пріѣхали гости, которымъ я не долженъ показываться, сидѣлъ смирно и готовъ былъ, для спокойствія неизвѣстной, но милой мнѣ особы, притаить свое дыханіе. Черезъ нѣсколько часовъ колымаги укатили со двора по дорогѣ въ Москву. Андрей Денисовъ освободилъ меня изъ заключенія, но та, которую полюбилъ я такъ много, не являлась; и долго, очень долго не видалъ я ее; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось!

«Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ я сталъ изрѣдка получать отъ нея письма, исполненныя нѣжной любви ко мнѣ, и подарки. Почеркъ ея руки былъ красивый; .оуміе, блескъ, нѣжность выраженій вкрадывались душу. Иногда приписывала она мнѣ стихи, кото- ъ красоты объяснялъ мнѣ Денисовъ, знаменитый оръ своего времени, а болѣе сердце мое. Впослѣд- я самъ получилъ неодолимую охоту слагать стихи.

Digitized by Google

Учителемъ моимъ былъ онъ же. Любовь къ природѣ, живое воображеніе, пылкія страсти, свобода — развернули мои дарованія. Я долженъ прибавить, что переписка съ моею благодѣтельницею сколько усилила мою преданность къ ней, столько и поощрила во мнѣ ненависть къ Нарышкинымъ, виновникамъ всѣхъ горестей и несчастій Софьи Алексѣевны — такъ часто выражалась она въ письмахъ своихъ, не давая мнѣ, однакожъ, знать, кто она именно, а подписываясь просто: *Боярыня Милославская.*

«Въ первую затѣмъ зиму я былъ въ домѣ князя Василья Васильевича, въ Москвѣ. Только-что подъѣзжалъ я къ престольному граду, меня поразили блескъ несчетныхъ золотыхъ главъ его, будто повѣшенныхъ на воздухѣ, какъ небесныя паникадилы, и громада строеній, которой не видѣлъ конца, и звонъ колоколовъ, показавшійся мнѣ торжественнымъ духовнымъ пѣньемъ цѣлаго народа. Въ самой Москвѣ раскрылся для меня новый міръ. Святыня въ храмахъ, волненіе на площадяхъ, церковные праздники, воинскіе смотры, великолѣпіе двора царскаго: все это вдругъ ослѣпило меня и на время смирило мои пагубныя наклонности, невольно покорившіяся такому зрѣлищу. Надолго-ли? Черезъ нѣсколько времени честолюбіе мое начало разыгрываться въ дѣтскихъ мечтахъ, какъ сердитый родникъ, который сначала бьетъ изъ-подъ земли, бѣжитъ потомъ ручьемъ, рѣкою и, наконецъ, бушуетъ моремъ, выливаясь черезъ берега, будто его стѣсняющіе. То хотѣлось мнѣ быть предводителемъ совѣта или войска, то патріархомъ, [illegible] любоваться, какъ отъ одного слова моего кипятъ тысячи, какъ отъ одного слова мѣетъ цѣлый народъ—настоящій конь троянскій, огр ное издѣлье великаго художника, и все-таки кус дерева, пока управляющій имъ не отопретъ ужасны силъ, въ немъ заключающихся! Такое сравненіе дѣ-

Digitized by Google

нѣкогда мой воспитатель, и я узналъ вскорѣ вѣрность его. Бывшій предводитель крестьянскихъ мальчиковъ въ Софьинѣ набралъ себѣ войско уже изъ дѣтей боярскихъ и довелъ ихъ до строгаго себѣ повиновенія — иныхъ изъ любви къ себѣ, другихъ изъ страха къ своей силѣ, за которую прозвали меня Ильею Муромцемъ. Въ кулачномъ бою я смѣло шелъ одинъ на трехъ, равныхъ мнѣ лѣтами; побороть сильнѣйшаго изъ своихъ товарищей было для меня лучшимъ торжествомъ. Могущество другихъ не изумляло, не пугало меня, но возбуждало во мнѣ досаду; надъ кѣмъ сила моя не брала, тому старался я искусно подставить ногу и свалить его. Не только большіе, сильные люди, даже высокіе дома были мнѣ непріятны; еслибъ я имѣлъ волю, сломалъ бы ихъ или поселился бы въ самомъ большомъ.

«На новосельѣ моемъ стала посѣщать меня тайкомъ, съ позволенія, однакожъ, моего благодѣтеля, женщина среднихъ лѣтъ, пригожая и предобрая. Князь Василій Васильевичъ называлъ ее моею близкою родственницей, моею кормилицей, но заказывалъ мнѣ говорить кому-либо объ ея посѣщеніяхъ.

«— Гдѣ-жъ моя мать, мой отецъ?—спрашивалъ я князя.

«— Они давно померли,—отвѣчалъ онъ.

«— Какъ ихъ звали?

«— Кропотовыми. Только не говори объ этомъ никому. Ты еще въ пеленкахъ подкинутъ къ моему дому; а узналъ я о твоемъ родѣ недавно, тайнымъ случаемъ. Откуда называйся: Владимірь сирота. Подъ этимъ условіемъ боярыня Милославская, которую ты столько полюбилъ, содержитъ тебя, воспитываетъ и хочетъ сдѣлать тебя счастливымъ, опредѣливъ современемъ ко двору царскому.

«Я выполнилъ точно волю своего благодѣтеля, по-

Digitized by Google

тому что хранить тайну умѣлъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! почему не могъ я назвать тогда своею матерью пригожую женщину, посѣщавшую меня тайкомъ, въ которой узналъ я современемъ Кропотову, жену Семена Ивановича? Она кормила меня своею грудью, любила меня, какъ сына, и, можетъ статься, была настоящая моя мать. Сколькихъ бѣдствій избавился бы я тогда!

«При всякомъ посѣщеніи своемъ, Кропотова цѣловала меня съ нѣжностію матери, всегда приносила мнѣ дорогіе подарки и всегда разставалась со мною, обливая меня горячими слезами. Слезы эти, не знаю почему, надрывали мнѣ сердце, впрочемъ не слишкомъ склонное къ нѣжнымъ ощущеніямъ; послѣ нея мнѣ всегда становилось грустно, хотя и не надолго. Боярыню Милославскую, или, что одно и то же, царевну Софію Алексѣевну, которую только видѣлъ разъ, любилъ я болѣе ея, но о Кропотовой болѣе жалѣлъ: она казалась мнѣ такою несчастною!

«Однажды подарила она мнѣ гусли, на которыхъ приклеена была картинка съ изображеніемъ Ильи Муромца. Какъ дорожилъ я этимъ даромъ, можно судить по тому, что я не покидалъ его въ самые черные дни своего изгнанничества, во всѣхъ странствіяхъ своихъ. Все, что ни имѣлъ я лучшаго, готовъ былъ отдать товарищу, но съ гуслями ни за что не согласился бы разстаться.

«Кто не помнитъ кончины царя Ѳедора Алексѣевича? И старый и малый оплакивали добраго государя, котораго любили одни по опытамъ на себѣ его благихъ дѣлъ, а другіе, мало жившіе на свѣтѣ, по сочувстві народному. Еще врѣзанъ у всѣхъ въ памяти и перр бунтъ стрѣлецкій, взволновавшій вопросъ: кому двухъ дѣтей-наслѣдниковъ сидѣть на престолѣ? — просъ, рѣшенный только великимъ духомъ Петра

Digitized by Google

ксѣевича, когда онъ угадалъ, что ему надобно царствовать. Я не зналъ тогда причинъ возмущенія, но радовался, слыша о гибели Нарышкиныхъ и торжествѣ прекрасной и умной царевны, изъ рода Милославскихъ. Моя софьинская знакомка была также изъ этого рода.

«— Любо-ли?—кричали стрѣльцы, возвращаясь съ кроваваго пира, на которомъ торжествовали побѣду своей владычицы.

«— Любо!—отвѣчалъ я съ восторгомъ, стоя у воротъ нашего дома,—и стрѣльцы, радостно предрекая мнѣ великую будущность, брали меня на руки и съ криками поднимали на воздухъ.

«Въ день вѣнчанія на царство двухъ братьевъ, Андрей Денисовъ повелъ меня въ Кремль. Стоявшій у входа сотникъ проводилъ насъ къ самымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь мы, въ ожиданіи торжества, какъ бы приросли къ своимъ мѣстамъ. Вдоль дороги, по которой надо было идти царямъ, тянулись съ обѣихъ сторонъ, будто по шнуру, ряды стрѣльцовъ съ ихъ блестящими сѣкирами. Двинулось торжественное шествіе. Протопопъ кропилъ путь святою водой; золото парчевыхъ одеждъ начало переливаться; загорѣлись, какъ жаръ, богатыя царскія шапки, и вотъ, предъ нами цари—одинъ [1]), шестнадцатилѣтній блѣдный, тщедушный, съ безжизненнымъ взоромъ, сгорбившійся, едва смѣя дышать подъ тяжестью своей одежды и еще болѣе своего сана; другой [2]) — десятилѣтнее дитя, живой, цвѣтущій здоровьемъ, съ величавою осанкою, съ глазами, полными огня, ума и нетерпѣнія, рающій на народъ, какъ будто хотѣлъ сказать: *мой* одъ!... Казалось, одного гнали за державою, ему льно вручаемою,—другой, рожденный повелѣвать,

---

[1]) Іоаннъ.
[2]) Петръ.

Digitized by Google

шелъ схватить бразды правленія, у него отнимаемыя Признаюсь, я, бѣдный, ничтожный сирота, воспиты ваемый благодѣяніями князя и боярыни, осмѣлился завидовать державному дитяти!... За царями шла... кто-жъ? Моя тайная благодѣтельница, боярыня Милославская!... Но здѣсь я узналъ свою ошибку.

«— Вотъ царевна Софья Алексѣевна! — сказалъ воспитатель мой, дернувъ меня за одежду, и возгласъ удивленія и радости, готовый вылетѣть изъ устъ моихъ, замеръ въ груди.

«Очами изумленія, любви, благодарности смотрѣлъ я на царевну. Она то ласково кланялась стрѣльцамъ, то легкимъ наклоненіемъ головы давала знать боярамъ, чтобы ускорили шествіе: то смотрѣла съ какою-то непріязненною усмѣшкою и будто бъ съ завистью на царевича Петра; но, когда поровнялась со мною, удостоила меня и воспитателя моего особеннымъ поклономъ, такъ что всю милость этого поклона присвоилъ я одному себѣ безъ раздѣла.

«— Владиміръ!—сказалъ мнѣ Денисовъ, когда мы съ торжества возвращались домой,—я нарочно водилъ тебя смотрѣть на вѣнчаніе царей, чтобы ты узналъ, кто твоя благодѣтельница. Вѣдай, Господу угодно взыскать тебя новыми милостями: на дняхъ вступишь ты въ услуженіе къ царевнѣ; тебя ожидаютъ высшія степени, богатство, слава. Не спрашивай ни меня, ни другого кого, за что царевна тебя любитъ; можетъ статься, обѣтъ, данный твоей матери.... я самъ хорошо не знаю что — довольно, что она любитъ тебя, бѣднаго, безроднаго сироту.... Такъ угодно Богу; видно, ты родился въ сорочкѣ! вотъ что можно мнѣ сказать вопросы о твоей талантливой судьбѣ. Помни: твое гополучіе зависитъ отъ твоей скромности и вѣрно дому Милославскихъ. На вершинѣ не забудь и св воспитателя: не мало потрудился онъ для тебя.

Digitized by Google

«Въ восторгѣ отъ милостей прекрасной царевны голова у меня кружилась: я все обѣщалъ. О своемъ же происхожденіи не только не хотѣлъ, я боялся даже знать болѣе того, что слышалъ отъ самого князя. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней князь Василій Васильевичъ повелъ меня въ Коломенское, куда отправились царевичи тѣшиться соколиною охотой, а царевны наслаждаться прогулками по садамъ, изстари славившимися. Я былъ предупрежденъ, чтобы мнѣ, при видѣ царевны Софьи Алексѣевны, показывать, будто вовсе не знаю ея. Съ нами повезли мои маленькія гусли, на которыхъ я уже довольно искусно игралъ. Когда мы вступили въ коломенскій дворецъ и пока докладывалъ о насъ стольникъ царицына чина, мы слышали изъ одного терема пріятное пѣніе женскихъ голосовъ. Вскорѣ голоса умолкли, и я позванъ былъ одинъ въ этотъ самый теремъ. Несмотря, на мое удальство, сердце у меня затрепетало. Стольникъ несъ впереди меня гусли мои, потомъ сдалъ ихъ и меня царевниной постельницѣ Ѳедорѣ Семеновой, по прозванію Казачкѣ, которая, приласкавъ и ободривъ меня по-своему, отвела во внутренніе покои. Въ одномъ изъ нихъ, отличавшемся отъ другихъ величиною и убранствомъ, сидѣла царевна Софья Алексѣевна, окруженная сестрами своими, молодою, пригожею царицею Маѳеою Матвѣевной, узнавшею столь рано печаль вдовства [1]), и многими знатными дѣвицами, пріѣхавшими дѣлить съ подругами своими радости сельской, свободной жизни. Какъ теперь вижу, Софья Алексѣевна сидѣла на стулѣ высокою, узорочною спинкой, нѣмецкаго мастер-

---

Дочь Матвѣя Васильевича Апраксина, сочетавшаяся 15-го раля 1862 года съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, по прозванію *Чахлымъ*, и овдовѣвшая, 20-ти лѣтъ, 27-го апрѣля того-жъ

Digitized by Google

ства, и держала въ рукѣ тросточку, расписанную золотомъ, у которой рукоятка была изъ краснаго сердолика, украшеннаго дорогими каменьями. Прочіе собесѣдники всѣ сидѣли на скамьяхъ и занимались плетеніемъ кружева для полотенцевъ. Я отличилъ тотчасъ свою благодѣтельницу, какъ различаютъ первую звѣзду вечернюю отъ прочихъ звѣздъ. И здѣсь, посреди красавицъ московскихъ, она была всѣхъ ихъ прекраснѣе, хотя ей было уже двадцать пять лѣтъ. Я помолился сначала святымъ иконамъ, сдѣлалъ потомъ ей низкій поклонъ и, наконецъ, раскланялся на всѣ стороны. Софья Алексѣевна подозвала меня къ себѣ, дала мнѣ поцѣловать свою ручку и сама поцѣловала меня въ лобъ; всѣ осыпали меня ласками, называя пригожимъ мальчикомъ. Но всѣхъ болѣе, послѣ моей благодѣтельницы, ласкала тогда и впослѣдствіи всегда оказывала мнѣ искреннюю привязанность царица Марѳа Матвѣевна. Память объ ея милостяхъ расцвѣчала черные дни моей жизни; неоцѣненное благодѣяніе, ею мнѣ однажды оказанное и котораго не смѣю объяснить, усладитъ мой смертный часъ!...

«На вопросы, дѣланные мнѣ съ разныхъ сторонъ, отвѣчалъ я смѣло, стараясь всѣмъ угодить. Меня просили сыграть что-нибудь на гусляхъ. Раскрыли ихъ, и собесѣдницы, съ позволенія Софьи Алексѣевны, присыпали смотрѣть картинку, изображающую богатыря Илью Муромца, ѣдущаго на ретивомъ конѣ сражаться противъ Соловья-разбойника, усѣвшагося на семи дубахъ. Это была одна изъ первыхъ картинъ русскаго издѣлья. Многіе смѣялись отъ всего сердца, особе[illegible] дѣвица Прасковія Ѳедоровна Салтыкова [1]), живая, селая, говорившая, что она на святкахъ видѣла въ

[1]) 9-го февраля 1684 года выдана замужъ за царевича Іо[illegible] Алексѣевича.

Digitized by Google

калѣ жениха своего, будто похожаго на урода, сидящаго на деревьяхъ. Хорошенькая, но непривлекательная ни лицомъ, ни разговорами, дѣвица Евдокея Ѳедоровна Лопухина [1]), взглянувъ изъ-за другихъ на картинку, плюнула и съ неудовольствіемъ отворотилась, сказавъ, что «грѣхъ смотрѣть на такое дьявольское искушеніе».—Я игралъ на гусляхъ то заунывныя, то веселыя пѣсни, и видѣлъ съ торжествомъ, какъ всѣ довольны были моею игрою.

«Когда Софья Алексѣевна объявила желаніе свое взять меня къ себѣ въ *пажи*, и когда, на вопросы боярынь объяснила имъ, что такое *пажъ*, всѣ упрашивали ее исполнить это поскорѣе и не оставить своею милостью пригожаго, разумнаго сироту (такъ угодно было имъ называть меня). Съ этого часа моя судьба рѣшена: князю Василью Васильевичу объявлено о волѣ царевны — и черезъ нѣсколько дней я съ своими гуслями и мечтами честолюбія водворился въ царскихъ палатахъ. Не стану распространяться о милостяхъ ко мнѣ царевны Софіи: кому изъ московскихъ жителей онѣ не извѣстны? Скажу только, что онѣ росли вмѣстѣ съ возвышеніемъ ея. Я сдѣлался баловнемъ ея и всѣхъ придворныхъ женщинъ. Отъ природы тщеславный, непокорный, я возмечталъ о себѣ столько, что не сталъ ни во что считать царицу Наталью Кирилловну, а съ сыномъ ея, бывшимъ мнѣ почти ровесникомъ искалъ всегда причинъ къ неудовольствію. Дитя рано обнаружило въ себѣ царя; во всѣхъ случаяхъ Петръ Алексѣевичъ давалъ мнѣ чувствовать свое превосход-[illegible], къ самыхъ играхъ напоминалъ мнѣ долгъ под-[illegible]аго. Это бѣсило меня.

«Послѣ второго стрѣлецкаго бунта Наталья Кирил-[illegible]а, видя, что честолюбивая падчерица каждый годъ

[1]) впослѣдствіи нелюбимая супруга Петра I.

Digitized by Google

очищаетъ себѣ новую ступень къ престолу, искала съ своими совѣтниками предлога открыть ей войну за права, похищаемыя у Петра, который еще только учился защищать ихъ. Бездѣлица бываетъ обыкновенно придиркою къ ссорѣ людей сильныхъ и знатныхъ, какъ для начинанія боя, гдѣ должны стѣна на стѣну сразиться славные бойцы цѣлаго города, высылаютъ всегда мальчиковъ. Такъ сдѣлали и въ томъ случаѣ, о которомъ говорю.

«— Именемъ пажа, даннымъ подкидышу, — говорила Наталья Кирилловна, — хочетъ новая царица начать новый дворъ; это явное оскорбленіе русскихъ обычаевъ и законности. Скоро у ней появятся неслыханныя должности, замѣщаемыя ея приверженцами, и намъ съ сыномъ между ними и мѣста не будетъ.

«Софья Алексѣевна, всегда умная и на этотъ разъ осторожная, притворилась слишкомъ слабою, или въ самомъ дѣлѣ не чувствовала еще въ себѣ довольно силы явно идти на встрѣчу сдѣланному ей обвиненію: она старалась отыграться отъ него переименованіемъ меня въ Новика—званіе, которое дѣти боярскіе переставали уже носить, вступая въ службу. Впослѣдствіи честолюбіе Софьи Алексѣевны утвердило за мною придачу Послѣднаго, доставившую мнѣ слишкомъ пагубную извѣстность.

Съ 1683 года запрещено было посѣщать меня пригожей женщинѣ, извѣстной мнѣ подъ именемъ Кропотовой. Князь Василій Васильевичъ, оберегатель царственной большой печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ, ближній бояринъ и намѣстникъ [illegible] городскій, неся на себѣ все бремя правленія государ[illegible]ствомъ, былъ столько занятъ, что не могъ посвятить [illegible]нѣ много времени, и потому вся моя любовь сос[illegible]дот[illegible]чивалась въ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, котор[illegible] съ с[illegible]оей стороны, старалась платить мнѣ милостя

Digitized by Google

какія можно оказывать только любимцу. Ахъ! зачѣмъ такъ поздно узналъ я, безразсудный, что чувства ея ко мнѣ, вмѣстѣ съ потворнымъ воспитаніемъ Денисова, готовили изъ меня орудіе ихъ страстей?

«Мнѣ минуло 15 лѣтъ. Предметъ зависти боярскихъ дѣтей, окруженный довольствомъ и нѣгою, утѣшая царевну и придворныхъ ея игрою на гусляхъ и пѣніемъ, нерѣдко, среди дѣтскихъ игръ, похищая пылъ первой страсти съ устъ прекрасныхъ женщинъ, которыя обращались тѣмъ свободнѣе со мною, что не опасались ни лѣтъ моихъ, ни ревниваго надзора родственниковъ, не дерзавшаго слѣдовать за ними ко двору властолюбивой правительницы; вознагражденный тайною любви одной прекрасной, умной, чувствительной женщины, которой имя знаетъ и будетъ знать только одинъ Богъ,—на такомъ пиру жизни я не могъ желать ничего, кромѣ продолженія его. Но безпокойная душа моя просила бѣдъ, и бѣды не заставили меня долго ждать.

«Мы проводили лѣто въ Коломенскомъ. Петръ Алексѣевичъ съ своими *потѣшными* осаждалъ крѣпостцу, построенную имъ изъ земли на высокомъ берегу Москвы-рѣки, при загибѣ ея. Однажды, восхищенный успѣхами своего войска, онъ пришелъ къ царевнѣ Софьѣ, разсказывалъ о подвигахъ своихъ, шутилъ надъ женскимъ правленіемъ; говорилъ, что «для рукъ, привыкшихъ владѣть иглою и веретеномъ, тяжела держава, съ которою надо соединять и мечъ»; грозился нѣкогда своими новобранными наказать враговъ отечества и, наконецъ, увидѣвъ меня, приглашалъ ступить къ себѣ въ службу. Каждое слово его было ромъ ножа въ грудь Софьи Алексѣевны; я видѣлъ, къ глаза ея разгорались, какъ грудь ея волновалась ъ досады. Съ быстротою молніи кровь и у меня ала перебѣгать по всему тѣлу. Съ нами въ комнатѣ ла царица Марѳа Матвѣевна.

Digitized by Google

«— Полно быть дѣвичьимъ прихвостникомъ!—продолжалъ Петръ, положивъ руку на мое плечо. — Ты здѣсь Послѣдній Новикъ; у меня можешь быть первымъ потѣшникомъ.

«— Пускай потѣшаютъ тебя нѣмцы, — отвѣчалъ я угрюмо, сбросивъ съ плеча своего руку Петра, — я русскій, лучше хочу быть послѣднимъ слугою у законной царевны, чѣмъ первымъ бояриномъ у тебя.

«Царь-отрокъ вспыхнулъ, и сильная оплеуха раздалась по моей щекѣ. Не помня себя, я замахнулся было... но почувствовалъ, что меня держали за руки и что нѣжныя женскія руки обхватили станъ мой, силясь увлечь меня далѣе отъ Петра, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ съ видомъ гордымъ и грознымъ. Софья Алексѣевна приказывала мнѣ удалиться немедленно. Марѳа Матвѣевна, не выпуская меня изъ своихъ объятій, со слезами на глазахъ умоляла не губить себя. На крикъ ихъ прибѣжали *комнатные* люди, и меня вывели изъ терема, но не прежде, какъ я послалъ въ сердце своего обидчика роковую клятву отмстить ему. Это происшествіе имѣло послѣдствіе изгнаніе меня въ Софьино, гдѣ я опять глазъ на глазъ съ моимъ развратителемъ Денисовымъ. На этотъ разъ я предался ему совершенно: я упивался его бесѣдами. Въ нихъ, кромѣ ненависти къ Петру, я ничего не слыхалъ; я далъ олицетворенному сатанѣ кровавую запись на свою душу.

«Были кончены походы крымскіе, затѣянные (такъ объяснилось мнѣ послѣ) царевною Софьею, чтобы ознаменовать свое правленіе военными подвигами и отвл благороднаго князя Василія Васильевича отъ присмот за ея умыслами на жизнь Петра. Извѣстны посл ствія этой войны: безполезная трата людей и ден слезы тысячъ, безчестье войска, небывалыя нагр денія военачальниковъ и неудовольствія сильныхъ

Digitized by Google

номышленниковъ младшаго царя. Однѣ побѣды нынѣшнія могли прикрыть своимъ блескомъ постыдныя имена *Перекопа*, *Черной* и *Зеленой долинъ*. Въ оба эти похода я былъ при князѣ Васильѣ; возвратясь изъ изъ нихъ, жилъ опять въ Софьинѣ. У всѣхъ современниковъ моихъ еще на памяти государственные перевороты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ послѣдніе годы правленія Софьи такъ быстро, что не позволяли ей установить свои коварные замыслы, а Петру болѣе и болѣе расширяли кругъ его державныхъ дѣйствій. Съ досадою видѣла правительница, что всѣ ея начинанія обгоняли душевныя сила юнаго царя и возраставшая къ нему народная любовь, или, лучше сказать, воля Провидѣнія. Униженная всенародно въ церковномъ ходѣ 8-го іюня 1689 года, царевна поспѣшила рѣшительно грянуть въ своего брата и соперника третьимъ стрѣлецкимъ бунтомъ, гдѣ въ залогъ успѣха была положена ея собственная голова. Я ничего не зналъ объ ея новыхъ козняхъ. 18-го августа, съ разсвѣтомъ дня, получаю отъ нея записку, въ которой приказывали мнѣ немедленно явиться въ Москву. — «Жизнь моя въ опасности», — прибавляла она между прочимъ. — Не думаю долго; ножъ за поясъ, слово Денисову о причинѣ моего отъѣзда, отъ него слово, что часъ мести насталъ, и совѣтъ, какъ дѣйствовать, чтобы уничтожить врага Софьи и моего; беру лошадь, скачу безъ памяти. Въ тѣснинѣ *Волчьихъ воротъ* [1]), поперекъ дороги, лежитъ сосна, взъерошившая свои мохнатые сучьи и образовавшая изъ нихъ густой ча[illegible]холъ. Ищу въ лѣсу мѣста, гдѣ бы мнѣ перебраться дорогу, какъ вдругъ изъ-за кустовъ прямо на меня

---

[1]) Такъ называется и донынѣ мѣсто въ лѣсу по коломенской [illegible]гѣ, въ 23-хъ верстахъ отъ Москвы. За нѣсколько еще десятковъ [illegible]но было заставою разбойниковъ.

Digitized by Google

нѣсколько молодцовъ съ дубинами и топорами; одни повисли за устцахъ моей лошади, другіе меня обезоружили. Но какъ внезапно напали они на меня, такъ же скоро отъ меня отступили.

«— Послѣдній Новикъ! Послѣдній Новикъ!—закричало нѣсколько голосовъ.—Ступай своей дорогой! мы хлѣбъ-соль царевны Софьи Алексѣевны помнимъ; знаемъ, что она тебя жалуетъ, и не хотимъ ни твоего добра, ни головы твоей. Поспѣшай: намъ и вамъ въ Москвѣ худо; нѣмцы берутъ верхъ; царевнѣ не сдобровать!»

«Не слышу ничего болѣе; скачу опять безъ ума; во всю дорогу видѣнія разгоряченнаго воображенія меня преслѣдуютъ. Вижу, народъ зыблется въ Кремлѣ; слышу, кричатъ: «подайте царевну!...» Вотъ палачъ, намотавъ ея длинные волосы на свою поганую руку, волочитъ царевну но ступенямъ *Краснаго крыльца*, чертитъ ею по праху широкій слѣдъ... готова плаха... топоръ занесенъ... брызжетъ кровь... голова ея выставлена на позоръ черни... кричатъ: «любо! любо!...» Кровь стынетъ въ жилахъ моихъ, сердце замираетъ, въ ушахъ раздается знакомый голосъ: «отмсти, отмсти за меня!...» Смотрю впередъ: вижу сіяющую главу Ивана Великаго и, прилѣпясь къ ней, сыплю удары на бѣдное животное, которое мчитъ меня, какъ вѣтеръ. Вотъ и я въ городѣ! Концы Москвы пусты; Москва вся на площадяхъ и въ Кремлѣ. Видѣнія мои сбываются: народъ волнуется, шумитъ, толкуетъ объ открытіи заговора, о бѣгствѣ царя Петра Алексѣевича съ матерью и молодою супругою въ Троицкій монастырь; войско, подъ предводительствомъ Лефорта и Г дона, собирается въ походъ; сзываютъ вѣрныхъ Пе къ защитѣ его, проклинаютъ Шакловитаго, раздаю угрозы Софьѣ. Лечу во дворецъ, прямо въ комн царевны. Толпа служителей встрѣчаетъ меня, слез

Digitized by Google

похоронными возгласами, рыданіями. Не помню ногъ подъ собою: хочу и боюсь спросить, что дѣлается съ моею благодѣтельницею; наконецъ, осмѣливаюсь—и мнѣ отвѣчаютъ только, что «она въ крайней опасности».— Услышавъ изъ ближней комнаты мой голосъ, она отворяетъ дверь и кличетъ меня къ себѣ. Вхожу. Она одна. Лицо ея помертвѣло; на немъ ясно отражается послѣдняя борьба душевнаго величія съ отчаяніемъ; голосъ, привыкшій повелѣвать, дрожитъ; честолюбивая царица—только несчастная женщина.

«— Другъ мой!—сказала она, обнявъ меня и обливаясь слезами,—Петръ Алексѣевичъ ищетъ моей конечной гибели. Распустилъ слухъ въ народѣ, будто я готовила заговоръ, которымъ хочу истребить меньшаго брата, мать его и всѣхъ приближенныхъ, и скрылся въ Троицкій монастырь. Враги мои подкупаютъ народъ, стрѣльцовъ; всѣ покидаютъ меня, всѣ винятъ несчастную въ злодѣяніи. И на умѣ не имѣла... Развѣ вынудитъ меня защита собственной жизни... Меня ожидаютъ монастырь или плаха. Скажи, что дѣлать мнѣ?

«Изступленный, я предлагаю ей свою руку, своихъ пріятелей, рѣшаюсь отправиться съ ними къ Троицѣ, пока войска туда еще не пришли, даю клятву проникнуть въ обитель, до Петра. Софья благословляетъ меня на это злодѣяніе, снабжаетъ меня золотомъ, драгоцѣнными вещами, письмомъ, совѣтами, и я, съ десятью, повидимому, преданными мнѣ стрѣльцами, въ слѣдующую ночь у стѣнъ монастыря. Только черезъ [illegible]ки отпираютъ намъ входъ въ него сквозь трещину *[illegible]шьей* башни: деньги и драгоцѣнности, данныя мнѣ [illegible]ьею, оставлены у пріятеля Денисова, жившаго въ [illegible]оицкомъ посадѣ. Изъ десяти товарищей остается у [illegible]я половина; прочіе, упились виномъ или разбѣжа[illegible], услыша, что войска на дорогѣ изъ Москвы. Въ

Digitized by Google

оставшихся товарищахъ вижу нерѣшительность; они, однакожъ, слѣдуютъ за мною. Позади церкви Смоленской Божіей Матери скрываемся въ ветхой, необитаемой кельѣ *монаха оружейнаго*. Отсюда видно всѣхъ, кто ни выходитъ изъ *Государевой палаты;* отсюда сторожимъ свою жертву. Петру съ своей матерью идти на утреннюю молитву въ одну изъ монастырскихъ церквей (молодая супруга его нездорова); въ храмѣ Божіемъ должно совершиться злодѣяніе. Время дорого; разсуждать и откладывать некогда, Мнѣ, какъ любимцу Софіи, предоставлена честь быть мстителемъ ея и убійцею Петра. Ласточка встрепенулась и щебечетъ на гнѣздѣ, прилѣпленномъ къ окну, у котораго стоимъ; заря занимается. Взоры мои сквозь рѣшетку окна устремлены на *Государеву палату*, ищутъ адской цѣли и встрѣчаютъ однѣ святыя изображенія. Божія Мать улыбается улыбкою неба, смотря на предвѣчнаго Младенца: Іисусъ на вечери учитъ апостоловъ своихъ любви къ ближнему и миру; далѣе несетъ. Онъ съ покорностью крестъ свой; ангелы радостно порхаютъ около престола своего Творца... и все кругомъ меня говоритъ о добрѣ, о невинности, о небѣ, и все тихо святою тишиной. А я, несчастный, къ чему готовлюсь? Въ жилахъ моихъ кипитъ кровь, въ груди возятся дьяволы. Отвращаю взоры отъ святыхъ предметовъ, и предо мною гробница Годунова: на ней стоитъ младенецъ съ перерѣзаннымъ горломъ, съ кровавыми струями по бѣлой одеждѣ, и грозитъ мнѣ. Совѣсть! Ты это была; ты предстала мнѣ въ видѣ святого мученика и встревожила все мое существо. Еще руки мои чисты; еще не вступалъ я въ права Твор своего! Есть время одуматься... Въ колоколъ ударикъ заутрени. Я встрепенулся.

«— Идутъ,» — сказалъ одинъ изъ моихъ то рищей

Digitized by Google

«Смотрю: царица Наталья Кирилловна, опираясь одною рукою на посошокъ, другою крестясь, пробирается по тропѣ между гробницами; за ней — Петръ Алексѣевичъ, отряхивая черныя кудри свои, какъ будто отрясая съ себя ночную лѣнь. Съ другой стороны, покашливая, бредетъ старикъ монахъ. Сердце у меня хочетъ выскочить изъ груди. Забыто все; вижу только своего врага, помню только клятву, данную Софьѣ.

«— Не здѣсь-ли?—говорю своимъ товарищамъ.

«— Видишь, сколько мелкихъ камней на кладбищѣ,—отвѣчаетъ одинъ,—есть чѣмъ оборониться, да и монахи бѣгутъ... лучше въ церкви.

«— Не отложить-ли совсѣмъ?»—прибавляетъ другой.

«Прочіе молчатъ; я молчу и гляжу, какъ монахъ, дрожащій отъ старости, большимъ ключомъ силится отворить дверь въ Троицкій соборъ, какъ нетерпѣливый Петръ вырываетъ у него ключъ, и желѣзныя, огромныя двери съ шумомъ распахиваются. Выбѣгаю стремглавъ изъ кельи, пролетаю дворъ и—въ церкви. Святыня, вмѣстѣ съ холоднымъ, сырымъ воздухомъ, вѣющимъ отъ стѣнъ, обхватила меня; темный ликъ Спасителя грозно на меня смотрѣлъ; толпа праведниковъ двигалась, росла и меня обступила. Невольно содрогнулся я и остановился посреди церкви. Оглядываюсь: три товарища, слѣдовавшіе за мной, стояли у входа въ нее, не смѣя войти. Въ это время царица Наталья Кирилловна и сынъ ея молились на колѣнахъ предъ царскими дверьми. Вѣроятно, услышавъ за собою нелѣпокновенно смѣлую поступь, она оглянулась, вскрикнула:

— Стрѣльцы! злодѣи! — съ ужасомъ ухватила [illegible]ра за руку и прямо опрометью бросилась съ нимъ [illegible] царскія двери въ алтарь.

Digitized by Google

«Я за ними, черезъ порогъ Святая Святыхъ, съ ножемъ въ рукѣ. Престолъ насъ раадѣляетъ. Петръ останавливается; то грозно смотритъ на меня, то ищетъ, чѣмъ оборониться. Мать силится загородить его собою, указываетъ мнѣ распятіе, на образъ Сергія Чудотворца, умоляетъ меня именемъ Бога и Святыхъ пощадить ея сына и лучше убить ее, если нужна кровь Нарышкиныхъ... Я вполовину побѣжденъ; но дѣлаю надъ собою усиліе, преслѣдую Петра, настигаю... уже заношу ножъ... Раздается крикъ матери, ужасный крикъ, разодравшій мнѣ душу, поворотившій мнѣ всю внутренность, крикъ, отзывающійся и теперь въ груди моей... Движеніемъ, которое я сдѣлалъ, чтобы поймать свою добычу, падаетъ съ жертвенника распятіе... Одинъ изъ моихъ товарищей грозно взываетъ ко мнѣ: «*постой, не здѣсь, не у престола; въ другомъ мѣстѣ онъ не уйдетъ отъ насъ!*»—Бьютъ въ набатъ—и все въ одно мгновенье!... Я упалъ духомъ; рука, не искусившаяся въ дѣлахъ крови, осталась въ нерѣшительности дѣйствовать. Этотъ мигъ спасъ Петра и Россію!... Слышу, нѣсколько монаховъ хватаютъ меня сзади за руки и вырываютъ ножъ. Связанный, я брошенъ въ какой-то погребъ. Сколько времени я пробылъ въ немъ, не знаю: перемѣны дня тамъ не означались; помню только ночь длинную, какъ вѣчность, жажду, голодъ, постель въ лужѣ, ледяное прикосновеніе гадовъ, ползавшихъ по мнѣ, и душевныя муки, — послѣдствія безполезнаго злодѣянія!

«Наконецъ, я услышалъ глухой стукъ въ стѣнѣ. Была-ли то вѣсть казни или спасенія? Сердце мое замерло при этой мысли. Нѣсколько камней упа близъ меня, и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое щили, развязали и бросили на землю. Это брош ное захрапѣло ужасно. Голосъ произнесъ тихо, твердо:

Digitized by Google

«— Гдѣ ты, Послѣдній Новикъ? Именемъ царевны Софіи Алексѣевны дай мнѣ руку.

«— Вотъ она! — сказалъ я, ощупавъ незнакомца, на голосъ котораго пошелъ.

«— Теперь раздѣнься и брось здѣсь свой кафтанъ,—продолжалъ онъ.

«Мнѣ пришло на мысль, что для спасенія моего хотятъ замѣнить меня другимъ, что этотъ другой вмѣсто меня долженъ положить свою голову на плаху, и я сначала поколебался было исполнить волю незнакомца; но любовь къ жизни превозмогла—я предался своему избавителю. Мы продрались черезъ лазейку, сдѣланную довольно высоко въ стѣнѣ, нашли за стѣной другого человѣка, насъ ожидавшаго, заклали искусно отверстіе каменьями, поползли на четверенькахъ по какимъ-то темнымъ извилинамъ, очутились въ башнѣ; съ помощью веревочной лѣстницы, тутъ приготовленной, взлѣзли на высоту въ узкое окно, оттуда на крышу, карабкались по ней, подражая между тѣмъ мяуканью кошекъ, и потомъ впрыгнули въ слуховое окно. Темная ночь, не позволявшая различать предметы, способствовала нашему побѣгу. Не скажу, гдѣ и у кого я очутился: тайна эта умретъ со мною. Нѣсколько недѣль жилъ я подъ поломъ, слышалъ оттуда барабанный бой пришедшаго къ монастырю войска, вопли, исторгаемые пыткою на монастырскомъ дворѣ, радостныя восклицанія народа; слышалъ разсказы, какъ около монастыря поднялась такая пыль, что одному другого за два шага нельзя было видѣть, когда ... преступниковъ изъ обители и изъ Москвы на ... мѣсто; какъ Шакловитый, снятый съ дыбы, про... ѣсть и, наконецъ, какъ совершилась казнь надъ ...ими. Кому отрубили голову или вырѣзали языкъ, ...били кнутомъ, сослали въ вѣчное заточеніе. Въ ... послѣднихъ былъ князь Василій Васильевичъ...

Digitized by Google

въ числѣ первыхъ былъ — Послѣдній Новикъ. Можно было судить, что я чувствовалъ, слушая такіе разсказы.

«Когда я хотѣлъ узнать, какимъ образомъ могли замѣнить меня другимъ въ тюрьмѣ и на плахѣ, избавитель мой объяснилъ мнѣ, что мой двойникъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, прискакавшихъ со мною къ Троицѣ для убіенія царя, что Андрей Денисовъ, пріѣхавшій вслѣдъ за мною по приказанію Софьи Алексѣевны, нашелъ его у постоялаго двора въ такомъ мертвомъ опьянѣніи, что, если бы вороны глаза у него клевали, не чувствовалъ бы ничего. Состояніемъ этимъ воспользовались, положили его въ мѣшокъ и притащили въ мое заключеніе. Монахи пришли взять меня оттуда, и хотя тотчасъ догадались о подмѣнѣ заключеннаго, но, видя, что входъ въ тюрьму былъ въ прежнемъ крѣпкомъ состояніи, приписывая этотъ случай чуду или напущенію дьявола, и болѣе всего боясь открытіемъ подмѣна заслужить казнь, мнѣ приготовленную, сдали моего двойника, подъ моимъ именемъ, солдатамъ, а эти палачу. Къ обману способствовала густая пыль, о которой я говорилъ, и приказъ царскій казнить меня безъ допросовъ. Исполнители казни работали живо, — прибавлялъ мой избавитель, — имъ все равно было, чья голова или чей языкъ летѣли подъ ихъ рукою, лишь бы счетъ головамъ и языкамъ былъ вѣренъ. Не мудрено также, что палача задарилъ Денисовъ.

«Я не могъ быть выпущенъ изъ монастыря тѣмъ путемъ, которымъ въ него вошелъ; у всѣхъ башенъ стояла уже крѣпкая стража. Надо было дождаться выѣзда царя съ его семействомъ изъ обители. Я дождался этого выѣзда, буря миновала;—днемъ, во время обѣдни, выпустили меня изъ моей засады и монастырскихъ воротъ. Узнать меня нельзя было въ рубищѣ

Digitized by Google

съ искривленною на одну сторону шеею, со спущенными на лицо волосами; я проскользнулъ въ толпѣ убогихъ, которыхъ мой избавитель собралъ для раздачи имъ милостыни. Въ ближней деревушкѣ нашелъ я Андрея Денисова, имѣвшаго въ готовности двухъ бойкихъ лошадей—и... съ этого времени я изгнанникъ изъ родины!»

На этомъ мѣстѣ остановился чтецъ, какъ для того чтобы отдохнуть, такъ и дать своимъ товарищамъ сообразить разсказъ Новика съ слухами о происшествіяхъ тогдашняго времени. Исполнивъ то и другое, принялись снова за чтеніе.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

То пѣснь про родину мою:
Я день и ночь ее пою.
Баронъ Розенъ.

«Пусть запретятъ вамъ выѣзжать въ какой-либо городъ, и это запрещеніе покажется вамъ мучительнымъ наказаніемъ: чтожъ долженъ чувствовать тотъ, для кого навсегда заперта дорога въ отечество? Изгнанникъ, подобный мнѣ, можетъ только понять мои чувства. Теперь только узналъ я цѣну того, чѣмъ обладалъ и что потерялъ безвозвратно. Эта ужасная извѣстность перемѣнила мой нравъ. Куда дѣвались мечты честолюбія! «О Боже мой!—говорилъ я, обливаясь слезами,—сдѣлай меня самымъ бѣднымъ, ничтожнымъ изъ смертныхъ, хоть послѣднимъ крестьяниномъ села Софьина, и за это униженіе отдай мнѣ ее, отдай мнѣ родину. Тринадцать лѣтъ, каждый день съ усиливающеюся по ней тоскою, творю эту молитву и донынѣ попрежнему странникомъ въ чужбинѣ.

«Мы ѣхали все на сѣверъ. Дорогою повремен обгоняли толпы раскольниковъ, пробиравшихся по т же направленію. При видѣ моего спутника они с навливались, испрашивали его совѣтовъ, помог

Digitized by Google

никогда не оставались безъ того и другого. Андрей зналъ хорошо пути къ человѣческому сердцу и мастерски умѣлъ пользоваться его слабостями; отъ природы и ученія краснорѣчивый, онъ былъ богатъ убѣжденіями духовными; также и въ вещественныхъ пособіяхъ не нуждался. Всѣ драгоцѣнности и деньги, данныя мнѣ Софьею Алексѣевною, получилъ онъ обратно, по назначенію моему, отъ того человѣка, кому я ихъ ввѣрилъ, да и самъ товарищъ мой напутствованъ былъ такими же щедрыми дарами царевны. Дорогой имѣлъ я случай вывѣдать, что переселеніе на сѣверъ нѣсколькихъ сотъ семействъ русскихъ дѣлалось вслѣдствіе видовъ Денисова, давно обдуманныхъ и искусно расположенныхъ, и имѣло цѣлью современемъ противопоставить на всѣхъ концахъ Россіи враждующую силу царю изъ рода Нарышкиныхъ. Этою силою, неколебимою своимъ невѣжествомъ, руководствовала нерѣдко Софья въ свою пользу, но, не пріобрѣтя для себя ничего, удовлетворила только жадному властолюбію своего клеврета. Впослѣдствіи узналъ я, что главнымъ условіемъ ея богатыхъ милостей, какъ ему, такъ и основаннымъ имъ поморскимъ скитамъ, которыхъ онъ сдѣлался патріархомъ, была передача мнѣ въ наслѣдство этого чиноначальства. Разрывъ его со мною долженъ былъ увлечь за собой и разрывъ съ нимъ Софьи: тѣмъ важнѣе было для него потерять меня.

«По прибытіи нашемъ за Онегу, возникли мало-помалу русскія селенія изъ болотъ и лѣсовъ; жизнь общественная заговорила въ пустыняхъ. Меня ничто занимало, даже и сулимое мнѣ владычество. Я не выдержать болѣе года въ Выгонскомъ скитѣ. клиная виновниковъ своего несчастія, для котораго меня съ младенчества воспитывали, съ тоскою, которую не въ силахъ былъ вырвать изъ сердца, какъ то стрѣлу, въ него вонзенную и въ немъ перелом-

Digitized by Google

ленную,—я бѣжалъ... назадъ идти не могъ... я бѣжалъ въ Швецію. Ничего не взялъ я съ собою, кромѣ гуслей, неоцѣненнаго дара доброй Кропотовой, освященнаго чистою, безкорыстною любовью ко мнѣ (онѣ доставлены мнѣ въ скитъ черезъ одного раскольника, совершенно преданнаго Софьѣ Алексѣевнѣ).

«Переходя изъ страны въ страну, убѣгая отъ родины и находя ее вездѣ въ своемъ сердцѣ, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи. Игра на гусляхъ и пѣнье доставляли мнѣ насущный хлѣбъ. Пѣсни, сочиненныя мною на разные случаи моей жизни, переносили меня въ прошедшее и облегчали грудь мою, исторгая изъ очей сладкія слезы. Молва о московитскомъ музыкантѣ переходила по горамъ и долинамъ; на семейныхъ праздникахъ, на свадьбахъ мнѣ первому былъ почетъ; всѣ возрасты слушали меня съ удовольствіемъ; старость весело притопывала мнѣ мѣру; юность то плясала подъ мою игру, то горько задумывалась. Вездѣ есть добрыя сердца; въ Швеціи я нашелъ ихъ много, очень много. Гостепріимство и любовь приглашали меня не разъ въ свои семьянины. Въ горахъ Далекарліи, у одного богатаго мызника меня особенно ласкали. Онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, кромѣ дочери, не имѣлъ дѣтей. Старикъ уговаривалъ меня войти къ нему въ домъ вмѣсто сына.

«— Остался бы, добрый старикъ,—говорилъ я,— кабы могъ забыть родину.

«Дочь его—прекрасная, статная, рослая, какъ бы отъ земли тянуло ее къ себѣ небо, — каждый день болѣе и болѣе опутывала меня своею любовью. Часто слушая мои пѣсни, она съ нѣжностью останавливала на мнѣ свои черноогненные глаза, отъ которы хотѣлъ бы уйти въ преисподнюю; нерѣдко сле блистали на длинныхъ рѣсницахъ прекрасной вушки.

Digitized by Google

«— Добрый странникъ!—сказала она мнѣ однажды, побѣдивъ свою стыдливость,— останься съ нами, я буду любить тебя, какъ брата, какъ...

«Потупленныя въ землю очи, дрожащія уста, волненіе дѣвственной груди — договорили мнѣ все, что она боялась вымолвить.

«— Не хочу обманывать тебя, милая! У меня въ Россіи есть уже невѣста; не снять мнѣ до гробовой доски желѣзнаго кольца, которымъ я съ нею обручился,—отвѣчалъ я ей, и спѣшилъ удалиться отъ жилища, гдѣ, на мѣсто невинныхъ радостей, поселилъ безпокойство. Такъ одинъ взглядъ сатаны побиваетъ жатву, чумитъ стада и вноситъ пожары въ хижины!

«Судьба привела меня въ Стокгольмъ въ 1694 году, когда весь городъ шепталъ (говорить громко истину при Карлѣ XI не смѣли) о жестокостяхъ редукціонной комиссіи, о явкѣ къ верховному суду депутатовъ лифляндскаго дворянства, о рѣзкихъ возраженіяхъ одного изъ нихъ, Паткуля, отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ, умомъ и отвагою и, наконецъ о приговорѣ, грозившемъ этимъ народнымъ представителямъ. Любя все необыкновенное, я старался узнать этого великаго противника неправосудной власти. Играю на гусляхъ передъ его окнами я привлекъ на себя его вниманіе. Онъ полюбилъ меня съ перваго дня, какъ увидѣлъ; разгадалъ меня, исторгнулъ изъ униженія своимъ вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ и умѣлъ возбудить во мнѣ такое участіе, что я вскорѣ повѣрилъ ему тайны своей жизни. Эта откровенность и несчастія, ему грозившія, скрѣпили еще болѣе нашъ союзъ. Съ своей стороны онъ старался, по возможности время, образовать меня, и разсказами о подвигахъ Петра Великаго того дня, какъ я оставилъ Троицкій монастырь, спѣлъ возбудить во мнѣ удивленіе къ этому государю. Иностранецъ раскрылъ для меня все, что козни Софьи

Digitized by Google

Алексѣевны имѣли въ себѣ ужаснаго; отъ него узналъ я, въ какую бездну повергнулъ бы Россію, убивъ съ Петромъ ея просвѣщеніе и благоденствіе.

«Смертный приговоръ Паткуля былъ подписанъ. Онъ бѣжалъ, письмомъ своимъ ввѣряя меня пріязни хорошаго знакомца своего Адама Бира, профессора въ Упсальскомъ университетѣ.

«Бира не засталъ я уже въ университетѣ, изъ котораго изгнала его несправедливость, существующая, какъ видно, вездѣ, гдѣ есть люди. Я нашелъ его въ бѣдности, однакожъ, не въ уныніи. Онъ училъ дѣтей своего прихода читать и писать и этой поденщиной едва снискивалъ себѣ пропитаніе. Письмо Паткуля сблизило насъ скоро. Съ простодушіемъ младенца Бира соединялъ въ себѣ умъ мудреца и благородство, не покоряющееся обстоятельствамъ. Счастливымъ себя считаю, если могъ сдѣлать что-нибудь для него въ черные дни его жизни. За то чѣмъ не заплатилъ онъ мнѣ? Онъ научилъ меня высокимъ истинамъ, раскрылъ для меня таинства природы, обошелъ со мною рука съ рукой весь міръ, заставилъ полюбить великіе образцы Греціи и Рима, однимъ словомъ — показалъ мнѣ человѣка, каковъ онъ былъ и есть, и человѣчество, какъ оно будетъ нѣкогда. Въ купели его мудрости я обновился; я полюбилъ добродѣтель для нея самой и отечество мое съ самоотверженіемъ. Мысль очистить себѣ путь на родину благородными подвигами, служеніемъ ей истинно-полезнымъ—заброшена мнѣ въ сердце его уроками. Во снѣ и на яву я только мечталъ, какъ осуществить эту мысль.

«Скоро наступилъ конецъ искушенію, котор угодно было Провидѣнію послать моему второму отц Сестра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ свое вѣка, знавшая нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ латинскій, какъ свой родной, призвала его въ Сто

Digitized by Google

гольмъ, откуда отправила въ Лифляндію, въ воспитатели къ дочери баронессы Зегевольдъ. Наслѣдство, лучшее, какое онъ могъ мнѣ оставить, было порученіе моему дружескому вниманію одного необыкновеннаго созданія. Сынъ бѣднаго кожевенника изъ-подъ Торнео, съ душею, пожираемою небеснымъ огнемъ вдохновенія, бѣжавшій отъ объятій отца и ласкъ родины, чтобы сообщить другимъ этотъ огонь, солдатъ, странникъ, студентъ и, наконецъ, слѣпецъ, въ домѣ умалишенныхъ: вотъ дивное твореніе, которое наслѣдовалъ я послѣ Бира. Имя его Конрадъ. Сильныя душевныя потрясенія, кипучее воображеніе, занятія ума, никогда недовольнаго тѣмъ, что знаетъ, и пытающагося добраться по цѣпи творенія до высочайшаго знанія, разстроили его разсудокъ. Голосъ мой первый воззвалъ его къ дѣятельности; это былъ первый сочувственный звукъ, ударявшій по струнамъ его сердца. Оно уразумѣло меня, и съ того времени слѣпецъ шелъ всюду за мной, какъ будто привязанный ко мнѣ невидимою цѣпью. Оба съ пламенною душой и воображеніемъ, съ одинаковыми наклонностями, оба несчастные, униженные судьбою, но не терпящіе униженія отъ подобныхъ себѣ, мы сопряглись на земное житіе и рука съ рукой пошли по міру. Какъ онъ любилъ меня! Родство, друзей, родину, свѣтъ Божій—все заключилъ онъ во мнѣ. Семь лѣтъ ему ничего не было извѣстно обо мнѣ, кромѣ моего имени и мнимаго моего отечества, Выборга; но слѣпецъ внутренними очами прочелъ мои тайныя страданія, узналъ изъ моихъ бесѣдъ о Россіи (въ которой, по словамъ моимъ, я столько ранствовалъ), узналъ, что она мое отечество, и почтилъ заключенныя въ сердцѣ моемъ роковыя имена идей, имѣвшихъ сильное вліяніе на жизнь мою. Женія мои угадывалъ, какъ рабъ, купленный благодѣяніями. Онъ былъ у меня послѣднее, единственное благо

Digitized by Google

на землѣ. Судьба и въ этомъ мнѣ позавидовала. Его ужь нѣтъ. Горькія слезы льются изъ глазъ моихъ: начертывая эти строки, стою, мнится мнѣ, съ заступомъ передъ его могилою и готовлюсь засыпать его навѣки землею.

«Сердце влекло меня въ Лифляндію; тамъ я могъ быть ближе къ своему отечеству. Мы переплыли сердитыя воды Бельта; мы въ странѣ, гдѣ именно Юрьева, Новгородка-Ливонскаго, Ракобора, напоминали мнѣ о владычествѣ надъ нею русскихъ. Долго новый край и люди не приносили ничего новаго душѣ изгнанника; въ ней все та же тоска по родинѣ. Одною отрадою мнѣ было ходить по нѣскольку разъ въ годъ за Новгородокъ-Ливонскій на гору Кувшинову, какъ бы на поклоненіе моему отечеству: оттуда я могъ видѣть крестъ Печерской обители, зажигаемый лучемъ солнечнымъ; оттуда могъ я молиться русской святынѣ. По цѣлымъ часамъ смотрѣлъ я на эту звѣзду утѣшительную, и только ночь уносила съ нею мои радости; поутру дожидался я, когда опять взойдетъ мое свѣтило и дастъ мнѣ привѣтный знакъ отъ родного края.

«Въ видѣ странствующихъ музыкантовъ, мы протоптали перекрестные слѣды по всей Лифляндіи. На мызахъ баронскихъ, въ шведскихъ лагеряхъ и казармахъ, въ латышскихъ и чухонскихъ хижинахъ, я былъ извѣстенъ подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга; твердое знаніе языка шведскаго много способствовало мнѣ къ сокрытію настоящаго моего отечества. Къ удивленію моему и даже страху, въ одно посѣщеніе мое лѣкаря Блументроста на мызѣ его, близъ Маріенбурга, онъ началъ говорить мнѣ наединѣ о Россіи, готовившейся войнѣ, о пользѣ, какую могъ бы извлечь, служа въ это время (кому, не объяснилъ говорилъ мнѣ о Паткулѣ, какъ о человѣкѣ, ему весь извѣстномъ и, наконецъ, далъ мнѣ знать догадками, к

Digitized by Google

я такой. Именемъ Бога умолялъ я его объясниться. Съ меня взята клятва, самая ужасная, молчать обо всемъ, что я ни увижу и услышу.

«— Мнѣ ничего неизвѣстно, — сказалъ докторъ Блументростъ, — но вотъ человѣкъ, который угадалъ въ Вольдемарѣ изъ Выборга, по примѣтамъ, мною описаннымъ, кто онъ, и который откроетъ тебѣ болѣе.

«Онъ снялъ картину со стѣны и ударилъ три раза въ ладони. Отворилась маленькая дверь, и передо мною явился—Паткуль. Мы обрадовались другъ другу: сердце мое предугадывало въ немъ моего спасителя; онъ не скрылъ, что на мнѣ основываетъ великія надежды свои. Увѣрясь въ постоянствѣ и твердости моихъ чувствъ, Паткуль открылъ мнѣ, какими жертвами я могу купить прощеніе Петра Алексѣевича и пріобрѣсти свое отечество. Душа моя взыграла надеждами: я на все рѣшился; я закабалилъ себя въ шпіоны...»

Чтобы не наскучить читателямъ повтореніемъ того, что они уже знаютъ изъ предыдущихъ частей нашего романа, оставляемъ здѣсь разсказъ Послѣдняго Новика, но извлекаемъ изъ этого разсказа только то, что намъ нужно дополнить для ясности и связи происшествій.

Новикъ, отъ природы строптивый, пылкій, нетерпѣливый, взялся нести на себѣ ярмо ужасное и постыдное; притворствовать, обманывать, продавать себѣ подобнаго—такова была его обязанность! Но въ награду ему обѣщано отечество, и нѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился за эту цѣну.

Предвѣстники сѣверной войны разыгрывались. Согласно наставленіямъ Паткуля, Новикъ явился къ генералъ-фельдвахтмейстеру Шлиппенбаху, знавшему его прежде и любившему за игру на гусляхъ; открылъ, что онъ русскій, любимецъ Софьи, бѣглый стрѣлецъ, хотѣвшій убить Петра I; что онъ и теперь питаетъ

Digitized by Google

къ царю сильную ненависть, которую желаетъ и можетъ доказать услугами своими шведамъ. Онъ подкупленъ Паткулемъ, — прибавлялъ Новикъ, — вывѣдывать движенія войскъ въ Лифляндіи и духъ тамошняго дворянства; онъ долженъ вести съ нимъ переписку; въ доказательство представилъ нѣсколько писемъ, полученныхъ отъ него будто бы черезъ раскольниковъ, и, наконецъ, брался, несмотря на предосторожности хитраго измѣнника и врага Швеціи, заманить его современемъ въ западню, откуда ему не вырваться. Въ искренности рѣчей Послѣдняго Новика нельзя было сомнѣваться: драгоцѣнный образъ на груди его, даръ царевны, письма Софьи въ Выговскій скитъ, которыми она убѣждала своего питомца не покидать своей цѣли и надѣяться, что правое дѣло скоро восторжествуетъ; письма самого Паткуля — какихъ лучше свидѣтельствъ могъ требовать Шлиппенбахъ? Генералъ-фельдвахтмейстеръ всему повѣрилъ и предался своему лазутчику. Чтобы лучше обманывать Паткуля, обѣщано передавать ему время отъ времени извѣстія о томъ, что дѣлалось въ шведскомъ войскѣ. Денежныхъ наградъ шпіону не жалѣли; милостей безденежныхъ насулено еще болѣе въ случаѣ хорошаго исполненія; за измѣну обѣщана висѣлица. Но какая польза была Новику измѣнять? Въ Россіи ожидаетъ его плаха, а здѣсь, въ Лифляндіи, подъ покровомъ шведскаго могущества, онъ можетъ выйти въ люди и разбогатѣть! Условія сдѣланы, и Послѣдній Новикъ, подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга, снабженъ отъ Шлиппенбаха охраннымъ листомъ, которымъ, по высочайше дарованной военачальнику власти, велѣно по всей Лифляндіи и в шведскомъ войскѣ *чинить* предъявителю всякое пособ и покровительство. Первый опытъ усердія его в пользѣ шведовъ былъ, по виду, жестокъ для противно стороны.

Digitized by Google

Война сѣверная все еще таилась подъ личиною дружескихъ увѣреній. Посланникъ польскій (Карловичъ), исполнивъ съ Паткулемъ свои дѣла въ Москвѣ, возвращался саннымъ путемъ черезъ Ригу. Товарищъ его обходилъ южный край Лифляндіи, посѣвая вездѣ неудовольствія къ шведскому правительству, и среди политическихъ заботъ, увлеченный сердцемъ, не оставилъ заплатить дань природѣ и взглянуть на свое родное пепелище. Посланникъ просилъ рижскаго коменданта Дальберга пропустить черезъ крѣпость обозъ его, вслѣдъ за нимъ ѣхавшій. Дано обѣщаніе. Въ обозѣ скрывалось множество оружія; при въѣздѣ его въ крѣпость долженъ былъ ворваться въ нее отрядъ польскихъ драгунъ, стоявшій на границахъ Курляндіи; отъ недовольныхъ и подкупленныхъ въ Ригѣ ожидали помощи. Стратагема оказалась неудачною, и потому Владиміръ далъ о ней знать коменданту. Взяты всѣ предосторожности встрѣтить непріятеля; послѣдствія извѣстны: не званныхъ, но жданныхъ гостей встрѣтили и съ урокомъ проводили; война открылась. Съ этого времени Послѣдній Новикъ пріобрѣлъ полную довѣренность той стороны, которую обманывалъ. Въ продолженіе же войны неоднократно утверждалъ онъ Шлиппенбаха въ этомъ чувствѣ къ нему новыми опытами своего усердія, большею частью запоздалыми, не имѣвшими значительной цѣнности, но выставленными такъ искусно, что принимались въ высокомъ курсѣ. Мы видѣли, какой перевѣсъ имѣли передъ этими дѣйствіями вѣрность и преданность сторонѣ русской, которой онъ доставлялъ во-время неоцѣненныя свѣдѣнія черезъ Паткуля, Ильзу и—кто подумалъ-бы?—черезъ Мурзенко. Управляя всѣми движеніями сокровенной политики своего истиннаго довѣрителя, онъ все зналъ о дѣйствіяхъ прочихъ лазутчиковъ его, но самъ, съ глубокими тайнами своей должности, извѣстенъ былъ

Digitized by Google

только ему одному и его служителю, Фрицу. Даже Никласзону, усердному, но коварному агенту его, выставленъ Вольдемаръ шпіономъ отъ шведовъ. Жертвы, принесенныя Послѣднимъ Новикомъ на алтарь отечества, куплены дорогою цѣною униженія, необыкновенныхъ трудовъ тѣлесныхъ и умственныхъ, сильныхъ душевныхъ страданій — достойныя жертвы для искупленія его проступка и полученія награды, столь пламенно преслѣдуемой! Но судьба обвила свою жертву крѣпкими, нерасторгаемыми узами, какъ змѣями, которыми опутаны были Лаокоонъ и дѣти его...

Объяснивъ дѣйствія Владиміра, столько способствовавшія русскимъ къ завоеванію Лифляндіи, дополнимъ изъ его жизни небольшіе промежутки въ происшествіяхъ, которыя помѣшали ему насладиться плодами своихъ трудовъ.

Бѣгство его изъ Выговскаго скита очень встревожило Денисова, боявшагося потерять съ нимъ милости Софьи, все еще продолжаемыя скиту на прежнихъ условіяхъ. Царевна-инокиня, уму которой удивлялся самъ Петръ Великій, знала все, что дѣлалось за стѣнами монастыря не только въ отечествѣ ея, но и при иностранныхъ дворахъ. Извѣстно, какіе слухи распустила она въ Вѣнѣ, во время путешествія своего брата по Европѣ, и сколько эти слухи поколебали было политику Австріи. Удивительно-ли послѣ того, что Софья провѣдала о бѣгствѣ своего питомца изъ скита и потомъ о появленіи его въ Лифляндіи? Преслѣдуя народные слухи, она отыскала солдата, бывшаго подъ Еррастферомъ и отпущеннаго за ранами изъ арміи Шереметева на свою родину въ Москву. Онъ разсказалъ ей всѣ обстоятельства сраженія, и Софья въ спасителѣ отряда Лимы угадала своего любимца. Догадки устрашили ее тѣмъ болѣе, что, во время бунта 169 года, кончившагося ужаснымъ зрѣлищемъ нѣсколькихъ

Digitized by Google

сотъ человѣкъ, повѣшенныхъ передъ ея окнами, постельница ея подъ клещами пытки открыла правительству важную тайну, касавшуюся Послѣдняго Новика; и потому, боясь за него, боясь за себя и негодуя, что ея любимецъ предался сторонѣ, ей ненавистной, Софья писала къ Денисову убѣдить Владиміра возвратиться въ скитъ, а если убѣжденія не подѣйствуютъ — употребить самыя сильныя мѣры къ недопущенію его въ Россію, хотя-бъ это стоило ему жизни. Денисовъ, ободряемый милостями царевны, дружбою къ роду Милославскихъ *(коего семя росло въ Россіи,* какъ изъяснялся Петръ I) и, наконецъ, ненавистью къ Нарышкинымъ, оттѣснившимъ его нѣкогда отъ важной государственной должности, началъ усердно отыскивать Владиміра по Лифляндіи и послалъ для преслѣдованія его старовѣровъ, преданныхъ своему чиноначальнику. Старцу Аѳиногену первому удалось встрѣтить его. Вѣстникъ этотъ открылъ ему волю и угрозы царевны, увѣщанія Денисова, страшную будущность, ожидавшую его въ отечествѣ, и неизъяснимое блаженство, приготовленное въ скитѣ покорному сыну православной церкви. Когда-жъ посланіе его не имѣло никакого успѣха, отправился, согласно даннымъ ему наставленіямъ, въ русскій станъ, подъ Нейгаузенъ, съ подметнымъ письмомъ. Мы видѣли, какъ онъ умеръ за бороду свою: видѣли, какія послѣдствія имѣло самое свиданіе патріарха поморскихъ изувѣровъ съ Владиміромъ въ домѣ лѣсника. Остальное намъ также извѣстно.

Послѣдній Новикъ кончилъ свое повѣствованіе признаніемъ, что онъ изнемогъ подъ усиленными ударами судьбы, и просьбою къ своимъ соотечественникамъ помолиться о спасеніи его души. Повѣствованіе было адресовано на имя князя Вадбольскаго, какъ человѣка, принимавшаго въ немъ, повидимому, сильное участіе—

Digitized by Google

человѣка, отъ котораго, за услугу свою подъ Гуммельсгофомъ, ожидаетъ онъ ходатайства за него у отечества.

Чтеніе исторіи Послѣдняго Новика оставило грустное впечатлѣніе въ сердцахъ собесѣдниковъ. Вадбольскаго тревожило какое-то сомнѣніе. Не менѣе того остался онъ преданъ несчастному.

Усилили поиски по Новикѣ, и все безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, при очисткѣ лѣса на ижорскомъ берегу, солдатамъ попался на глаза богатый складень, даръ царевны, сорванный убійцею съ груди своей въ минуту величайшихъ его страданій и брошенный въ кусты. Драгоцѣнная находка представлена фельдмаршалу; объявлено по войску, не отыщется ли хозяинъ. Какъ скоро Вадбольскій взглянулъ на образъ, тотчасъ отгадалъ, кому онъ принадлежитъ. Мѣсто, гдѣ онъ найденъ, освидѣтельствовано. Близъ него, по разнымъ частямъ лѣса, валялись человѣческія кости. (Вѣроятно, что тѣло Денисова въ мученіяхъ предсмертныхъ свалилось съ костра, на который положилъ его *жидовинъ*, и потомъ расхищено звѣрями.) Не оставалось сомнѣнія для друзей Послѣдняго Новика, что онъ или убитъ раскольниками и растерзанъ волками, или просто сдѣлался жертвою послѣднихъ. Мурзенко, узнавъ объ этомъ, бросился палить раскольничьи селенія и забирать ихъ сотнями, отсылая въ Россію.

Долго горевали о Послѣднемъ Новикѣ, еще дольше о немъ говорили и, наконецъ, забыли его, какъ забываютъ въ мірѣ все, что въ немъ не вѣчно.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ 1704 ГОДА

Родная! гдѣ-же ты? Увидимся-ль съ тобой?
Приди; я жду тебя все такимъ [illegible]—
И все на камнѣ томъ, и все у [illegible] той,
Гдѣ я покинутъ былъ тобою!

Козловъ.

Носилки, гробъ, да застучь, застучь,
Да черное сукно,
Да три шага земли, земли,
Намъ нужны всѣмъ равно.

„Гамлетъ". — Перев. *М. В.*

Въ одинъ лѣтній день 1704 года, когда звонъ вечерній тяготѣлъ надъ Москвою, шелъ нищій, одинъ-одинехонекъ, по обширному полю, растилавшемуся отъ города до Новодѣвичьяго монастыря. Этотъ нищій не походилъ на своихъ собратьевъ: рубищамъ и сумѣ измѣняло какое-то душевное благородство; оно изображалось на его лицѣ и нерѣдко вспыхивало въ его помутившихся глазахъ. Ему могло быть съ небольшимъ 30 лѣтъ, но замѣтно было, что удары гнѣвной судьбы, наперекоръ времени, означались на всемъ его существѣ слѣдами ранняго разрушенія. Это свидѣтельствовали лобъ, изрытый глубокими бороздами, сѣдины, пробившіяся сквозь смоль его волосъ, падавшихъ въ безпорядкѣ по плечамъ, сгорбленный, высокій станъ, дро-

Digitized by Google

жащія руки. Онъ нерѣдко останавливался на пути своемъ, скидалъ шапку, какъ бы мыслилъ о святынѣ, осматривался кругомъ; казалось, то любовался зрѣлищемъ Москвы, возносившей золотыя главы своихъ церквей изъ безконечнаго табора домовъ, то восторженнымъ взоромъ преслѣдовалъ блестящія излучины Москвы-рѣки и красивые берега ея, то прислушивался къ звону колоколовъ. Въ это время станъ его распрямлялся; пасмурное лицо свѣтлѣло, слабый румянецъ пробѣгалъ по щекамъ, улыбка порхала на помертвѣлыхъ губахъ и въ глазахъ его блистали слезы. Въ одно мгновеніе ока все измѣнялось. Какъ человѣкъ, смотря на солнце, вдругъ ослѣпленъ его блескомъ, онъ вздрагивалъ, опускалъ голову и взоры въ землю и опять медленными шагами пробирался по тропѣ къ Новодѣвичьему монастырю, нерѣдко спотыкаясь о камни, попадавшіеся ему подъ ноги. Лицо его подергивалось облакомъ унынія; тяжелый воздухъ потрясалъ его грудь, и губы лепетали молитву покаянія.

Вотъ онъ у монастырскихъ воротъ осматривается кругомъ; руками, дрожащими болѣе обыкновеннаго, творитъ крестныя знаменія передъ образомъ Божіей Матери; вотъ уже проходитъ монастырскій дворъ и становится на паперти въ ряду своей нищей братіи. Между глубокими вздохами изученной скорби его товарищей не слышно его вздоха; онъ недвижимъ, какъ гробовая плита. Вечернее моленіе кончилось. Монахини выходятъ изъ церкви, и между ними одна... Кто подъ иноческимъ покрываломъ и рясою, подъ наружностью старухи, не узналъ бы въ ней той, которая нѣсколько разъ силилась вырвать державу изъ могучихъ рукъ Петра Великаго, которая чувствовала себя столько способною царствовать, но не была на то опредѣлена Провидѣніемъ? Инокиня Сусанна видомъ все еще царевна Софья. Взоръ ея попрежнему пове-

Digitized by Google

лѣваетъ и очаровываетъ; невольнымъ уваженіемъ преслѣдуютъ ее, нынѣ ей равныя, подруги; кажется, все, ее окружающее, страшится еще въ затворницѣ будущей владычицы Россіи. Она раздаетъ милостыню нищимъ; рука ея протянута къ тому, котораго мы изобразили... взоры ихъ встрѣчаются... деньги падаютъ изъ дрожащихъ рукъ его... Она... Боже мой! на устахъ ея замираетъ слово, которое готова была произнести; смертная блѣдность покрываетъ ея лицо, и Сусанна падаетъ на руки монахинь. Съ поспѣшностью уносятъ ее въ келью.

Народъ давно вышелъ изъ монастыря; храмъ пустъ; нищій все еще стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Кажется, онъ чего-то ожидаетъ.

И вотъ — подходитъ къ нему старая монахиня и шепотомъ зоветъ его за собою. Онъ повинуется; онъ въ кельи инокини Сусанны!

Они остались вдвоемъ; никто не слыхалъ ихъ разговора. Видѣли только, что, когда таинственный нищій выходилъ оттуда, слезы струились по разгорорѣвшимся его щекамъ, прежде столь блѣднымъ.

Съ того времени Сусанна опасно занемогла.

3-го іюля, въ 6 часовъ утра, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ ударили три раза съ протяжною разстановкою въ большой колоколъ. Таинственный нищій сидѣлъ на лавкѣ у монастырскихъ воротъ; онъ вздрогнулъ, привсталъ и судорожнымъ движеніемъ три раза перекрестился, возведя къ небу полные слезъ глаза.

Скоро пронеслась вѣсть, что инокиня Сусанна скончалась. Передъ смертью она приняла схиму подъ именемъ Софіи — именемъ, которое носила, бывъ царевной и владычицей Россіи!...

5-го іюля великолѣпная похоронная процессія наполняла пространство Новодѣвичьяго монастыря. Мно-

Digitized by Google

жество народа сопровождало ее. Таинственный нищій шелъ за гробомъ.

Когда гробъ стали опускать въ землю, нищій хотѣлъ продраться къ нему ближе. Его отталкивали; но онъ сдѣлалъ усиліе... вскрикнулъ: *пустите! она...* Болѣе не могъ онъ ничего говорить и безъ чувствъ упалъ на землю.

Таинственный нищій былъ — Послѣдній Новикъ. Онъ не выдержалъ; онъ пришелъ на родину.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПИСЬМО ИЗЪ-ДАЛЕКА

Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье.
Пушкинъ.

Дерптъ и Нарва,—послѣднія твердыя связи, которыми сердце Лифляндіи держалось еще къ шведскому правительству,—были взяты, и вслѣдъ затѣмъ русскіе торжествовали надъ своими непріятелями ежегодно по нѣскольку побѣдъ на сушѣ и на водахъ. Сбывались предсказанія Паткуля: мщеніе его дѣлами отвѣчало на угрозы двухъ королей; почти вся Лифляндія принадлежала уже Россіи. Вотъ все, что мы находимъ нужнымъ сказать о происшествіяхъ въ четыре года, послѣдовавшіе за смертью Софьи. Теперь попросимъ читателя на коврѣ-самолетѣ воображенія перенестись въ 1707 годъ.

Шведскіе плѣнные были разсыпаны по многимъ городамъ Россіи. Густавъ Траутфеттеръ проводилъ время своего скучнаго заточенія въ Коломнѣ (за 100 верстъ отъ Москвы). Квартира ему была назначена у одного богатаго купца, смотрѣвшаго на постояльца своего, какъ обыкновенно невѣжественный классъ русскихъ смотритъ на иностранца—существо,

Digitized by Google

которое въ глазахъ ихъ есть нѣчто между человѣкомъ и животнымъ. Съ нимъ вмѣстѣ никогда не ѣли, не пили; для него была даже собственная посуда, осквернённая устами бусурманскими. Впрочемъ, хозяинъ ласкалъ его, исправно натапливалъ печь въ его комнатѣ и потчивалъ его пирогами, говядиной и медомъ хоть до упаду. Надо прибавить, что щедрыя денежныя посылки отъ неизвѣстной особы давали ему способы жить прилично своему званію и даже помогать товарищамъ плѣна, большею частью содержавшимъ себя трудами рукъ своихъ. Нерѣдко дочери хозяина, двѣ пригожія дѣвушки, изъ затворническихъ своихъ свѣтлицъ то бросали цвѣты въ милаго незнакомца, то нѣжили слухъ его заунывными пѣснями. Но Густавъ былъ равнодушенъ къ этимъ знакамъ сердечнаго вниманія. «Какъ! — скажутъ нѣкоторые свѣтскіе люди— какъ! быть вѣрну пять лѣтъ? C'est presque le siège de Troyes!» Да, милостивые государи, онъ любилъ Луизу, какъ никогда еще: въ разлукѣ, въ плѣну, въ обществѣ людей непросвѣщенныхъ, образъ ея, не покидая его, всегда стоялъ у него на стражѣ отъ всѣхъ искушеній. Сердце Густава помнило только одинъ даръ любви, привѣтъ однихъ глазъ, понимало только одно увѣреніе, которое, казалось ему, произносила Луиза своимъ волшебнымъ голосомъ: «*Густавъ! сказать-ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это давно знаешь!*» Взамѣнъ попеченій о немъ Паткуля, находившагося уже нѣсколько лѣтъ посланникомъ отъ россійскаго двора при королѣ польскомъ, не оставляли его благодѣянія скрытнаго генія, присылавшаго уже нѣсколько разъ извѣстія о Луизѣ:

«Луиза здорова. — При взятіи русскими Дерпта с нею ничего худого не случилось.—Есть вѣрныя извѣстія, что она васъ попрежнему помнитъ и любитъ.- Надѣйтесь!»

Digitized by Google

Вотъ что писали къ нему въ разныя времена, услаждая, такимъ образомъ, грустное его изгнанничество. Рука была незнакомая. Сначала довольно поломалъ онъ себѣ голову, чтобы открыть, кто давалъ ему извѣстія; но впослѣдствіи оставилъ эту заботу, довольный, что есть человѣкъ въ Россіи, который желаетъ ему добра. Въ 1707 году прекратились вдругъ свѣдѣнія о фамиліи Зегевольдъ. Истомившись въ надеждахъ на лучшую будущность и не видя имъ исполненія, онъ предался отчаянію. Все помрачилось въ его глазахъ: и природа, и люди. Въ первой, казалось ему, времена года измѣнили свой порядокъ, земля лишалась уже солнечной теплоты, отброшенная гнѣвомъ Провидѣнія въ низшую сферу міровъ. Человѣкъ представлялся ему существомъ несчастнѣйшимъ, пущеннымъ на эту земную глыбу для страданій. Неожиданное письмо, имъ полученное, сколько обрадовало его сначала почеркомъ руки, написавшей адресъ, столько же содержаніемъ своимъ переполнило чашу горести, поднесенную ему судьбою. Письмо было отъ двоюроднаго брата его.

«Немалаго труда стоило мнѣ сыскать случай доставить тебѣ это посланіе, милый братъ и другъ!— писалъ Адольфъ, — оно сдѣлаетъ большія извилины, пока дойдетъ до тебя. Но, завоевавъ этотъ случай золотымъ орудіемъ, не знаю, съ чего начать письмо. Голова моя идетъ кругомъ, сердце такъ преисполнено горести, досады, негодованія, что я не приберу для нихъ выраженій. «*Суета суетъ и всяческая суета!*» — слова, которыя я, вѣтренникъ, каковымъ ты зналъ меня, рѣдко заглядывавшій въ Священное писаніе, нынѣ твержу безпрестанно: вотъ слова, вырывающіяся у меня теперь изъ груди, служащія мнѣ якоремъ для утвержденія на нихъ моего упованія.

Digitized by Google

«Ты счастливъ! да, повторяю тебѣ, ты счастливѣе меня во сто разъ. Въ скучномъ изгнаніи своемъ, въ разлукѣ съ милыми сердцу, ты вознагражденъ любовью Луизы, о которой—прости мнѣ!—не могу говорить и до сихъ поръ безъ того, чтобы средь бѣла дня у меня въ глазахъ не мутилось и сердце не поворачивалось, какъ въ смоляномъ кипяткѣ. Ты знаешь, что прелестнѣйшая изъ женщинъ тебя любитъ; ты обладаешь еще благомъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ — надеждою! А я?... растерявъ свое сердце по всѣмъ дневкамъ нашихъ походовъ, убѣгая отечества, разореннаго и едва-ли не завоеваннаго русскими, убѣгая мѣстъ, гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ стыдъ нашего оружія, ѣду въ главную армію, чтобы отдохнуть хотя среди побѣдъ моего короля и славы шведовъ—и чтожъ? какъ будто нарочно, пріѣзжаю къ цѣли своихъ желаній для того только... Ты знаешь, что я не трусливаго десятка, видалъ довольно хладнокровно смерть въ разныхъ ея каррикатурныхъ образахъ на поляхъ битвъ; но, собираясь начертать тебѣ роковыя слова, дрожу, какъ въ лихорадкѣ, не могу совладать съ перомъ... Дай мнѣ настроить свои силы, чтобы приступить къ ужасному описанію; собери и ты все присутствіе своего духа, чтобы читать его. Начну издалека и опять обопрусь на якорѣ священныхъ словъ: «*Суета суетъ и всяческая суета!*»

«Послѣ письма, которое я старался доставить тебѣ надежными путями, и въ которомъ описывалъ подробно все, со мною, или, лучше сказать, съ нами случившееся съ того времени, какъ мы разстались [1]), я былъ заключенъ въ Дерптѣ до взятія его русскими. Голландцы отстаивали крѣпость, какъ любовникъ ми-

[1]) Письмо это не было доставлено Густаву по причинамъ извѣстнымъ автору.

Digitized by Google

ему особу отъ нападеній соперниковъ; однакожъ, не устояли противъ множества осаждавшихъ, личнаго мужества и искусства вѣнчаннаго героя. Да, милый другъ, и я теперь скажу: «Петръ-герой истинный!» Гарнизонъ, по условію, долженъ былъ выйдти изъ крѣпости безъ знаменъ и оружія; но великодушный побѣдитель, уваживъ въ непріятеляхъ необыкновенное мужество, съ которымъ они противились ему, возвратилъ офицерамъ шпаги и третьей части солдатъ ихъ ружья. Признаюсь, такой поступокъ отъ повелителя дикихъ народовъ тронулъ, восхитилъ меня. Я смотрю теперь на Петра другими глазами, безъ предубѣжденія, которое мы привыкли питать къ нему.

«Пріѣхавъ въ главную армію, я засталъ короля на торжественной колесницѣ, отнимающаго вѣнцы и раздающаго ихъ. Все трепетало имени шведскаго. Чтожъ изъ этого для нашего отечества? думали лифляндцы, и попрежнему шли проливать свою благородную кровь за упрямство короля.

«Августъ, скитаясь изгнанникомъ по Польшѣ, старался малодушными жертвами умилостивить побѣдителя: преклонивъ колѣна, онъ молитъ о пощадѣ. Карлъ требовалъ, чтобы противникъ его навсегда отказался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго и—кто-бъ помыслилъ, чтобы завоеватель царствъ, дарившій ихъ, какъ игрушки, жадничалъ болѣе всего пріобрѣтеніями одного человѣка? — онъ потребовалъ выдачи Паткуля. Министры Августа не любили нашего дядю за его рѣзкій, благородный до излишней смѣлости характеръ, и особенно за то, что онъ, бывъ преданъ годамъ своего новаго государя, Петра I, всегда предупреждалъ козни поляковъ противъ него. Это былъ громъ, заставлявшій грѣшниковъ перекреститься. Чтъ Августъ видѣлъ въ Паткулѣ зоркаго, неподкупного соглядатая всѣхъ своихъ дѣйствій, слабыхъ, дву-

Digitized by Google

смысленныхъ и не всегда благородныхъ. Его польско-саксонское величество имѣло крѣпко на сердцѣ, что посланникъ при дворѣ его потребовалъ отъ него нѣкогда отчета въ *субсидныхъ* деньгахъ, присланныхъ вѣрнымъ союзникомъ и употребленныхъ королемъ на подарки разнымъ женщинамъ; онъ зналъ также, что Паткуль слѣдилъ всѣ намѣренія его сблизиться съ Карломъ и своею политикою мѣшалъ этому сближенію. Однимъ словомъ, Паткуль былъ пожертвованъ малодушію Августа, зависти и недоброжелательству его министровъ и мщенію Карла.

«Все, что будешь читать теперь, почерпнуто изъ слѣдственнаго дѣла, находившагося у меня въ рукахъ, и изъ свѣдѣній, изустно мнѣ переданныхъ лицами, разыгрывавшими ужасное происшествіе, какому не было еще примѣра. Многое, что описываю, видѣлъ я собственными глазами.

«Оставивъ неудачное командованіе надъ русскими войсками въ Польшѣ, Паткуль находился то въ Дрезденѣ, то ѣздилъ въ Берлинъ. Возвратясь изъ Пруссіи къ саксонскому двору, въ литературныхъ занятіяхъ онъ находилъ сладостный отдыхъ отъ политическихъ трудовъ. Какъ бы предчувствуя скорый конецъ своего бурнаго поприща, онъ написалъ нѣсколько сочиненій, служащихъ къ оправданію его дѣйствій съ того самаго времени, какъ избранъ былъ ходатаемъ за права своихъ соотечественниковъ у шведскаго престола. Хиромантія, которую, какъ извѣстно тебѣ, любилъ этотъ необыкновенный человѣкъ, похищала также не мало времени изъ жизни столько дѣятельной, которая [illegible] могла быть столько полезною для его отечества, ее бы своекорыстные разсчеты одного короля и мще другого не отняли его у нашей бѣдной Лифлян. Наконецъ, на 42-мъ его году Гименей готовился и нести ему самый роскошнѣйшій цвѣтокъ, какой

Digitized by Google

дился въ садахъ міра: прелестная саксонка Ейнзидель уже съ кольцомъ обручальнымъ отдала ему свое сердце. Между тѣмъ коварная судьба, усмѣхаясь, точила свои орудія на жертву, которую за нѣсколько часовъ сама окружила всѣмъ очарованіемъ земного счастія. 19-го декабря [1]) 1705 года, въ 11 часовъ вечера, только-что успѣлъ онъ лечь въ постель и уснуть,—вѣроятно, съ пріятными грезами,—исполнители власти, слишкомъ малодушной и несправедливой, чтобы дѣйствовать днемъ, вторгаются въ квартиру нашего дяди, будятъ его безъ всякой жалости и снисхожденія, обыкновенно въ этомъ случаѣ оказываемыхъ даже преступнымъ, не даютъ ему времени одѣться и за строгимъ карауломъ увозятъ его въ крѣпость Зонненштейнъ. Тамъ бросаютъ его за желѣзную рѣшетку и оставляютъ нѣсколько дней безъ пищи. Бумаги его запечатаны; секретари, кромѣ Никласзона, умѣвшаго и на этотъ разъ выпутаться изъ бѣды, и служители заключены также по разнымъ отдѣленіямъ крѣпости. Одинъ Фрицъ, обреченный еще разъ служить его избавленію, находился въ то время, по дѣламъ своего господина, въ Берлинѣ. Слухъ о необыкновенномъ заточеніи посланника обѣжалъ скоро по всѣмъ дорогамъ и встрѣтилъ вѣрнаго служителя на возвратномъ пути его. Онъ прибылъ таки въ Дрезденъ, но, укрываясь у друзей своего господина, посвятилъ всего себя его спасенію. Взялась содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ—кто?—какъ бы ты думалъ?—дочь пастуха! Да, любезнѣйшій другъ, теперь только узналъ я, что можетъ [illegible]щина, которая *любитъ!...* Это дивное созданіе, [illegible]здъ которымъ все возвышенное, все благородное, [illegible]жно пасть на колѣна, швейцарка Роза. Дочь бѣд[illegible]о пастыря, вызванная вмѣстѣ съ отцомъ своимъ

[1]) Нов. ст.

Digitized by Google

изъ Альпійскихъ горъ, гдѣ Паткуль укрывалъ нѣкогда свою изгнанническую голову, она имѣла несчастіе предаться всею душою этому обольстительному сыну рока. Отца, родину, долгъ, промѣняла она на любовь; весь свой міръ вмѣстила въ немъ въ одномъ. Когда Роза, вмѣстѣ съ отцомъ, возвращалась съ мызы Блументроста въ Швейцарію, и когда узнала, что онъ ни за что не рѣшается идти въ Дрезденъ, гдѣ любовникомъ ея назначено ей было свиданіе, она бросила старика и понесла свои великія жертвы къ ногамъ своего идола. Одинъ взглядъ любви заставилъ бы Розу все забыть, кромѣ этой любви. Каковъ же былъ для нея ударъ, когда она съ сердечнымъ трепетомъ, съ мечтами о сладостной наградѣ, прибывъ въ Дрезденъ, узнала на порогѣ Паткуля жилища, что онъ сговоренъ на Ейнзидель! Эта вѣсть была для нея громовымъ ударомъ. Нѣсколько дней ходила она, какъ полуумная, безъ сна, безъ пищи; мальчишки начали бросать въ нее грязью, привѣтствуя ее именемъ дурочки; сострадательныя сердца готовились пристроить ее въ домъ умалишенныхъ. Вѣсть о несчастіи Паткуля оживила ее; все къ ней возвратилось: разсудокъ, силы тѣлесныя и душевныя, воля все побѣждающая—воля любви. Прекрасная Ейнзидель долго плакала по женихѣ своемъ (говорятъ, что она и теперь не замужемъ!). Роза дѣйствовала. Давши руку Фрицу на жизнь и на смерть для спасенія человѣка, имъ столь драгоцѣннаго, она не словами, а дѣломъ начала доказывать свои чувства. Никласзонъ взялся также имъ помогать, какъ онъ говорилъ, въ изъявленіе признательности за великія благодѣянія, оказанныя ему Паткулемъ.

«Труды ихъ не остались тщетными. Роза умѣ подъ видомъ торговки сыромъ, пробраться въ крѣпос найти доступъ къ коменданту и, наконецъ, къ затво нику. При свиданіи съ Паткулемъ, она забыла

Digitized by Google

вины; благодарность, казалось, возвратила ей любовь друга, но это была только благодарность. На груди Розы несчастный вздыхалъ объ Ейнзидель. Комендантъ, изъ сожалѣнія ли къ своему плѣннику, или задаренный деньгами, началъ обходиться съ нимъ милостивѣе и даже позволилъ вести переписку съ довѣренными ему особами. Слѣдствіемъ ея были жаркія представленія посланниковъ разныхъ дворовъ саксонскому курфюрсту, въ томъ числѣ князя Голицына, объ оскорбленіи, нанесенномъ государямъ ихъ въ лицѣ представителя русскаго монарха. Августъ боялся Петра, боялся мнѣнія свѣта, и потому колебался было освободить своего плѣнника; но, испуганный новыми побѣдами Карла, оставилъ попрежнему Паткуля въ заключеніи. Переписка открыта; плѣнникъ переведенъ въ Кенигштейнъ, подъ строжайшій присмотръ, а человѣколюбивый комендантъ зонненштейнскій казненъ. Мщеніе не извиняетъ жалости.

«Ты слыхалъ, что такое Кенигштейнъ: твердыня на неприступной скалѣ, куда нога непріятельская никогда не клала своего слѣда и, вѣроятно, никогда не положитъ. И туда умѣли пробраться любовь Луизы и вѣрность Фрица. Разсказываютъ, что комендантъ кенигштейнскій, несмотря на ужасный примѣръ, въ его глазахъ совершенный, склонился было за тельца золотого осводить нашего дядю, но что Паткуль слишкомъ понадѣялся на заступленіе Петра, на важность своего сына и великодушіе Августа и отказался купить себѣ свободу цѣною денегъ.

«Однажды, въ часъ свиданія, дорого купленный, за приноситъ плѣннику письмо—отъ кого, думалъ ты?—отъ Ейнзидель. Роза поймала въ глазахъ своего га желаніе и спѣшила исполнить его; сходила въ езденъ, объявила невѣстѣ Паткуля, что нѣсколько окъ ея руки утѣшатъ затворника, получила отъ

Digitized by Google

нея письмо, несла нѣсколько миль свинцовое бремя у сердца своего и эту новую жертву положила къ ногамъ своего кумира, чтобы въ глазахъ его прочесть себѣ награду. Я не прибавляю ничего; слова недостаточны для изъясненія этого подвига: твое сердце оцѣнитъ его!..

«Бывъ въ свитѣ нашего короля, я узналъ о заточеніи дяди только въ Гутсдорфѣ, гдѣ Карлъ и Августъ имѣли свиданіе на квартирѣ нашего министра Пипера. Не думай, чтобы два соперника, столь различные, однакожъ, своимъ положеніемъ, сошлись такъ близко для бесѣды о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Карлъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, началъ разговоръ своими сапогами, продолжалъ сапогами и кончилъ ими же. Несмотря, что рѣчь шла только о ногахъ, Августъ долженъ былъ снять съ головы корону и, скрѣпя сердце, поздравить съ нею новаго польскаго короля, указаннаго мечомъ побѣдителя. Этимъ свиданіемъ рѣшена и передача нашего дяди въ полное распоряженіе Карла. Я попытался просить его величество о помилованіи; но онъ былъ неумолимъ. Сѣверный левъ не могъ удержать своего восторга, что поймалъ жертву, столь долго издѣвавшуюся надъ его силою; онъ рѣшился продлить еще на нѣсколько времени жизнь ея, чтобы насладиться долѣе своимъ мщеніемъ. Повѣришь ли, какъ былъ низокъ великій Карлъ XII въ эти минуты!.. Если попадутся его величеству эти строки, пускай насытитъ онъ вновь жажду крови надъ благороднымъ лифляндцемъ, не разъ проливавшимъ ее за него».

Здѣсь рукою Карла XII написано было: «*Читай и велѣлъ доставить письмо по адресу. Траутфеттерг не Паткуль*».

«Шведскій отрядъ подъ начальствомъ двухъ лифляндцевъ (барона Ротгаузена и капитана Стакельберг

Digitized by Google

принялъ въ свое завѣдываніе Паткуля и отвелъ его въ Рейхардсгриммъ, гдѣ находилась шведская главная квартира. Королевское мщеніе, получивъ надзоръ за плѣнникомъ лифляндцемъ, казалось, хотѣло посмѣяться надъ отечествомъ нашимъ. Бѣдная Лифляндія! Мало тебѣ, что за твою вѣрность предали тебя огню и мечу непріятельскому; надъ тобою еще безстыдно ругаются. Но—Богъ милостивъ часъ твоего избавленія наступаетъ.

«Другъ мой! я видѣлъ *его* — сердце замираетъ отъ одного воспоминанія этого зрѣлища — я видѣлъ благороднѣйшаго изъ лифляндцевъ, прикованнаго къ позорному столбу. Капитанъ дежурный не могъ отказать мнѣ въ свиданіи; но легче бъ мнѣ было не испрашивать его. Страданія истомили тѣло несчастнаго; онъ походилъ на мертвеца: ржавчина желѣзъ въѣлась въ его руки; но какой сильный духъ еще въ немъ обиталъ! Рыдая, палъ я въ его объятія.

«Другъ мой! — сказалъ онъ, — ты плачешь, увидя меня въ такомъ положеніи. Знаешь-ли, что эти цѣпи— мое торжество? Это обрывокъ тѣхъ цѣпей, которыми я опуталъ вашего Карла и подъ которыми онъ скоро изнеможетъ. Звукъ ихъ,—прибавилъ онъ, гремя желѣзами,—есть отголосокъ міра, приговоръ потомства несправедливой власти. Свѣтъ былъ ослѣпленъ на счетъ Карла XII: я доказалъ, что можно его побѣдить; мой плѣнъ открылъ глаза свѣту. Слава его пала навсегда! не воскресятъ ее тысячи побѣдъ. Напротивъ, моя возвышается этимъ униженіемъ, этими цѣпями; онѣ рятъ сильнѣе за меня, нежели само предстатель- Петра Великаго и дворовъ европейскихъ. Впро- я не потерялъ еще надежды... Да! голосъ Ве- о не ходатайствуетъ нигдѣ вотще! Но если по- ту жертвою мщенія, то завѣщаю будущимъ вѣкамъ Карла XII и величіе моихъ несчастій. Лиф-

Digitized by Google

ляндія! о мое отечество! я желалъ тебѣ добра: безкорыстный защитникъ твоихъ правъ это доказалъ; я желаю тебѣ добра!—будутъ послѣднія слова, которыя произнесу, умирая за тебя.

«Несчастный говорилъ много, съ необыкновенною силой и жаромъ; глаза его горѣли, грудь сильно поднималась. Звуки цѣпей, повременамъ потрясаемыхъ, казались мнѣ громовыми текстами, которымъ онъ придавалъ своей проповѣди особенную силу. Вдругъ, посреди его движеній, суставъ на одной рукѣ его отъ худобы хрустнулъ, кисть сдвинулась съ мѣста.

«— Другъ мой! — сказалъ онъ довольно твердо,— справь мнѣ руку, по-солдатски. Это не первый разъ!

«Скрѣпя сердце, я взялъ на себя должность костоправа и помогъ несчастному, сколько умѣлъ.

«— Какъ тѣло немощно! прибавилъ онъ, — одно легкое движеніе измѣняетъ его; но духъ—о! его перенесу я съ земли къ ногамъ Творца моего въ цѣлости, въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ его отъ Творца!..

«Потомъ разспрашивалъ онъ меня долго о тебѣ, о Луизѣ! присовокупилъ, что онъ не будетъ спокоенъ и на томъ свѣтѣ, если твоя судьба не устроится по обѣщанію его и твоему желанію.

«— Густавъ любитъ такъ много и равно любимъ,— сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ. — Мнѣ писали, что одна особа, близкая царю, продолжаетъ устраивать его счастіе. Ахъ! и я думалъ наслаждаться подобнымъ счастіемъ!... Другъ мой! если будешь въ Дрезденѣ, скажи моей Ейнзидель, что я, умирая, думалъ о ней, что у позорнаго столба... Нѣтъ, нѣтъ, не говори послѣдняго! Робкая любовь ея вообразитъ себѣ всѣ ужасы моего положенія, и Паткуль предстанетъ ей въ немъ презрѣнномъ, ужасномъ... Презрѣніе!... Мысль этомъ чувствѣ поворачиваетъ вверхъ-дномъ все существо. Страсть, дружба не боятся такого зрѣл

Digitized by Google

но его испугается чувство, воспитанное въ нѣгѣ, въ придворной роскоши, окруженное лучами славы и удовольствій. Скажи только моей невѣстѣ, что ея воспоминаніе обо мнѣ усладитъ послѣднія минуты моей жизни.

«Изъ глазъ несчастнаго закапали слезы на изсохшую грудь его и оттуда пали на желѣзо. Я плакалъ съ нимъ вмѣстѣ.

«Голосъ дежурнаго офицера прекратилъ нашу бесѣду. Насъ разлучили. При выходѣ изъ сарая (нельзя иначе назвать мѣсто, гдѣ содержался Паткуль), я встрѣтилъ добраго Фрица и подлѣ него увидѣлъ Розу—можно было угадать сейчасъ это дивное твореніе. Она сидѣла на голой землѣ, сложивъ голову на грудь и потупивъ томные взоры туда, гдѣ душа оставляетъ навсегда свои тѣлесные оковы. Повѣришь-ли, милый другъ, что она съ Фрицомъ откупала себѣ мѣсто подлѣ тюрьмы или большими деньгами, или трудами, не свойственными ея полу? Присовокупи къ этимъ жертвамъ грубыя ласки и насмѣшки солдатчины... Какъ скоро имя дяди нашего коснулось ея слуха, она встрепенулась, начала ловить въ глазахъ моихъ чувство, которое я несъ изъ заточенія несчастнаго, и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ нашему разговору. Видно, что сильная любовь особенно изощряетъ чувства; ибо нѣкоторыя слова, сказанныя мною такъ тихо, что старикъ, подлѣ меня стоявшій, едва могъ ихъ слышать, отпечатывались вѣрно на лицѣ ея. Прелестное душой и тѣломъ твореніе! ты достойна была бъ лучшей участи.

-Фрицъ намекнулъ мнѣ о надеждѣ... Высшая власть приговорила Паткуля къ казни; между тѣмъ, для да, желая казаться справедливою, приказала военному суду заняться процессомъ несчастнаго. Можно ю заранѣе угадать, какое зрѣлище послѣдуетъ за комедіей!...

Digitized by Google

«Изъ Саксоніи вывезли Паткуля въ закрытой повозкѣ, въ которой проверчено было нѣсколько скважинъ для воздуха. 30 солдатъ генерала Мейерфельда полка, состоявшаго изъ однихъ лифляндцевъ, прикрывали его путешествіе въ Польшу. 27-го сентября долженъ былъ печальный поѣздъ прибыть въ Казиміръ, гдѣ 30-го числа назначено колесовать несчастнаго.

«На другой день по прибытіи Паткуля въ Казиміръ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ городскую тюрьму, полковой священникъ, магистръ Гагенъ, получивъ тайное повелѣніе приготовить его къ смерти, пришелъ къ нему въ 3 часа пополудни. Явленіе духовной особы разъяснило несчастному его судьбу.

«— Я пришелъ утѣшить васъ дарами Священнаго Писанія,—сказалъ Гагенъ.

«— Благодарю васъ, отецъ мой,—отвѣчалъ Паткуль дрожащимъ голосомъ, взявъ его за руку, — съ этимъ вмѣстѣ несете вы мнѣ, конечно, другія важныя вѣсти.

«Гагенъ поклонился офицеру, тутъ же находившемуся, шепнулъ ему что-то на ухо и, когда онъ вышелъ, обратился съ чувствомъ и твердостью къ дядѣ нашему:

«— Выслушайте отъ меня, благороднѣйшій господинъ, то, что произнесъ нѣкогда пророкъ Исаія царю Езекію: «*устрой свой домъ, ибо ты долженъ умереть* и до вечера завтрашняго-жъ дня оставить міръ сей».

«Эта вѣсть, казалось, поразила узника, не терявшаго до сего времени надежды; онъ бросился на постель и плакалъ. Но это малодушіе было только мгновенною данью природѣ. Вскорѣ успокоился онъ, сѣлъ на скамейку къ пастору и съ краснорѣчіемъ свойственнымъ, излилъ передъ нимъ оправданіе своей политической жизни.

«— Несправедливая редукція и личная ненависть временщика, Гастфера, вотъ мое преступленіе!—

Digitized by Google

рилъ онъ. — Швеція упрекаетъ меня, что я пошелъ служить ея непріятелямъ. Но оставилъ-ли я ее, счастливый, въ честяхъ, съ насмѣшками и угрозами? Я бѣжалъ изъ нея, какъ изгнанникъ, спасая свою голову. Куда было дѣваться мнѣ? не въ землю-жъ укрыться! По вѣрѣ своей, и въ монастырѣ не могъ я найти убѣжища. Я все употребилъ, чтобъ умилостивить двухъ королей; но мою преданность, мою покорность презрѣли. Не этого хотѣла самолюбивая власть: она хотѣла примѣрно наказать меня за то, что я осмѣлился возвысить предъ нею голосъ на защиту правъ моего отечества, что я вздумалъ изобличить несправедливость ея избранныхъ и ея самой. Въ позорѣ и смерти моей видѣла она свое личное торжество и униженіе смѣлой истины...

«Здѣсь духовникъ прервалъ Паткуля, напомнивъ ему, что не время заниматься дѣлами земли. Осужденный съ жаромъ взялъ руку Гагена и сказалъ:

«— Дайте мнѣ малый срокъ заплатить дань земному; послѣ того не услышите отъ меня ни слова о презрѣнныхъ вещахъ здѣшняго міра.

«Паткуль говорилъ еще о своихъ услугахъ прусскому королю и римскому императору; говорилъ, сколько тысячъ талеровъ роздалъ онъ шведскимъ плѣннымъ въ Москвѣ, разразился негодованіемъ на малодушіе Августа и, наконецъ, почитая себя оправданнымъ въ своей политической жизни, отпустилъ духовника до ближайшаго свиданія.

«Въ 7 часовъ вечера Гагенъ посѣтилъ опять узника. [illegible]этотъ разъ засталъ онъ его совершенно успокоен[illegible]ъ.

— Добро пожаловать!—сказалъ Паткуль съ весе[illegible]ъ видомъ.—Вы, какъ ангелъ Божій, приходите къ [illegible]орнику. Съ сердца моего спало тяжелое бремя; я [illegible]ствую въ себѣ большую перемѣну. Радуюсь, что

Digitized by Google

долженъ умереть; неволя мучительнѣе смерти! лишь бы смерть была скорая!... Не знаете-ли къ чему я приговоренъ?

«Гагенъ отвѣчалъ, что приговоръ остается для него тайною и только извѣстенъ высшему начальнику.

«— Ахъ! и это почитаю милостью! — воскликнулъ несчастный.—По крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ-ли мнѣ судебнымъ порядкомъ допросы?

«— Думаю, — возразилъ магистръ, — что вамъ *все* объявятъ на лобномъ мѣстѣ.

«Послѣ этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, осужденный занялся съ нимъ духовной бесѣдой.

«— Путемъ терновымъ должны мы идти въ царство небесное,—говорилъ онъ.—Я увѣренъ, что страданія міра сего ничтожны въ сравненіи съ блаженствомъ, ожидающимъ насъ за предѣлами гроба.

«На предложеніе духовника сдѣлать передъ смертью какое-либо письменное распоряженіе, дядюшка попросилъ бумаги и приборъ для письма, и когда подали ему то и другое, продиктовалъ Гагену духовное завѣщаніе, которымъ отказывалъ третью часть своего движимаго имущества [1]) вѣрному и преданному секретарю Никласзону; другую часть назначилъ на выкупъ родового имѣнія въ Лифляндіи съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ ближайшимъ наслѣдникамъ завѣщателя, а остальную часть—ты отгадаешь, любезный другъ, что онъ не забылъ насъ въ этомъ случаѣ. Подписавъ завѣщаніе и передавъ его духовнику, онъ задумался; потомъ глубоко вздохнувъ и качая головой, произнесъ:

«— Да, да! въ отечествѣ своемъ и на чужбинѣ Паткуль имѣетъ друзей, которые будутъ жалѣть

---

[1]) Почти все имущество его находилось въ долгу за Августомъ, который никогда не думалъ уплатить его. Не мудрено, что этотъ долгъ служилъ однимъ изъ низкихъ побужденій выдать Паткуля

Digitized by Google

немъ. Что скажетъ о моей смерти старая курфюрстина и...—со слезами на глазахъ договорилъ онъ—моя бѣдная невѣста?... Ради Бога, отецъ мой, передайте Амаліи Ейнзидель мой предсмертный поклонъ... Обѣщаете-ли?

«Магистръ далъ слово выполнить его желаніе. (О Розѣ не было слова; но въ тайной исповѣди его грѣховъ эта несчастная жертва, конечно, заняла первое мѣсто). Тутъ узникъ не безъ труда убѣдилъ своего духовника, въ знакъ благодарности за усердное напутствованіе изъ этой жизни въ другую, принять отъ него сто червонныхъ и сверхъ того подарилъ ему рѣдкое изданіе Ветхаго Завѣта, которое, какъ онъ изъяснился, было лучшимъ его утѣшеніемъ въ черные дни его жизни. Побесѣдовавъ еще о разныхъ благочестивыхъ предметахъ, дядюшка изъявилъ желаніе успокоиться.

«— Мнѣ нужно сномъ подкрѣпить тѣло свое, — сказалъ онъ,—завтра долженъ я бодрствовать.

«Духовникъ оставилъ его одного».

Продолженіе письма было написано не рукою Адольфа; вотъ его содержаніе:

«Милостивый Государь!

«Нѣтъ нужды сказывать вамъ мое имя; оно покуда останется для васъ тайною. Довольно вамъ знать, что я пріятель вашего брата, что онъ, бывъ неожиданно потребованъ королемъ, съ которымъ и отправился въ Польшу, не успѣлъ, по этому случаю, кончить письмо свое къ вамъ и просилъ меня сдѣлать это вмѣсто него. Исполняю волю вашего брата; продолжаю его повѣ[illegible]ваніе, и сказанными путями отправляю письмо къ [illegible].

«Вслѣдъ за тѣмъ, когда духовникъ вышелъ отъ [illegible]куля, Никласзонъ тихими стопами вошелъ къ нему [illegible]ткрылъ, что преданные ему все приготовили къ

Digitized by Google

его спасенію. Эта неожиданная вѣсть сначала перепугала Паткуля: совсѣмъ приготовясь къ смерти, стоя уже одною ногой на порогѣ гроба, онъ, казалось, неохотно возвращался назадъ. Но друзья его сдѣлали такія большія пожертвованія, жизнь взглянула ему въ лицо очаровательными глазами Ейнзидель, ведя за собою столько радостей; насмѣшка надъ властолюбіемъ Карла еще льстила ему такъ много, что онъ согласился съ волею своихъ друзей.

«— Буду готовъ, — сказалъ Паткуль, отпуская своего бывшаго секретаря, и жизнь съ мечтами любви и честолюбія разыгралась снова въ этой пламенной душѣ.

«Выше объяснено, что мейерфельдскій полкъ состоялъ весь изъ лифляндцевъ. Негодованіе и сожалѣніе одушевили ряды ихъ, многіе изъ нихъ громко вопіяли противъ жестокости короля; во всю дорогу изъ Саксоніи до Казиміра оказываемо было плѣннику снисхожденіе разнаго рода; друзьямъ его позволено съ нимъ видѣться и бесѣдовать; изъ скважинъ въ его повозкѣ подѣланы окна; пища давалась ему самая вкусная: дорогой онъ видимо оправился. Наконецъ, составленъ заговоръ спасти осужденнаго; но какъ все еще ожидали королевской милости, о которой доходили слухи во время путешествія, то и отложили привесть этотъ заговоръ въ исполненіе уже по прибытіи въ Казиміръ.

«Все слажено къ вечеру 29-го. Въ этотъ роковой вечеръ должна рѣшиться судьба Паткуля.

«Вотъ планъ заговора: Роза каждое утро и вечеръ посѣщаетъ заключеннаго; ее пропустятъ по обыкновенію. За корсетомъ у ней двѣ пилы: одною рушат желѣзы на плѣнникѣ, другою — слабая рѣшетка двухъ связей у окна тюремнаго. Бичевку, которую прикрѣпитъ подъ свое платье, спустятъ въ окно. Вни у стѣнъ тюремныхъ, Фрицъ привяжетъ къ концу

Digitized by Google

чевки веревочную лѣстницу. Бойкія лошади разставлены, гдѣ нужно; дежурный офицеръ, неподкупный ни съ какой стороны, употчиванъ виномъ. Стража, которая, по расчисленію времени, должна стоять у дверей Паткулевой комнаты и подъ окномъ ея, у стѣнъ тюремныхъ, предалась всею душою заговорщикамъ. Побѣгъ обезпеченъ, Никласзонъ устлалъ дорогу червонцами.

«Главное дѣло должна совершить Роза. Приступая къ нему, она падаетъ на колѣна и, поднявъ къ небу полные слезъ глаза, молитъ Бога объ успѣхѣ.

«— Дай мнѣ спасти его! — восклицаетъ она, — и потомъ умру спокойно! Мнѣ, мнѣ будетъ мой Фишерлингъ обязанъ своимъ спасеніемъ; онъ вспомнитъ обо мнѣ хоть тогда, когда меня не станетъ; онъ скажетъ, что никто на свѣтѣ не любилъ его, какъ я!

«Было къ 9 часамъ вечера. Роза подходитъ къ тюрьмѣ; сердце у ней бьется необыкновенно. Она сказываетъ пароль стражѣ у входа; ее пропускаютъ. Но въ караульнѣ на встрѣчу ей дежурный капитанъ, исполинъ, плечистый, рыжеволосый, отекшій отъ вина. Огонь, горѣвшій въ сальной плошкѣ, бросалъ полусвѣтъ кругомъ себя и только изрѣдка, забравъ вдругъ пищи въ свѣтильню, ярко вспыхивалъ. Тогда выставлялись ломаными чертами то изувѣченное въ бояхъ лицо ветерана, изображавшее охужденіе и грусть, то улыбка молодого его товарища, искосившаго сладострастный взглядъ на обольстительную дѣвушку, то на полномъ, глупомъ лицѣ рекрута страхъ видѣть [illegible]зго начальника, а впереди гигантская, пьяная фи[illegible]а капитана, поставившаго надъ глазами щитомъ [illegible]мную, налитую спиртомъ руку, чтобы видѣть [illegible]не предъ собою и, наконецъ, посреди всѣхъ блѣд[illegible], но привлекательное лицо швейцарки, рѣзко выдавшее изъ всѣхъ предметовъ своими полуизмятыми

Digitized by Google

предестями, страхомъ и нетерпѣніемъ, толпившимися въ ея огненныхъ глазахъ, и одеждою, чуждою странѣ, въ которой происходила сцена. Но когда свѣтъ въ плошкѣ, ослабѣвая, трепеталъ, какъ крылья приколотой бабочки, тогда всѣ фигуры погружались въ какую-то смѣшанную, уродливую группу, которая представляла скачущую сатурналію и надъ нею господствующую широкую тѣнь исполина-капитана.

«— Милости просимъ, милости просимъ, залетная райская пташка!—сказалъ онъ, устремивъ на дѣвушку помутившіеся взоры,—что къ намъ послѣ зари попало въ западню, то наше по всѣмъ правамъ... Чортъ меня побери, да я такой красотки давно не видалъ!

«— Ваше благородіе! — сказала Роза голосомъ, въ которомъ выражались смущеніе и боязнь подпасть гнѣву ея властителя—позвольте мнѣ къ заключенному... вамъ извѣстно... я, презрѣнная тварь, люблю... связи давнишнія...

«— Ого! знаемъ всѣ ваши шашни!—прервалъ, смѣясь во все горло, капитанъ.—Только-что вышелъ отъ превосходительнаго нашего арестанта цѣлитель душъ, какъ является врачъ... Гмъ! гмъ! Ну, конечно, оно легче отправляться на тотъ свѣтъ. Чтобы меня самый главный изъ чертей, баронъ, графъ, князь-чортъ заполонилъ, коли я лгу! Еслибы мнѣ пришлось знать свою смерть за нѣсколько часовъ, сдѣлалъ бы наоборотъ.

«— Вы такъ добры, вы такъ милостивы...—говорила Роза, сложивъ свои руки въ видѣ моленія. Она стояла на раскаленныхъ угольяхъ, но сойти съ нихъ не было возможности. Своевольный капитанъ, стащивъ съ нея неосторожно косынку, положилъ широкую, литую виномъ руку свою на плечо дѣвушки, бѣл какъ выточенная слоновая кость. Это былъ прес изъ-подъ котораго трудно было освободиться.

«— Ну, превосходительная, поцѣлуй за пропуск

Digitized by Google

«Каждый мигъ дорогъ; разсуждать некогда,—Роза исполнила волю пьянаго деспота, и думая, что этимъ умилостивила его, сдѣлала движеніе впередъ, но геркулесъ нашъ обнялъ дѣвушку такъ крѣпко, что пилы, бывшія на ней, вонзились въ грудь и растерзали ее.

«Роза вздрогнула, выдираясь изъ объятій капитана. Адъ былъ въ груди ея, но она выдавила улыбку на свое лицо, называла мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цѣловала его поганыя руки.

«— А вотъ сейчасъ, касаточка! Не думай, однакожъ, чтобы прелести твои насъ такъ ослѣпили, что мы забыли службу его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго... Чортъ побери, не несешь-ли ты чего запрещеннаго колоднику?

«У стѣнъ тюремныхъ раздался съ тремя перерывами голосъ часового; это былъ знакъ, что все изготовлено Фрицемъ. А Роза еще ничего не сдѣлала! Она затрепетала всѣмъ тѣломъ; изъ раны на груди кровь забила ключомъ. Несмотря на свои страданія, она старалась оправиться и отвѣчала довольно твердо.

«— Развѣ я полуумная! развѣ мнѣ висѣлица мила?

«— О! мы не допустимъ до чужихъ зубковъ такое сладкое яблочко. Мы, понимаешь... по военному регламенту... пунктъ...—(Капитанъ приставилъ толстый перстъ къ своему лбу)—дьяволъ побери всѣ пункты! ихъ столько вертится въ глазахъ моихъ... Гей! капралъ! по которому?..

«— Нашъ регламентъ приказъ начальника! — отвѣ[illegible] браво усатый капралъ.

— Славно отвѣчалъ! Люблю молодца. Ну!...

Капитанъ показалъ головою и рукой, чтобы раз[illegible] швейцарку.

— Позвольте-жъ, я сама... — прервала Роза, от[illegible]лвая перваго, подошедшаго къ ней солдата, сѣла

Digitized by Google

проворно на скамью, скинула башмакъ, потомъ чулокъ... онъ былъ въ крови!

«— Кровь, ваше благородіе!—сказалъ солдатъ.

«— Кровь! кровь! — подтвердилъ, качая головой, капитанъ,—что это такое?

«— Вотъ видите, — отвѣчала запинаясь Роза, — у меня проволока... по нашему швейцарскому обычаю, въ корсетѣ... а вы, господинъ, — Богъ вамъ судья! — такъ крѣпко меня, обняли... Ахъ! сжальтесь, ради Создателя, сжальтесь...

«— Фуй! пропустить ее! — заревѣлъ капитанъ, и Роза, помня только о спасеніи милаго ей человѣка, бросилась, босая на одну ногу, въ двери, которыя вели, черезъ коридоръ, въ комнату Паткуля.

«Въ коридорѣ встрѣтили ее насмѣшки и проклятія нѣсколькихъ преступниковъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ. На ужасныхъ лицахъ ихъ можно было читать ихъ злодѣянія.

«— Поищи правды!—говорилъ одинъ душегубецъ:— насъ морятъ съ голоду, а у Паткуля—чѣмъ онъ лучше насъ?.. измѣнникъ!... у него безпрестанно пиры да банкеты! То летятъ сладкіе кусочки и стклянки, то шныряютъ пріятели да дѣвки.

«— Не тюрьма, а рай!—прибавилъ другой, разбойничавшій на большихъ дорогахъ,—эхъ, пріятель! давно говорятъ, что правда сгорѣла.

«Роза мелькнула мимо этихъ проповѣдниковъ истины. Слово стражѣ у одной двери на концѣ коридора, и— въ комнатѣ Паткуля.

«— Роза!... — могъ только вымолвить несчастный отъ избытка и смѣси разныхъ чувствъ, поднявъ взо и руку къ небу.

«Награда ея была въ немъ самомъ; а онъ, неб годарный, показывалъ на небо!...

«Мысль о спасеніи помутила взоры Паткуля;

Digitized by Google

не замѣтилъ крови на ногѣ избавительницы своей. Роза имѣла предосторожность вытереть пилу, которую ему подала.

«Онъ становится у окна, Роза — у ногъ его. Принимаются за работу. Пилы ходятъ усердно. Звено, прикрѣпленное къ одной ногѣ плѣнника, уже разрушено; распилена и одна связь въ окнѣ. Надежда придаетъ силъ Паткулю; онъ загибаетъ конецъ связи и принимается за другую. Роза трудится также надъ другимъ звеномъ, обнявъ крѣпко ногу своего друга.

«— Цсъ! — говоритъ вполголоса Паткуль, дрожа всѣми членами, — кажется, стража у дверей смѣняется!...

«Сердце замираетъ у Розы; она боится пошевелиться; она вся претворилась въ слухъ.

«Все тихо.

«— Ничего!... тебѣ почудилось!.. — отвѣчаетъ она послѣ нѣсколькихъ мгновеній молчанія, облегчивъ грудь вздохомъ, и снова пилы живо ходятъ по желѣзу. Но тутъ работа идетъ медленнѣе: силы ея ослабѣли отъ труда, потери крови и страха опоздать.

«Вдругъ двери тихонько отворились и затворились, Паткуль этого не видалъ; но Роза... она видѣла, или ей показалось, что она видѣла...

«— Это страхъ дѣйствуетъ! это мечта! — думаетъ она, и пилитъ, сколько силъ достаетъ.

«Уже кольцо едва держится къ цѣпи. Она проситъ Паткуля рвануть его ногою. Онъ исполняетъ ея волю — но звено не ломается. Роза опять за работу. У плѣнника пилка идетъ успѣшнѣе: другая связь въ окнѣ распилена; бичевка черезъ него заброшена; слышно, что ее поймали... что ее привязываютъ... Роза собираетъ послѣднія силы... вотъ — пила то пойдетъ, то остановится, какъ страхомъ задержанное дыханье... еще нѣсколько движеній — и...

Digitized by Google

«И сквозь полурастворенныя двери выставилась ужасная голова съ шрамомъ на лбу... запрыгали сѣроголубые глаза... и разсыпался адскій хохотъ... Потомъ?... потомъ молчаніе гроба!

«— Измѣна! закричали подъ окномъ—то былъ голосъ Фрица—и вслѣдъ затѣмъ послышался выстрѣлъ...

«Ударили тревогу.

«Узникъ остолбенѣлъ. Сердце Розы поворотилось въ груди, кровь застыла въ ея жилахъ... она успѣла только сдѣлать полуоборотъ головою... въ какомъ-то безуміи устремила неподвижные взоры на дверь, раскрыла ротъ съ посинѣлыми губами... одною рукою она обнимала еще ногу Паткуля, какъ будто на ней замерла; другую руку едва отдѣлила отъ звена, которое допиливала... Въ этомъ положеніи она, казалось, окаменѣла.

«— Ваше превосходительство!—произнесла сквозь полурастворенную дверь голова, на коей нѣжилась адская усмѣшка,—наемщикъ вашъ, негодяй, которому, на мызѣ г. Блументроста, за кровные труды, обѣщали вы плюнуть въ лицо и утереть ногою, пришелъ поблагодарить васъ за милости ваши. Покорнѣйшій вашъ слуга платитъ вамъ свой долгъ съ процентами. Мы расквитались, прощайте!

«Это говорилъ Никласзонъ, преданнѣйшій, вѣрнѣйшій, покорнѣйшій секретарь того, кто благодѣтельствовалъ ему на всю жизнь и еще недавно завѣщалъ треть своего имущества, наравнѣ съ своими племянниками.

«Демонское лицо скрылось; но Паткуль, бу, оглушенный громомъ, стоялъ все еще на одно мѣстѣ.

«Стража съ офицеромъ, вновь наряженнымъ, вош Роза въ безуміи погрозила на нихъ пилою и голосо походившимъ на визгъ, заговорила:

Digitized by Google

«— Тише!... не мѣшайте мнѣ... я пилю, допилю, друга милаго спасу... я пилю, пилю, пилю...

«Въ это время она изо всѣхъ силъ пилила, не желѣзо, но ногу Паткуля; потомъ зашаталась, стиснула его лѣвою рукою и вдругъ пала. Розу подняли... Она... была мертвая.

«— Смерть! скорѣе смерть!—воскликнулъ Паткуль задыхающимся голосомъ; потомъ обратилъ мутные взоры на бѣдную дѣвушку, сталъ передъ ней на колѣна, бралъ попеременно ея руки, цѣловалъ то одну, то другую, и орошалъ ихъ слезами.

«— Я погубилъ тебя!—вскричалъ онъ,—я—второй Никласзонъ! Господи! Ты праведенъ: Ты взыскиваешь съ меня еще здѣсь. О другъ мой, твоя смерть вырвала изъ моего сердца всѣ чувства, которыя питалъ я къ другой. Роза! милая Роза! у тебя нѣтъ уже соперницы: умирая, я принадлежу одной тебѣ.

«Несчастному показалось въ этотъ мигъ, что теплота жизни заструлась въ рукѣ дѣвушки, что она судорожно пожала его руку... Онъ хочетъ удержать эту теплоту своимъ дыханіемъ. Напрасно! Роза—умерла...

«Офицеръ учтиво подошелъ къ Паткулю и сказалъ ему:

«— Позвольте мнѣ исполнить свою должность,—и потомъ далъ знакъ головою солдатамъ.

«Два изъ нихъ надѣли новыя цѣпи на плѣнника, другіе понесли изъ комнаты мертвое тѣло швейцарки, какъ поврежденную мраморную статую прекрасной женщины уносятъ навсегда въ кладовую, гдѣ разбросаны и поношенныя туфли, и разбитые горшки.

«Легко догадаться, что преданнѣйшій секретарь Паткуля былъ участникомъ заговора для того только, бы открыть его и заслужить новыя милости отъ щедротъ Августа. Награда превзошла его ожиданія: онъ опредѣленъ тайнымъ совѣтникомъ ко двору саксонскому.

Digitized by Google

«На другой день казнили Паткуля... но я избавлю васъ отъ описанія послѣднихъ минутъ его жизни. Стыдъ Карла совершился».

Такъ кончилось письмо къ Густаву; но я вижу, что этимъ не отдѣлался отъ любопытства своихъ читателей. Со всѣхъ сторонъ слышу клики: подавай намъ Паткуля на сцену лобнаго мѣста! на сцену! мы хотимъ изображенія послѣднихъ минутъ его жизни!

Случалось ли вамъ видѣть трагическаго актера, который, окончивъ свою роль, сколько силъ и умѣнья его достало, по опущеніи занавѣса вызывается неугомонными, безпардонными возгласами публики? Утомленный, едва переводя дыханіе, актеръ является на сцену и лепечетъ свою благодарность. Такъ и я принимаюсь за иступленное перо, чтобы исполнить волю своихъ читателей.

На другой день, рано по-утру, неподалеку отъ польскаго городка Казиміра, на площадкѣ, огражденной съ одной стороны лѣсомъ, съ другой стороны окаймленной рвомъ дороги, собралось множество народа, чтобы полюбоваться, какъ будутъ колесовать и четвертовать измѣнника шведскому королю и вмѣстѣ посланника отъ русскаго двора. Народъ жадничалъ смотрѣть эту потѣху, какъ медвѣжью травлю; всѣ тѣснились къ колесу и четыремъ столбамъ, трофеямъ казни, охраняемымъ тремястами конныхъ драгунъ. Были охотники, платившіе деньги и даже искавшіе рукожатія пал[illegible], чтобы стоять поближе къ роковому колесу. Множество форшпанокъ и нѣсколько колыма въ которыя запряжены были статные жеребцы, от ченные богатою сбруей, показывали, что не о[illegible] чернь именемъ жадничала смотрѣть на кровавый пи[illegible] Чепчики и шляпки, убранные цвѣтами, также изрѣ[illegible]

Digitized by Google

мелькали. Иногда раздавались знаки нетерпѣнія увидѣть скорѣе жертву, но укрощались неучтивымъ привѣтствіемъ шведскихъ палашей. Недовольно, что зеленая площадка съ трехъ сторонъ отдѣлялась черными стѣнами народа, самыя деревья унизаны были любопытными.

— Каково окована готовальня! — сказалъ стоявшій впереди, неподалеку отъ колеса, человѣкъ большого роста, въ запачканной рубашкѣ, съ кожанымъ фартукомъ,—какъ въѣдетъ, такъ не бывало руки или ноги.

— Ну, товарищъ! — прервалъ другой въ бѣломъ зипунѣ, на которомъ цѣплялись еще кое-гдѣ стружки дерева,—и дубъ-то отдѣланъ по желѣзу!

— Дѣло мастера боится,—подхватилъ первый.— Мы съ тобой....

Откуда ни возмись еврей, тряхнулъ своими песиками и, посмотрѣвъ сурово на мастеровъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «вы, поляки, безъ моихъ денежекъ меньше чѣмъ нуль!» — околдовалъ ихъ этимъ взоромъ такъ, что они безмолвно потупили свои очи въ землю и униженно сняли съ себя бѣлыя валяныя шапки.

Подлѣ колеса стоялъ плечистый мужикъ съ звѣрскою рожей. Услышавъ похвалу орудію казни, онъ насмѣшливо оборотился къ панегиристамъ и съ высоты своего настоящаго величія удостоилъ ихъ слѣдующею рѣчью:

— Все зависитъ отъ возничаго, который будетъ управлять колесницею. Можно заколдовать колесо и потомить,—прибавилъ онъ, коварно улыбаясь,—можно и разомъ отправить!

— Казнь дѣлается не для потѣхи исполнителей ти, а для примѣра общественнаго, — сказалъ сер- школьникъ, высокій, сухощавый.

Палачъ важно посмотрѣлъ на него, какъ бы хотѣлъ зорить: «увидимъ!»

Digitized by Google

Бѣдный Паткуль! Кто подумалъ бы, что слово школьника, произнесенное не во-время, усилитъ муки, тебѣ назначенныя!

Нѣсколько зрителей, окружившихъ философа-смѣльчака, при взглядѣ его антагониста отхлынули назадъ, такъ что они двое остались впереди сцены, измѣряя другъ друга неуступчивыми взорами, какъ гладіаторы передъ боемъ.

— Ахъ, Матка Божья!—пищала толстая писарша, выдираясь локтями изъ толпы и таща подругу,—такая судьбина пала нашему Казиміру, а то, вѣдь, оборони Господи! должно было колесовать его въ Слупцѣ.

— Невѣжа!—продолжала она, измѣнивъ свой нѣжный голосъ на грубый и толкая одного молодого человѣка, порядочно одѣтаго,—не имѣетъ никакого уваженія къ званію.

— А чтожъ, панна, не привинтила вельможнаго званія къ своему лбу? — спросилъ хладнокровно молодой человѣкъ.

— Колесовать и четвертовать!—подхватила подруга писарши, увлекая ее отъ ссоры, готовой возгорѣться.— Вѣдь казнить-то будутъ генерала, измѣнщика, который бросилъ своего слугу изъ окна и зарѣзалъ любовницу.

— Не диво, что народъ кишмя кишитъ! А вотъ Маріанна, моя раба Маріанна. Маріанна! подь сюда и остерегай насъ отъ грубіяновъ.

Испитая служанка, съ подбитымъ глазомъ, босая, поспѣшила сдѣлать изъ себя щитъ противъ невѣждъ, которые осмѣлились бы обезпокоить ея панну.

— Чу! что-то кричатъ? Не везутъ ли ужь его? Умру съ тоски, коли не удастся его видѣть. Говоря что у него на шеѣ боченокъ съ золотомъ, за котор онъ было хотѣлъ, Мати Божія! продать своего коро колесо-то проѣдетъ по немъ, боченокъ разсыплется тогда народъ смѣло подбирай червончики!

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ народнымъ толкамъ не было умолку, Паткуль просилъ духовника своего, прибывшаго къ нему въ четыре часа утра, приступить во имя Христа Спасителя къ святому дѣлу, пока около тюрьмы шумъ народный не увеличился. По принятіи Святыхъ Таинъ, онъ выглянулъ въ окно, посмотрѣлъ на восходящее солнце и сказалъ вздохнувъ:

— Гдѣ-то я буду при закатѣ твоемъ?.. О! скорѣй, скорѣй изъ этого міра суетъ, гдѣ каждый мигъ для меня несносенъ! скорѣй къ тебѣ, о моя Роза, мой Фрицъ!

Когда-жъ услышалъ шумъ колесъ, приближавшійся къ тюрьмѣ, онъ прибавилъ:

— Слава Богу, спѣшатъ!

Караульный поручикъ явился, Паткуль надѣлъ епанчу и вышелъ за духовникомъ своимъ, окруженный стражею.

Проходя коридоромъ, онъ невольно взглянулъ сквозь растворенную дверь въ какой-то подвалъ, довольно освѣщенный, чтобы видѣть все, что въ немъ происходило, и глаза его встрѣтили... Боже мой! тѣло несчастной Розы лежало на двухъ скамейкахъ, грудь ея была взрѣзана... и человѣчекъ, примѣтный только своимъ пунцовымъ носомъ, возился съ окровавленнымъ ножомъ и рукой въ широкой ранѣ, въ которую глазъ непосвященнаго боялся бы взглянуть! такъ отвратительна для человѣка внутренность человѣка! Свѣтъ отъ лампы скользилъ на оконечностяхъ лица швейцарки, заостренныхъ смертію, падалъ на черныя, длинныя ы, сметавшія при движеніи лѣкаря пыль съ пола, уста, подернутыя землею, истерзанную грудь и то изъ воска вылитую ногу, опоясанную черною вью. На стѣнѣ висѣла соломенная шляпа, увитая гами... Какъ хороша была нѣкогда Роза въ этой ѣ! На этихъ чертахъ останавливался страстный

Digitized by Google

взоръ любовника; эти черныя косы расплетала, рѣзвясь, его рука, или нѣжилась въ шелковыхъ кудряхъ; на этихъ устахъ упивалась любовь; эту ногу покрывали жаркіе поцѣлуи—а теперь... служитель Эскулапа бормочетъ надъ Розою отходную латынь, и отъ всего, что она была, несетъ мертвецомъ.

Въ углу подвала, на соломѣ, лежало тѣло Фрица, покрытое солдатскимъ плащемъ,—награда за вѣрность!

— Пощадите, если вы не звѣри! ради Бога, пощадите! — вскричалъ Паткуль, силясь броситься въ подвалъ.

Стража его удержала; ему даже не дали проститься съ друзьями своими.

Лѣкарь, испуганный крикомъ несчастнаго, оставилъ на минуту свои занятія, покачалъ головой и потомъ снова принялся потрошить Розу, доискиваясь въ ея внутренности тайны жизни, какъ въ древнія времена жрецъ читалъ тайны Провидѣнія въ жертвѣ, принесенной его божеству.

Не слыхалъ Паткуль, какъ его посадили въ повозку; не видалъ, какъ мчалась она, въ сопровожденіи сильнаго коннаго отряда, сквозь аллею народа. Когда его вытащили изъ повозки, подвели къ колесу и сняли съ него цѣпи, онъ затрепеталъ и сказалъ духовнику судорожнымъ голосомъ:

— Теперь-то, господинъ пасторъ, молите Бога, чтобъ Онъ покрѣпилъ меня!

Приготовляясь къ зрѣлищу казни, народъ шумѣлъ и, казалось, ожидалъ чего-то веселаго; но, увидѣвъ жертву, онъ былъ объятъ сожалѣніемъ и страхомъ. Человѣчество взяло свои права. Все замолкло.

Наряженный въ экзекуцію капитанъ (Валдау) нулъ изъ кармана бумагу и прочелъ по ней громогла

«Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, что его личество, всемилостивѣйшій нашъ государь...»

Digitized by Google

— Хороша милость!—воскликнулъ иронически Паткуль, пожавъ плечами и взглянувъ на небо.

Капитанъ, смущенный этимъ восклицаніемъ, остановился было среди своей рѣчи, но, тотчасъ оправившись, продолжалъ:

«Нашъ всемилостивѣйшій государь, Карлъ XII, повелѣлъ сего измѣнника отечеству...»

— При словѣ: *измѣнникъ*, Паткуль вскричалъ съ негодованіемъ:

— Неправда: я служилъ отечеству своему слишкомъ усердно и вѣрно.

Капитанъ старался заглушить это восклицаніе, продолжая читать громче:

«Колесовать и четвертовать за преступленіе въ примѣръ другимъ, да страшится каждый измѣны и служитъ вѣрно своему королю».

Осужденнаго раздѣли и привязали къ четыремъ столбамъ. Духовникъ просилъ зрителей читать вслухъ молитву: «*Отче нашъ!*»

— Да,—сказалъ Паткуль,—молитесь, друзья мои, молитесь!

И народъ прерывистымъ голосомъ молился. Стенанія, жалобы, вздохи стояли въ воздухѣ.

Послѣ перваго удара колеса несчастный простоналъ:

— Господи, помилосердуй!

За каждымъ ударомъ страдалецъ призывалъ имя Бога, пока обѣ руки и ноги были раздроблены. 15 ударовъ — бытописатели и о числѣ ихъ спорятъ — 15 ударовъ нанесены ему такъ неловко, или съ такою [illegible]кою потѣхою, что онъ и послѣ нихъ остался живъ. [illegible]питанъ сжалился надъ несчастнымъ и закричалъ [illegible]ачу, чтобы онъ проѣхалъ колесомъ по груди. Пат[illegible]ь бросилъ взоръ благодарности на офицера и жа[illegible]о возопилъ:

– Скорѣй голову! голову!

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ, по приказанію капитана, палачъ собирался приступить къ рѣшительному удару, несчастный собралъ всю свою жизненность и самъ положилъ голову на плаху.

Въ это время кумушки прикусили языкъ; мастера, трудившіеся надъ колесомъ, поблѣднѣли, какъ полотно; жидъ пейсиками своими утиралъ слезы; вся масса народа безмолвствовала, какъ будто имѣстѣ съ Паткулемъ положила свою голову на плаху.

Изо рта у него хлынула кровь.

— Плюю въ лицо Карла... Роза... — прохрипѣлъ страдалецъ...

Палачъ ударилъ разъ, два, три, и голова отвалилась. Послѣ того туловище, разрубленное на четыре части, воткнуто на четыре высокія копья, поставленныя въ одинъ рядъ. Голова имѣла почетъ: ее вонзили на особенный шестъ.

«Растерзанные члены Паткуля, — говоритъ Вольтеръ,—висѣли на столбахъ до 1713 года, пока Августъ, снова вступивъ на польскій престолъ, велѣлъ ихъ собрать. Ихъ доставили въ ящикѣ въ Варшаву. При этомъ случаѣ находился Бюзенваль, посланникъ французскій. Король, указывая на ящикъ, сказалъ: «*вотъ члены Паткуля!*»

. . . . . .

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗУБНОЙ ЛѢКАРЬ

И города беретъ,
Какъ зубы рветъ.

Густавъ, прочтя описаніе послѣднихъ дней жизни своего дяди, возненавидѣлъ Карла и просился немедленно въ русскую службу. Слѣдствіемъ этого прошенія былъ вызовъ его въ Москву. Здѣсь нашелъ онъ многихъ соотечественниковъ своихъ, изъ лучшихъ фамилій, снискивавшихъ себѣ пропитаніе разными искусствами. Иные давали уроки танцованья, другіе учили чистописанію, языкамъ и математикѣ. Нѣсколькихъ пріятелей своихъ засталъ онъ въ разрисовываньѣ стеколъ для подмосковнаго села Покровскаго.

— Благодаря попеченіямъ о насъ короля шведскаго,—говорили они, — вотъ чѣмъ должны мы занимать руки, пожинавшія для него славу! Русскіе, завшіе намъ эту работу, любуются въ ней намаленными медвѣдями, орлами, башнями, какъ затѣйли- игрой нашего воображенія; но потомство наше, дя на стеклахъ этихъ знакомые имъ гербы, прътъ по нимъ печальную исторію нашего плѣна.

Digitized by Google

Негодованіе плѣнниковъ, приготовленное несчастнымъ положеніемъ ихъ, вспыхнуло при разсказѣ о казни Паткуля. Всѣ они охотно послѣдовали примѣру Густава и дали заручное прошеніе на имя Петра I о принятіи ихъ въ подданство русское. Вскорѣ за этимъ рѣшеніемъ Траутфеттеру велѣно явиться во дворецъ.

Простота Петра I, великаго человѣка на престолѣ, чуждая слишкомъ утонченныхъ приличій и всякихъ притязаній на этикетное угожденіе своему лицу, позволяла ему заниматься и подвигами государственными, и домашними мелочными дѣлами. Ему доставало время на все: оттого-то оставилъ онъ намъ безчисленные памятники своего генія и рукъ своихъ. Иной государь не сдѣлалъ того въ цѣлое свое царствованіе, что Петръ сотворилъ въ одинъ день.

Безъ посредниковъ, кромѣ дежурнаго деньщика, Густавъ явился во дворецъ. Его ввели въ кабинетъ, загроможденный моделями кораблей, крѣпостей, мельницъ, орудіями математики и хирургіи. Прямо противъ двери сидѣла на стулѣ женщина среднихъ лѣтъ, которая умоляла о чемъ-то со слезами. За стулъ держался мужчина съ плутовскою миной и качая головой. Спиною къ Густаву и лицомъ къ женщинѣ стоялъ другой мужчина, высокій, въ поношенномъ французскомъ кафтанѣ изъ толстаго сукна сѣраго цвѣта, въ тафтяномъ нижнемъ платьѣ съ полотняным фартукомъ, въ цвѣтныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными пряжками. Онъ расправлялъ щипцы для выдергиванья зубовъ.

— Полно, баба, выть! — говорилъ мужчина въ ромъ кафтанѣ, вѣроятно, лѣкарь, — стерпится, бится.

— Богомъ божусь,—вопила женщина,—у мен чего не болитъ.

Digitized by Google

— Чтожъ ты, Полубояровъ?... — сердито вскричалъ лѣкарь.

— У страха глаза велики, ваше величество! Повѣрите-ли — всю ночь проохала и простонала бѣлугой, такъ что семья хоть бѣги вонъ, — отвѣчалъ стоявшій за стуломъ; потомъ, обратясь къ женщинѣ, ласково сказалъ:—Чего бояться, дурочка? только махнетъ батюшка Петръ Алексѣевичъ своею легкою ручкою, такъ болѣсть—какъ съ гуся вода.

— Злодѣй! окаянный! полно издѣваться надо мною!— проговорила всхлипывая женщина.

— Ну, видно, съ ней добромъ не сдѣлаешься, — прервалъ Петръ I, въ которомъ мы узнали лѣкаря,— подержи ее за голову и руки, и мы справимся.

Камердинеръ спѣшилъ выполнить волю государя съ необыкновеннымъ усердіемъ и ловкостью.

— Говори же, баба, который зубъ у тебя болитъ?— продолжалъ государь, разѣвая ей силою ротъ.

— Ваше царское величество... ваше пре... восходительство... помилосердуйте... у меня зубки всѣ здоровехоньки... я изволила вамъ докладывать...

— Не дурачься, баба! а то, знаешь меня?

— Воля ваша, рвите, какой благоугодно!—отвѣчала полумертвая отъ испуга женщина.

У нея, въ самомъ дѣлѣ, не болѣли зубы. Мужъ ея, государевъ камердинеръ, Полубояровъ, желая отмстить ей за нѣкоторыя проказы, и зная, что Петръ I большой охотникъ дѣлать хирургическія операціи, просилъ его вырвать у ней будто бы больной [illegible]. Впослѣдствіи, когда открылась истина, Полубояр[illegible] порядочно досталось.

А-а, вижу самъ! вотъ этотъ! — сказалъ Петръ, удовольствіемъ, ярко отливавшимся на его лицѣ, и [illegible]ернулъ мастерски зубъ, который казался ему по[illegible]женнымъ болѣе другихъ.

Digitized by Google

Послѣ этой операціи женщину отпустили въ сопровожденіи услужливой ей половины, утѣшавшей ее съ краснорѣчіемъ искренней любви. Въ это время государь, вытирая свои инструменты и укладывая ихъ въ футляръ, замѣтилъ Густава и ласково произнесъ:

— A, min herr Траутфеттеръ, добро пожаловать.

Выслушавъ просьбу Густава и обласкавъ его, онъ обратилъ рѣчь на смерть его дяди.

— Богъ судья Августу!—говорилъ Петръ, тяжело вздыхая, — на его мѣстѣ я лучше бы самъ погибъ, чѣмъ выдалъ бы человѣка, котораго взялъ подъ свое покровительство [1]). Не люблю этихъ политическихъ увертокъ. Мои пріятели голландцы говорятъ о нихъ по дѣломъ: «dat benen niet met all Klugheden, maar Betrügeryen» *(въ нихъ болѣе обмана, чѣмъ благоразумія)*. Дорожу тобою: вѣдь ты достаешься мнѣ будто по духовной, отъ дяди. Тебя и твоихъ товарищей опредѣляю съ добрымъ трактаментомъ въ полки моей гвардіи. Служите мнѣ также вѣрно, какъ служили моему брату Карлу.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ генераловъ и министровъ, вошедшихъ въ кабинетъ безъ доклада. Каждому сказалъ Петръ нѣсколько словъ; въ каждомъ словѣ видѣнъ былъ творецъ. Онъ схватывалъ важнѣйшіе предметы, касающіеся до устройства государства или политики, какъ орелъ, увѣренный въ своей силѣ, налетомъ схватываетъ предметъ, имъ взвидѣнный. За смѣлую истину благодарилъ совѣтника, за хитрую ложь тотчасъ сбивалъ съ ногъ докладчика.

Аудіенція кончилась скоро. Отпустивъ своихъ нистровъ, Петръ надѣлъ другой кафтанъ, поновѣе

---

1) Петръ I доказалъ это, когда, въ худшихъ его обстоятельствахъ при Прутѣ, Порта требовала отъ него выдачи Кантем-

Digitized by Google

стулѣ висѣвшій, отперъ комодъ, вынулъ изъ него пять серебряныхъ рублевиковъ и сказалъ, отдавши ихъ Густаву:

— Вотъ тебѣ на первый случай; годятся на потѣху въ «Аустеріи» [1]).

— Ваше величество, простите мнѣ, если...

— Пустое, — перебилъ государь, — всему свой часъ—и поплакать, и повеселиться.

Тутъ послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, произносившій по-русски на нѣмецкій ладъ:

— Петръ Алексѣевичъ! подите сюда на мою аудіенцію...

На этотъ зовъ государь поспѣшилъ въ другую комнату, и въ то время, когда онъ отворялъ дверь, Густавъ увидѣлъ сквозь нее прелестную молодую женщину съ пестрымъ чулкомъ на лѣвой рукѣ, который, вѣроятно, заштопывала, и замѣтилъ даже, что она взглянула на него съ тѣмъ увертливымъ искусствомъ, какое однѣ женщины умѣютъ употреблять, когда есть препятствія ихъ любопытству или другимъ чувствамъ. Немного погодя, раздался поцѣлуй за дверьми, и Густавъ услышалъ голосъ Петра, выговаривавшій довольно внятно:

— Ты знаешь, Катенька, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ государь возвратился въ кабинетъ и спросилъ ласково своего гостя:

— Ты, конечно, давно не былъ на исповѣди?

— Государь!—отвѣчалъ Густавъ, — я каждый ве[illegible] исповѣдуюсь Богу въ грѣхахъ дня моего; но по-

---

[1]) У «Курятныхъ воротъ», въ томъ домѣ, гдѣ сперва открытъ [illegible] московскій университетъ, находилась гостиница «Аустерія»; и нынѣ слыветъ подъ этимъ названіемъ крайній проходъ по Скорному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ нынѣ харчевни и

Digitized by Google

средникомъ въ нихъ не бралъ пастора за неимѣніемъ его въ томъ городѣ, гдѣ я содержался.

— Съ пасторомъ-то я и хочу тебя свести. Знаешь-ли Глика изъ Маріенбурга?

— Видывалъ я его въ малолѣтствѣ моемъ, но съ того времени уваженіе и любовь къ нему моихъ соотечественниковъ сблизили меня заочно съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ.

— Будь у него нынѣ же въ 6 часовъ послѣ обѣда: ты увидишься тамъ съ пріятелями и, можетъ статься,— прибавилъ государь усмѣхаясь, — съ пріятельницей. Живетъ онъ въ Кокуевой слободѣ — спроси только нѣмецкую школу—всякій мальчикъ тебѣ укажетъ. Теперь поди, успокой своихъ камрадовъ, попируй съ ними въ *адмиральскій часъ* [1]), а тамъ подумаемъ, что еще сотворить съ вами. Открой мнѣ, не придетъ-ли тебѣ по сердцу въ Москвѣ пригожая дѣвка: я твой сватъ.

Сказавъ это, государь показалъ Густаву на дверь, которую и заперъ за нимъ. Съ сердцемъ, обвороженнымъ простотою, ласками и величіемъ царя, съ сердцемъ, волнуемымъ какимъ-то сладостнымъ предчувствіемъ, возвратился Густавъ домой, гдѣ ожидали его плѣнные офицеры. Можно угадать, что они спѣшили запить свою радость въ «Аустеріи», гдѣ тосты за здравіе новаго ихъ государя не разъ повторялись.

---

[1]) 11 часовъ утра.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КЪ РАЗВЯЗКѢ

Вдругъ слышитъ — кличутъ: милый другъ!
И видитъ вѣрнаго Руслана.

Пушкинъ.

Въ назначенный часъ Густавъ былъ въ Кокуевой [1]) слободѣ. На встрѣчу ему вереница мальчишекъ, занимавшихся гимнастическими играми, вѣроятно, послѣ умственныхъ трудовъ, ибо нѣкоторые, сидя чехардою на своихъ товарищахъ, читали съ нихъ, будто съ каѳедры, заданную лекцію; другіе искусно перекидывались бомбами, начиненными порохомъ премудрости, или просто книжками и тетрадями. О! какъ раскричался бы великій основатель школы, которую онъ называлъ «Schola illustris», если бы увидѣлъ и услышалъ все, что происходило за чертою его академіи. На вопросъ Густава: гдѣ живетъ пасторъ Гликъ? десятки голосовъ закричали:

— Пасторъ Глистъ? Знаемъ, знаемъ!

— Вамъ надобно школьнаго учителя на соломенхъ ножкахъ?

---

[1]) Нѣмецкой.

Digitized by Google

— Съ ястребинымъ носомъ?

— Съ кошачьими глазами?

— Съ войлокомъ на головѣ?

— Чтобы не замерзъ послѣдній цыпленокъ ума, который въ ней остается!

— Третій домъ отъ угла, ворота съ надписью мѣломъ: «*Нѣмецкій попъ...*»

— И съ крестомъ!

— Чтобъ чортъ не ушибъ его пестомъ!

Густавъ отворялъ уже калитку пасторова жилища, а насмѣшки на счетъ великаго педагога все еще сыпались, какъ бѣглые огоньки въ стрѣлковой цѣпи.

Старикъ, повидимому, упрежденный о приходѣ Траутфеттера, принялъ его сначала съ важною ласкою покровителя, но мало-по-малу спустился съ высоты своей на самый дружескій тонъ и обращеніе.

— Вы, конечно, слышали, господинъ Траутфеттеръ,—говорилъ Гликъ, въ которомъ отъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ на плечахъ усилилась болтливость, — вы, конечно, слышали, какъ нѣкогда тезоименитое дворянство и рыцарство лифляндское, въ томъ числѣ и бывшій мой зятикъ... гмъ! часовой... — прибавилъ Гликъ осматриваясь, — миръ праху его! Моя Кете не была ему сужена... я погубилъ-бы ее... характеръ трудный, упорный, безтолковый; только я одинъ могъ его сносить...

— Благороднѣйшій сынъ отечества! — перебилъ Густавъ.

— О! что до благородства, то на этотъ счетъ никто не отдастъ ему болѣе меня справедливости. Это-то благородство меня оковало, восхитило, увлекло... Ж. только, что Минервы не всегда слушался; но дѣло въ томъ—я хотѣлъ говорить... — гмъ! — пасторъ лянулъ и поправилъ свой парикъ. — Да, да, я хо сказать, что многіе во время оно смѣялись надъ

Digitized by Google

любовью къ русскому языку и горячей преданностью къ великому Алексѣевичу, которому, мимоходомъ сказать, — это случилось въ Нейгаузенѣ, именно 23-го марта 1697 года, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ, — предсказывалъ я будущую его славу. Потомъ, — не могу и этого дня забыть, — осмѣлься кто послѣ этого увѣрить, что въ пасторѣ Гликѣ не было крошки предвѣдѣнія, предвѣдѣнія, однимъ словомъ, вдохновенія Минервы!—Я хочу опытомъ подтвердить вамъ, молодой человѣкъ, что эти запасы никогда не лишніе. Итакъ, въ первыхъ числахъ іюня 1702 года, подъѣзжали мы съ покойнымъ цейгмейстеромъ — какъ теперь его вижу и бесѣдую съ нимъ — въ «долинѣ мертвецовъ» — что близъ Менцена... Надо вамъ объяснить, что, по милости его величества царя и бывшей моей Кете, въ этой долинѣ устроена нынѣ прекрасная мыза *Катариненгофъ*, принадлежащая вашему покорнѣйшему слугѣ.—Пасторъ осклабилъ свои розовыя губки и пріосанился.—Но не въ томъ дѣло—вотъ, вздумалось цейгмейстеру попугать мою Кете, которую, мимоходомъ сказать, я одинъ имѣю право такъ называть и, можетъ статься, еще одинъ... но тому чего не позволено? — И московиты-то не христіане, говорилъ Вульфъ, и вотъ поймаютъ насъ арканомъ, меня, покорнѣйшаго вашего слугу, изжарятъ на вертелѣ, а мою воспитанницу уведутъ-де къ падишаху московитскому... Фуй, фуй! краснѣю отъ этихъ словъ; но de mortuis aut bene aut nihil, то есть: о мертвыхъ или добро говори, или молчи.

- Господинъ пасторъ! — перебилъ Густавъ, выве..ый изъ терпѣнія словоохотливостью Глика: — его ...чество, царь россійскій, адресовалъ меня къ

О молодость, молодость! какъ стала ты нынѣ ...пѣлива! Къ его-то величеству и вашему благу,

Digitized by Google

государь мой, веду я рѣчь. Слушайте же меня, или я откажусь отъ устройства судьбы вашей.

— Простите—это было въ послѣдній разъ—теперь я васъ слушаю.

— Упрямцу Вульфу предсказывалъ я, что если мы будемъ взяты русскими, — которыхъ, замѣтьте, донынѣ неправильно называли москвитами,—я опредѣлюсь въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ пасторомъ, заложу краеугольный камень русской академіи, а моя Кете... сдѣлается украшеніемъ семейства знаменитаго русскаго боярина. И чтожъ, достопочтенный гость мой, все это сбылось по предсказанію глупаго, упрямаго старика. Вы видите меня, маріенбургскаго пастора, въ Москвѣ при нѣмецкой киркѣ; основанная мною академія, schola illustris, есть первый знаменитый разсадникъ наукъ въ Россіи. Образователь обширнѣйшаго государства въ мірѣ нерѣдко удостоиваетъ совѣтоваться съ *нами* на счетъ просвѣщенія ввѣренныхъ ему народовъ, и, наконецъ, Кете — о! судьба ея превзошла мои ожиданія!—Старикъ возвелъ къ небу полные слезъ глаза; потомъ, успокоившись, произнесъ вполголоса, почти на ухо Густаву:—Я вамъ скажу тайну, которая, правду сказать, съ мая почти всей Россіи извѣстна — моя бывшая Кете первая особа по царѣ...

Густавъ, полагая, что Гликъ отъ старости рехнулся съ ума, отодвинулъ назадъ свой стулъ и остановилъ на своемъ собесѣдникѣ неподвижные отъ изумленія взоры.

Гликъ засмѣялся и тономъ покровителя продолжалъ:

— Она можетъ сдѣлать очень много для васъ; она уже много для васъ сдѣлала... Прибавлю еще, — скромность ея запечатывала мнѣ уста: невидимый б творитель и корреспондентъ вашъ во все время ва плѣна—есть бывшая моя воспитанница.

— Все это какимъ образомъ?

Digitized by Google

— Узнаете позже. Кто могъ бы угадать ранѣе будущую судьбу сироты? Странно! чудесно! это правда; но чего Богу невозможно? Иногда угодно Ему удивлять міръ дѣлами любви Своей къ избраннымъ отъ Него твореніямъ. Но дѣло теперь не въ томъ. — Его величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, Петръ Алексѣевичъ, прислалъ васъ ко мнѣ, говорите вы?

— Точно такъ, господинъ пасторъ!—отвѣчалъ Густавъ, убѣжденный голосомъ и выраженіемъ лица Глика въ истинѣ словъ его и, между тѣмъ, блуждая мыслями какъ бы въ волшебномъ мірѣ.

— Я долженъ исполнить волю моего государя и близкой ему и мнѣ особы, о которой мы говорили. Вы присланы услышать отъ меня, что, по волѣ его, семейство баронессы Зегевольдъ вызвано изъ Дерпта сюда...

Густавъ вскочилъ со стула и, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва могъ выговорить:

— Вы шутите надо мной, господинъ пасторъ?

— Боже меня сохрани, особенно когда дѣло идетъ объ участи людей, мнѣ столько любезныхъ. Минерва не покинула меня на старости до того, чтобы разсказывать вамъ сонный бредъ за существенность. Узнайте болѣе: баронесса, дочь ея и добрый Биръ въ Москвѣ со вчерашняго утра и квартируютъ за два шага отъ меня.

— Господинъ пасторъ! господинъ пасторъ! что вы со мною дѣлаете?...—вскричалъ Густавъ: — я готовъ упасть къ ногамъ вашимъ; я готовъ цѣловать ваши ки. Луиза! Государь! Кто еще?... Боже! Боже! я помѣшанный.

Густавъ обнималъ пастора и плакалъ отъ ра-

Здорова ли она? помнитъ ли меня?—разспрашивалъ, сжимая въ своихъ рукахъ руку Глика.

Digitized by Google

— Что она здорова, это мнѣ извѣстно; остальное предоставляю ей самой разсказать вамъ. Впрочемъ, чтобы васъ долго не томить, мы пошлемъ тотчасъ за Биромъ. Грете! Грете!

Явилась экономка пастора, сдѣлавшаяся отъ беззаботной жизни въ ширину то же, что была въ вышину. Велѣно Грете сходить за Биромъ — и Биръ не заставилъ себя долго ждать. Съ восторгомъ дружбы и неожиданности бросился онъ въ объятія Траутфеттера.

— Гмъ! гмъ! — сказалъ наконецъ растроганный Биръ:—Господь ведетъ насъ сюда, видно, къ развязкѣ. Пора, право, пора; а то моя милая, добрая Луиза пала бы подъ бременемъ своей судьбы.

— Любитъ ли она меня? помнитъ ли, по крайней мѣрѣ?—спросилъ Густавъ.

— Любитъ, какъ въ первые дни вашего знакомства,

— О, какъ я счастливъ! Кому теперь могу позавидовать? Все прошедшее забыто. Но разскажите мнѣ ради Бога...

— Все, что съ нею случилось съ того времени, какъ мы разстались, не правда ли? Вы знаете, я не мастеръ говорить... когда бы можно было на письмѣ... это бы дѣло другое.

— Вы имѣете снисходительнаго слушателя. Разсказывайте, какъ можете. Я затруднять васъ много не стану, а попрошу только раскрыть мнѣ, что случилось съ Луизою послѣ того, какъ ее привели въ церковь для вѣнчанія. Что прежде было, извѣстно мнѣ изъ письма вашего къ доктору Блументросту: оно-то привязало меня еще къ жизни, но оставилс[illegible] большой неизвѣстности, потому что перепутано бы[illegible] на самомъ любопытномъ мѣстѣ описаніемъ болот[illegible] моха.

Биръ покраснѣлъ какъ дѣвушка и сказалъ, [illegible]наясь:

Digitized by Google

— Виноватъ... эта любовь къ натуральной исторіи... эта разсѣянность мнѣ дорого стоили: я мучился за чтеца и за себя вмѣстѣ. Какъ я перемѣшалъ все— не знаю: только знаю, что листъ съ концомъ интересной для васъ исторіи очутился въ моей Флорѣ. Хотѣлъ было я съ досады отказаться отъ моей любимицы, но— судите по себѣ, мой любезнѣйшій Густавъ, — страсть все страсть: даешь слово изгнать ее изъ сердца и изъ головы, а все къ ней возвращаешься. Но вы ждете, чтобы я успокоилъ васъ, — извольте. На бумагѣ бы оно лучше; однако-жь... какъ-нибудь разскажу.

Густавъ увѣрилъ снова чудака, что онъ не будетъ взыскателенъ за выборъ и порядокъ словъ, и Биръ началъ такъ свой разсказъ:

«Мы ввели кое-какъ полумертвую Луизу въ церковь. Адольфъ, смотря на ея страданія и не понимая ихъ причины, просилъ отложить свадьбу, но баронесса и Фюренгофъ настояли совершить ее безъ отлагательства. Уже приступлено было къ священному обряду, какъ въ церковь вбѣжала женщина высокая, худая, шафраннаго цвѣта, съ черными, длинными волосами, распущенными по плечамъ, въ изорванной одеждѣ чухонки,—настоящее привидѣніе! Глаза ея горѣли, какъ раскаленные уголья; отъ усталости она задыхалась. Церемонія остановилась; мы всѣ перепугались, но всѣхъ болѣе Фюренгофъ. Онъ началъ дѣлать такія ужасныя гримасы, какъ будто ломала его нечистая сила.

«— Стой! — закричала женщина страннымъ голосомъ, обратясь къ Адольфу: — ты кругомъ обманутъ! Т—т невѣста тебя не любитъ, и ты погубишь ее и —, если на ней женишься. Ее выдаютъ за будущее ...тство твое, а богатство это не можетъ тебѣ принадлежать, развѣ ты захочешь получить незаконно, ...ивъ своего брата. Этотъ злодѣй, — продолжала ...ная женщина, указывая на Фюренгофа,—восполь-

Digitized by Google

зовался наслѣдствомъ, принадлежащимъ Густаву, подмѣнивъ настоящее завѣщаніе своего отца подложнымъ. Я, сообщница его злодѣяній, составляла эту бумагу. Предаю себя въ руки правосудія и съ собою этого мошенника. Призываю Бога во свидѣтели словъ своихъ; а тебѣ, Траутеттеръ, вручаю законныя тому доказательства. Когда-бъ не знала тебя, я представила бы ихъ въ судъ».

Фюренгофъ бросился было вырывать бумаги во время передачи ихъ Адольфу, угрожая своему племяннику вѣчною ненавистью и отчужденіемъ отъ наслѣдства, если онъ послушаетъ сумасшедшую вѣдьму, какъ онъ называлъ чудесную женщину, и приказалъ было слугамъ схватить ее. Слуги не повиновались, услыша клятву Адольфа, что онъ беретъ ее подъ свою защиту и что тотъ, кто до нея дотронется, будетъ отвѣчать за нее жизнію своей. Чудесная женщина подала клочекъ бумаги Адольфу и произнесла вполголоса:

«— Эта записка касается до тебя именно. Отойди къ окну и прочти ее. Все прочее буду имѣть время объяснить тебѣ и суду. А ты, мошенникъ! — продолжала она, возвысивъ голосъ и съ яростью обратясь къ Фюренгофу,—смотри на меня, осязай меня: это я, я, Елизавета Трейманъ, твоя бывшая пріятельница, твоя сообщница въ злодѣйствахъ, тобою изгнанная, недоморенная тобою. Земной судъ твой начался: допросы, тюрьма, цѣпи, казнь, вмѣстѣ, вмѣстѣ со мною! Ха, ха, ха! любовники вѣрные, на жизнь и смерть! Вмѣсто чищенныхъ червончиковъ, мы, о другъ мой, перечтемъ съ тобою по нѣскольку разъ въ день звенья цѣпей; позоръ, злоба, раскаяніе будутъ терзать твою грудь, какъ ты терзалъ человѣчество; но въ объятіяхъ моихъ ты все забудешь... даже милую Марту... правда-ли? ха, ха, ха! О, сладко будетъ задушить тебя въ нихъ!

Digitized by Google

«И сатанинскій хохотъ изступленной, при общемъ молчаніи, ужасно раздавался подъ сводами церкви, и оторванный листъ желѣза на кровлѣ стоналъ, какъ вѣщая птица. Луиза прижалась ко мнѣ и скрыла свое лицо на моей груди; сама баронесса дрожала, поблѣднѣвшій пасторъ хотѣлъ было вывесть Елизавету изъ храма, но отъ одного вскрика ея оторопѣлъ. Изступленная продолжала:

«— Подожди немножко, пасторъ! подожди, любезный, твоя очередь послѣ. Дай мнѣ досказать свою проповѣдь: она стоитъ твоихъ вялыхъ поученій — рѣжетъ, пилитъ, жжетъ, только-что съ адскаго очага! Развѣ спрошу тебя: бывалъ-ли у тебя на исповѣди злодѣй ужаснѣе этого?... Онъ убійца своего отца, дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній, развратитель дѣвъ, грабитель, кровопійца, гробный татъ, сдирающій послѣднюю одежду мертвеца: это все—вотъ онъ. Балдуинъ Фюренгофъ! Съ нимъ-то волею и неволею сочеталась я на здѣшнюю и будущую жизнь. Да, злодѣй! не оставлю тебя и въ другомъ мірѣ: и тамъ вопьюсь когтями своими въ твою душу и не покину тебя вѣчно... Вѣчность! Слышишь-ли ты это слово? а?... Ты не [illegible]рилъ ему, но скоро, скоро повѣришь, голубчикъ!

«Пока Елизавета осыпала своего подсудимаго ругательствами, Адольфъ успѣлъ прочесть данный ему лоскутокъ и прочія бумаги, упалъ со слезами на колѣна передъ Распятіемъ, благодарилъ въ несвязныхъ словахъ Бога за спасеніе свое и брата и потомъ, [illegible]авъ, объявилъ пастору, что свадьбѣ не быть. [illegible]ѣловавъ съ жаромъ руку у Луизы, онъ ска[illegible]ей:

— Будьте счастливы съ тѣмъ, кого любите! Объ [illegible] берусь хлопотать всѣми силами. Слава Богу, [illegible]ще время!

Digitized by Google

«Адольфъ хотѣлъ еще говорить съ баронессою; но она, бросивъ на него сердитый взглядъ, повлекла изъ церкви дочь свою, примѣтно обрадованную перемѣною своей судьбы; я за ними. Не знаю, что послѣ того говорено оставшимися въ церкви; только слышалъ при выходѣ шумъ, ссору; люди Фюренгофа не хотѣли долѣе повиноваться. Когда мы сѣли въ карету, любопытство подстрекнуло меня выглянуть изъ окна: я увидѣлъ, что Фюренгофа насильно втащили въ карету Адольфа, а этотъ съ Елисаветой сѣлъ въ колымагу Фюренгофа; затѣмъ оба экипажа поскакали по дорогѣ въ Дерптъ. Мы возвращались въ Гальсдорфъ, намъ на встрѣчу слуга съ извѣстіемъ, что туда прискакали татары, все тамъ жгутъ и грабятъ. Дышло на поворотъ, и мы тоже прямо въ Дерптъ. Черезъ нѣсколько дней позванъ я былъ въ городскую тюрьму къ Елисаветѣ Трейманъ. Она разсказала мнѣ, что «судъ, вслѣдствіе ея доноса, посадилъ въ тюрьму ее и Фюренгофа раздѣленнаго съ ней одною перегородкою, и просила меня, развѣдавъ о дѣйствіяхъ Адольфа, отписать подробно обо всемъ случившемся къ г. Блументросту». Я обѣщалъ все несчастной. Вслѣдъ затѣмъ Адольфъ сообщилъ мнѣ, что правительство строжайше изслѣдовало злодѣяніе Фюренгофа, который уже и признался въ немъ, и что имѣніе, похищенное у васъ, мой любезный другъ, будетъ возвращено немедленно по принадлежности. Благородство и твердость души вашего брата въ этихъ обстоятельствахъ не могу довольно превознесть. Самый усердный стряпчій, изъ видовъ богатой корысти, не хлопоталъ-бы столько за своего кліента, какъ онъ дѣйствовалъ за васъ, противъ ственной пользы: ибо послѣ этой тяжбы, гдѣ былъ въ одно время истцомъ и отвѣтчикомъ, ост онъ такимъ бѣднякомъ, какимъ знали васъ до времени.

Digitized by Google

— Все пополамъ, и мы будемъ равно богаты! — сказалъ тронутый Густавъ.

— Позвольте, для маленькаго отступленія, воспользоваться вашимъ восклицаніемъ, — сказалъ съ робкою ужимкою Биръ, смотря на горшокъ съ цвѣтами, стоявшій на окнѣ:—мнѣ хотѣлось давно спросить господина достопочтеннаго хозяина: бальзамины, impatiens hortensis, которые я вижу здѣсь въ Москвѣ почти на каждомъ окошкѣ, не есть ли предметъ особеннаго религіознаго почитанія между московитами?...

Пасторъ захохоталъ.

— За кого жь принимаете вы русскихъ?—сказалъ онъ. — Нѣтъ, достопочтенный гость мой! Обитатели здѣшніе никому не поклоняются, кромѣ какъ иконамъ своимъ Святыхъ. Бальзамины же находятся почти въ каждомъ домѣ и подсолнечники въ каждомъ саду, потому что другихъ цвѣтовъ русскіе почти не держатъ, а цвѣты здѣсь любятъ. Impatiens hortensis выписанъ еще недавно сѣменами изъ Голландіи разсадителемъ всего полезнаго и пріятнаго въ Россіи. Но любезнѣйшій собесѣдникъ нашъ ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія вашего разсказа.

— Виноватъ, виноватъ! — сказалъ, оправясь отъ своего смущенія, Биръ: — на чемъ же я остановился? Бальзаминъ, гортензія, шафранъ...

Онъ имѣлъ привычку добираться, по аналогіи цвѣтовъ, до предмета, имъ забытаго.

— Да, да, шафранъ! Елизавета, сказалъ я, просила отписать обо всемъ къ г. Блументросту. Исполнивъ это, я вложилъ въ письмо свое лоскутокъ бумаги, [illegible]ый ею же, а какого содержанія, мнѣ неизвѣстно; [illegible]строго было запрещено заглядывать въ него. Все [illegible]препроводилъ я, куда назначено, съ чухонцемъ, [illegible]рому Адольфъ заплатилъ хорошія деньги зя услугу. [illegible]ватъ только въ ошибкѣ... но судьба уже все сама

Digitized by Google

поправила. Что случилось послѣ? спросите вы. Послѣ... въ одно роковое утро нашли Фюренгофа въ тюрьмѣ, задушеннаго собственными цѣпями, чему Елизавета Трейманъ за перегородкою много хохотала; потомъ и несчастная Елизавета умерла въ сумасшедшемъ домѣ, проклиная своего обольстителя и изъявляя надежду соединиться съ нимъ въ аду. Имѣніе, у васъ похищенное, утверждено за вами, силою законовъ. По взятіи Дерпта русскими, братъ вашъ уѣхалъ въ Польшу, къ королю шведскому; воспитанница моя снова расцвѣла душою и тѣломъ, какъ роза centifolia, тѣмъ живѣе, что вспрыснута была росою надежды, которая, втайнѣ вамъ сказать, присылалась ей нерѣдко въ записочкахъ по почтѣ... извините сравненіе... гмъ! виноватъ... да, да, о чемъ бишь я говорилъ?—вотъ видите,—я сказалъ, что собьюсь съ толку; оно лучше было бы на письмѣ...

— Вы говорили о Луизѣ,—подхватилъ Густавъ:—какъ же вы здѣсь очутились?

— Какъ сѣмена, переброшенныя бурею на чуждую имъ землю; но и тутъ умѣютъ они приняться, лишьбы родное солнышко ихъ согрѣвало и питало. Иначе вамъ скажу: баронесса, отказавшаяся было отъ дипломатики послѣ урока, даннаго ей при разставаніи съ Гельметомъ, вздумала въ послѣдніе годы опять за нее приняться, замѣшалась будто въ заговорѣ противъ русскаго правительства и по этому случаю принуждена была совершить съ нами маленькое путешествіе въ Москву. Мнѣ и здѣсь хорошо. Съ будущею весной надѣюсь дѣлать въ окрестностяхъ ботаническія экскурсіи; а всего лучше то, что судьба моей доброй Л[illegible] надѣюсь, развяжется здѣсь. Вижу васъ, и за[illegible] всѣ прошедшія непріятности...

Кукушка на стѣнныхъ часахъ прокуковала часовъ.

Digitized by Google

— Гостьи наши должны скоро быть здѣсь!—произнесъ усмѣхаясь Гликъ.—Да вотъ и онѣ!

Сердце Густава затрепетало. Послышался стукъ въ ворота, потомъ скрипъ калитки, шорохъ въ передней; дверь растворилась—и... кто-жь передъ глазами Густава?...

Луиза во всемъ блескѣ своей красоты, со всѣмъ очарованіемъ, которое окружало ее въ первую встрѣчу съ другомъ ея сердца. Она была нѣсколько блѣднѣе, нежели тогда, но эта блѣдность и нѣсколько лѣтъ, накинутыхъ на нее временемъ, не вытѣснили ни одной изъ ея прелестей. Если бы Густавъ видѣлъ ее теперь въ первый разъ, онъ готовъ бы былъ снова въ нее влюбиться. Бѣлое, простое платьеце, обвивавшее станъ, стройно перехваченный, придавало ей какое-то эѳирное свойство, тѣмъ болѣе, что она, опрометью вбѣжавъ въ комнату и, вѣроятно, не думавъ никого найти, кромѣ пастора и Бира, вдругъ, при видѣ новаго лица, остановилась, отдала назадъ свою прелестную голову и приподнялась на цыпочкахъ. Вглядѣвшись въ Густава, она вскрикнула.

Что такое? — ворчала баронесса, шедшая за дочерью.—Боже мой! да насъ завлекли въ сѣти; это западня, позоръ, униженіе! Вотъ что дѣлаютъ нынѣ пасторы, служители алтарей! Потворствуютъ слабостямъ, помогаютъ дочерямъ противъ матерей! Пойдемъ отсюда, Луиза!

Между тѣмъ какъ она читала эту проповѣдь, Луиза и Густавъ смотрѣли другъ на друга въ какомъ-то сладостномъ упоеніи... смотрѣли и... невольно пали другъ другу въ объятія.

— Теперь не разстанемся! теперь не разлучатъ насъ!—говорили они, обливаясь слезами и держа другъ друга крѣпко за руки.

— Матушка! госпожа баронесса! благословите нашу

Digitized by Google

любовь, или мы умремъ завтра! — воскликнули они, упавъ къ ногамъ ея и обнимая ея колѣна.

— Что это за комедія?—сказала сердито дипломатка.

— Госпожа баронесса! — произнесъ важно пасторъ,—его величество, всемилостивѣйшій нашъ государь, Петръ Алексѣевичъ, приказалъ вамъ сказать, что онъ принялъ на себя должность свата господина Траутфеттера, и сверхъ того повелѣлъ мнѣ отдать вручаемую вамъ при семъ цыдулку.

Г-жа Зегевольдъ дрожащими руками взяла поданную ей бумагу, подошла къ свѣчѣ и прочла слѣдующее:

«Min Frau!

«Я, Cesar и полковникъ отъ гвардіи россійской, взялся быть сватомъ капитана Густава Траутфеттера. Дочь ваша ему нравится; онъ вашей дочери; чего болѣе? прошу не претендовать. Въ приданое ей даю всѣ лифляндскія помѣстья, отнятыя у васъ въ военное время, и дозволяю вамъ управлять ими до вашей смерти. Современемъ обѣщаю вамъ и зятю вашему особенную мою царскую аттенцію. По дѣламъ вашего отечества даю вамъ право, ради нашего интереса, вести съ нами прямо корреспонденцію; за добрыя извѣстія буду вамъ всегда reconnaissant. На свадьбу дарю вамъ табакерку съ моею персоною и тысячу рублевъ. Кажись, уконтентовалъ васъ порядкомъ; а упрямиться долѣе вамъ ради какой причины?

«*Piter*.»

Можно было прочесть на лицѣ честолюбивой баронессы, какая строка изъ этого посланія произвела сердце ея пріятнѣйшее впечатлѣніе. Право относит по дипломатическимъ дѣламъ къ повелителю обширн шаго государства — право, дающее ей опять силь вліяніе на ея соотечественниковъ, поколебало тверд

Digitized by Google

ея души. Кончилось тѣмъ, что она благословила чету любовниковъ и обняла своего будущаго зятя.

На другой день баронесса, женихъ, невѣста, пасторъ Гликъ и Биръ позваны были во дворецъ. Петръ I, не заставивъ ихъ долго ждать себя, явился въ голубомъ, гродетуровомъ кафтанѣ, шитомъ серебромъ, съ андреевскою лентою черезъ плечо. Только въ особенные торжественные дни государь показывался въ такомъ блестящемъ нарядѣ; но въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ угодить одной милой особѣ, «которой»,—говорилъ онъ,— «ни въ чемъ не могъ отказывать». Всѣ посѣтители были имъ обласканы, особенно Биръ. Разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ натуральной исторіи, онъ нашелъ въ немъ необыкновенныя, глубокія свѣдѣнія и по другимъ наукамъ, которыя самъ любилъ, и до того привязался къ доброму педагогу, что забылъ предметъ посѣщенія его спутниковъ и увлекъ его съ собою въ кабинетъ. Тамъ показалъ онъ ему гербарій, собранный царскими трудами. Биръ, восторженный ласковымъ обхожденіемъ государя и любовью къ своему предмету, вскорѣ бесѣдовалъ съ Петромъ, какъ съ равнымъ себѣ ученымъ.

— Вотъ этакихъ людей люблю!—говорилъ Петръ, цѣлуя его въ лобъ: — не хвастунишка, а настоящій дѣлецъ.

Въ какомъ-то невольномъ благоговѣніи къ простотѣ великаго мужа стояли баронесса и ея спутники, когда въ пріемную залу изъ заднихъ аппартаментовъ вступила прелестная молодая женщина.

- Милая Кете, едва не вскрикнула Луиза, и хо- было броситься въ объятія ея, но баронесса ловила дочь свою за рукавъ.

- Милая Луиза!—сказала со слезами на глазахъ и нѣкоторомъ смущеніи бывшая воспитанница пастора

Digitized by Google

Глика:—не бойся!... обними же меня скорѣй, скорѣй, милый другъ!

Екатерина спѣшила прижать къ сердцу гельметскую пріятельницу свою. Онѣ плакали вмѣстѣ отъ радости; перемѣна состояній не измѣнила ихъ чувствъ.

Г-жа Зегевольдъ отъ изумленія не могла придти въ себя; но во время дружескихъ изъясненій государыни съ Луизою, пасторъ разсказалъ дипломаткѣ со всею нѣмецкою пунктуальностію и нѣжностію отца, что бывшая его воспитанница, по взятіи ея въ плѣнъ подъ Маріенбургомъ, попала въ домъ къ Шереметеву и оттуда къ Меншикову. Здѣсь, въ 1702 году, Петръ I увидѣлъ ее и влюбился въ нее такъ, что никогда уже съ нею не разставался. Сначала знали ее подъ именемъ Катерины Скавронской—именемъ, которое угодно было государю ей придать. Въ 1703 году приняла она грекороссійское исповѣданіе; крестнымъ отцомъ ея былъ наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй Петровичъ, и по немъ-то названа она Екатериной Алексѣевною. Въ маѣ 1707 года государь сочетался съ нею бракомъ.

Такъ объяснялъ пасторъ дивную судьбу своей воспитанницы, наблюдая мѣсяцы и числа каждой эпохи въ ея жизни. Когда Екатерина замѣтила, что онъ кончилъ свое объясненіе, она подошла къ баронессѣ и ласково, но съ величіемъ, свойственнымъ царицѣ и будто ей врожденнымъ, обратила рѣчь къ дипломаткѣ и увѣрила ее самыми лестными выраженіями въ своемъ будущемъ благорасположеніи къ ней.

— А! вижу, что твое сердце не выдержало, Катенька!—сказалъ Петръ, вошедши въ пріемную залу люблю тебя за то, душа моя, что не забываешь пр нихъ друзей своихъ. Теперь, Frau баронесса! м открыть вамъ секретъ: супруга моя хлопотала о гополучіи вашей дочери, какъ бы о своемъ собс

Digitized by Google

номъ.—Тутъ подошелъ онъ къ Луизѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Я вашъ гость на свадьбѣ и крестный отецъ первому ребенку, котораго вамъ дастъ Богъ.

— Удивительно! удивительно! я все это вижу, какъ во снѣ!—говорила баронесса, возвращаясь съ своимъ семействомъ и Гликомъ домой въ придворной, богатой каретѣ и кивая важно народу, который скидалъ передъ каретою шапки за четверть версты.

Благоговѣйно сложивъ руки на грудь, пасторъ произнесъ:

— Неисповѣдимы судьбы Господи! Не даромъ говорилъ о моей Кете слѣпецъ Конрадъ изъ Торнео въ «Долинѣ мертвецовъ»: «*Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ судебъ?*... и сбылось!...

— Великій государь! — восклицалъ Биръ: — какъ онъ знающъ въ натуральной исторіи!

Густавъ и Луиза не говорили ни слова; но, смотря другъ на друга глазами, выражавшими упоеніе счастія и пламенной любви, жали другъ другу руки и забывали весь міръ.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

КАРТИНА

Одинъ только полковникъ Траутфеттеръ!
„Истор. Карла XII“. *Вольтеръ.*

Знойно лѣтнее небо; облака порохового дыма клубятся по немъ и хмурятъ его, будто раскаленное отъ гнѣва. Вправо отрывокъ широкой рѣки; противный берегъ ея мраченъ и обнаженъ, какъ могильный бугоръ, въ степи наброшенный надъ бѣднымъ странникомъ. Поперекъ рѣки плыветъ судно. На лицахъ гребцовъ видна боязнь, въ движеніяхъ ихъ—торопливость. Бѣдная повозка, у которой колеса скрѣплены рванями, стоитъ на суднѣ: въ ней лежитъ воинъ, накрытый синимъ плащомъ. Лицо его подернуто мертвою блѣдностью; замѣтно, что болѣзнь и горесть оспариваютъ жертву свою у твердости душевной, видимо уступающей. Вокругъ повозки, на палубѣ, стоятъ и сидятъ нѣсколько воиновъ. Въ числѣ ихъ казакъ: подаетъ пить изъ шляпы больному, въ повозкѣ лежащему, и смотритъ на него съ нѣжною заботливостію родного или друга. Прочія всѣ лица въ синихъ иностранныхъ мундирахъ. Положеніе, въ которомъ они находятся

Digitized by Google

показываетъ, что несчастіе поравняло всѣ званія. Одинъ, преклонивъ голову къ колесу, спитъ; другой перевязываетъ товарищу руку; далѣе, ближе къ кормѣ, два воина, со слезами на глазахъ, берутся за голову и ноги, повидимому, умершаго товарища и собираются бросить его въ рѣчную могилу, уносящую столь же быстро, какъ время, все, что ей ни повѣрять. Къ носу тѣснится группа въ унынiи и отчаянiи. Иные со страхомъ смотрятъ на повозку, гдѣ, кажется, умираетъ ихъ послѣдняя надежда; другіе, поднявъ къ небу взоры, молятся. За большимъ судномъ торопятся рыбачьи лодки. Нѣсколько всадниковъ, отталкивая немилосердно несчастныхъ, хватающихся то за гриву, то за хвостъ коней ихъ, или, подавая погибающимъ руку спасенія, перерѣзываютъ рѣку. Кое-гдѣ мелькаютъ борющіеся съ волнами; утопленники показываютъ, какъ стрѣлка, теченіе водъ. Впереди сцены идетъ сраженіе: оно уже при послѣднемъ издыханіи. Бой неравенъ между воинами въ синихъ мундирахъ съ воинами въ зеленыхъ. Число первыхъ не велико; они утомлены, нехотя дерутся въ рукопашную, толпами сдаются въ плѣнъ и бросаютъ оружіе; путь ихъ устланъ изломанными лафетами, взорванными ящиками, грядою мертвыхъ и раненыхъ. Воины въ зеленыхъ мундирахъ глядятъ побѣдителями: удовольствіе торжества пышетъ въ ихъ взорахъ; сила и увѣренность въ каждомъ ихъ движеніи; кажется, лицо одного, замахнувшагося прикладомъ ружья на упавшаго непріятеля, четко выражаетъ: *«лежачаго не бьютъ!»* Совершенно на авансценѣ выступ[illegible] изъ группы сражающихся фигура молодого офи[illegible] въ синемъ мундирѣ; онъ палъ, раненый въ грудь. [illegible]ей бьетъ кровь струей. Правою рукою стиснулъ [illegible]укоятку меча, какъ будто не хочетъ отдать его [illegible]ой смерти. По лицу офицера, чрезвычайно [illegible]ельному, бѣжитъ уже смертная блѣдность;

Digitized by Google

оборотивъ голову къ сторонѣ рѣки, онъ устремилъ на небо взоры, исполненные благодарности; слезы каплютъ по щекамъ; уста его силятся что-то произнести.

Вотъ картина, на которую я засмотрѣлся въ домѣ одного любителя изящнаго! Меня такъ заняло главное лицо, что мнѣ стало жаль его, какъ человѣка, соединеннаго со мною узами дружбы. Онъ умеръ героемъ, но умеръ далеко отъ родины, видя уничтоженіе ея славы. Хозяинъ картины засталъ меня въ этомъ положеніи.

— Замѣчаю, что это художественное произведеніе оковало ваше вниманіе,—сказалъ онъ мнѣ.—Знаете-ли, что представляетъ картина?

Я просилъ разсказать мнѣ сюжетъ ея.

— Это переправа Карла XII черезъ Днѣпръ послѣ полтавской битвы,—отвѣчалъ мнѣ любитель изящнаго.—Днѣпръ былъ гранью, гдѣ побѣда распрощалась съ нимъ навсегда. Войско его уничтожено. Послѣдніе обрывки этого войска, ужасавшаго нѣкогда сѣверъ, силятся купить королю свободу. Едва не захваченъ онъ непріятелемъ, слѣдящимъ его по горячимъ ступенямъ. Оставшіеся при немъ служители и воины добываютъ съ трудомъ повозку; въ нее кладутъ короля-бѣглеца,—того, который нѣкогда отнималъ царства и раздавалъ ихъ. Карлъ раненъ; лихорадка и лютѣйшая болѣзнь великихъ людей—униженіе пожираютъ его; онъ видимо упалъ духомъ. Послѣднее его спасеніе—переправа черезъ Днѣпръ: онъ совершаетъ ее въ т... положеніи, въ какомъ видите на холстѣ. Остат... войска бросаетъ оружіе; многіе силятся спаст... вплавь. Одинъ полковникъ Адольфъ Траутфеттеръ своимъ батальономъ отчаянно задерживаетъ нати... торжествующаго непріятеля. Раненый въ грудь,

Digitized by Google

падаетъ, благодаря Провидѣніе за спасеніе короля и за то, что не переживаетъ униженія шведскаго войска. Если хотите, онъ произноситъ имя родины, друга, и проситъ стоящаго подлѣ него воина передать имъ послѣднее свое воспоминаніе.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

СХИМНИКЪ

Край милый увидишь — сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни и храмы, и предковъ палаты
И сердцу святыя гробницы узришь!
. . . . . .
И ласково примутъ отчизны сыны,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.

Императрица Екатерина Алексѣевна, на другой день послѣ коронаціи своей (это было 8-го мая 1724 года), захотѣла воспользоваться пріятностями весны, чтобы посѣтить, съ самыми близкими ей особами, подмосковное дворцовое село Коломенское и, если хорошая погода продолжится, погостить тамъ нѣсколько дней. Въ одной каретѣ съ нею сидѣли дочери ея, Анна и Елисавета, цвѣтущія наслѣдственной красотой, и супруга русскаго генерала Густава Траутфеттера, Луиза Ивановна. Въ другомъ экипажѣ находились шестидесятилѣтній старецъ князь Василій Алексѣевичъ Вадбольскій съ дѣтьми Траутфеттера, сыномъ и дв[illegible] дочерьми, которые были хороши, какъ восковые [illegible] рувимы, выставляемые напоказъ въ вербную субб[illegible] или какъ тѣ маленькія, прелестныя творенія, съ [illegible] ными розовыми щечками, съ плутоватыми глаз[illegible] изображаемыми такъ привлекательно на англійск[illegible]

Digitized by Google

гравюрахъ. Генералъ Траутфеттеръ ѣхалъ верхомъ, то впереди заботливо осматривая худыя мѣста, то подлѣ самыхъ экипажей, гдѣ заключались залоги, равно для него драгоцѣнные. Любовь подданнаго, супруга и отца ясно выражалась въ его взорахъ и поступкахъ. Старостью уравненный съ дѣтствомъ, князь Вадбольскій забавлялъ своихъ маленькихъ собесѣдниковъ равными шутками, или занималъ ихъ вниманіе, разсказывая о своихъ походахъ въ Лифляндію. Дѣти слушали его, какъ веселаго сказочника, а когда онъ кончалъ, съ нѣжностью бросались къ нему, жали его мохнатыя, жилистыя руки въ своихъ ручонкахъ, и кричали взапуски: «*дѣдушка!* милый *дѣдушка!* еще что-нибудь!» Надо было видѣть, какъ малютки внимали въ благоговѣніи повѣствованію о подвигахъ русскихъ подъ Гуммельсгофомъ, устремивъ неподвижно глазенки свои на выразительное лицо старца. Сынъ Траутфеттера до того своевольничалъ съ *дѣдушкой*, что скинулъ, наконецъ, съ сѣдовласой головы его трехугольную шляпу, обложенную золотыми галунами, нахлобучилъ ею свою маленькую голову, съ которой бѣжали льняныя кудри, и обезоруживъ стараго воина, кричалъ ему:—Шлиппенбахъ! сдайся, или я тебя заколю!» За этимъ слѣдовалъ такой хохотъ, что Густавъ принужденъ былъ погрозить на дѣтей пальцемъ и указать имъ на экипажъ государыни, ѣхавшій впереди очень близко.

Было къ семи часамъ вечера. Кареты поровнялись съ Симоновымъ монастыремъ. Императрица наслышавшись, что съ площадки надъ трапезною церковью [illegible]ъ на Москву и окрестности очаровательнѣ, приказ[illegible] остановиться у монастырскихъ воротъ. Архи[illegible]дритъ, увидя государевъ экипажъ, поспѣшилъ [illegible]рѣтить высокихъ гостей.

Цѣлью посѣщенія монастыря была площадка надъ [illegible]езною церковью: Екатерина туда поспѣшила. Архи-

Digitized by Google

мандритъ второпяхъ потребовалъ было ключа у служки, слѣдовавшаго за нимъ; но тотъ доложилъ ему, что передъ захожденіемъ солнца, какъ ему извѣстно, входъ въ башню всегда отпертъ.

— По какому именно случаю всегда въ одно время?— спросила государыня, вслушавшись въ разговоры монаховъ.

— Вашему царск.... ва...шему императорскому величеству, великой и матери отечества, имѣю благополучіе рабски донести, — началъ архимандритъ, смѣшавшись въ титулѣ, къ которому русскіе еще не привыкли, и полагая, что прочія имена, данныя Петру I, должны неминуемо, по законному порядку, идти къ его супругѣ.

— Пожалуйте, безъ лишнихъ церемоній, отецъ архимандритъ! — усмѣхаясь перебила Екатерина Алексѣевна ласковымъ голосомъ.

— По великости вашего благоснисхожденія доложу вашему величеству, что въ здѣшней, спасаемой Богомъ и нашими государями, вторыми по Богѣ, обители, обрѣтается схимникъ, то-есть монашествующее лицо, сирѣчь затворникъ, обитающій въ семъ мірѣ единымъ скудельнымъ своимъ составомъ, но безсмертнымъ духомъ витающій за предѣлами гроба, яко на крыліяхъ голубиныхъ...

Государыня опять усмѣхнулась и, пожавъ слегка плечами, посмотрѣла на князя Вадбольскаго. Этотъ понялъ ее и своимъ обычно-рѣзкимъ голосомъ прервалъ архимандрита:

— Поскорѣй къ дѣлу, отецъ! Вѣримъ, что ты схимникъ великій постникъ, молитвословъ; да куда-дѣвалъ ты вопросъ матушки государыни?

— А вотъ сей *моментъ*! — продолжалъ архимандрит примѣшивая къ своему риторству иностранныя сло чѣмъ думалъ угодить людямъ вѣка своего, какъ

Digitized by Google

любимъ угождать своему.—Мы, монашествующіе, необычные къ *конверсаціи* съ такими высокими *персонами*, и—да помилуетъ насъ всемилостивѣйшее всещедрое сердце ея величества!—говоримъ по простотѣ нашего уразумѣнія. И такожде изволите видѣть, схимникъ этотъ, живущій уже 20 лѣтъ во ангельскомъ образѣ и житіи, единымъ своимъ услажденіемъ имѣетъ ежедневно, передъ восходомъ солнца и западомъ сицеваго обрѣтаться на площадкѣ надъ трапезою, которая, какъ глаголетъ преданіе, была въ древнія времена *обсерваціонною* башней. Съ нея-то, по всему вѣроятію, россійскіе стражи, яко гуси капитолійскіе, или зоркіе журавли, или, благоподобнѣе, орли, надзирали за посѣщеніемъ незванныхъ гостей, крымцевъ, жаловавшихъ къ намъ по каширской дорогѣ.

— Чтожъ дѣлаетъ схимникъ, всегда въ одно время на площадкѣ?—спросилъ князь Вадбольскій.

— Услаждаетъ свое сердце и взоръ зрѣлищемъ здѣшнихъ эдемскихъ окрестностей. Ликъ его хотя благолѣпенъ, обыкновенно подернутъ сердечною мглою; очи его тусклы, яко олово; но когда онъ обрѣтается на своей площадкѣ, тогда лицо его просіяваетъ, яко лучъ солнечный сквозь тучи, очи его ярко блестятъ, молніи подобно; а иногда, какъ по долгу нашему замѣчено, видали его проливающимъ обильные источники слезъ. Сколько усмотрѣть возможно по лицу, сему зерцалу души нашей, слезы сіи имѣютъ ключомъ своимъ избытокъ радостныхъ чувствованій. Единая въ немъ странность заключается, что онъ не даетъ никому своего благословенія, какового, по святости его зни, жаждутъ всѣ православные, посѣщающіе сію тель. Ваше величество ужасомъ преисполнились бы, рѣвъ вериги, какія онъ носитъ; тяжесть таковыхъ жетъ выдержать развѣ великій государь, отецъ отечества, на исполинскихъ раменахъ своихъ.

Digitized by Google

— И двадцать уже лѣтъ наложилъ онъ на себя тяжкій обѣтъ?—спросила государыня.

— Въ 1704 году, осенью, пришелъ онъ къ намъ въ видѣ странника; постригся вскорѣ въ монахи и черезъ три года облачился тѣломъ и душою въ схиму.

— Какъ его звали, когда онъ пришелъ къ вамъ?

— Владиміромъ.

Государыня и князь Вадбольскій невольно посмотрѣли другъ другу въ глаза, какъ бы искали въ нихъ разрѣшенія темной задачи.

— А теперь какъ его зовутъ? — спросила императрица.

— Въ монахахъ его звали Василіемъ, а въ схимѣ нарицается онъ опять Владиміромъ. Не благоугодно-ли будетъ вашему императорскому величеству, пока усталость вами не овладѣла, ибо и боговѣнчанныя особы, яко и мы, грѣшные человѣки, подвержены немощамъ, взглянуть на другія рѣдкости монастырскія, какъ-то на *тайникъ*, или подземный ходъ къ рѣкѣ, на тюремную башню-*дуру*...

У князя Вадбольскаго готово было уже словечко для прекращенія словоохотливости архимандрита: но императрица предупредила *дѣдушку* (такъ обыкновенно звали князя она и близкія ей особы), потребовавъ, чтобы показали ей дорогу на сторожевую площадку. Требованіе это было произнесено такимъ твердымъ голосомъ, что архимандритъ, не распложаясь далѣе, повелъ своихъ гостей, куда они желали.

Императрица, увидѣвъ, что лѣстница, ведущая на площадку, неудобна и трудна, предложила Вадбольскому остаться въ трапезной комнатѣ. Но старый солдатъ не любилъ казаться хилымъ и ни за что не согласился отстать отъ другихъ.

— Развѣ вамъ вспомнить Гуммельсгофскую гору

Digitized by Google

сказала государыня, подаривъ его тою улыбкою, которою она умѣла такъ мастерски привѣтствовать и награждать.—Дѣти! — прибавила она, обратясь къ великимъ княжнамъ, — возьмите дѣдушку подъ руки; а если онъ заупрямится, то я сама его поведу.

И старецъ, съ слезами радости на глазахъ, позволилъ себя поддерживать дочерямъ Петра I. Минуты эти были для него истиннымъ торжествомъ.

Екатерина Алексѣевна первая взошла на верхъ, восторженнымъ взоромъ заплатила мимоходомъ дань очаровательнымъ видамъ, представляющимся съ площадки, и устремила его потомъ на схимника, сидѣвшаго спиною къ ней на ветхой скамейкѣ и облокотясь въ глубокой задумчивости на перилы, лицомъ къ полудню. Шорохъ, произведенный приходомъ слѣдовавшихъ за государынею, заставилъ схимника оглянуться. Онъ привсталъ; но лишь только взглянулъ на нее и Вадбольскаго, задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Долго, очень долго смотрѣли на него императрица и князь Вадбольскій испытующими глазами, въ которыхъ заблистали, наконецъ, слезы; долго и схимникъ смотрѣлъ на Екатерину и князя, и крупныя слезы заструились также по блѣднымъ его щекамъ.

— Отецъ архимандритъ, вы, также и маленькое общество наше,—сказала государыня, обратясь къ генералу Траутфеттеру и женѣ его,—оставьте насъ съ княземъ однихъ...

Потомъ, обратясь къ великимъ княжнамъ и показавъ имъ на схимника, присовокупила съ особеннымъ чувствомъ:

— Анна! Елисавета! взглядитесь хорошенько въ ты этого человѣка; удержите образъ его въ вашей яти; пускай благодарность врѣжетъ его въ сердъ вашихъ! Это благодѣтель русскій и, можетъ , первый благодѣтель вашей матери.

Digitized by Google

И великія княжны, тронутыя, выраженіемъ лица и голоса своей матери, съ благоговѣніемъ вглядывались въ черты схимника.

Когда государыня осталась съ тѣми, кого назначила, она подошла къ затворнику, взяла его за руку и сказала:

— Мы, кажется, узнали другъ друга!

— Государыня!—отвѣчалъ тронутый схимникъ,— Послѣдній Новикъ—могъ-ли забыть ту, которую зналъ съ десятилѣтняго ея возраста прекрасною и великою, и которой высокое назначеніе тогда уже слышалъ изъ пророческихъ устъ своего друга? Радостно слѣдилъ я твое возвышеніе, и теперь, видя тебя на другой день твоей *коронаціи*, въ гостяхъ у меня, столь же радостно привѣтствую твой приходъ словами вдохновеннаго слѣпца: *«и се на главѣ твоей лежитъ корона!»* Знакомъ мнѣ и этотъ гость! — прибавилъ Послѣдній Новикъ, прижимая къ своему сердцу Вадбольскаго, который бросился его обнимать.

Спрашивали отшельника, почему не воспользовался онъ прощеніемъ Петра Великаго, прощеніемъ, которое, вѣроятно, должно было дойти до слуха странника.

— Ахъ!—сказалъ Владиміръ,—зачѣмъ спрашиваете меня о томъ, что я хотѣлъ бы забыть навѣки, что отравляетъ лучшіе часы моей жизни? Открою вамъ только, что прощеніе государя опоздало нѣсколькими днями; узнавъ о немъ, я, преступникъ вторично, не смѣлъ имъ воспользоваться. Я слѣдилъ моего гонителя, и нашелъ его!... Кровь, кровь ближняго на этихъ рукахъ, которыхъ благословенія жаждутъ православн эти херувимы, разсыпавшіеся по моей одеждѣ, сѣк крыльями своими, какъ пламенными мечами; вер которыя ношу, слишкомъ легки, чтобъ утомить душевныя страданія; двадцать лѣтъ тяжелаго зат

Digitized by Google

ничества не могли укрыть меня отъ привидѣнія, вездѣ меня преслѣдующаго. Но, повѣрите-ли? и съ этими муками я не промѣняю настоящаго своего состоянія на то, въ которомъ находился до прибытія въ мое отечество. Я здѣсь на родинѣ; во всякіе часы дня могу смотрѣть на мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство: тамъ я родился, тутъ, ближе, Софьино, гдѣ я воспитывался; здѣсь Коломенское, а здѣсь золотоглавая Москва съ ея святынею и благолѣпіемъ. Все тутъ, чего просилъ изгнанникъ, что онъ покупалъ цѣною униженія и трудовъ необыкновенныхъ! Мои соотечественники, православные, не откажутъ мнѣ въ могилѣ, на общемъ кладбищѣ, между ними. А тамъ, — прибавилъ Владиміръ, взглянувъ на небо со слезами на глазахъ,—какъ неугасимую лампаду, повѣсилъ я мои надежды; тамъ, можетъ быть, Отецъ всеобщій и Судія-нечеловѣкъ взглянетъ милосернымъ окомъ на двадцать годовъ тяжкаго раскаянія. — Спаситель простилъ разбойника!..

Здѣсь схимникъ, потупивъ очи, замолчалъ. Государыня и Вадбольскій старались излить въ его сердце утѣшенія и надежды, въ которыхъ оно нуждалось. Бесѣда оживилась мало-по-малу краснорѣчивымъ воспоминаніемъ тѣхъ происшествій, которыя имѣли столь сильное вліяніе на судьбу Екатерины и Россіи.

Солнце давно скрылось. Москва и прелестныя ея окрестности утопали въ вечернемъ туманѣ.

Когда схимникъ прощался съ своими гостями, впалые глаза его горѣли огнемъ небеснаго вдохновенія, щеки его пылали.

– Да! — сказала Вадбольскому императрица Екатерина Алексѣевна, прохлаждая опахаломъ разгорѣвшееся лицо свое и глаза, красные отъ слезъ, когда сходили съ лѣстницы, — по взятіи Маріенбурга, пророческія слова таинственнаго слѣпца такъ сильно

Digitized by Google

врѣзались въ моемъ воображеніи и сердцѣ, что я... повѣрите-ли?... вскорѣ послѣ того начала мыслить... *о коронѣ. Да! это было такъ!...*

Лучшія желанія Послѣдняго Новика исполнились: онъ умеръ въ глубокой старости на площадкѣ, устремивъ свой умирающій взоръ на Коломенское, имъ столько любимое. Его похоронили на общемъ кладбищѣ Симонова монастыря. Нынѣ не сыскать тамъ его могилы: новые мертвецы сдавили прахъ своихъ предшественниковъ.

PS. Нѣкоторыя особы, которымъ я читалъ свой романъ въ рукописи, спрашивали меня: «что сдѣлалось съ прочими лицами его». Удовлетворяю любопытству ихъ и другихъ копотливыхъ читателей. Кропотова отдала Богу душу, услышавъ о смерти своего мужа; дѣвица Горнгаузенъ до 50 лѣтъ все ждала своего рыцаря-жениха; Блументростъ сдѣлался лейбъ-медикомъ Петра I; Бпръ былъ достойнымъ членомъ россійской *академіи;* баронесса занималась до смерти политикою и, какъ видно по списку важныхъ лицъ, присутствовавшихъ при коронаціи императрицы, находилась тогда въ числѣ статсъ-дамъ. А прочіе?.. Уфъ! прочіе жили, женились, плодились и умирали, какъ милліоны подобныхъ.

Еще вопросъ, г. сочинитель: «кто была ос ѣхавшая за Саарамойзой въ колымагѣ и назвал Вольдемара по имени?»—Разумѣется, Катерина С

Digitized by Google

ронская! Она же посылала Новику, черезъ Мурзенку, богатый подарокъ, на которомъ вырѣзано было 5-е апрѣля — день ея рожденія и день, въ который слѣпецъ въ первый разъ предсказывалъ ея высокую участь.

КОНЕЦЪ ШЕСТОГО ТОМА

Digitized by Google

Digitized by Google

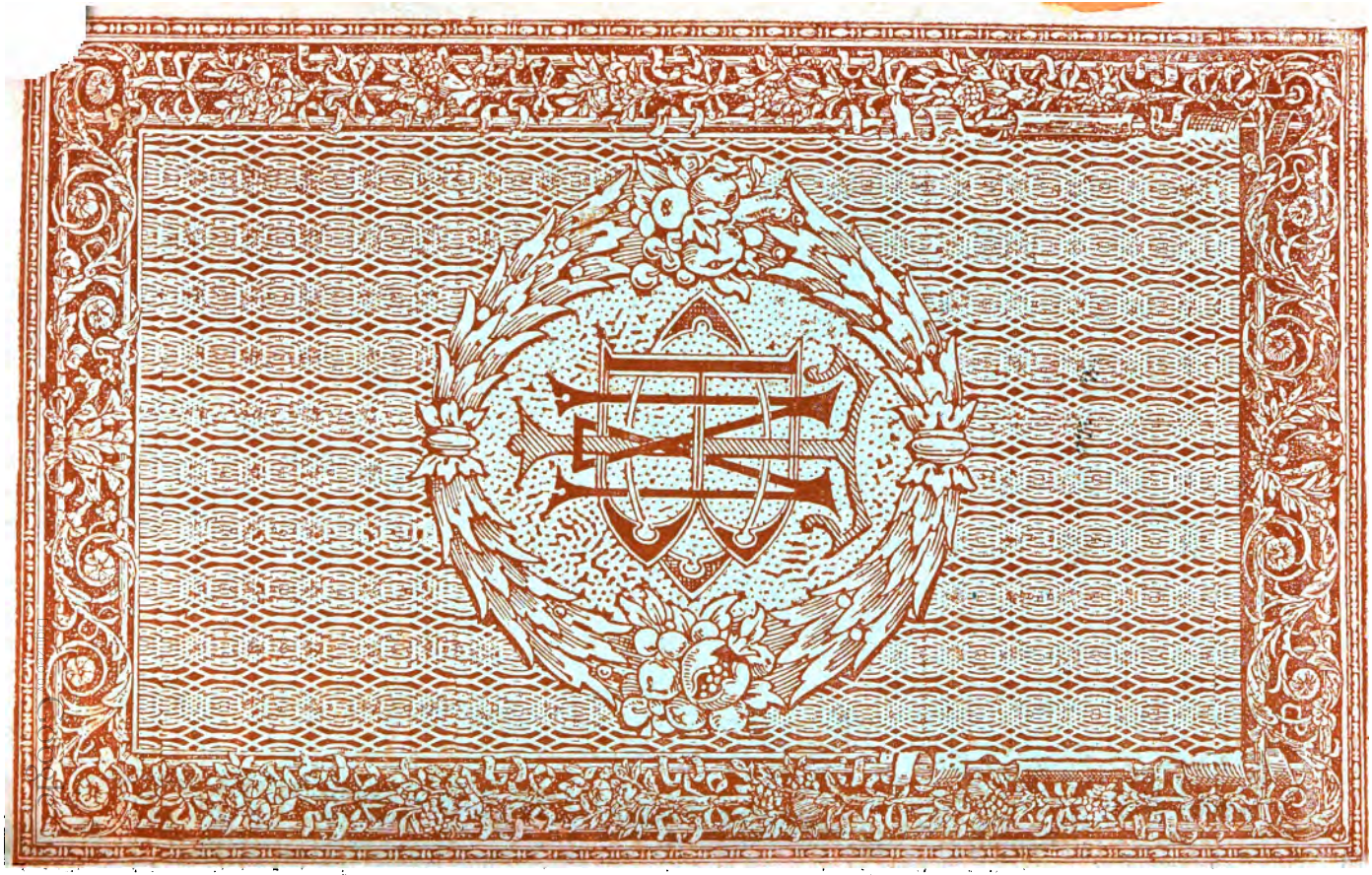
СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОГО ТОМА

стр.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ

Часть третья и четвертая . . . . . 1.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google